НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 14

Минск
«Харвест»

УДК 94 (476)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

На первой странице обложки – памятник князю Всеславу Брачиславичу в Полоцке (скульптор Александр Прохоров, 2007 г.)

На четвертой странице обложки – вид Полоцка в XII веке (реконструкция Виктора Стащенюка)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 14 / Составление, редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2014. – 320 с.

ISBN 978-985-18-3555-9

Материалы четырнадцатого выпуска дайджеста разделены на пять тематических разделов. Они посвящены проблемам национализма, историографии, а также различным вопросам давнего и недавнего прошлого Беларуси. Всего в выпуске 29 материалов и 86 иллюстраций.

ISBN 978-985-18-3555-9

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАЦИОНАЛИЗМ!

ЧАСТЬ 2. ПОЛЕ БОРЬБЫ — ИСТОРИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ 3. ВРЕМЯ БССР

ЧАСТЬ 4. СТАРИНА

ЧАСТЬ 5. К ЮБИЛЕЮ...

Часть I
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАЦИОНАЛИЗМ!

НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ?

Анатоль Тарас

В 2001 году в Минске, в серии однотомных отраслевых энциклопедий «Всемирная энциклопедия», вышел увесистый том (1312 страниц), посвященный философии. Это настоящий компендиум* отечественных модернистов (в предисловии они гордо назвали себя «тремя поколениями минской философской школы»).

Мыслители-модернисты, как следует уже из самого названия данного идейного направления, сознательно противопоставляют себя традициям. Они — убежденные сторонники глобальной цивилизации, устраняющей «смешное» и «глупое» разделение человечества на национальные квартиры. Они — воинствующие проповедники индивидуализма и беспредельной личной свободы, вплоть до крайних проявлений того и другого. Ведь модернисты убеждены в том, что «ментально развитая личность» имеет право «изменять мир по своему усмотрению, следуя личному впечатлению, внутренней идее или мистической грёзе».

Модернисты не придают серьезного значения расовым, этническим, конфессиональным, культурным, лингвистическим и прочим различиям между людьми. Они утверждают, что такие разделения безнадежно устарели, что людей надо делить по иным критериям, прежде всего — интеллектуальным.

А как же законы государств, истины религий, неписаные нормы человеческого общежития, обычаи и традиции конкретных народов, бесчисленные произведения искусства, созданные за последние три тысячи лет? Все это для модернистов — безнадежно устаревший хлам, наследие «домодерного» общества, основанного на религиозных и сословных «антинаучных догмах». Ведь они — космополиты и сторонники «научного способа мышления». Идеалом «светлого будущего» для них, фактически, является «глобальный человейник» (от названия книги Александра Зиновьева, опубликованной в 1997 году).

Понятно, что отношение модернистов к национализму самое отрицательное. Вот несколько цитат:

---

* Компендиум (лат. compendium — сокращение) — сжатое суммарное изложение основных положений какой-либо теории или науки.

«Суть национализма составляет проповедь собственной национальной выделенности и (или) исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим этническим общностям и (в крайних проявлениях) — отказом им в праве на существование».

«Идеология национализма постулирует приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет государственности перед любыми иными формами социальной самоорганизации этноса, приоритет мифологизируемого национального прошлого и желаемого будущего перед настоящим, приоритет «культурной» и «народной» самобытности перед установками «бескорневой» интеллигенции».

«Национализм абсолютизирует этническую замкнутость, ведущую к застою, упрощению и упадку данной национальной культуры»*.

А.Е. Тарас

Вот так-то! Модернисты вынесли приговор, который не подлежит ни пересмотру, ни обжалованию. И все бы прекрасно, только сама жизнь опровергает умствования модернистов.

Как известно, теория мультикультурного общества (широко известный проект модернистов, настойчиво внедрявшийся в странах Общего рынка) потерпела сокрушительный провал. На практике оказалось, что миллионные толпы азиатов и негров категорически не желают сливаться в единую семью с европейцами. Все, чего они хотят — жить за счет европейцев, притом не работая, агрессивно навязывая коренным жителям континента чуждые им нравы и вкусы, терроризируя уличной преступностью, без какой-либо ответственности за паразитическое существование, хулиганство, вандализм.

Что касается постсоветской России, то здесь, по характеристике того же А.А. Зиновьева, вынесенной им еще в начале 90-х годов, «народ обречен жить с чистой совестью, но с натурой преступника». Справедливость этого тезиса убедительно показал длительный припадок всеобщей истерии на бескрайних просторах этой страны, вызванный попыткой украинцев сорваться с московской цепи и жить своим умом.

***

Национализм возник как политический принцип в XIX веке при образовании национальных государств, а окончательно утвердился в XX столетии в процессе распада империй и отделения колоний от метрополии.

Этот тезис полностью справедлив в отношении бывшей Российской империи и её преемника — Советского Союза. Поэтому не приходится удивляться колоссальному росту национализма в бывших союзных республиках, на самом деле — колониях Московии, ныне ставших независимыми государствами. Но процесс деколонизации постсоветского пространства еще далек от своего завершения,

* Всемирная энциклопедия: Философия. Минск, 2001, с. 677.

нам еще предстоит увидеть распад Российской Федерации на составные части в виде бывших автономных республик, краев и областей.

Теперь перейду от общего к частному. Вот уже 23-й год мы живем в независимом суверенном государстве, которое называется Республика Беларусь. Факт государственной независимости очевиден и неоспорим. За эти два с лишним десятилетия наш народ многого добился во всех сферах хозяйственно-экономической жизни.

Но в сферах идеологии и культуры достижения беларусов выглядят очень скромно, чтобы не сказать хуже. Причина, на мой взгляд, заключается в том, что властные группировки (круги) нашей страны никак не могут решиться на радикальный шаг – заменить остатки интернационально-коммунистического бреда концепцией беларуского национализма.

В таком понимании «сути вещей» я далеко не оригинален. В соседнем государстве на востоке о необходимости скорейшего возведения национализма в ранг государственной доктрины пишут, говорят, можно даже сказать – кричат – уже сотни, если не тысячи авторов! Среди тех публикаций россиян, которые довелось прочитать, одна из самых интересных и убедительных – статья Андрея Пелипенко «Без национализма у нас нет будущего!» (далее она приведена полностью). Поставьте в ней вместо слов «Россия», «русские», «Кремль» другие – «Беларусь», «беларусы», «Минск», сами увидите, что получится.

И еще несколько слов о национализме. Некоторые люди заявляют, будто лозунг «Беларусь превыше всего!» (Беларусь перадусім!) – это калька лозунга нацистов. Такие заявления могут делать только невежды.

Во-первых, формулировка «Германия превыше всего!» появилась еще в 1842 году. Ее автор – Август фон Фаллерслебен, автор слов национального гимна Германии на музыку Йозефа Гайдна. Именно таким было название гимна Германской империи: «Deutschland, Deutschland uber alles» (Германия, Германия превыше всего!). При чем здесь нацисты?

Во-вторых, известный российский публицист, театральный критик и издатель Алексей Суворин в 1912 году опубликовал книгу своих статей под общим заголовком «Россия превыше всего!» Может быть, кто-то скажет, что и Суворин был нацистом?

***

К чему все эти рассуждения? А к тому, что модернисты явно поторопились с похоронами национализма. В политической жизни стран Западной Европы он действительно отошел на второй план, но в настоящее время стремительно возвращается на авансцену (достаточно вспомнить о движении националистов во Франции во главе с Мари Ле Пен).

А вот в странах же Восточной Европы (бывших «народно-демократических»), и особенно в бывших союзных республиках СССР (включая Российскую Федерацию), идеи национализма еще только начинают по-настоящему овладевать массами.

БЕЗ НАЦИОНАЛИЗМА У НАС НЕТ БУДУЩЕГО!

Андрей Пелипенко
доктор философских наук

Поставьте в этой статье вместо слов «Россия», «русские», «Кремль», «русский национализм» другие – «Беларусь», «белорусы», «Минск», «белорусский национализм», и сами увидите, что получится. (А. Тарас)

Размышления об исторических перспективах России наводят на грустные аналогии. Упадок империй всегда являет сходную симптоматику и неизменно приводит к одинаковому финалу. Уныло, тоскливо, до тошноты предсказуемо.

Но патриот, если он не имперский шовинист, а тот, кто неравнодушен к судьбе своей страны и желает сделать для неё что-то полезное – он тот же врач, который призван лечить больного, даже в случае, когда тот безнадёжен. Как бы ни менялась геополитическая конфигурация России в ближайшем историческом будущем, есть проблемы, от которых не уйти при любых таких изменениях, к которым, кстати, общество психологически уже почти готово.

Проблема будущего – это не проблема нефти и газа, и вообще не проблема экономики. Это проблема этнокультурной идентичности: того смыслового комплекса, который составляет основу существования общества. Убрать из него «этно», как очень хотелось бы интернационалистам, пробовали: не получается. И не получится: ибо культура, как наличная форма человеческого бытия, не бывает ничья. Она всегда связана с конкретным народом: его ментальностью, традициями, историей. Диалог культур – это не симфония «общечеловеческих ценностей», которых никогда не существовало, а взаимодействие специфичностей. Иногда гармоничное, чаще – конфликтное, и это совершенно нормально.

Леваки, социалисты, интернационалисты и всех мастей политкорректные идиоты стремятся всеми силами размыть, нивелировать, отменить, растворить, уничтожить комплекс этно-культурной идентичности и тем самым подрубить основы существования своих цивилизаций. В России подобный «проект» исполняет постимперская власть, в парадоксальном союзе с доморощенными талейранами намеренно заселяющая страну азиатскими варварами*. Слово «варвар» здесь – не ругательство, а скорее, научный термин.

Из этой ситуации надо срочно искать выход, пока пожар погромов – этого народного «выхода» – не разгорелся по всей стране или мы, однажды проснувшись утром, не обнаружили, что стали в своей стране иностранцами.

Выход, на мой взгляд, в разработке и утверждении концепции РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА. У отечественной интеллигенции это выражение почему-то

---

* Шарль Талейран (1754–1838) – министр иностранных дел Франции в 1797–1807 и 1814–1815 гг. Усердно служил самым разным режимам: Директории, Консульству, императору Наполеону I, императору Людовику XVIII. Поэтому его фамилия стала символом политической беспринципности и продажности. – *Ред.*

вызывает злобно-истерическую реакцию. Вот шведский национализм почему-то имеет право быть. Как и польский, итальянский, даже немецкий! И более того, страшно вымолвить – еврейский! Но русский – ни-ни! Русский национализм – это суть нацизм, чёрная сотня, охотнорядцы, бесноватый бородач в смазных сапогах с кистенём и проч., и проч. Не пора ли, наконец, прекратить всё это кликушество и на трезвую голову признать очевидное:

– национализм – закономерное и необходимое условие формирования буржуазной нации;

– только буржуазная нация способна, в свою очередь, построить национальное государство – единственную положительную альтернативу разваливающейся империи;

– буржуазный национализм есть форма осознания обществом своих национальных (а не имперских!) интересов;

– русский народ, как и всякий другой, имеет полное и неотъемлемое право на реализацию своих национальных интересов.

Осознание последних требует:

– отказа от имперской мифо-идеологии и от имперских политических практик;

– цивилизованный «развод» с носителями нерелевантных этнокультурных традиций. Прежде всего, Северного Кавказа и Средней Азии. Речь не идёт о том, кто лучшее или правильнее: такая постановка вопроса и есть нацизм. Но мы – разные! Несовместимо разные. Это «медицинский факт» и его достаточно для «развода»;

– выработка национальной идеологии, основанной на решительном преодолении ДИКТАТУРЫ ЛИЦЕМЕРИЯ – толерантно-политкорректного мировоззрения, на основе которого осуществляется капитуляция европейской (в широком понимании) цивилизации перед лицом новых варваров.

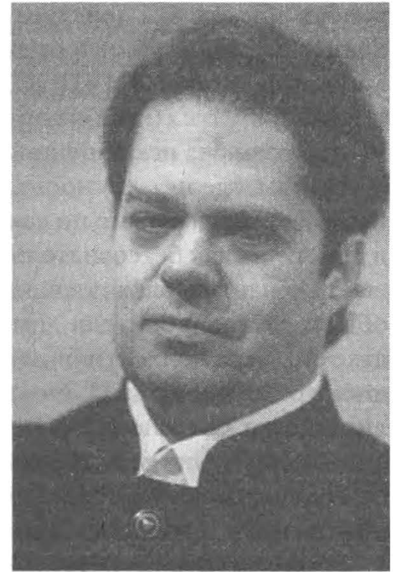
Пока противодействие этой подлой, насквозь лживой и демагогической идеологии идёт лишь с правоконсервативных позиций, которые сами по себе слишком слабы, неубедительны и архаичны. Нужны новые идеи, но прежде всего психологическая готовность не опускать стыдливо глаза в ответ на демагогические обвинения в расизме, фашизме, колониализме и прочих смертных грехах. Сорвать, наконец, гитлеровские усики со слова «национализм».

Вообще, корень проблемы в том, что послевоенное осуждение нацизма зашло слишком далеко и с грязной водой нацизма был выплеснут и ребёнок – здоровое и разумное националистическое начало. Путь к гражданскому обществу лежит через буржуазный национализм, и обходных путей не предусмотрено. Для Запада на повестке дня стоит вопрос о его реабилитации, для России – в его формировании на обломках постимперского ландшафта. Это не вопрос идеологии или интеллектуальных предпочтений: это вопрос выживания белой цивилизации. Надеюсь, само выражение «белая цивилизация» не станет поводом для обвинений в расизме.

***

Решение названного вопроса имеет два главных аспекта: идейно-мировоззренческий и практический.

В мировоззренческом аспекте, следует прежде, отбросив нагромождения словесного мусора, всегда чётко и ясно артикулировать главную проблему: выживание и исторические перспективы белой цивилизации. По отношению к этому вопросу и пройдёт водораздел между её патриотами (в первоначальном смысле этого слова) и её могильщиками.



А.А. Пелипенко

При этом никакой общей повестки и никаких общих ценностей с «могильщиками» быть не может. Ключевые принципы в диалоге с ними: называть вещи своими именами, долой политкорректность, последовательная нетерпимость к лицемерию, неприятие двойных и тройных стандартов. В противостоянии с леволиберальной демагогией необходимо перейти от стыдливой обороны к наступлению и первым делом нанести удар по «священным коровам» — ключевым демагогемам.

Первая – концепция абстрактных «прав человека». Речь не идёт о том, чтобы делить людей по расовому или национальному признаку, но о том, чтобы перестать игнорировать их естественное разделение на людей цивилизации и варваров. У человека цивилизации и варвара не может быть одинаковых прав! Неужели не видно, к чему приводит наделение охлоса правами демоса?! Впрочем, оптика «политкорректных» настолько своеобразна, что апелляция к зрению здесь неуместна.

Итак, ***первый неполиткорректный принцип:*** С ВАРВАРОМ – ПО-ВАРВАРСКИ! И никакой терпимости, никакой толерантности, если хотим выжить. Разным людям – разные права! А критерий – тип ментальной конституции и соответствующий культурно-цивилизационный статус. Не стану сейчас, в этой связи, разъяснять разницу между цивилизованным человеком и варваром: научный разговор на эту тему слишком долог и специфичен, а на обыденном уровне, для тех, кто имеет глаза, разница и так очевидна.

Главное, не поддаваться на попытку подменить разговор о противостоянии варвару малохольной болтовнёй о том, какие они бедные-несчастные, затурканные-затравленные и как мы все перед ними виноваты и что только бесконечной благотворительностью можем не то, чтобы смыть, но лишь немного загладить свою перед ними вину. Хватит!

В России вопрос осложняется тем, что идеологема прав человека служит оружием в борьбе с имперским деспотизмом и репрессивной машиной режима. То, что на Западе давно отцвело и сгнило, здесь ещё не дало даже заметных всходов. Стало быть, саму концепцию прав человека отбрасывать нельзя. Необходимо лишь её переосмыслить, что требует отдельного разговора.

Рядом с абстракцией прав человека пасётся ***другая священная корова:*** идея недопустимости коллективной ответственности. В основе этого исключительно вредного заблуждения – неспособность абстрактного либерального гуманизма

видеть другого как действительно ДРУГОГО, а не проекцию самого себя. Политкорректный идиот или лицемер отказывается видеть в любом субъекте что-либо иное, кроме ЛИЧНОСТИ. Личностные качества и, соответственно, личностный статус со всеми присущими ему правами и свободами априорно вменяется всем без исключения.

Но там, где нет личности, не может быть и персональной ответственности. Если субъект, неважно по каким причинам увиливает от персонального выбора и действует как бессознательный агент коллективной воли, то тем самым он лишает себя права рассматриваться как субъект персональной ответственности. В общем случае, носители доморального сознания могут выступать лишь в качестве субъекта коллективной ответственности. Это не фашизм, не нацизм и прочие страшные «измы»! Это просто здравый смысл. Ведь варвар не может быть личностью. Он – по природе своей существо коллективное, а разнузданный индивидуализм – не есть проявление личностного начала. Если диаспора укрывает своих членов от персональной юридической ответственности, то, стало быть, она целиком и должна нести за него ответственность.

Третья священная корова – миф общечеловеческих ценностей. Опровергать миф рациональными аргументами и доказывать, что у цивилизованного человека – одни ценности, а у варвара – другие – бесполезно. Согласно мифу, поскольку люди по природе своей одинаковы, то, стало быть, одинаковы и их ценности. Все люди стремятся к свободе, демократия – высшая и последняя форма социально-политических отношений, пригодная везде и всегда, и т.д. и т.п. И сколь бы очевидный опыт ни показывал обратное, индуцированные мифом будут, игнорируя реальность, с шизофреническим упорством его повторять.

Задача не в том, чтобы их переубедить: это невозможно. Но в контексте дискуссии необходимо ясно сформулировать альтернативную позицию. Где нет демоса, там не может быть демократии. Где нет ответственных, самостоятельно мыслящих граждан, там не может быть всеобщего избирательного права. С каждым культурно-историческим субъектом следует говорить не на языке абстрактно-гуманистических (читай, либеральных) ценностей, а на его собственном и единственно понятном ему языке. Если субъект понимает лишь язык насилия, значит, на нём с ним и следует разговаривать. Если субъект желает жить при деспотическом антидемократическом режиме, то нельзя отнимать у него это право.

А вот паразитировать при этом на ресурсах демократических стран позволять нельзя. В связи с этим необходимо разрушить одно из главных табу абстрактно-гуманистического мировоззрения: неприятие любого насилия. Применение этого табу в политкорректном дискурсе – едва ли не самое яркое свидетельство фантастического, зашкаливающего лицемерия. Варварам: террористам, паразитам, погромщикам и т.п. – позволено всё. На них запрет на насилие не распространяется. Они как бы в своём праве: что ж, на то они и варвары! Зато на тех, кто имеет наглость давать отпор, обрушивается шквал осуждения. Эта мерзость сегодня зашла так далеко, что пора уже дать на неё надлежащий ответ.

***

Вообще, проблема кризиса либерально-гуманистического дискурса имеет глубокие корни. Все общества и истории, так или иначе, решали проблему гармо-

низации социального и индивидуального начал. И везде, кроме цивилизации Запада, этот вопрос решался в пользу социума, т.е. индивидуальное начало подчинялось социальному, хотя и не могло никогда в нём полностью раствориться. Сейчас, впервые в истории, наблюдается системный кризис антропоцентрической цивилизации Запада, цивилизации, ориентированной на свободную, самоактивную личность. Современность то и дело порождает проблемы, принципиально неразрешимые в рамках сложившегося дискурса: этического, политического, антологического.

Историческая диалектика неумолима: носитель ренессансного духа на сегодняшний день деградировал до тупого, пресыщенного потребителя, духовно ничтожного, но преисполненного чувства собственной значимости. Есть ли выход? Может ли состояться вторая редакция проекта Модернити? От ответа на этот вопрос зависит историческая судьба Запада.

Что же касается России, то здесь главный вопрос связан с бесконечным увиливанием от ясного цивилизационного выбора: Европа или Азия? Это, в свою очередь, обусловлено неизбывным культурным расколом российского общества на европейскую и азиатскую части. Сейчас, когда у носителей этих двух общностей уже, по сути, не осталось общих культурных кодов, тянуть больше нельзя. Пора определяться. И делать это надо быстро, пока путинский режим не навязал нам в сограждане критическое количество варваров.

И поскольку ждать понимания и адекватных действий от Кремля не приходится, следует начинать действовать самостоятельно. Прежде всего, необходима широкая общественная дискуссия о пакете законов о ЗАЩИТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Вопрос этот должен быть поставлен ясно и недвусмысленно. И обсуждаться он должен вне навязанных рамок псевдогуманистического дискурса.

За обсуждением должна последовать самоорганизация носителей цивилизованного национального самосознания для принятия необходимых мер по названной защите этно-культурной идентичности без оглядки на позицию Кремля. Если, защищая этно-культурную идентичность, удастся активизировать буржуазное национальное самосознание, то тем самым российское общественное сознание войдёт, наконец, в тот самый проект Модерн, из которого сегодня «выпал» послевоенный Запад. Но повторять в точности его путь нам совершенно не обязательно.

Всё это, разумеется, весьма общие наброски возможного будущего, но и они всё же лучше, чем звенящая пустота исторического небытия...

Коротко об авторе

Андрей Анатольевич Пелипенко (1960 г.р.) — главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор Государственного университета гуманитарных наук. Имеет ученые степени доктора философских наук и кандидата искусствоведения.

Автор четырех книг: «Культура как система» (1997), «Дуалистическая революция и смыслогенез в истории» (2007), «Искусство в зеркале культурологии» (2009), «Постижение культуры» (2012) и более чем 100 статей.

Кроме того, А.А. Пелипенко — известный художник-живописец. Его картины находятся в частных коллекциях и музеях ряда стран мира.

А КТО ТАМ И ГДЕ?

Станислав Карпов

Примерно год тому назад у меня произошла небольшая дискуссия с Юрием Зиссером на тему национализма*. Дидактического характера: что такое хорошо и что такое плохо. Важность этого разговора для меня была в том, что к моменту нашей встречи я уже и забыл, что базовые понятия, которые якобы не требуют обсуждения, тоже следует уметь доказывать или, по крайней мере, связно излагать.

Зиссер, помню, сильно удивил меня ответом на вопросы читателей «Нашей Нивы», сказав, что следует заменить герб «Погоня» в интересах брендинга, ибо у Летувы такой же, а это не «комильфо»**.

Помню, я еще подумал, что он, наверно, не стал бы менять свою маму на какую-нибудь другую в том случае, если бы у нее нашелся двойник. Подумал, но промолчал. А после, знаете, то да это. Удивлялся некоторым его поступкам и тем, что он выступал «от имени белорусского общества» и здесь и там. Ходил на встречу с тем, кого назвал «лидером нации», и радовался мудрости небольших порций кофе на приеме, хорошим уборным, махровым полотенцам.

Про Майдан говорил, что там всех, условно говоря, обманули.

А вот недавно о чествовании памяти Жизневского в Куропатах он сказал, что «оплакивают бомжа» и что «БТ отдыхает»***.

Будем справедливы. Через несколько часов он уточнил, что мысль сформулировал некорректно, а корректно будет так: убитого ему жалко, но икону из него /убитого/ делать не следует. Не уверен, что «уточненная» мысль имеет связь с предыдущей, но вот какая штука, я, например, тоже думаю, что икону делать не следует. Впрочем, подумав так, я сразу решил: ну и заткнусь. Помолчу. Пусть те люди, кому это важно, почтят его память. Если надо — пусть в Куропатах. Я далек от заявлений такого рода, что чествование памяти убитого парня может как-то унизить куропатские кресты.

Простите мне это персонализированное вступление издалека, но смысл в нем вот какой. Национализм, в котором некоторые видят угрозу, — это то чувство «неравнодушия и заинтересованности», которое, будучи неотъемлемым свойством гражданина, дает ему право высказываться, так как вообще высказываться следует только по таким вопросам, которые тебе небезразличны.

Думается, что те, кто демонизируют националистов, просто охраняют свое стремление реализовывать «сферические права идеально упругого космополита в вакууме». В отрыве от контекста. Снести памятник архитектуры, чтобы обес-

---

С. Карпов родился в Минске в 1983 г. Закончил филологический факультет БГУ. Веб-дизайнер, публицист, поэт.

* Юрий Зиссер (1960 г.р.) — основатель и совладелец крупнейшего в Беларуси Интернет-ресурса Tut.by. — *Ред.*

** Выражение «комильфо» (comme il faut) — дословно переводится с французского «как надо» или «так, как следует». В переносном смысле означает «приличный», «благопристойный». — *Ред.*

*** Беларус Михаил Жизневский погиб на баррикадах в Киеве в январе 2014 г. — *Ред.*

печить удобный подвоз жратвы в сельпо, – вот в чем метафорическая суть позиции неэмоционального прагматика. Все эти БАМы, пятилетки, новые поколения «рабочих людей», интернационал, «отречемся от старого мира», классовое искусство и один язык на всех: всё оттуда. Оттуда, где нет места национализму. Где одна прагматика.

С. Карпов

Молись же, старушка, Богу, чтобы меня никогда не было!

А про национализм этот жуткий я слышу всякое лет с десяти. Кто такой беларуский националист? В чем его страшный вред и почему так от этого национализма оберегают? Все мы, националисты, сталкивались с «не дай бог, трымтым-тым, “они” придут к власти».

Вот как. Не дай бог...

– А кто эти «они»? И что страшного случится?

– Да вы же и сами понимаете, что вы здесь разводите демагогию.

Белорусский националист – объект договоренности. Когда его обсуждают два «ненационалиста», то их консенсус в том, что националист – это всё то, что в состоянии родить их коллективная фантазия. Определять националиста по пунктам не надо. Он – наш бабай.

Белорусские националисты сотрудничают (как все знают) с фашистами, а по сути таковыми и являются, они (мы все помним) вывозили босых русскоязычных женщин с малыми детьми в морозы к российской границе. Они (не сомневаемся) готовы поднять еврейский вопрос и (сами знаете как) решить. А еще «национализм – последнее прибежище негодяя»*. Вот как! Правда, Джонсон говорил конкретно о практике отправки английских заключенных служить в королевском флоте – то есть о практике записывания всякого человеческого мусора в опору государства, а в оригинале и вовсе говорил не о национализме, а про патриотизм. Ну и что с того? Звучит ёмко.

Националист — одна штука, патриот — три штуки

На первый взгляд, что плохого в том, чтобы каким-то словом обозначать условного шизика «от нации»? Да ничего. Вопрос в том, какая у него альтернатива. Допустим, шизик – это отклонение. Тогда как назвать нормального? В Беларуси он называется патриотом.

– Вы кто?

– Я – патриот.

– А кто такой патриот?

* Англичанин Сэмюэл Джонсон произнес эти слова почти 240 лет назад, 7 апреля 1775 г. – *Ред.*

– Тот, кто любит родину!

– А тогда кто такой националист?

– Да вы же и сами понимаете, что вы здесь разводите демагогию.

Проблема в том, что патриотами у нас называются все остальные, кто не «националисты». Патриотами считают себя все люди, которые связывают свое будущее с Беларусью, и даже часть тех, кто не связывает. У нас вся страна в говне, и все, куда ни плюнь, патриоты и «свободно дышат».

Патриотов у нас по типажам – штуки три.

Во-первых, белорусскими патриотами неизменно называют себя люди, которые поддерживают то, что называется у нас «курсом президента». Но поскольку президент меняет курс на зависть метроному и при этом не теряет их любви, есть мнение, что «patre» /латин. «отец»/ такие патриоты воспринимают достаточно буквально. Особенностью белорусского patre-йота являтся то, что он почти обязательно не знает ни белорусской «мовы», ни белорусского прошлого, зато очень точно представляет себе белорусское будущее.

Второй тип – люди, которые «курс президента», наоборот, не разделяют и видят свою полезность для Беларуси именно в том, чтобы не любить Лукашенко. Их любовь к родине проявляется в первую очередь в том, что они имеют определенную политическую позицию. Обычно это стремление к евроинтеграции, которая не рассматривается ими в плане целесообразности для страны, ибо себя они видят в перспективе гражданами Европы, а не Беларуси. То есть Беларусь – то, о чем им приходится думать, а не то, о чем им думать хочется. К белорусской истории они обычно относятся снисходительно, ведь «нас все равно ждет общий европейский светлый дом», «мову» знают слабовато или не знают совсем, но гордятся тем, что уважают чужое право на ней разговаривать.

Ну, и третья группа – люди, которые «здесь живут» и «любят». Им нравится природа, у них есть любимый футбольный клуб, здесь их друзья, близкие, дом и работа. Их гражданская активность может быть равной нулю, но кто мы такие, чтобы называть их непатриотами?

Диагноз, patre!

Таким образом, очевидно, что для белорусского патриота необязательно знание белорусского языка, культуры и истории. Кроме того, не является необходимым и наличие какой-то политической позиции. Иначе говоря, патриот может быть полностью русскоязычным жителем Беларуси с нулевыми знаниями о культурной компоненте страны и с нулевой же позицией по самым важным политическим вопросам жизни этой страны.

Националиста таким представить вряд ли возможно. Значит, единственное, что мы можем точно утверждать о националисте, – это то, что он – человек, в жизни которого существенными компонентами являются белорусский язык, культура, история и политика, и эти компоненты он готов беречь и защищать.

Слава нации и форель!

Вот все приводят в пример те нации, граждане которых умеют друг другу помогать дома и на чужбине. Евреи, армяне, китайцы и т.д. Они друг друга тянут-потянут, да и вытащат. Завидное качество. А белорусы якобы такого свойства не

имеют. У нас, как принято считать, хаты с краю, чарка и шкварка и «лишь бы не было войны».

Большая проблема такого обобщения в том, что оно выводится не на базе представителей нации, а на базе людей, которые живут рядом с ними. Это то же самое, что изучать кита, исследуя не самого кита, а, скажем, усоногого рачка — на том основании, что рачок всю жизнь проводит рядом с китом и питается за его счет. Человек, который идет на митинг, чтобы защитить свое знамя, который точно знает, что его будут бить и что он не может победить, — где, как вы думаете, его хата относительно края?

Белорусы, которые говорят по-белорусски, например, в значительной степени склонны к взаимопомощи. Они внутри нашей большой страны представляют собой небольшой, но объединенный народ. Мне гаишники, знаете ли, за последние пару лет штрафов простили уже баксов на двести. Просто потому, что мой белорусскоязычный маркер показывал им, что я «свой». Именно поэтому наш патриотический «усоногий рачок», который к ближнему относится исключительно как к набору белков, презрительно называет белорусскоязычного «националистом» — в смысле «фашист» — просто услышав его на улице. Патриот считает, что в этом уже и состав преступления, и приговор. Ну, что здесь сказать. Белорусы (белорусскоязычные и часть русскоязычных) — действительно националисты. Но это не диагноз. Это ценность. Это — наша последняя надежда.

Вопрос простой: кто для нашей страны более ценен? Наш условный патриот, которому у нас повсюду дорога, или наш условный националист, приходом которого к власти принято пугать?

Понятно, что с точки зрения законодательства голоса обоих этих условных людей тождественны. Они в нашем социалистическом мире имеют одинаковые права. И тот, которого «эта ваша паліціка не інцірысует», и тот, кто точно знает, куда и как должна двигаться его страна. Закон не беспокоится по поводу вашего внутреннего мира. Закон беспокоится о факте наличия у вас паспорта. Приехал в Беларусь, получил паспорт — и ты уже белорусский патриот. Например, из числа тех патриотов, которые просто «за ўласць». Поэтому я вам расскажу вот что.

5 декабря /2013 г. — *Ред.*/, дорогие читатели, в Израиле был митинг. Там нелегальные эмигранты из Эритреи (у которых самое положительное, согласно анекдоту, — анализ на ВИЧ), а также из Судана, в количестве аж 15 тысяч организмов, устроили — что бы вы думали — забастовку!

А хотели нелегалы (я цитирую) «трех простых вещей». Как сказал самый активный черный активист с лицом, искаженным от гнева: «перестать относиться к нелегалам как к преступникам», выпустить задержанных нелегалов из тюрьмы и дать им статус беженцев. Вот как! Виновные в преступлении, а именно в нелегальном пересечении границы со стороны Египта, требуют не считать их преступниками, а оплатить их проживание и дать им, в ближайшей перспективе, равные права с евреями.

Штука в том, что, понемногу заселив южный Тель-Авив, они сделали это место опасным. Сексуальное насилие стало там делом обычным. И бедные евреи вынуждены были даже построить стену вдоль границы, чтобы защититься от людей, которые, возможно, через определенный срок станут израильскими патриотами. Правда, есть одно обстоятельство. Как сказал мне один мой знакомый

из Израиля: «Здесь не негры, здесь афро-африканцы, а вот для всех белых есть одно название во всех африканских языках – музунгу, примерно аналогичное слову "жид" в русском языке для евреев». Как белорусские patre-йоты называют нас «националистами», «фашистами», «пятой колонной» и т.д., так и черные неофиты будут называть настоящих граждан Израиля «музунгу», будут радоваться своим равным правам с ними.

На заметку хозяйке: если вы хотите увидеть такого человека в Беларуси – поищите среди военнослужащих на пенсии, которых у нас дофига. С паспортами и с лаконичными мыслями в головах. Я во время наблюдения на выборах видел одного такого, который учинил на избирательном участке дебош, так как в списке кандидатов в президенты «на нашей русской земле» он не нашел Путина!

Не кажется ли вам, что если бы мигранты из Эритреи любили свою страну больше, чем они хотят насиловать израильских женщин, то они бы занимались прежде всего возрождением собственного отечества, а не доведением до ручки чужого? Если бы они были националистами своей страны, а не фашистами от своей расы, разве не остались бы они дома, созидая свои собственные кибуцы, подобно евреям, создавшим оазис посреди пустыни, вероятно не для того, чтобы потом защищаться от «патриотов Судана», стремящихся стать «патриотами Израиля»?

Так вот, я, утверждая, что евреи – националисты, задаю вопрос: что еврейским националистам делать с будущими черными израильскими патриотами, которые уже теперь жаждут признания их прав на насилие, на паразитический образ жизни и считают себя гражданами по факту пересечения границы? Ответ в том, что эритрейские бандиты никогда не станут гражданами Израиля, ибо евреи выпрут их железной метлой туда, откуда они приехали, так как в национальной стране, которой управляют националисты, национальные интересы совпадают с интересами индивидуальными.

Простая справедливость

Мне, допустим, ясно, что белорусский патриот, лениво верящий в то, что его пофигизм – это и есть «белорусская толерантность» (запатентованная гомо советикусом), не в состоянии осмыслить национальные интересы моей страны: ему не хочется это обдумывать.

Патриот-евроинтегратор с лампочкой слабо осознанных «европейских ценностей» над макушкой – будет ли он полезен для моей страны, когда эта казуистическая власть кончится? Я, например, не хочу европейских ценностей в виде признания права негра называть меня «музунгу» и селиться обособленными гетто, где на улицах будут убивать жертвенных бычков.

Я хочу комфорта и справедливости в моей стране на базе договоренности прежде всего между националистами. Да, националистами. Я хочу взвешенного диалога: что нам подходит, а что – нет.

Некоторым людям, слава Богу, понятно, что Беларусь – не чистый лист бумаги. Нам не надо «отрекаться от старого мира». И если мы отстали от Европы, то давайте догонять ее напрямик, а не ходить по ее следам, попадая во все те ловушки, где она побывала.

Когда встанет вопрос языка, я не хотел бы слышать завывания приезжих из «эритреи», что я нарушаю права человека, о которых они сами узнали только вчера. Хочешь говорить по-эритрейски – не уезжай из своей засраной Эритреи. Меня не волнует его «человеческое право» учиться на эритрейском языке. У него должно быть право жить по своим правилам у себя дома и по моим – в моём. Этих прав, по-моему, достаточно.

Про архитектуру пусть рассуждают люди, готовые, условно говоря, удавиться за каждый кирпич древнего здания. Такие люди точно не будут ставить на наши православные храмы безобразные восточные луковицы.

Предложить отказаться от «Погони», я думаю, мимеет право лишь тот, кто готов драться за какой-то другой герб, а не тот, кто снисходительно рассуждает об интернациональном брендинге и личной эстетической парадигме. Это справедливо, как мне кажется.

Кто нам поможет?

Поскольку для патриота, в отличие от националиста, понятие нации размыто, для него нет и национального интереса, так как осознание последнего – большой шаг к национализму. Кстати, про определения национализма. Мне нравится такое:

> «Направление политики, главным принципом которого является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в процессе создания государственности. Как политическое движение национализм стремится к отстаиванию интересов определенного национального сообщества в отношениях с государственной властью».

В спорах я часто слышу упрек в том, что националист воспринимает национальное сообщество как белорусскоязычное. Это не так. Психически здоровый националист воспринимает национальное сообщество как сообщество сознательных белорусов, но в этом сообществе видит важным наличие белорусского языкового компонента.

А важность какого еще, пардон, языкового компонента он должен постулировать? Удмуртского? Эритрейского? Русского? Если не белорусский националист поставит белорусскую языковую проблему, то кто это сделает? Русский националист? Финский? Датский?

Те, кто выступают против белорусского национализма, выступают против единственной силы, которая гарантированно стремится к культивации национального компонента внутри белорусской нации. Если это признается порочным, то хотелось бы услышать – что конкретно? Порочен язык? Литература? История?

Давайте представим, что все белорусские националисты исчезли. Все до одного. Что останется от этой страны? На базе чего будет функционировать государство? Какой интерес будет признан национальным?

Органичная настороженность человека к чужой культуре без осознания границ своей приведет к неприятию любого чужого на индивидуальном уровне. Не потому, что «чужой» нарушает наши устои, а потому, что он не похож лично на меня.

Думай о своем

Для белорусских националистов не имеют значения цвет кожи, разрез глаз и национальность белоруса. Среди нас есть представители разных рас и стран. Белорусскую культуру создавало множество людей, от Змитрака Бядули до Такинданга. Для белорусского националиста целью является защита и распространение белорусского, и если какой-то, скажем, китаец в Беларуси выкажет желание изучить, например, белорусский язык — он станет объектом одобрения. Белорусские же патриоты из славянского союза, которые ползают с православными хоругвями и имперскими знаменами — вот кому мешают «хачи», «черные», «жиды» и остальные «нерусские» просто самим фактом своего существования. Они хотят видеть Беларусь в составе великой империи, которая в перспективе, безусловно, покажет миру все ту же «mother of Kuzka».

Мне ни разу не пришла в голову мысль противопоставить белорусскую нацию какой-то другой. Показать ее исключительность и привилегированность, а именно это приписывают националистам все, кто ощущает в отношении их какой-то непонятный дискомфорт. Так почему же я, националист, так мало думаю о других нациях? Что же я за страшный белорусский националист, вина которого в том, что он думает о своем, а на остальных ему, честно говоря, плевать?

Настоящий белорус — это не кровь, а база знаний и ценностей. Наша пока что небольшая белорусская нация, растворенная в большом белорусском населении, количественно меньше литовской, и даже эстонской. Но у нашей нации значительно больше возможностей для экспансии. У нее под боком миллионы патриотов, которые не имеют ценностей, ибо им не хватает знания и примера. Им не хватает нас.

***

Вот, дорогие мои. Я бы хотел дожить до того момента, когда мне никогда-никогда-никогда-никогда-никогда не придется обсуждать белорусов. Ни их «жалкий язык», ни их «украденную историю», ни их перспективы как нации.

Я бы хотел дожить до момента, когда я не буду обращать внимание на то, что тарахтит психически больной посол, или не очень разумный блоггер, или толстый футбольный комментатор.

Хочу выезжать за границу не как лазутчик, и ходить по своему городу не как партизан.

Хочу дожить до того момента, когда, услышав «наши играют», я точно буду знать, что это про белорусов.

Хочу много маленьких выносных кофеен вдоль улиц. Чтобы кофейни были как в Вильне, а ширина улиц — как в Минске. Хочу саксофонистов в переходах и газет на ступенях магазинов. И, если это все сбудется, хочу знать, что я имел к этому причастность.

Хочу опять увидеть концерт «Нового Неба» на ступенях Оперы, и чтобы держать своего сына у себя на плечах, как когда-то мой отец — меня.

Хочу слышать, как дети называют своих отцов «татамі».

Хочу, чтобы деревенские бабули не стыдились самих себя и не исчезали. Хочу, чтобы все им говорили, какие они чудесные, и просили их долго-долго оставаться с нами...

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ НАЦИОНАЛЬНАЯ СВОБОДА?

Петр Мурзёнок
редактор интернет-журнала «Сакавік»

Национальная элита

Сегодня Беларусь – независимая, суверенная страна и в этом смысле формально она национально свободна. Противоречия возникают при сравнении определений национальной свободы, как это понимают представители национальной элиты, с той формальной национальной свободой, которая существует и укрепляется сейчас в русскоязычном гражданском государстве Республика Беларусь.

По мнению разных авторов, в стране существуют два белорусских этноса (аборигенов-этнонационалистов и «креолов»; Рябчук, 2005), две культуры (культура-1, культура-2; Остапенко, см. Сборник, 2013), две ориентации («гордые белорусы» или «националисты», и «разочарованные белорусы» или «космополиты»; Манаев, Дракохруст, 2012), два варианта идентичности (национальная и постсоветско-западнорусская; Радик, 2012), две группы людей (сьвядомые и несьвядомые; Воронов, 2013).

Г. Тумилович (2013), рассматривая проблему белорусской идентичности отметила, что под влиянием личности руководителя государства ощущение «коллективного одиночества и определяет во многом ту форму, в которой развивается сегодня национальное белорусское сознание».

Представляется, что подобные определения существующих реалий достаточно точно отражают ситуацию. Страна условно разделена на две части: одна часть, идеи которой разделяют до 25–30 % населения, идет за национальной элитой (В. Вилейта, 2005); другую же часть, значительно большую, представляют сторонники нынешнего руководства государства*. Обе эти части имеют свою идеологию, использующую разную историческую и культурную базу.

Национальная элита опирается на долговременную историческую память (Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское, становление белорусской нации в конце XIX – начале XX века, белорусизация 1920–1930-х и 1990-х гг.). А современное руководство для обеспечения своего преобладающего влияния в массовом сознании пользуется краткосрочной исторической памятью (коллективизация и индустриализация советских времен, Великая отечественная война, трудности послевоенного периода, «холодная война» с Западом).

Очевидно, что просоветская часть, которая сейчас находится во власти, разными путями пытается унизить представителей национальной элиты, которых она видит своими конкурентами и врагами.

Сокращенный вариант статьи «Нация и свобода», опубликованной в интернет-журнале «Сакавік».

* На мой взгляд, данные Вилейты сильно устарели. Ныне численность сознательных сторонников национально-патриотических взглядов в Беларуси не превышает 5–10 % от всей массы населения. – *Ред.*Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Автор, исходя из существующих реалий, высказал мнение, что в перспективе все же возможно строительство национального белорусского государства (Мурзёнок, 2013).

В этой связи дальнейшее разделение на «наших» и «не наших» не способствует укреплению национальной свободы Беларуси. Несмотря на постоянное давление со стороны власти на представителей национальной элиты, именно деятельность национальной элиты является одним из главных положительных факторов, способствующих приближению истинной национальной свободы, ибо эта элита является носителем исторической и культурной правды о белорусской нации.

Национализм и современное строительство наций

Рождение новых национальных государств в конце XIX – начале XX века в Европе стало возможным благодаря как национальным силам, стремившимся к свободе, так и благоприятным историческим условиям (развал Германской, Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской империй в результате Первой мировой войны).

Считается, что нациотворение в постмодерный период невозможно. Сегодня национализм на Западе воспринимают только в отрицательном смысле, как проявления ксенофобии, национал-фашизма и т.д. Фактически страны Запада боятся национализма и патриотизма, несмотря на то что сами пережили эпоху становления наций.

Однако западные мерки не всегда подходят к современным новообразованным государствам. Яркий тому пример – возникновение национальных государств на развалинах бывшей Югославии и СССР, что мы видим сегодня. Национализм, направленный на создание нации, есть явление позитивное (при условии уважения прав и свобод не только коренной нации, но и национальных меньшинств). Трудно представить себе мир в ближайшие 50–100 лет без государств и наций.

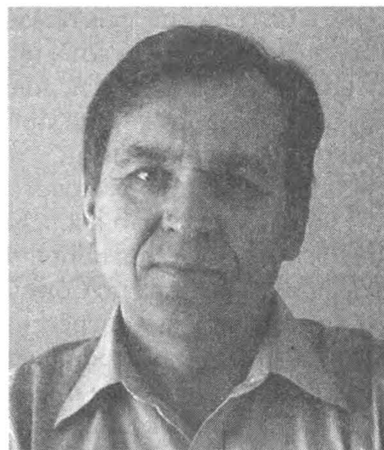
Кажется, что на Западе плохо понимают особенности современного нациотворения в постсоветских странах: в Беларуси, Казахстане, Латвии, Украине. И хотя вторая за последние 10 лет попытка добиться истинной национальной свободы в Украине сейчас подвергается великому испытанию, существуют теоретические и практические основания для утверждения, что в наше время национальное строительство продолжается. Никто не может остановить этот процесс, даже имперская Россия.

Фактор мирного сосуществования

Одним из факторов, который мог бы способствовать национальной свободе, является относительно долгий период мирного сосуществования.

Возможность применения ядерного оружия сегодня можно представить только при угрозе самому существованию тех стран, которые им владеют. В других случаях использование ядерного оружия вряд ли возможно, если исходить не только из соображений здравого смысла, но также из опыта локальных войн (корейская война, ирано-иракская, югославская, иракская, афганская, российско-грузинская, а теперь еще и российско-украинская).

Однако вот что показала агрессия России против Украины. Три «великие державы» гарантировали безопасность и суверенитет Украины в обмен на ее отказ от ядерного оружия, но Россия нарушила это соглашение, а США и Великобритания пока что не выполнили обязательств, взятых ими по договору 1994 года. Такой же международный договор существует и для Беларуси, однако все мы видим, что он не дает нам никаких гарантий.


П. Мурзёнок

Именно такая оценка соответствует недостаточным и неадекватным действиям в ответ на агрессию России как со стороны США и Великобритании, так и со стороны других стран западной демократии.

Фактор глобализации

Процесс глобализации, характеризующий дальнейшее развитие международного капитала, на первый взгляд является фактором, который размывает государственные границы и угрожает существованию малых и больших наций. Но пример Европейского Сообщества (ЕС) показывает, что этого пока не наблюдается. Упразднение границ между рядом государств ЕС (Шенгенское соглашение 1985 г.) не ведет к ликвидации национальной идентичности, к примеру, датчан или итальянцев. Наоборот, сейчас наблюдается тенденция к обособлению и отмежеванию от общего пространства ЕС, по крайней мере в отношении употребления денежной единицы «евро» (Великобритания). Следует напомнить и критику в адрес ЕС, имея в виду возможность выхода некоторых стран из этой надгосударственной структуры (Венгрия, Греция, Чехия).

Можно полагать, что в ближайшей перспективе (30–50 лет) глобализм не приведет к исчезовению наций и национальной свободы. Капитал заинтересован в том, чтобы иметь национальные рынки, различающиеся между собой, где бы он мог умножать свои деньги.

Внешние факторы и двойные стандарты

Малые страны всегда оказывались под влиянием более сильных соседей, вне зависимости от того, какие силы, центробежные или центростремительные, преобладали в самих этих странах. Именно внешние факторы приводили к разделу малых наций (Корея, Вьетнам, Осетия), именно они не позволяют разделенным нациям создать свою государственность и обрести национальную свободу (курды, палестинцы).

Как для Украины, так и для Беларуси сейчас более ощутимо воздействие с Востока. Запад в погоне за деньгами явно теряет свои традиционные ценности, изменяет тем принципам, на которых начинал строиться. Сегодня лозунги свободы и демократии катятся по рельсам «реальной политики», каковая фактически означает торговлю демократическими и гуманитарными ценностями в обмен на экономические выгоды (сотрудничество Германии с Россией, балтий-

ский и балканский нефтегазопроводы, а также другие примеры). Фактически, того же ожидают от своих правительств рядовые граждане западных стран.

Двойные стандарты используют почти все страны, включая страны, обладающие ядерным оружием и претендующие на создание новых полюсов экономического развития (Китай, Россия). Балансировать в такой ситуации Беларуси, Украине и другим постсоветским государствам очень сложно.

Политику неоколониализма, которую раньше проводили метрополии распавшихся империй (Британия, Франция), теперь использует Россия в отношении недавних «братьев» по Союзу ССР. В ход идут не только экономические угрозы, но и прямая военная агрессия (Грузия, Украина).

Международное сообщество, заметив наконец проблему после открытой агрессии, тем не менее продолжает торговаться с Россией за Украину, хотя «на кону» всего лишь какие-то 20–25 млрд долларов. Забыты моральные принципы поддержания свобод, происходит откровенная купля-продажа. Это хорошо видно по тем полумерам и нерешительным шагам, которые совершают ЕС и США в ответ на оккупацию и аннексию Крыма Россией.

Надо заметить, что Россия, в прошлом «жандарм Европы», продолжает исполнять функции подавления свободы и в наше время, рассматривает независимую Украину как свою вотчину.

Россия вернулась к реализации своей евразийской идеи и стремится продолжить наступление на Запад, которое началось во времена Золотой Орды и с тех пор то утихало, то вновь возникало. При желании, «защищать русскоязычное население» можно повсюду, не только в Украине, но и в Беларуси, Казахстане, Латвии, Эстонии, подавляя под этим предлогом стремление этих стран к национальной свободе.

Сейчас трудно предугадать возможные последствия вторжения России на территорию Украины: аналитики рассматривают различные варианты: от Третьей мировой войны до развала многонациональной России (83 субъекта федерации, более 190 народов и народностей).

Совсем недавно мир был свидетелем двух чечено-российских войн (1994–2000). Если бы такие войны шли в Африке или в Латинской Америке, то они, по советским меркам, назывались бы национально-освободительными. Однако национально-освободительные войны чеченского народа закончились тем, что чеченцев теперь в мире в основном представляют как террористов, в лучшем случае – как сепаратистов (и это несмотря на право каждой нации на самоопределение вплоть до выхода из состава других государств!). Напомню, что во время этих двух войн погибли до 200 тысяч граждан Чечни (из них 40 тысяч детей) и около 20 тысяч российских военнослужащих.

Мир устал от войн, он хочет стабильности, мира и благополучия. Однако сегодня трудно отличить национально-освободительное движение от терроризма, на который списывают всё и вся в любой части мира, опасаясь в первую очередь за свою территориальную целостность. Опять же, работают двойные стандарты.

Казалось бы, что в новых исторических условиях (давление России и нерешительность Запада) наилучшим выходом на дальнюю перспективу для Беларуси было бы заявление о своем нейтралитете, что и записано в Конституции РБ (статья 18 «Республика Беларусь стремится сделать свою территорию безъ-

ядерной зоной, а государство нейтральным»). Такой шаг позволил бы ослабить постоянное давление со стороны России и войти в семью народов Европы с ее демократическими институтами. Для этого Беларусь имеет многое: образованных и культурных людей, развитую инфраструктуру, выгодное географическое расположение.

Но кто обеспечит нам «ядерный зонтик»? Как обеспечить реальный нейтралитет, если национальной свободе государства угрожают российские войска, размещенные на его территории? Постоянная военная угроза со стороны России является самым опасным отрицательным фактором, влияющим на процесс обеспечения национальной свободы Беларуси.

Внутренние факторы и беларуское сознание

По оценкам международных независимых организаций, Беларусь, по показателям развития демократии занимает 141 место в мире и входит в группу стран с авторитарным режимом; по показателям экономической свободы — 150-е; по показателям свободы прессы — 168-е. Многочисленные нарушения указанных свобод отмечают и правозащитники в самой Беларуси.

В этом нет ничего странного. Ведь те порядки, которые существовали в советское время, достались в качестве наследства и постсоветским государствам, у которых система управления, идеология и даже сами руководители почти не изменились.

К концу 1980-х годов в СССР сложилась новая общность — советская нация. В 1991 году 69 % населения БССР считало себя «советскими людьми», и только 24 % идентифицировали себя с Беларусью (Titarenko, 2007). В советские времена декларировалось развитие национальных культур, но оно находилось под строгим контролем, не могло быть и речи о возможности выхода нации-народа из состава СССР. Рядовые граждане даже не замечали факт отсутствия политических свобод, ибо за все время существования Советского Союза реально никогда ими не пользовались.

В то же время социальная защищенность людей и экономика страны находились на довольно высоком уровне. Не случайно по индексу человеческого развития большинство республик бывшего СССР входят сейчас в группу стран с высокими показателями (индекс рассчитывается на основе четырех показателей — длительности жизни, количества лет обучения в школе, реальной продолжительности обучения в школе, национального дохода в расчете на одного человека). По этому индексу Беларусь занимает 50-е место в мире (2013 г.).

Диссонанс между уровнями свобод и уровнем жизни свидетельствует о недостаточном развитии политической культуры и традиций как у руководства, так и у рядовых граждан постсоветских стран, что в значительной мере обусловлено именно советским наследием.

Отношение самих белорусов к свободе весьма неопределенное, аморфное. Так, 65,2 % взрослых граждан считает, что улучшение экономического состояния страны важнее государственной независимости (29,3 % согласных). Иначе говоря, политическая свобода не является главной ценностью для большинства белорусов, хотя они и отдают небольшое преимущество свободе перед социальным равенством (54,3 %). Поддерживая в своем большинстве демократию

(75,3 %), свыше половины белорусов (61,6 %) не возражает против авторитарного стиля руководства страной. Очевидно, что они не воспринимают авторитарный режим как угрозу демократическим свободам, хотя и не отвергают военную диктатуру (за – только 13,1 %).

Именно с сильным лидером, а не с политическими партиями белорусы связывают свои надежды. Та поддержка, которую партии имеют со стороны населения, находится на уровне статистической погрешности. Вообще это не удивительно, так как в условиях диктаторского режима партии не имеют свободного доступа к средствам массовой информации, подвергаются постоянному давлению со стороны власти.

Однако и активность самих партий очень низкая. Прошли выборы в местные органы власти. На избирательных участках работали около 60 тысяч членов комиссий. Оппозиционные партии подали чуть более 300 заявок на участие в комиссиях (приблизительно 0,5 %), а власти сократили число заявок в 10 раз и представители оппозиции составили 0,05 % членов комиссий. Это еще одна причина того, что 91,5 % населения вообще не интересуются вопросами политики страны.

А с другой стороны, какие выборы? Ведь это вовсе не шутка: «Руководителю государства якобы стыдно иметь 90 % на президентских выборах 2006 года, так он просит председателя центральной избирательной комиссии, ну сделайте хотя бы 80 %». Вот вам и все выборы. Не имеет значения то, как люди голосуют, важно как считают их голоса. Это Сталин сказал еще в начале 1930-х годов.

А поскольку все политические партии Беларуси (официально их 17), оппозиционные и «позиционные», очень слабы, постольку дело укрепления и развития национальной свободы (или наоборот – торговли этой свободой) полностью находится в руках авторитарного руководства.

«Тихо» идентифицируя себя белорусами, люди не борются ни за национальную свободу, ни за свои политические права. С одной стороны, за них все решают «наверху», а с другой – их удовлетворяют имеющиеся рамки экономической и личной свободы (фактически понятие политической свободы подменяется экономическими и личными свободами).

Неопределенность белорусов применительно к политической и национальной свободе – это наследие последних двух веков: самодержавной России и советской системы. Указанная неопределенность (лучше сказать – безразличие) является одним из негативных факторов, влияющих на развитие белорусской политической нации и национального самосознания.

Религия

Не отрицая право каждого человека верить в своего Бога, можно все же полагать, что после Греции и Рима христианская религия надолго затормозила развитие гуманитарных ценностей, в том числе национальной свободы. Христианство не способствует развитию национальной свободы по трем причинам:

а) оно ставит себя выше наций, народов и национальных государств;

б) разжигает враждебность между людьми внутри одного и того же этноса;

в) не учитывает интересы людей равнодушных к религии, и тем более атеистов.

Хотя время крестовых походов давно кончилось, борьба между конфессиями продолжается. Все религиозные конфессии проповедуют на словах позитивные морально-нравственные тезисы. А на деле все они разжигают враждебность между людьми. Попытки использовать какую-то одну религию для укрепления государства в странах, где живут люди разных вероисповеданий, всегда заканчиваются межконфессиональными конфликтами.

И сегодня мы видим ожесточенную борьбу между православием и исламом в России; между православием московским и православием греческим в Украине; между католиками, православными и мусульманами в бывшей Югославии, между исламом и иудаизмом на Ближнем Востоке, между исламом и христианством в Египте, Нигерии, Судане, Уганде, Центрально-Африканской республике.

Примеры стран, где абсолютное большинство населения принадлежит к одной конфессии (например, Польша, Филиппины), являются исключением. Однако даже в Республике Филиппины, где ислам исповедует менее 5 % людей, время от времени возникают вооруженные конфликты за выход нескольких мусульманских провинций из состава государства.

История свидетельствует, что Беларусь прошла через периоды господства язычества, православия, католицизма, протестантизма, униатства. Сегодня у нас имеет место соперничество между православием, католицизмом, протестантизмом и так называемыми «новыми религиями». Отметим, что оно происходит на фоне фактического безверия значительной части населения страны.

В настоящее время многие люди равнодушны к религии. Например, во Франции, по неофициальным опросам (2012, WIN-Gallup International) только 37 % населения верующие люди, 34 % – не религиозны, а 29 % (!) – атеисты, то есть 63 % населения нельзя назвать «активно верующими». В Беларуси таких людей – 41 %, в России – 34 %, в Украине – около 25 % (газета «День», 2002)*.

Официально в Беларуси церковь отделена от государства, однако все преимущества власть отдает православию московского толка (РПЦ). Но как покровительство государства «белорусской епархии Русской православной церкви», так и притеснение им протестантов, католиков, сектантов – это серьезная ошибка. То и другое не способствует достижению национального согласия в государстве, а значит, сокращает условия, обеспечивающие национальную свободу и национальную безопасность.

Итак, религиозные свободы если и влияют на национальную свободу, то лишь в отрицательном смысле.

Частная собственность и олигархический капитал

Можно утверждать, что рыночные отношения явятся важным фактором укрепления национальной свободы.

Одним из основных завоеваний французской революции были гарантии свободы личности и права частной собственности. Но на белорусских землях так сложилось, что частная собственность почти отсутствовала (за исключением ко-

* По данным ряда исследований последних лет, число людей, фактически находящихся вне церкви, составляет в Беларуси от 40 до 70 %. Разбежка в цифрах зависит от того, какой методикой подсчета пользовались исследователи. – *Ред.*

роткого периода в конце XIX – начале XX веков и в 1920–30-е гг. в Западной Беларуси). Между тем очевидно, что частная собственность требует совсем иного чувства свободы и типа ответственности человека перед семьей и государством, чем государственная или колхозно-кооперативная формы собственности, господствовавшие в Беларуси на протяжении последних 100 лет.

Сегодня происходят изменения в сторону расширения сферы частной собственности и повышения ее продуктивности. Однако доля ее пока невелика. По заявлению вице-премьера Беларуси П. Прокоповича, в 2013 году предприятия малого и среднего бизнеса дали около 20 % ВВП – валового внутреннего продукта (газета «Звязда», 27 августа 2013). Планируется, что эта цифра будет расти: в 2015 году – не менее 30 %, а в следующей пятилетке (2015–2020 гг.) «частный бизнес должен создать 50 % ВВП».

Белорусский олигархический капитал, возникший в рамках властных структур, вынужден защищать себя от поглощения капиталом более сильных соседей, особенно восточных. Поэтому можно ожидать, что по мере дальнейшего роста объема и влияния олигархического капитала в Беларуси будет происходить укрепление государственности и национальной свободы (имеются в виду угрозы как вооруженной агрессии, так и экономической аннексии со стороны России). Провластным сторонникам развития капитализма в Беларуси рано или поздно придется подключиться к процессу возрождения национальных историко-культурных ценностей, не связанных с советским периодом и с Второй мировой войной.

Претензии на белорусское «панславянское» лидерство в СНГ, имевшее место во времена правления Б.Н. Ельцина, закончились с приходом к власти в России автократической команды, внешняя политика которой сводится к попыткам восстановления империи. Впервые за 20 последних лет о необходимости укрепления нации высказался и руководитель Беларуси («Наша Нива», 17.10.2013). К этому надо добавить строительство Дворца независимости и Площади государственного флага в Минске.

Это еще недостаточные сигналы, но в скором времени можно ожидать и более серьезные. Можно надеяться, что просоветский характер развития государства постепенно приобретет национальную окраску.

Заключение

Россия своей агрессией против Украины продемонстрировала неуважение к международному праву и посягнула на свободу, суверенитет и территорию независимой, еще недавно «братской» страны. Одной из причин этой агрессии является традиционно негативное отношение России к Западу, основанное на евразийской идеологии. Своей агрессией Россия снова подтвердила 800-летний раздел между принципиально разными цивилизациями – евразийской (российской) и восточноевропейской (белорусско-украинской).

Но, несмотря на имперские поползновения России, роль национальных государств на постсоветском пространстве будет усиливаться. Процесс строительства наций продолжается и в XXI веке. В справедливости этого тезиса убеждают события, происходившие в Югославии в 1980–90-е годы, и то, что происходит сейчас в Украине и на Кавказе.

Среди положительных факторов, влияющих на процесс нациостроительства в Беларуси, отметим, во-первых, обретение государственной независимости и, во-вторых, деятельность национальных элит. Среди отрицательных – низкий уровень политической культуры и национального самосознания населения, отсутствие правительственной поддержки государственному языку, деятельность имеющихся Церквей в пользу внешних центров.

Казалось бы, что отсутствие европейской ментальности у белорусов в определенном смысле хороший знак для здорового национализма. Ведь в такой ситуации его влияние способно превозмочь многие глобальные процессы, однако национальное и политическое сознание белорусов все еще характеризуется аморфностью.

Только осмыслив значение гражданских прав и свобод, практически используя их, люди способны обеспечить свободу своей нации. Существует своего рода иерархия свобод (индивидуальные – политические – национальная); но в основе всегда лежат гражданские права и свободы. Именно подмена гражданских свобод и прав на социально-экономические, вместе с отсутствием политической культуры и четко оформленных национальных традиций ведет к утрате национального достоинства, к нежеланию поддерживать свою историю и культуру, к нигилистическому отношению к своей нации.

Соотношение положительных и отрицательных факторов в Беларуси пока еще негативно. Для изменения вектора в позитивную сторону требуется осознание всем населением, но в первую очередь политическим руководством государства и предпринимателями, принципиальной важности укрепления национальной свободы. А в расширении, углублении и ускорении процесса такого осознания важнейшую роль играют интеллектуалы.

Ссылки на источники

Вілейта В. Беларусь у працэсе станаўлення дзяржаўнай тоеснасці: чыннікі, тэндэнцыі і перспектывы. *Wider Europe review.* 2005, Tom 2, № 3.

Воранаў В. Несьвядомая небясьпека сьвядомасьці. // *«Сакавік»*, 2013, № 1, с. 53–58.

Зборнік «Трансфармацыі мянтальнасьці беларусаў у XXI ст.: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі». /Пад рэдакцыяй А.Я. Тараса/. Рыга, 2013.

Мурзёнак П. Шляхі да нацыянальнай дзяржавы. // *«Сакавік»*, 2013, № 1, с. 4–29.

Мурзёнак П. Усходнеславянская беларуска-украінская цывілізацыя. Гіпотэза і факты. // *«Сакавік»*, 2013, № 3, с. 40–61.

Мурзёнак П. Беларускасьць і ментальнасьць цывілізаваных краін. // *«Сакавік»*, 2013, № 4, с. 40–49.

Тумилович Г. Белорусская идентичность: ключевые факторы и спорные моменты. // *«Сакавік»*, 2013, № 1, с. 30–52.

Democracy index 2012. Democracy at a standstill. A report from The Economist Intelligence Unit.

Human Development Report 2013. (Інтэрнет)

Index of Economic Freedom 2014. (Інтэрнет)

Manajew O., J. Drakochrust J. Wlasciwosci wspolnej tozsamosci bialorusiej. Tozsamosci zbiorowe Bialorusinow. Lublin, 2012, s. 3.

Titarenko L. Post Soviet National Identity: Belarusian Approaches and Paradoxes. *Filosofija. Sociologija.* 2007. T. 18, № 4, p. 86.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА — ОСНОВА ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Анатоль Тарас

Национальное самосознание современных белорусов надо формировать в первую очередь путем широкого распространения в обществе национально-патриотической концепции истории Отечества. Для лучшего понимания этого тезиса я хочу привести ряд цитат из статьи канадского профессора украинского происхождения Тараса Кузё «Историческая память и формирование наций на постсоветском колониальном пространстве»:

«Во всех странах (в т.ч. принадлежащих к "цивилизованному Западу") национальная историография (...) является важнейшей составной частью национального сознания».

(Беларусь превыше всего: О национальной беларуской идее. Смоленск, 2011, с 147. Далее страницы, откуда заимствованы цитаты, указаны по этому изданию).

«По мнению Джонатана Фридмана, "сознательная политика заключается в том, чтобы связать современность с жизнеутверждающим прошлым. Поэтому былое выстраивается согласно со стремлениями тех, кто сегодня пишет учебники истории". Следовательно, "вся история, в том числе и современная историография, является мифологией", ибо история – это отражение современности в прошлом» (с. 153).

/Российский историк Михаил Покровский (1868–1932) в советский период своей деятельности утверждал то же самое: «История – это политика, опрокинутая в прошлое» (с. 153, сноска).

«Колонизаторы стремятся стереть историческую память, и вместе с ней — национальное сознание, чтобы таким образом упростить ассимиляцию "туземцев". Поэтому возрождение исторической памяти, обновление национальной историографии тесно связано с возрождением национального сознания в противопоставлении себя — "Другому" (бывшей метрополии). Соответственно, вопрос о том, кому "принадлежит" прошлое — это вопрос о том, кому принадлежит власть в настоящем» (с. 154).

«Искажение, переиначивание истории колонизованных стран — важный аспект колониальной политики. И касался он как бывшего СССР, так и Африки с Азией. В конечном счете колониальные власти стремились убедить коренных жителей в том, что колонизатор принес свет в их мрак. (...)

В постсоветских странах идет мучительная борьба за то, кому задавать тон в культурной политике новых независимых государств: "нативистам" ("тутэйшым") или "ассимилированным" (русофилам). Эти группы имеют разные взгляды на формирование нации, на содержание национальной историографии... "Нативисты" видят колониальное прошлое исключительно в мрачных красках. "Ассимилированные" же если и критикуют его, то выборочно. Коммунисты, например, рассматривают это время как "золотой век", не подлежащий критике» (с. 155).

«Больше всего от русификации и денационализации пострадали украинцы и беларусы, так как их стремились полностью ассимилировать в советскую имперскую Россию» (с. 155).

«Постсоветские государства не могут бесстрастно подходить к решению следующих вопросов:

— Кто должен играть определяющую роль при определении данного политического сообщества: только титульная нация или титульная нация и русские;

— На какой национальной историографии остановить свой выбор;

— Является ли бывшая метрополия враждебным "Другим";

— Сколько иметь государственных языков (только свой или также русский);

— Какие избрать национальные символы (флаг, гимн, герб, названия органов власти, денежной единицы и пр.).

Постосоветские страны ищут теперь свою "утраченную" историю в доимперских временах, чтобы доказать, что и у них был свой "золотой век", что прошлое подтверждает их право на собственное независимое государство» (с. 156–157).

«Д. Сенфорд высказал мысль, что чем моложе государство, тем больше вероятность появления в его новой историографии "золотого века". Таковым стал период Великого Княжества Литовского, в которое входила вся Беларусь и где белорусский язык и белорусские законы имели статус государственных. В 1991–95 годы Беларусь официально использовала герб ВКЛ — Погоню.

С 1991 года национальная историография стремится возродить легендарное прошлое, подчеркивая неразрывную связь Беларуси с Западной Европой, ее отличие от России и "славную" историю. В результате историография стала полем борьбы "нативистов" и "ассимилированных" за национальную идентичность белорусов. В течение трех лет, предшествовавших избранию в 1994 году президентом А.Г. Лукашенко, белорусская историография отличалась как антисоветской, так и антироссийской направленностью. Она отрицательно оценивала российскую имперскую политику (...), ибо та способствовала денационализации Беларуси.

В 1991 году в Минске был переиздан "Краткий очерк истории Беларуси" Всеволода Игнатовского (1926 г.). ...Эта книга рисует историю Беларуси с присущей ей /своей собственной/ национальной идентичностью, принципиально отличной от российской. Герои, возвращенные в белорусскую историю после 1991 года, воевали не только против тевтонских рыцарей и татар, но и против московитов (русских). Они как бы призывали к возвращению в Европу, показывали отличие белорусского национального характера от русского» (с. 163).

***

В 1991 году по инициативе Министерства образования группа ученых (руководитель — доктор исторических наук Михаил Бич; 1937–1999) разработала и опубликовала проект новой концепции исторического образования в средней школе Беларуси («Настаўніцкая газета» от 30 ноября 1991 г.).

Согласно этой концепции курс Истории СССР (фактически России), ранее главный в нашей школе, как самостоятельный был отменен, его присоединили к курсу Мировой истории. Зато курс Истории Беларуси, который на

М.О. Біч

протяжении трех десятилетий (с осени 1961 г.) являлся факультативным дополнением к Истории СССР (России), в 1992 году получил статус самостоятельной дисциплины с существенным увеличением учебного времени для него.

В 1–3 классах были введены уроки по историческому краеведению, в 4 классе – интегрированный курс «Моя Родина – Беларусь», в котором предусмотрены три раздела: «Наш край», «Легенды об истории Беларуси», «Страницы отечественной истории в событиях и лицах». А с 5 класса начинаются систематические же курсы мировой и отечественной истории.

В начале 1992 года Министерство образования создало коллектив авторов для разработки программ в соответствии с общей концепцией курсов Мировой истории и Истории Беларуси для 5–11 классов средней школы. В коллектив вошли профессоры и доценты Белгосуниверситета, Минского désинститута, сотрудники Института истории АН Беларуси, БЕЛНИИ образования, Белорусской энциклопедии – всего 21 человек. Коллектив работал полгода. За это время были составлены варианты программ для 5–11 классов.

В качестве основной цели изучения курсов Мировой истории и Истории Беларуси поставлена задача формирования национально сознательной личности, усвоившей наиболее важные элементы исторических знаний, способной критически анализировать прошлое и современность и, благодаря этому, сознательно ориентироваться в общественной жизни.

Программы освобождены от идеологических установок, штампов и догм марксистско-ленинской методологии.

В основу программ положена идея поступательного, но противоречивого развития общества. На первое место в истории общества выдвинуты проблемы культуры и духовной жизни, которые раньше – при монополии формационного принципа – сильно недооценивались.

***

Далее я привожу важнейшие положения указанной концепции исторического образования, разделив их на четыре основных смысловых блока.

1. Происхождение белорусского этноса

В 1950-е годы в советской историографии в качестве неприкосновенного постулата утвердился тезис об образовании в IX–XII вв. «на базе непосредственного объединения племен» единой древнерусской народности, которая будто бы являлась «колыбелью трех братских народов» – русского, украинского и белорусского («История Белорусской ССР, том I, Минск, 1972, с. 172).

Ненаучность этого тезиса достаточно ясно проявляется в том, что он никак не согласовывается с принятой в мировой науке концепцией индоевропейского происхождения большинства современных этносов Европы и Азии, в том числе славянских. При всей сложности и многовариантности процессов этногенеза, растянувшихся на тысячелетия, при очевидно недостаточной их изученности все же несомненно, что они развивались путем дифференциации индоевропейского праэтноса на этнокультурные сообщества 1-го, 2-го, 3-го и т.д. порядка.

Так, большинство исследователей признает существование в определенное время балто-славянского сообщества, которое примерно в начале нашей эры распалось на отдельные сообщества балтов и славян; славяне затем разделились

на 3 группы (восточные, западные, южные). В восточной группе славян при участии других этнических субстратов сложились русский, белорусский и украинский народы.

Эта концепция в советской исторической литературе фактически игнорировалась. В академической 5-томной «Истории Белорусской ССР» она не упомянута ни единым словом. Причина игнорирования очевидна. Если принять концепцию индоевропейского происхождения белорусов, русских, украинцев, тогда не остается места для идеи о возникновении единой древнерусской народности «на базе непосредственного объединения племен».

О какой-то экономической базе объединения говорить тем более не приходилось. Поэтому главным фактором образования этой народности объявили существование в IX–XI вв. «единого централизованного Древнерусского государства» с центром в Киеве. Данный тезис использовался также для отрицания факта существования белорусской государственности в раннефеодальный период.

О несоответствии его историческим реалиям свидетельствует политическая история Полоцкого княжества (возникшего в IX веке), которое в более поздние времена эпизодически подчинялось Киеву. Не обращали внимания советские историки-марксисты и на Карла Маркса, который в соответствии с фактами характеризовал Киевское государство как «лоскутную империю Рюриковичей». И конечно, с порога отвергали как абсолютно неприемлемые выводы ряда ученых XIX–XX веков об образовании белорусского этноса еще в домонгольский период.

Эти выводы подтверждаются все новыми и новыми данными археологических исследований о взаимодействии славянской и балтской культу в бассейнах верхних течений Днепра, Западной Двины, Немана и вдоль Припяти в VI–X вв. и позже. Давно пора признать это взаимодействие, а в окончательном итоге — славянизацию балтов на указанной территории как решающий фактор образования белорусского этноса и белорусского языка, основной лексический массив которого и фонетические черты через века дошли до наших дней в народных диалектах.

Приблизительно к тому же периоду (VI–XII вв.) относится и возникновение русского и украинского этносов на основе славянизации других субстратов.

Общим литературным языком трех восточнославянских народов со времени принятия христианства византийского образца стал старославянский письменный язык, созданный в Моравии монахами Кириллом и Мефодием. На его основе в XIII–XIV вв. начал складываться старобелорусский литературный язык — путем насыщения лексикой из живого народного языка и отражения в письме его определенных фонетических особенностей (аканья, дзеканья, цеканья и т.д.). Однако этот процесс в советской историографии всегда преподносился противоположным образом — как процесс образования белорусского народного языка, с чем никак нельзя согласиться. Сознательно или несознательно отождествляются два разных явления — литературный (письменный) и народный (диалектный) языки.

Концепция о существовании в IX–XI вв. единого централизованного древнерусского государства, а в IX–XIII вв. — и единой древнерусской народности яв-

ляется надуманной. Она была создана по политическому заказу. Поэтому белорусским историкам, идеологам, литераторам надо окончательно избавиться и от соответствующей терминологии применительно к истории Беларуси IX–XIV вв. Имеются в виду такие понятия как «Западная Русь», «западнорусские земли», «западнорусское население», «западнорусская культура» и т. д. Это очевидные штампы идеологии западнорусизма. Их надо заменить терминами «Беларусь», «белорусский народ», «белорусская культура» и т. д.

Заслуживает всяческой поддержки и разработки тезис о том, что Полоцкое и другие самостоятельные княжества IX–XIII вв. на территории Беларуси олицетворяли белорусскую государственность на раннефеодальном этапе ее становления и развития.

2. Возникновение Великого Княжества Литовского. Место и роль Беларуси в этом государстве

Беларусь («Западную Русь») соответствующего времени советские историки изображали жертвой литовского (т.е. жамойтского) завоевания.

Доходило до того, что в белорусской советской историографии периода 1945–1959 годов это «завоевание» отождествляли с властью татаро-монголов в княжествах северно-восточной Руси (см. «Тезисы об основных вопросах истории БССР», издание АН БССР, 1948 г.). Позже такие оценки, полностью несоответствующие исторической действительности, в определенных отношениях подкорректировали, приглушили, но тезис о ВКЛ как исключительно литовском государстве, чуждым для белорусов, неуклонно проводился в нашей историографии.

Любые попытки характеризовать ВКЛ как белорусско-литовское государство получали клеймо буржуазно-националистических, якобы несоответствующих марксистскому учению о государстве и т.д. (достаточно вспомнить брошюру Л. Абецедарского «В свете неопровержимых фактов», изданную в 1969 г.). А то обстоятельство, что сами К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали ВКЛ в качестве одного из двух центров государственного объединения восточных славян, во внимание не бралось, замалчивалось.

Упорно игнорировались следующие факты:

– что изначальную основу («ядро») ВКЛ составили объединенные Миндовгом, Тавтивилом и Войшелком белорусские княжества верхнего Понемонья – Новогородское, Слонимское, Волковыское, Гродненское;

– что непрестанные набеги крестоносцев с запада и угроза татарского нашествия с востока и юга вынуждали другие белорусские и литовские (жамойтские) земли-княжества к объединению с этим ядром в одно сильное государство – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское;

– что процесс объединения в XIII–XIV вв. происходил в разных формах – и мирным, и немирным путем. Однако военная сила применялась не только к отдельным восточнославянским княжествам, но и к землям этнически литовским (жамойтским), следовательно, не могло быть и речи о каком-то доминировании последних.

Тезис о ВКЛ как государстве чужеземном применительно к Беларуси, как государстве, обеспечивавшем господство на белорусских землях литовских (жа-

мойтских), а затем и польских феодалов, до неузнаваемости фальсифицировал всю историю Беларуси XIII–XVIII вв., особенно военно-политическую.

Замалчивалось то, что именно белорусы составляли преобладающую часть армии княжества, что из числа белорусских шляхетско-магнатских родов, а иногда и «людей простых» вышли многие государственные и церковные деятели, просветители и ученые, полководцы и дипломаты, которых народ должен помнить и по праву гордиться ими.

Вместо всего этого как ведущий мотив истории периода ВКЛ настойчиво проводился тезис о том, что белорусы в течение шести веков (XIII–XVIII) только и делали, что стремились освободиться из-под угнетения чужеземных (литовских и польских) феодалов, а все надежды на освобождение и воссоединение с русским народом (якобы единокровным и единоверным) возлагали на великих князей московских и царей российских, помогали им завоевывать («освобождать») свои крепости, города и земли. Так обосновывалась «освободительная» миссия Москвы по отношению к белорусскому народу.

Все многочисленные захватнические войны Московско-Российского государства с ВКЛ и Речью Посполитой в XV–XVIII вв., принесшие нашему народу бесчисленные потери, вошли в белорусскую советскую историографию как войны «освободительные». Отметим, что при этом «тяга» белорусов к Москве обосновывалась ссылками на давнее «родство» (происхождение от единой «древнерусской народности») и единоверие (хотя православная церковь ВКЛ ориентировалась на Константинополь, а не Москву и значительную часть своей истории фактически была независимой).

Указанные пророссийские установки белорусской советской историографии соответствующим образом отражались на освещении не только политической и военной истории Беларуси, но и вопросов культуры белорусского народа.

Долгое время замалчивались или явно недооценивались государственный статус старобелорусского языка в ВКЛ, достижения в развитии книгопечатания, общественной мысли, литературы, летописания, права, архитектуры, искусства и т.д.

Это понятно, ведь «угнетенный народ» (с точки зрения российских шовинистов-державников) не мог иметь выдающихся, европейского уровня, достижений и в области культуры. Беларусь искусственно отгораживали от западноевропейских влияний, стремились — вопреки историческим фактам — показать, что не она в XV–XVII вв. оказывала благотворное влияние на культуру восточного соседа, а наоборот, — якобы всем лучшим в своей культуре белорусский народ обязан влиянию Москвы.

3. Положение Беларуси в составе Российской империи

Включение Беларуси в состав Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой оценивалось в советской историографии только положительно — как «воссоединение» белорусского народа с «братским русским народом», как осуществление своей «исконной мечты». В этом вопросе белорусские советские историки полностью соглашались с лживым имперским девизом Екатерины II («Отторженная возвратих») и соответствующими оценками русской

монархической историографии. Противоположные оценки К. Маркса и Ф. Энгельса полностью игнорировались.

Не делалось надлежащих выводов из широко известных фактов раздачи огромных массивов белорусских земель царской знати и чиновникам, непризнания царизмом существования белорусского этноса, игнорирования белорусского языка и культуры. Замалчивались быстрый рост налогов и барщины, крайний деспотизм центральной власти, введение рекрутчины, притеснение униатов, составлявших в конце XVIII века до 75 % белорусского населения. Объективная оценка «воссоединения» историками национальной школы («из огня да в полымя» – выражение Вс. Игнатовского) отвергалась как буржуазно-националистическая и клеветническая.

И вообще о политике царизма в Беларуси писали кратко и глухо. Не показывали установление в западных губерниях в 1830–1865 гг. режима «исключительных» законов, направленных на тотальную русификацию края. В комплексе именно они определяли колониальное положение белорусских земель.

К числу сугубо колониальных мероприятий относились:

– крупномасштабное, связанное с массовыми репрессиями насаждение русского землевладения и чиновничества;

– «разбор» шляхты;

– упразднение унии и насильственное присоединение миллионов униатов к православию;

– отмена действия Статута ВКЛ;

– закрытие Виленского университета и Горы-Горецкого земледельческого института, лишение края прав на свое высшее учебное заведение;

– тотальная русификация средней и начальной школы;

– лишение края права на выборное земство и выборные мировые суды;

– запрет выборного дворянского самоуправления;

– установление многочисленных ограничений для белорусов-католиков, местных поляков и евреев.

И все это – только небольшая часть результатов «воссоединения», негативно отражавшихся на социально-экономическом, общественно-политическом и культурном развитии Беларуси.

После 1945 года советские историки, в том числе белорусские, без всяких дискуссий отвергли общепринятый в довоенный период тезис о колониальном положении Беларуси в Российской империи. Вероятно потому, что увидели: этот тезис не стыкуется с тезисом об «исконном стремлении» белорусского народа к воссоединению с великим русским народом, наоборот, из него следует вывод о неизбежности белорусского национально-освободительного движения и как бы оправдывается стремление «белорусских буржуазных националистов» к созданию своего государства, независимого от России.

Допустить такое они не могли и стали настойчиво проводить мысль о том, что национальные, культурные и религиозные проблемы белорусов после «воссоединения» были в основном решены. Отныне им оставалось только бороться вместе с русскими рабочими и крестьянами против царизма, помещиков и капиталистов за социальное освобождение, за демократию и социализм в большевистском понимании этих терминов.

Исходя из известного ленинского тезиса о двух культурах в каждой национальной культуре, советские историки фактически отрицали существование в Беларуси общенационального культурного и политического движения. Идеологические и организационные центры последнего (Белорусская Социалистическая Громада, газета «Наша Нива», и др.) они объявили буржуазно-националистическими, контрреволюционными, антинародными.

Зато лидеров Северно-Западной областной организации большевиков (А. Мясникова, К. Ландера, В. Кнорина и других), открыто стоявших на российско-великодержавных позициях, отрицавших сам факт существования самостоятельной белорусской нации, языка и культуры, упорно боровшихся с белорусским национально-освободительным движением даже пробольшевистского направления, провозгласили выдающимися деятелями в истории белорусского народа. Дескать, именно они «обеспечили победу социалистической революции» в Беларуси и даже ...создание БССР!

4. История Беларуси советского периода

Советскую историографию этого периода необходимо пересмотреть по всем аспектам — государственно-политическим, социально-экономическим, национальным, культурным, — поскольку она полностью фальсифицирована.

Для подтверждения данного тезиса достаточно проанализировать несколько фактов, связанных с политикой Ленина по белорусскому вопросу. Как известно, белорусские советские историки бесконечно прославляли его. Действительно, до захвата власти в России в октябре 1917 года Ленин вроде бы признавал существование белорусской нации, высказывался за предоставление Беларуси наравне с Финляндией, Польшей, Украиной права на самоопределение вплоть до отделения от России. Но уже в декабре 1917 года местные большевистские власти с согласия Ленина вооруженной силой разогнали легальный, созванный с санкции Наркомата национальностей РСФСР и при его финансовой поддержке, небывало представительный Всебелорусский съезд (около 1900 делегатов). Съезд, признав Совнарком РСФСР во главе с Лениным, попытался реализовать декларированное право Беларуси на самоопределение. И не об отделении от РСФСР ставился вопрос, а только об автономии. Однако Ленин одобрил разгон съезда.

Прославляли Ленина как создателя суверенной БССР. Между тем Ленин пошел на этот шаг исключительно по конъюнктурным соображениям. При том реальная власть в «независимой» республике осталась в руках местного обкома большевиков во главе с Мясниковым, полностью подчиненного ЦК РКП(б). Правительство Дм. Жилуновича должно было безоговорочно исполнять все предписания из Москвы, которые передавались через Мясникова. Жилунович начал протестовать — и немедленно был арестован.

Более того: буквально через две недели после провозглашения БССР ЦК РКП(б) принял решение об ее упразднении и создании такой же марионеточной Литовско-Белорусской ССР (ЛитБел). При этом у БССР отобрали Витебскую, Смоленскую и Могилёвскую губернии, включив их в состав РСФСР. Летом 1920 года БССР провозгласили во второй раз, но только в границах 6 уездов Минской губернии. Захваченную весной 1919 года территорию восточной Беларуси

РСФСР удерживала вплоть до 1924–1926 гг. и вернула далеко не все, что отобрала.

Прославляли ленинскую идею советского федерализма, якобы реализованную при образовании СССР, после 1956 г. резко критиковали сталинскую автономизацию. А разницы между ними, по сути, не было никакой. Ведь во всех советских республиках и «до», и «после» образования СССР сохранялась диктатура партии большевиков. В каждой советской республике сохранялось всевластие партийного аппарата во главе с московским политбюро. Идея партийной диктатуры под видом «диктатуры пролетариата» и «власти советов» принадлежала именно В.И. Ленину.

Выполняя партийные установки, советские историки в течение более 70 лет трактовали исторические факты в извращенном свете, сознательно фальсифицируя все периоды и проблемы нашей истории. Вот и приходится теперь все переосмысливать на основе ранее известных и новых источников, исходя из гуманистических, национально и государственно белорусских позиций.

5. Краткая периодизация истории Беларуси

Дополним изложение сути концепции кратким описанием основных периодов истории Беларуси и белорусского народа.

(1) Древний период (до IX столетия н.э.) – складывание племен. На это ушло не менее 3 тысяч лет. Наиболее интересен нам последний этап периода, когда автохтонные балтские племена славянизировались в процессе взаимодействия с группами пришельцев, селившихся на судоходных реках и подчинявших своей власти жителей окрестностей.

Антрополого-генетическая основа белорусского народа – балтско-готское население «каменного» и «железного» веков*. Славянский язык, та духовная культура, которую сегодня называют славянской, и христианство распространились среди коренного населения благодаря пришельцам. Небольшими группами они проникали на наши земли с северного, западного и южного направлений в период с VI по XIII века новой эры.

За 800 – 1000 лет пришельцы физически «растворились» в балтско-готском море, но их культурно-лингвистическое воздействие за это время преобразовало местный духовный ландшафт. Предки белорусов переняли от пришельцев строение языка, некоторые верования и обычаи, методы войны и образцы оружия, способы материального производства...

Современные белорусы – потомки славянизировавшихся кривичей и дреговичей, ятвягов и радимичей! А они были иного этнического происхождения, нежели предки «великороссов».

(2) Первое по времени государство на землях Беларуси – Полоцкое княжество (локальная цивилизация, сложившаяся в результате колонизации кривичей варягами-русами). Здесь утвердилась принесенная варягами арианская церковь (именно арианство получило распространение в странах Северной Европы), здесь сложился «русский» (старобелорусский) язык.

---

* Напомним, что северные соседи до сих пор называют белорусов «гуды», т.е. «готы».

Полоцкое княжество возникло к 862 г., утратило независимость в 1307 (через 445 лет), а с 1504 г. стало воеводством ВКЛ. В XI–XII вв. возникли и другие княжества, общим числом до 20.

(3) На смену Полоцкому княжеству пришло Великое Княжество Литовское и Русское*. Оно возникло до 1253 г. вокруг Новогородка (в 1323 г. столица была перенесена в Вильню) и существовало 320 лет (до 1569 г.), когда объединилось с Польшей в конфедерацию Речь Посполитая. А через 27 лет (в 1596) к союзу государств добавился союз православной церкви с католической.

«Историческая (летописная) Литва» – это земли ятвяжских племен, живших в западной части Беларуси (ятвяги появились в результате смешения готов с местными племенами). «Историческая Русь» находилась в восточной части ВКЛ, на землях псковских, полоцких и смоленских кривичей. Таким образом, историческая Литва – это не Жамойтия, теперешняя Летува.

Постепенно летописная Литва присоединила к себе большие пространства. Сначала – остальные ятвяжские земли (в XIII ст.), потом – Русь (в XIV ст.), потом – Жамойтию (в XV ст.). Так на наших землях утвердилось ВК Литовское, Русское и Жамойтское – государство, в котором сложились белорусский народ, белорусская духовная и материальная культура. Великие князья Литвы были балтами (или готами) по рождению, христианами по вере, белорусами по языку.

(4) Конфедерация ВКЛ и Польши – Речь Посполитая – существовала 225 лет (1569–1795 гг.). Сохранению ВКЛ до наших времен и реализации того потенциала, который был в нем заложен, помешали внешние причины. Прежде всего – две жуткие войны.

Первая произошла в 1654–67 гг. Польский писатель Генрик Сенкевич метко назвал ее Потопом. Московский царь Алексей Михайлович вел войну на уничтожение. Хорошо известна его установка своим войскам: «унии не быть, латинству не быть, жидам не быть», а эти три категории верующих составляли подавляющее большинство населения ВКЛ. В результате многочисленных убийств, эпидемии чумы, принесенной московитами, и массового увода в рабство за 12 лет исчезла почти половина населения ВКЛ (48 %), а в восточной части страны даже 70–85 %.

Демографическая катастрофа остановила процесс слияния нашей шляхты, горожан и крестьян в единую политическую нацию (в понятиях того времени – литовскую). Как результат, к концу XVII века стала общепринятой формулировка «польская шляхта литовского происхождения». Одновременно наша шляхта ментально «разошлась» с крестьянством, отвергавшим полонизацию.

Через 40 лет обрушилась новая беда – Северная война России и Саксонии против Швеции. За те 10 лет (1705–15 гг.), когда боевые действия происходили на наших землях, погибла треть населения ВКЛ. Опять произошла демографическая и экономическая катастрофа.

(5) Следующие 120 лет (1795–1917 гг.) – это период оккупации Российской империей. Царизм и российские церковные деятели уничтожили униатство (которое успешно превращалось в национальную церковь белорусов), развернули всеобъемлющую русификацию, внедряли имперскую идеологию и деспотиче-

* Название «и Жамойтское» появилось в 1442 г., через 190 лет после коронации Миндовга.

ский государственный строй, московский вариант православия, отсталую московскую культуру.

Наши предки еще долго героически боролись с захватчиками. В течение 70 лет из этих 120 (с 1794 по 1863 гг.) они трижды поднимались на антиколониальные восстания.

(6) Затем наступил советский период (1918–1991). Эти 72 года характерны уничтожением и религии всех вероисповеданий, и гуманистической культуры, и национализма, и свободной конкуренции, и многого другого.

Каждый следующий период в определенном смысле «отрицал» предыдущий. Но раз за разом наш народ – с удивительным терпением и старанием – строил новый дом из старых камней.

***

Изучение белорусской истории с древнейших времен и до наших дней убеждает в том, что ее важнейшие особенности таковы:

– Сохранение преемственности между локальными цивилизациями, которые складывались друг после друга, несмотря на обрывы циклов их естественного развития;

– Умение жить «на перекрестке» ветров, сохраняя свою традиционную ментальность – несмотря на все насилия, катастрофы и оккупации.

Однако в результате многочисленных политических и социальных потрясений у белорусского народа не сложилась национальная идея, построенная на осознании своего отличия от соседей – москалей и поляков. Де-факто крестьяне, мещане и шляхта представляли этническое сообщество (народ), но не смогли подняться до осознания самих себя как единой нации.

Почему? Потому что образованные слои (шляхта, купечество, ремесленники, духовенство) были частью уничтожены, частью эмигрировали, частью изменили политическую ориентацию – сначала на Польшу, потом на Россию. Но сейчас, благодаря возрождению собственного государства, быстрыми темпами формируется «политическое сообщество» – современная белорусская нация.

Если посмотреть на этот процес с позиций теории Льва Гумилева, то мы увидим следующее. «Пассионарный толчок» – это восстание 1863 года. Именно тогда К. Калиновский и его товарищи впервые осознали себя белорусами и заявили о своем стремлении к автономии Беларуси в составе «новой» Речи Посполитой (Польша + Литва-Беларусь + Русь-Украина).

По Л.Н. Гумилеву, с момента пассионарного толчка до завершения процесса формирования новой нации проходит 150–180 лет. Следовательно, современная белорусская нация должна полноценно проявить себя в середине этого периода, в 2023–2028 годы.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ БЕЛАРУСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Анатолий Остапенко
политолог

1. Аксиомы беларуского национализма

Людей без национального начала на Земле просто нет. Каждый рождается либо китайцем, либо русским, либо эстонцем... Я родился беларусом. Но если Господь дал мне жизнь в облике беларуса, значит так надо, и в этом моем национальном существовании имеется Высший смысл. И я, будучи христианином, обязан сделать для своей нации все, что в моих силах.

Первая аксиома: беларускость

Что надо понимать под беларускостью?

Беларускость – это внутренняя суть беларуса. Она складывается из привязанности к Отечеству, национального сознания и беларуского языка. Но сегодня большинству граждан Беларуси присущи противоположные качества: исповедание принципа «мой дом там, где мне хорошо», ощущение себя «русским со знаком качества» и «трасянка» пополам с матерщиной,

В такой ситуации, которую многие называют нормальным состоянием современного беларуского общества, всякое исключение из нее приобретает особый статус. Для некоторых людей (постепенно их становится все больше) беларускость это в определенном смысле профессия. Конечно, словосочетание «профессия – беларус» является парадоксом. Но такая профессия сейчас очень нужна. Только профессионалы беларускости способны довести до конца затянувшийся процесс конструирования беларуской политической нации.

Беларускую нацию надо строить без уклонов «вправо» или «влево», без выделения «восточного» или «западного» вектора как определяющего. Только на своей земле, будучи «здешними» людьми, мы можем осознать себя беларусами, сформулировать и принять в качестве путеводной звезды свою собственную Национальную Идею. По этому поводу уместно вспомнить строки Ларисы Генiюш:

Нам не страшны сібірскі больш холад,
Нам не страшны маскаль, альбо лях.
Чужы серп не патрэбен, ні молат –
Мы разгорнем наш крывіцкі сцяг!

Высказанная в этих строках мысль не сочетается с идеологией «старшего и младшего брата», не имеет ничего общего с теорией «славянского единства».

* Автор представил свою статью на беларуском языке. Однако «Деды» – издание русскоязычное. Поэтому я перевел авторский текст. Соответственно, упреки Анатолю Остапенко – «а чаму гэны беларускі нацыяналіст пиша па-расейску» злопыхатели могут засунуть себе в одно интимное место. – *А.Е. Тарас.*

Что касается последнего, то лингвисты и литераторы могут сколько угодно говорить о едином корне всех славянских языков. Но, как мы все знаем, несмотря на близость языков, нации бывают очень разными и даже враждебными одна другой. Достаточно вспомнить, как воевали между собой сербы и хорваты, у которых один язык – сербскохорватский!

Вторая аксиома: любить Беларусь

Под беларуской нацией я понимаю такое сообщество людей, которое населяет нашу страну – Беларусь, и которое навсегда соединило свою судьбу с ее судьбой. У меня много претензий к этой стране – упадок родного языка, забвение духовных начал общественной жизни, низкий уровень общей и национальной культуры, авторитарный стиль управления и прочее...

Но я знаю: если я родился здесь, то так решил Господь согласно своему высшему замыслу. Он меня поставил сюда как своего солдата и здесь я должен прожить всю жизнь.

Я отрицательно отношусь к тем, кто в поисках «лучшей судьбы» бежит за границу и строит там заново свою жизнь, приспосабливаясь к чужим традициям, чужой культуре, чужому языку. Они даже любят Беларусь, но... заочно, в уме. А на деле изо всех сил пытаются стать другими, несмотря на то, что это безнадежно. Приспособиться, привыкнуть можно, стать иным – нет. Неужели трудно понять простую логику: если бы я был нужен Америке или Германии, то появился бы на свет именно там! Но я родился здесь!

Очень неправильно поступают родители, отправляющие своих детей учиться за границу, а чаще горничной, продавцом или шофером, только бы закрепиться навсегда. Большинство этих молодых людей потеряно навсегда и для Беларуси, и для родителей, и для беларуской нации.

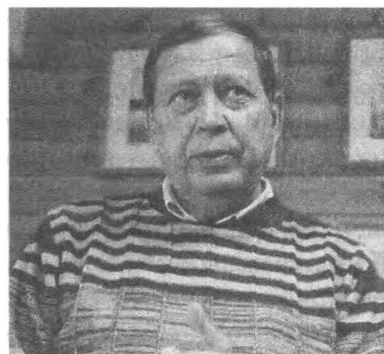
Третья аксиома: национальная идея несовместима с плутократией

Демократия во всех экономически развитых странах мира давно выродилась в плутократию. Плутократия – это такое устройство общество, когда политические институты (например, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, наличие многочисленных партий и общественных организаций) являются ширмой, прикрывающей реальность – всеобъемлющую власть богатой верхушки общества.

Плутократия никогда не дружила ни с демократией, ни с национализмом. Для нее демократическая риторика – один из способов дискредитации национальной идеи, замены ее идеей космополитизма. А главный принцип космополитов тот же, что у рядовых обывателей: «моя родина там, где мне хорошо». Главным же признаком благополучия является наличие определенной суммы денег. Чем их больше, тем лучше я себя чувствую в конкретный момент в конкретной точке земного шара.

Чем больше присутствует в общественной жизни демагогия плутократов – тем меньше остается места для национальной идеи. Ярким примером может служить эволюция нашей оппозиции. Чем больше проектов она реализовывала под надзором доверенных лиц американской плутократии, тем меньше звучал в их среде беларуский язык. И святое для Беларуси – национальная идея – оказалась

ныне заброшенной. Свидетельством успешности индивида стал материальный признак: сумма финансовых средств на явных и тайных счетах, недвижимое имущество не только здесь, но и в других странах.


А.В. Остапенко

«Лучший подарок Запада» (демократия) оказался совсем не тем, что мы думали до 1991 года. Да, у нас исчезла номенклатура партийных органов, но появились новые хозяева жизни, так называемые «новые беларусы», которым наплевать и на коммунистические лозунги, и на беларускую идею. У них идеал иной: счета в заграничных банках, загородные коттеджи, регулярное посещение мировых столиц и экзотических курортов как образ жизни.

Теоретически, демократия – это власть народа. А на практике бывшие номенклатурщики и новые богачи (часто одни и те же лица) сплотились в новый правящий класс и ловко манипулируют основной массой населения, той самой, которую принято называть «трудящимися». Имея в полном распоряжении государственные средства массовой информации, административные органы и силовые структуры, деятели якобы «народной власти» реализуют свои корыстные цели. Достаточно вспомнить о том, как под демократическими лозунгами проводился референдум 1995 года, перекрывший путь беларускому национальному возрождению и внедривший вместо него авторитарный режим.

Четвертая аксиома: беларуская национальная идея имеет свое основание в христианстве

У каждого народа есть национальный инстинкт, дарованный ему Богом. У беларусов этот инстинкт проявляется в особенностях характера людей, в живучести народных традиций, в своем языке, который убивают уже 200 с лишним лет, но никак не могут убить окончательно.

Истинный национализм не противоречит соборности, он является основой соборности. Путь к всемирному единству прокладывается через национальное. Всемирное единство – это венок, сплетенный из многих тысяч разных цветов. Чем их больше, чем они ярче, тем прекраснее венок. Никого не обрадует такое положение вещей, когда на всех клумбах по всему миру будет расти один-единственный цветок, пусть даже сам по себе красивый. Всегда, везде, во всем ценилась, ценится и будет цениться оригинальность, неповторимость. Вспомните, с чего начинается любовь между мужчиной и женщиной. Со слов «ты не такая (не такой) как другие!»

Христианство – это любовь Всевышнего, которая распространяется на всех людей и тем самым сближает их. Христианство утверждает индивидуальность личности, ибо в каждой личности есть божественная частица – душа, и каждая личность может обратить свои мысли и чувства к Всевышнему, ибо она обладает свободой воли. А национализм – это подчеркивание индивидуальности целого народа и любви Бога к этой индивидуальности, ибо она – Его творение. Тем самым, национализм благословляется христианством.

Христанство утверждает, что национальная особенность – это особый дар Бога каждому народу, и он – этот дар – заложен в каждом человеке каждого народа. Такова религиозная сущность национализма.

Сказанное объясняет религиозную обязанность всех людей, неизбежно принадлежащих к тому или иному народу. Душа каждого человека должна стремиться к Богу, оставаясь при этом в конкретном теле, принадлежащем к определенному народу. Итак, национальное начало от рождения естественным образом присуще каждому человеку.

Првда, в определенных обстоятельствах, под влиянием разных общественных запретов, это начало может не проявляться, даже подавляться. Но это уже другая проблема, которой мы здесь не касаемся.

Пятая аксиома: национальное мышление должно проявляться на государственном уровне

Беларуский народ, по мнению ученых, вполне сложился еще до конца XVII столетия. Но процесс формирования беларуской политической нации (третий этап развития этноса) не завершился до сих пор. Могут спросить, на каком основании я считаю, что процесс образования нашей нации еще не закончился. Это выводится из всем известных, давно наболевших проблем.

В первую очередь очевиден упадок беларуского языка и культуры. Но самое большое сожаление вызывает отсутствие беларуского национального мышления у государственных руководителей всех трех уровней: районного (городского), областного, центрального.

Отсюда ликвидация беларусскоязычных детских садов, школ, вообще образования на беларуском языке. Отсюда чисто формальный статус «беларуской мовы» в качестве государственного языка. Где, в каком органе власти чиновники разговаривают на этом языке?! За 22 года независимости у нас так и не создали Беларуского Национального Университета, в котором все основные предметы преподавались бы на «роднай мове». Отсюда также упадок национальной культуры. Ее место все больше и больше занимает поп-культура, космополитическая по форме, антихристианская по содержанию.

На мой взгляд, главное средство реализации пятой аксиомы – всеобщее постижение национальной беларуской истории через ее изучение. Это потому, что ни беларуский язык, ни христианские церкви в нынешних условиях не могут обеспечить осознание жителями Беларуси своего единства именно как нации.

Теперь рассмотрим основополагающие принципы нашего понимания беларуской истории.

2. Принципы понимания беларуской истории

Принцип первый

Он касается выдуманного «славянского братства». Я утверждаю, что нет и никогда не было славянского братства, как не было единого славянского племени. Есть группа языков, называемых славянскими, подобно тому, как существует группа романских языков, носителями которых являются народы Италии, Франции, Испании, Румынии и других стран, в том числе всей Латинской Америки.

Но ведь никто не заявляет о «братстве» стран этой группы, не предлагает политические проекты, основанные на «романском единстве».

Анализ исторического пути указывает на близость беларуского этноса к литовскому (балтскому) и украинскому этносам. Наше общее происхождение и взаимные влияния очевидны.

Что касается украинцев, то мы долгое время фактически были одним народом — по крайней мере во времена ВКЛ. У нас одни и те же национальные герои, старобеларуский (на Украине считают, что староукраинский) язык, одни песни, сказки, предания. Разделение единого этноса на два началось не так уж и давно — во времена Речи Посполитой (т.е. не раньше XVII века). Украинцы считают, что Статут ВКЛ написан «україньскою мовою». Мы считаем и говорим повсюду — «беларуской». Это значит, что язык тогда у нас был один (понятно, что всегда имело место различие в говорах населения разных областей, как теперь принято говорить, — на диалектном уровне). Но постепенно сформировались два разных языка и две нации — беларуская и украинская.

Совсем другое дело — русский этнос. Во-первых, у него долгое время не было крупного культурно-политического центра вроде Полоцка или Киева, вокруг которого группировалась бы будущая русская нация. По крайней мере во времена Киевской Руси его не было. Суздаль? Новгород? Тверь? Ответы отрицательные.

Потом центром стала Москва. Но это позже, и намного. Только с XVI века Московское царство стало претендовать на роль «главного» славянского государства и даже объявило себя Третим Римом.

С этого момента почти 300 лет (до конца XVIII века) два крупных славянских государства — ВКЛ и Московия — спорили за свое лидерство во всех областях, пока ВКЛ не потерпело поражение и не исчезло в результате трех разделов Речи Посполитой.

Принцип второй

Беларуская культура не какая-то переходная культура между Европой и Азией, между Польшей и Россией — а вполне самостоятельная, которая оказала и продолжает оказывать влияние на все регионы вокруг себя. Правомерность такой мысли подтверждается, в частности, деятельностью тысяч этнических беларусов, ставших национальными звездами Польши и Летувы, России и Франции, Америки и других стран. Например, наш соотечественник Адам Мицкевич — классик польской литературы, Федор Достоевский — гений русской литературы, Гийом Апполинер (Костровицкий) — знаменитый французский поэт, Игнат Домейко — национальный герой Чили. Но в творчестве каждого из этих людей можно ощутить влияние Беларуси.

Беларусы — арийский народ. Среди всех славянских и балтских народов мы в наибольшей мере сохранили свои древние антропологические и психологические особенности, свой уникальный генотип. Эту мысль подтверждают данные генетики, антропологии, археологии, лингвистики. В беларуской «мове», несмотря на двести с лишним лет русификации, до сих сохранилось много древних черт. По мнению С. Судника, наша мова близка к санскриту.

Просматривается и высший смысл. Я имею в виду наш национальный флаг из трех полос — белой, красной и снова белой. Именно такие цвета украшают

одежду епископов в беларуской православной Церкви. А с учетом того, что долгое время после принятия нашими предками христианства существовало единство Государства и Церкви, священная бело-красно-белая гамма распространяется на всю культурную и общественную жизнь древней Беларуси. Нет другой такой страны, ни православной, ни католической, где совпадали бы церковные и государственные символы. Только Беларусь!

Бело-красно-белый флаг это наш уникальный символ, дарованный самим Господом. Вспомните Христову кровь на плащанице. Те же цвета – белый, красный, белый... Бело-красно-белый флаг символизирует искупительную жертву Христа, эта его кровь на белой коже Божьего творения Шестого дня – на человеке, созданном по образу и подобию Отца.

Такие параллели не бывают случайными, Беларуси предназначено быть избранницей Божией, а не только географическим центром современной Европы.

Принцип третий

Беларуская историография должна быть национальной. Ее содержание и предмет изучения – история беларуских племен (кривичей, дреговичей, ятвягов, радимичей и прочих), история беларуского народа (литвинов и русинов) и, наконец, беларуской политической нации.

Беларусь имеет тысячелетнюю историю. Ибо начало ее – провозглашение независимости Полоцка и Турова в X–XI вв. И это большая честь – знать, что ты частица народа, который свою государственность датирует тысячелетием. Мы были государством уже тогда, когда Москвы вообще не было...

Великое Княжество Литовское и Русское было государством с явно беларуским характером, беларуской культурой, государственным беларуским языком. Оно существовало более 550 лет (от основания Новогородской державы около 1240 г. до трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII века) и было одним из крупнейших в Европе.

Его территория занимала огромное пространство от Балтийского до Черного моря. Беларусы населяли не только территорую современной Беларуси, но и Виленский край (ныне в Летуве), Латгалию (ныне в Латвии), Псковскую, Тверскую, Смоленскую и Брянскую области (ныне в России), часть Черниговской области (теперь это Украина), Подляшье и Белостокское воеводство (ныне в Польше).

Великое Княжество Литовское и Русское было беларуским государством. Все князья ВКЛ, начиная с первого князя Миндовга, пользовались беларуским языком не только в делопроизводстве, но и в повседневной жизни. Нет никаких свидетельств о каком-то сходстве их родного языка с языком жамойтов – этноса предков современных летувисов. Язык «литвы» и «руси» средневековья – беларуский, литвины и русины – название беларусов тех времен.

Все главные исторические события, экономические, технические, научные и культурные достижения ВКЛ связаны исключительно с беларусами (в определенной мере и с украинцами), но не с жамойтами. Иначе говоря, вся история старой Литвы принадлежит не современной Летуве, а Беларуси. Но Летува нагло присвоила себе это наследие.

Позор нам, что наш исконный герб Погоня – сегодня герб соседней страны (Летувы), позор, что нашу древнюю столицу Вильню сегодня даже у нас назы-

вают Вильнюсом. Позор нам, что наша страна, которая в XIII – XVI веках несла беларускую культуру далеко на Запад и на Восток, сейчас утратила свое историческое название, которое «подобрали» и присвоили в Летуве, маленькой стране, расположенной в северо-западном углу от территории истинной Литвы, находившейся в бассейне среднего течения Немана.

Именно беларусы принесли христианство соседнему народу жамойтов, принесли вместе с ним европейскую культуру и в буквальном смысле «вывели из леса». Только в конце XIX века был создан литературный литовский язык и вообще стало известно о существовании Литвы в современном смысле слова – неславянского и небеларуского государства.

Далеко не второстепенное событие – издание первых книг (Библии, катехизиса и др.) в ВКЛ на беларуском языке. Первый печатный станок, использовавший кириллический алфавит, был создан Ф. Скориной на полстолетия раньше первопечатника Московии Федорова. Впрочем, на самом деле то был Ян Федорович из Баранович, а Иваном Федоровым его называли только в Москве.

Еще один штрих. Именно беларусы в XVII веке отстроили Москву (об этом писал даже такой заядлый русификатор как Лаврентий Абецедарский). Это не случайно, ибо уровень культуры и техники в ВКЛ тех времен на порядок превосходил соседнюю Московию. Вообще, перечисление вклада беларусов в мировую культуру можно продолжать бесконечно.

Именно поэтому всю историю Беларуси и ее титульной нации – беларусов – необходимо переписать в национальном духе, без оглядок на Россию, Польшу и Летуву и, вдобавок, без оглядки на Европу. Ее надо переписать так, чтобы в ней не было место выражениям типа «ВКЛ – беларуско-литовское государство», а только «ВКЛ это исключительно беларуское государство».

И русско-польские войны Московии, о которых любят рассуждать некоторые авторы, были войнами не с Польшей, а прежде всего и в основном с Беларусью. Не надо замалчивать деликатный момент, связанный с объявлением в России 4 ноября «Днем национального примирения и единства» в память об освобождении Москвы от «поляков» в 1612 году. Те «поляки» были в действительности беларусами!

Когда я четвертого ноября иду в Свято-Петро-Павловский храм чтобы отметить день Казанской Божьей Матери, то всегда думаю о том, что нам надо быть честными в таких вопросах. Надо помнить, что отношения между православным ВКЛ и православной Московией во все времена были далеки от дружеских. Торжество одного государства часто становилось трагедией для другого.

Нам надо заново пройти свою тысячелетнюю историю, переписать все учебники и монографии, всю популярную литературу с позиций беларуской национальной идеи.

3. Какой должна быть формула беларуского национализма?

Мне кажется, что невозможно найти универсальную формулу Беларуской национальной идеи (БНИ). Ниже предлагаются только некоторые простые подходы к решению этой проблемы, которые на мой взгляд очевидны и не требуют чрезмерных усилий для реализации.

В основе моих рассуждений лежит простая истина:

Национализм – эта прежде всего любовь к своему народу, к своему Отечеству и вера в его лучшее будущее. Эта не любовь-эрос с чувственными, физическими отношениями между объектами, и не любовь-филия между друзьями. Это любовь-агапэ, Божественная любовь, освященная христианской Церковью.

Надо констатировать очевидный факт: наше оппозиционное движение ныне фактически зашло в тупик и мало способно к борьбе за демократию, права человека и вообще за вывод Беларуси из глубокого кризиса. Поэтому в наличной ситуации нужен кардинально новый подход к этой проблеме.

Во-первых, мы должны четко знать: «Чего мы хотим?».

Во-вторых, если знаем ответ на первый вопрос, должны дать ответ на сакраментальный вопрос: «Что делать?»

Несомненно, граждане Беларуси солидарны в том, что хотят лучшей жизни. Но эту «лучшую жизнь» они понимают по разному. Большинству хочется иметь как можно больше денег при минимуме усилий. Однако есть и такие, которые скажут: достойная жизнь – не только деньги, это еще и культура, родной язык, это Мать-Беларусь. Есть также большая третья группа, люди, которые толком не знают, чего хотят, их сравнительно нетрудно сделать сторонниками и первого, и второго подходов.

Поэтому ответ на второй вопрос («что делать?») зависит от того контингента граждан, с которым мы имеем дело. Надо подойти к ответу на него гибко, преподнести свои предложения таким способом, чтобы они были близки и понятны максимально большему кругу граждан.

Например, мы должны (по крайней мере, на первом этапе) отбросить отвергаемые большинством граждан Беларуси «культурнические» меры, преследующие идею всеобщего господства беларуского языка. До абсурда доходят некоторые деятели, заявляющие: «будзе мова – будзе і дэмакратыя». Хочется сказать им: «Не будет, господа, это не так просто. Путь к цивилизованному демократическому обществу очень долог и сложен».

Прежде всего нам надо определить приоритеты, могущие служить прочными опорами в этом неустойчивом обществе, надо предложить такую идею, которая бы удовлетворила всех. Ее принято называть национальной. Какой же должна быть беларуская национальная идея?

Надо отметить, что вообще само словосочетание – беларуская национальная идея – непонятно «среднему» жителю нашей страны. Поэтому надо формулировать ее в двух вариантах:

А – для сознательных граждан;

Б – для большинства «электората».

Беларуская национальная идея для группы А.

Прежде всего надо твердо усвоить, что беларуская национальная идея – это проект реализации нации и национального государства.

Главные атрибуты беларуской национальной идеи (БНИ).

1. БНИ – это стремление гражданина Беларуси осознать себя в своей нации и в своем национальном государстве.

2. БНИ выражает определенный тип культуры, свойственной беларускому эт-

носу, она включает сферы экономики, образования, религии, искусства, литературы, другие элементы сознательной целенаправленной деятельности граждан.

3. Только национальная идея способна психологически объединить разные, подчас несогласные друг с другом группы населения, живущие совместно в одном государстве.

Теперь конкретизируем эту общую позицию.

а) Символика

Нет государств без своей символики: национального флага, герба и гимна. Беларусы тоже имеют свою древнюю национальную символику. Это бело-красно-белый флаг, герб Погоня, несколько национальных гимнов, среди которых самым любимым является «Магутны Божа», написанный композитором Николаем Равенским на слова прекрасной поэтессы Натальи Арсеньевой. «Магутны Божа» это неофициальный гимн всех беларусов мира.

БНИ достигнет своей подлинной силы только тогда, когда эта символика станет родной для каждого гражданина и превратится в официальную.

б) Религия

В развитых национальных государствах Церковь неизбежно имеет национальный отпечаток. Как в католических Костёлах, так и в православных Церквах богослужение по возможности надо вести на национальных языках, либо в комплексе с профетическими языками (вроде церковнославянского).

в) Образование

Обучение должно вестись на языке титульной нации. Но это в идеале, сам же переход на беларуский язык должен быть постепенным, гибким, незаметным. Для того, чтобы избежать дискриминации национальных меншинств, на территории их компактного проживания наряду с обычными учебными учреждениями надо открывать школы с родным языком меншинств.

д) Национальная экономика

Некоторые экономисты считают, что не существует национальной экономики. Это неверно. Именно упор на национальные ценности позволил послевоенной Германии быстро выйти из кризиса. Людвиг Эрхард, творец послевоенной немецкой экономики, назвал предложенную им экономическую программу «немецким чудом». ФРГ благодаря продуманной и национально ориентированной экономической программе за небольшой срок (1947 – 1953 гг.) вышла из состояния полной разрухи и стала передовой европейской страной.

Каждое передовое государство достигло своих успехов в экономике именно благодаря своим национальным особенностям в сфере экономической жизни сфере (традиции торговли, ремесел, сельского хозяйства и т.п.). Яркие примеры – Швейцария, Германия, Япония, Южная Корея...

Помимо национальных особенностей в хозяйственно-экономической деятельности, при разработке проектов развития экономики важную роль играют территориальные и геополитические особенности страны. Это наличие природных богатств, особенности ландшафта, местоположение страны на карте. Например, ряд европейских стран получает значительный доход от транзита товаропотоков через свою территорию (Швейцария, Чехия, Австрия и другие).

Беларусь тоже имеет все эти атрибуты со своими плюсами (например, удобство транзита) и минусами (например, отсутствие морских портов).

г) Изучение своего прошлого

Беларуская национальная идея должна находить свои корни в прошлом. Историческое наследие начинается с памятников материальной культуры, это наши летописи и хроники, народные традиции, предания, фольклор, искусство и прочее. БНИ крепнет на историческом материале, набирает силу.

Не удивительно, что многие авторы ради самоутверждения своего народа апеллируют к гиперболизированным событиям, неоправданно возвеличенным фигурам минувших веков, к легендам и мифам. Герои прошлого идеализируются, их отрицательные черты и поступки стираются ради того, чтобы дать положительный пример своим современникам и будущим поколениям.

Яркий пример – историография современной Летувы, где все достижения ВКЛ в культуре, политической жизни и других сферах объявлены законным наследством нынешних летувисов, потомков жамойтов, хотя хорошо известно, что до 90 % жителей великого княжества составляли предки современных беларусов и украинцев.

ж) Формирование беларуской нации-государства

Беларуская политическая нация возникнет тогда, когда все граждане страны, включая тех, кто не принадлежит к титульной нации, осознают себя равноправными гражданами единого суверенного государства. БНИ играет роль «путеводной звезды» в этом процессе.

з) Внешняя политика

Национальные интересы страны должны быть определяющими при заключении международных договоров, вступлении в межгосударственные экономические и политические союзы.

Игнорирование своей национальной идеи может привести к постепенному поглощению Беларуси более сильным соседним государством. Именно так сложился путь ВКЛ после заключения в 1569 году Люблинской унии с Королевством Польским и церковной Брестской унии в 1596 году Определяющими факторами внешней и внутренней политики стали тогда частные интересы магнатов, зажиточной шляхты и богатой части горожан. Так и теперь Беларуси угрожает поглощение ее Россией из-за непродуманной внешней политики.

и) Идеологическая платформа

Национальная идея обретет законченный вид тогда, когда она станет идеологической платформой беларуской политической нации.

По сути дела, национализм есть реализация национальной идеи в теоретической плоскости, а возникновение политической нации есть реализация национальной идеи в практической плоскости.

Беларуская национальная идея для группы Б (электората)

Надо стремиться к тому, чтобы платформа БНИ, сформулированная применительно к группе А, стала близкой и понятной также и группе Б – основной массе жителей Беларуси.

1. Первая и важнейшая задача, одинаково нужная всем группам населения, — осознание необходимости существования Беларуси как независимого государства. Если для большинства членов оппозиционных партий и неправительственных организаций, национально сознательной части интеллигенции эта истина не требует доказательств, то для простых людей — работников сферы торговли и обслуживания, рабочих, крестьян, а также для большинства пенсионеров, живущих прошлым, — независимость не есть очевидная ценность. Предложим сильные аргументы:

а) Идея своего дома. Беларусы народ домашний, хозяйственный, привязанный к своему углу. Надо, сделав упор на эти качества, последовательно проводить в жизнь лозунги: «Беларусь — наш дом», «беларус — стань хозяином своей земли!». Слово хозяин здесь надо понимать не только в смысле владения участком земли на селе или в дачном товариществе, а широко — хозяин всей беларуской земли: полей, лесов, рек, озер и т.д.

б) Беларусы не любять воевать, а тем более — воевать на чужой земле и за чужие интересы. Надо последовательно доказывать людям, что тесный политический союз с Россией, тем более слияние с ней — это крайне опасный шаг. Это и засилье кавказцев на рынках, и колониальные войны типа чеченской, и служба наших сыновей в горячих точкаах и неизбежные цинковые гробы. Сейчас, в связи с событиями в Украине, доказывать все это нетрудно.

2. Вторая задача — воспитание чувства своего достоинства, самоценности своего «Я». Мы ничем не хуже других народов и даже лучше многих. Наш народ трудолюбив, у нас один из самых высоких в Европе уровень образованности населения. Наши ученые, инженеры, врачи, писатели, художники известны всему миру. Мы должны навсегда выбросить ярлык неполноценного народа, якобы не имеющего ни своей истории, ни своих героев. Надо развивать тот тип национализма, который в политологии называют «престижным». Для этого требуется в разумных пределах мифологизировать свое прошлое.

3. Третья задача — формирование народного вождя. Надо дать народу нового, или же поставить старого руководителя государства на новый фундамент.

Исторически сложилось так, что беларуский народ привык жить за спиной «батьки». Когда-то был великий князь. Потом царь. Потом «отец всех народов» — Сталин. Его боялись, но и ценили — за «твердую руку». Потом — Хрущев, Брежнев, Андропов... А для беларусов кроме них еще и Машеров.

Не совсем верным представляется суждение, что гарантом суверенности Беларуси должно быть сильное гражданское и политическое сообщество. «Сильным» это сообщество как раз и должен сделать президент, вождь, которому поверит народ. Не так-то просто нашему народу изменить вековую традицию подчинения «главному начальнику» — царю, генсеку или президенту. Эта традиция давно превратилась в одну из черт нашей ментальности.

Поэтому к избранию каждого нового президента надо относиться очень ответственно. Он должен быть своим для большинства граждан, он должен говорить то, что народ хочет слышать, выступать за дружбу с Россией и за хорошие отношения с Европой и США.

Но чтобы не повторилась теперешняя ситуация с неограниченными правами президента, надо законодательно ограничить его возможности.

4. Конструирование политической нации

Анализ реального состояния беларуского этноса дает нам основы для конструирования беларуской политической нации.

Мы разделим эти основы на две группы: первую назовем «группой НЕТ». Это идеи, которые нельзя ставить в качестве первичных, сосредоточивать на них максимум внимания, хотя они и имеют отношение к формированию беларуской нации. На втором этапе они, возможно, станут главными. Но только после осуществления первого этапа, или в сочетании с ним.

Вторая группа объединяет идеи, которые должны быть первичными, взять на себя всю тяжесть созидательной работы. Назовем их «группой ДА».

Группа НЕТ

У беларусов в отличие от многих развитых народов, например, прибалтийских, не сложился ярко выраженный национальный облик, который чаще всего связывают с родным языком. Здесь нет нужды углубляться в причины этого явления. Будем исходить из того, что оно есть.

1. Прежде всего отметим очевидный факт: беларуский язык не может сегодня служить основой для беларуской национальной идеи. Политическую нацию придется создавать на основе других ценностей. Язык «придет» позже и придет обязательно, но уже после того как в обществе преобладающим типом станет сознательный беларус. Этот сознательный беларус САМ захочет говорить на родном языке. Кстати, многие, если не большинство, сознательных беларускоязычных граждан заговорили по-беларуски тогда, когда стали взрослыми, – именно через осознание себя беларусами, отдельным народом, а не «западной частью русского народа».

Какие же факторы надо выделить, чтобы конструирование беларуской политической нации стало возможным? И какой механизм можно взять за основу?

История знает разные варианты становления наций. Например, германская нация основана на языковом объединении людей. В свое время именно немецкий язык объединил разные земли Священной Римской империи, имевшие только одно общее свойство – единый язык, пусть и в диалектных вариантах. Однако для беларусов, по упомянутым выше причинам, этот вариант, к сожалению, мало вероятен.

2. Не подходит беларусам и религиозная модель единения нации. Известно, что поляк ассоциируется с католицизмом, русский – с православием. Англиканская церковь стала церковью англичан – их, и только их религией. Именно эта обстоятельство явилось решающим фактором преобразования английского этноса в политическую нацию еще в XVI – XVII веках.

В Беларуси же имеет место пестрая палитра религиозных конфессий, поэтому поиск единой национальной веры для «среднего беларуса» заведет нас в тупик. Эту область следует отнести к самым интимным сторонам ментальности жителей Беларуси и не пытаться настырно лезть в нее.

3. Исторические мифы героико-патриотического содержания очень важны для беларусов. Но они «дойдут» до основной части народа только на втором этапе. Дело в том, что за 70 лет большевистского режима у беларусов сложился менталитет отверженного народа, по типу крылатого выражения: «мы не люди –

мы полешуки». Свое знаменитое историческое прошлое они не знают, а если кто-то и доводит до них реальные исторические факты, то их воспринимают с большим трудом: «Может оно так и было, но все же...».

Группа ДА

1. Наиболее приемлема для беларусов французская модель – конструирование нации вокруг идеи государственности. Действительно, совместное проживание граждан Беларуси на компактной территории с неплохими природными условиями, с выгодным геополитическим положением, с высоким интеллектуальным и научно-техническим потенциалом – эта почти идеальная модель для развития современного государства европейского типа. Это уже давно поняли беларуские предприниматели, которые одними из первых стали ценить и защищать наш суверенитет.

Беларусь как нейтральное независимое государство, разделяющее (и в то же время соединяющее) государства НАТО и Российскую Федерацию, страны Балтийского моря и Украину – реальный, жизнеспособный и выгодный вариант. Наша внешняя политика должна стремиться к установлению тесных экономических отношений со странами Западной Европы и США – с одной стороны, с Россией на основе равноправных партнерских связей – с другой стороны.

2. Несколько задач надо решить в первую очередь. Надо выработать несколько соглашений (правил), которыми мы будем пользоваться в своей работе.

Прежде всего это касается грамматики беларуского языка. В данный момент есть несколько вариантов используемой грамматики, среди которых выделяются три главных: тарашкевица, наркомовка и какой-то средний вариант («дзеясловіца», его пропагандирует журнал «Дзеяслоў»). Такое положение вещей ведет к путанице, недоразумениям, наконец, к общей безграмотности.

Еще в начале 1990-х годов была выдвинута идея проведения научной конференции по беларускому правописанию с целью выработки единых норм беларуской грамматики. Но идея осталась нереализованной. И не надо ждать инииативы от нашей Академии Наук. Такую конференцию можно провести посредством Интернета.

Вообще, именно Интернет дает очень широкие, почти неограниченные возможности для развертывания практической работы по формированию беларуской политической нации. А когда начнется успешное наполнение национальным содержанием семантического пространства представителей «группы ДА», она неуклонно потянет за собой и группу НЕТ.

3. Одного только факта наличия государства недостаточно для конструирования политической нации. Это только важное условие ее создания. Нацию надо строить. И вот этот механизм строительства у нас надо запускать с нуля. Такой вариант известен как финский. Финскую нацию создали национальные идеологи в конце XIX века через создание финского мифа, который, в свою очередь, был внедрен в народ через образование и просвещение.

По нашему мнению, беларускую нацию тоже можно создать с нуля. Но не путем распространения романтических мифов о национальных гениях, а посредством внедрения четкой концепции, объясняющей практичность национального существования, удобство быть беларусом, приоритетность беларуской

идентичности в Беларуси по отношению к другим этносам. По принципу «мы первые среди равных».

Начало XXI века застигло беларусов в благоприятный момент для формирования своей идентичности, построения своей политической нации и распространения своего национализма.

Весь XIX век, это эпоха индустриальной революции, которая привела к преобразованию многих этносов в политические нации, что, в свою очередь, повлекло за собой после Первой мировой войны создание целого ряда национальных государств. Этот процесс продолжается и сейчас, на политической карте мира появляются все новые и новые государства. Но сейчас весь мир вступил в принципиально новую эпоху, первые признаки которой еще 20 лет назад никто не замечал.

Эта эпоха называется информационной революцией и она связана с возникновением глобальной электронной сети – Интернета. В начале 1990-х годов, когда у нас во второй раз (после 1918–1920 гг.) начиналось национальное Возрождение и становление своей государственности, в мире произошла информационная революция. Она очень быстро и очень резко меняет отношения между людьми, менталитет сотен миллионов.

Благодаря мировой компьютерной сети весь земной шар всего за 20 лет преобразовался в единую систему, законы функционирования которой следуют из общей теории систем. Нынешнюю эпоху всемирной истории связывают с процессами глобализации, а мировое сообщество государств уже получило название «сетевого сообщества». Все это переводит и наше существование на качественно новый уровень.

Вместе с развитием и углублением процесса глобализации не меньший размах получил и обратный процесс. Суть его в том, что как никогда раньше у людей проявилось стремление к поискам своего тождества. «Самость», собственное «Я» приобретает сейчас первостепенное значение. И мировая компьютерная сеть (интернет) – лучшее средство к формированию беларуской идентичности, осознанию своей «непохожести» на других. То, что делали некогда финны «вручную», начиная свою нацию «с нуля» – ходили в народ, через молодых учительниц образовывали деревню, теперь можно осуществить совершенно иначе, практически не выходя из дома. Более того, теперь почти каждый может лично уаствовать в формировании нации сознательных беларусов. Компьютеризация, телекоммуникации проникают сейчас в каждый город, в каждый дом, а вскоре придут в каждую деревню.

Все это дает нам хороший шанс для создания политической нации. Но чтобы этот процесс не шел «самотеком», его надо централизовать, определять задачи и разрабатывать проекты, работающие на торжество беларуского национализма.

Дополнение: от племен – к нациям
(А.Е. Тарас)

В современных социальных и гуманитарных науках одним из базовых терминов является понятие этноса.

Под таковым понимается устойчивая во времени совокупность людей, исторически сложившаяся на определенной территории, обладающая единым языком, общими особенностями материальной и духовной культуры (одежда, жилище, обряды, обычаи), а также общим самосозанием (понимание своего отличия от других этносов).

Ученые выделяют три основных этапа в истории развития этносов. Первый – это племя. Второй этап – народ. Третий – нация.

Все известные племена возникли в древности, еще в эпоху первобытнообщинного строя. Когда стали появляться государства, внутри их в процессе объединения (слияния) родственных племен формировались народы. И, наконец, по мере превращения феодальных государств в буржуазно-демократические, разные народы (а кое-где еще и племена) объединялись в нации.

Из этого тезиса следует вывод, что нации стали возникать не раньше XVII века, когда в некоторых странах (первой была Англия) победили буржуазные отношения. Большинство же стран вступило в период образования наций только в XIX веке. Более того, он (период) еще далек от завершения. В первую очередь это касается бывших колониальных стран. Напомним, что Беларусь (раньше она называлась Великим Княжеством Литовским) на протяжении 220 лет (1772–1991 гг.) была колонией России.

Нация – это сообщество, возникающее на основе нескольких или даже многих народов, среди которых всегда выделяется титульный народ (например, русские в России, англичане в США, беларусы в Беларуси). Для его членов характерно общее понимание самих себя как принадлежащих именно к этому сообществу, в отличие от всех других.

Ведущими признаками (маркерами) принадлежности к определенной нации в современный период являются психологические феномены. Это в первую очередь самосознание (кем считают себя сами люди), а также принятие культуры титульного народа, в том числе его литературного языка. Из остальных признаков сохраняют важное значение гражданство и территория проживания.

Поскольку такой этнический признак как единое происхождение (совпадение антропологических и генетических характеристик) давно утратил роль определяющего, постольку современные нации принято называть политическими. Это значит, что они складываются из многих народов. Например, в Беларуси сейчас проживают представители 140 народов. Наша политическая нация возникает на их основе, но при ведущей роли этнических беларусов составляющих не менее трех четвертей населения.

МИФ СВЯТОЙ РУСИ
(Имперского государства)

Сергей Гавров

Буря общественного безумия, бушующая в России с весны 2014 года, нуждается в объяснении глубинных причин, а также смыслового содержания. Такие объяснения имеются, притом уже давно. Одно из них – концепция имперского мифа «Святой Руси», которую предложил российский философ и культуролог С. Гавров. Ниже этот миф приведен в предельно кратком пересказе.

Ментальным стержнем всякого традиционного культурного (цивилизационного) уклада является системный миф, представляющий собой комплекс взаимосвязанных мифологем. Для российско-советской квазифеодальной империи базовым выступает имперский миф. С.Н. Гавров предложил свою версию комплекса мифологем, составляющих этот миф, под общим названием «Святая Русь». Именно этот комплекс был и продолжает оставаться «скелетом» идеологии Российской империи – СССР – современной Российской Федерации.

В национальном и культурном контексте «Святая Русь» понятие не столько географическое и историческое, сколько идеальное. Оно существует вне зависимости от возможности своего реального воплощения. Это «благословенная святая Русь» (В.С. Соловьев, 1888 г.).

Согласно и православному, и коммунистическому идеалу, именно Святая Русь должна «спасти» остальной мир: в этом тезисе проявляется мессианский комплекс, устойчивый к изменениям исторического и социокультурного контекста. Более того, и сегодня «поиск путей спасения мира Россией не прекратился. Он продолжается» (Е.И. Спиваковский, 2003 г.).

Миф Святой Руси лежит в основе национальной стратегии Российской империи – СССР – РФ. При этом в качестве метафизической квинтэссенции мифического «народа-богоносца» (имеющего очень мало общего с конкретным народом, живущим на определенной территории) выступает имперское государство.

В рамках мифа Святой Руси именно имперское государство является той силой, которая способна привести человечество в рай, достигнуть конца истории, установить тысячелетнее царствие Божье на земле (= коммунизм). Имперское государство – это не только средство осуществления, но и цель «божествен-

ного проекта», поскольку земной рай должен быть организован по принципу российского имперского государства, и быть ИМ САМИМ, расширившимся на всю Евразию.

***

Миф Святой Руси раскрывается через 7 основных исторических мифологем:

(1) Московия – единственная законная преемница Киевской Руси. Другие русские земли, в соответствии с ролью, предначертанной свыше (Богом!), только периферия, центром выступает Москва (временно уступившая свой статус Санкт-Петербургу на 215 лет, с 1703 по 1918 год).

То, что эта мифологема не соответствует исторической реальности, – очевидно. В неангажированной российской историографии, не говоря уже об историографиях бывших союзных республик, давно уже утвердился тезис о врожденном (генетически обусловленном) антагонизме между русскими – с одной стороны, поляками, белорусами и украинцами – с другой.

С.Н. Гавров

(2) Святая Русь (она же Московия, Российская империя, СССР, Российская Федераци) постоянно пребывает в окружении внешних врагов. Ей приходится терпеть незаслуженные обиды от коварных и агрессивных соседей, но сама она никогда ни на кого не нападает. Окрестные земли Святая Русь присоединяет только тогда, когда они «сами просятся» под руку Москвы. Оказание «братской помощи» в виде захвата все новых и новых территорий «вынужденное», приходится это делать исключительно в ответ на призывы угнетаемых кем-то народов, а отказать в таких просьбах никак нельзя, поскольку глас народа есть глас Божий.

(3) Святой Руси приходится наносить превентивные удары (т.е. нападать первой) отнюдь не с целью агрессии, а лишь для того, чтобы упредить агрессивные намерения врага, спасая при этом как отдельные народы, так и целые регионы. Вхождение в состав Российской империи является благом для ближних и дальних ее соседей, поскольку «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство на Земле» (определение Н.М. Карамзина).

(4) Наделение окружающего мира, прежде всего стран Западной Европы и Северной Америки – главной цивилизационной альтернативы феодальной империи – набором отрицательных, а то и просто губительных для российского человека свойств. Подозрительно-негативному восприятию окружающего империю мира способствует постоянно воспроизводящаяся «сложная международная обстановка», что подкрепляется исторической статистикой. Так, в российской истории военные периоды преобладают над мирными («за 36 лет петровского правления Россия знала всего один по-настоящему мирный год»). При этом замалчивается тот факт, что инициатором подавляющего большинства во-

енных кампаний (например, захвата Сибири, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, конфликта с Японией в 1904 году) была именно «Святая Русь».

(5) Запад (Европа + Америка) является не только извечным врагом, но и антиподом России, «зазеркальем», местом, откуда нельзя вернуться не испорченным умственно и душевно.

Эта мифологема вменяет в обязанность всякому подданному империи ненавидеть или хотя бы резко критиковать Запад. По своей сути она является противопоставлением абстрактного российского и столь же абстрактного западного человека – как тезиса и антитезиса.

Так, если на Западе с конца Средних Веков происходил постепенный переход к индивидуальным жизненным стратегиям, то в российской Евразии сохранялась общинность (коллективизм, Соборность).

Если на Западе принцип частной собственности продолжает традиции римского права, то на Востоке мы видим полное неприятие его. То же самое касается стремления жить не по писаному закону, а по интуитивно ощущаемой Правде, то есть – «по совести». На практике это всегда означало произвол, означает то же самое и сегодня. К этому же смысловому ряду можно отнести отторжение меры в обыденных человеческих проявлениях, умеренности в материальной сфере жизни.

А ведь была когда-то на территории будущей империи и другая линия развития, демократическая – от Киевской Руси через Новгородскую и Псковскую республики – к Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жамойтскому. Но главные роли в ней играли не финско-тюркские племена Московии, а славянизированные балтские. Здесь города обладали самоуправлением (в форме магдебургского права), здесь отношения между центральной властью и народом регулировались в договорной форме. Поэтому имперские идеологи Московии эту линию всегда отвергали, замалчивали, не признавали, преподносили в извращенном виде.

(6) К внешним врагам Святой Руси (Имперского государства) во все исторические эпохи примыкают враги внутренние. Только за последние сто лет (1914–2014) к числу внутренних врагов причисляли левые партии, в том числе РСДРП и анархистов, а после 1917 года мелкобуржуазные, дворянские и образованные слои общества, представителей разных группировок внутри партии большевиков. В поздний советский период список пополнили активисты правозащитных организаций и диссиденты вообще.

В 1990-е годы впервые в истории России враг не назначался сверху в директивном порядке. Но 20 лет жизни без четкого облика «внутреннего врага» и без единственно верной идеологии оказались для политических традиций России чем-то в высшей мере непривычным, поэтому авторитарная социально-культурная традиция подталкивала своих адептов к поиску того и другого. И вот враг найден: это все тот же Запад, а также «национал-предатели» (поющие по нотам Запада) и даже целые страны, например Грузия, Украина и Молдова.

(7) Православная традиция является единственно правильным и возможным способом социально-исторического бытия. Весь остальной мир с момента отвержения Москвой (1441 г.) принципов Флорентийской унии идет «по ложному пути».

Современную Россию, якобы живущую в соответствии с канонами православия, а на деле погрязшую в дичайшем пьянстве (на уровне национального безумия), имеющую один из самых высоких в мире показателей преступности, неуклонно и повсеместно унижающую человеческое достоинство во всех без исключения сферах общественной жизни, адепты имперской идеи выставляют ... «оплотом духовности» и примером для остального человечества!

Многие исследователи неоднократно отмечали, что особенности русского национального характера, заметно обусловившего так называемый «советский характер», в значительной мере сформировала Русская православная церковь. А для нее характерна приверженность к безнадежно устаревшим (в культурном, социальном и политическом аспектах) учениям первых веков христианства (к творениям «отцов и учителей Церкви») и враждебность ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, «которых православные попы всегда ненавидели и боялись» (Г.Г. Кёнигсбергер, 2001).

Именно эта особенность идеологии Имперского государства и ментальности великороссов способствовала консервации экстенсивных жизненных стратегий, в том числе хозяйственных. Поэтому закономерно то, что абсолютно все технологические инновации приходили в Московию, Россию, СССР с Запада, а не вызревали внутри страны.

Закономерно и другое обстоятельство. Развитие Московии – Российской империи – СССР происходило не интенсивным, а экстенсивным способом: за счет захвата (или освоения) все новых и новых земель, выкачивания оттуда всех видов ресурсов, в первую очередь – людских.

***

Идеологическое и культурное наследие российско-советской империи сохраняет весьма значительный деструктивный потенциал в двух основных аспектах: (1) в отношении экономического и социально-политического развития самой России, (2) в отношении суверенитета бывших «союзных» республиках.

Имперское мышление современных российских идеологов, политиков, деятелей культуры, равно как и значительной части рядовых граждан, не позволяет им признать вину своего Отечества перед любым народом, когда-либо порабощенным их предками, прадедами или дедами. Это касается не только Польши или Финляндии, но и всех бывших союзных республик, автономий, других национальных образований. Советский Союз уже заплатил собственной гибелью за такую позицию. Заплатит и Россия. Ее агрессия против Украины, посмевшей сорваться с московской цепи, это – начало конца.

Кремль пытается сегодня восстановить в массовом сознании граждан новых независимых государств такие мифологемы Имперского государства (в его коммунистическом варианте) как «советский народ – новая историческая общность людей», «три братских славянских народа с общей судьбой», «Москва – мать городов русских» и подобные им. Но средства «восстановления» применяются сугубо силовые: чередование «кнута» и «пряника»; систематическое экономическое давление и финансовый шантаж; открытая вооруженная агрессия.

Поскольку всякое действие неизбежно рождает противодействие, постольку сохранение идейной установки на удержание (любой ценой!) прежней террито-

рии Российской империи (СССР) в сфере определяющего влияния Москвы неизбежно способствует развитию национализма в постсоветских государствах, а также угрожает геополитической целостности самой России.

Чем сильнее давление из Москвы на прежнюю «периферию», тем сильнее противоположная ему реакция отторжения – не только в бывших «союзных республиках», но и в автономиях самой Российской Федерации.

Крах идеологии и политики «имперского государства» очевиден. Не за горами крах и самой РФ.

Коротко об авторе концепции

Сергей Гавров (1964 г.р.) — доктор философских наук, политолог и культуролог.

Он профессор московского Нового университета, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Института социальной инженерии, ведущий научный сотрудник сектора Социальных процессов и систем Российского института культурологии. Автор пяти монографий:

— Социокультурная традиция и модернизация российского общества (2002);

— Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России (2004);

— Историческое изменение институтов семьи и брака (2009);

— Модернизация России: Постимперский транзит (2010);

— Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ (2010).

СОЗДАНИЕ «ИСТОРИИ БССР» В ОТРАЖЕНИИ ДОКУМЕНТОВ ЦК ВКП(Б)/КПСС (вторая половина 1940-х — первая половина 1960-х гг.)

Ян Шумский

Цель данной статьи – анализ роли политического центра власти – Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (до 1952 г. – Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в формировании советского видения истории белорусских земель, а также механизма принятия решений по вопросам исторического прошлого в Кремле в два первых послевоенных десятилетия. Хронологические рамки обусловлены в первую очередь доступностью рассекреченных архивных источников – материалов ряда отделов ЦК, Политбюро / Президиума ЦК, Секретариата, Идеологической комиссии.

Понятно, что в рамках одной статьи невозможно основательно проанализировать столь широкую проблему. Потому сразу подчеркнем, что объектами исследования не являются концепции истории, образцы интерпретации и тексты, созданные историками. Автор не собирается также рассматривать вопросы периодизации, этногенеза белорусского народа, анализировать отдельные течения, связанные с именами известных историков, или, как их называли в то время, «ведущих специалистов».

Мы рассмотрим проблему совсем с другой точки зрения – с перспективы ЦК КПСС, тогдашнего высшего в СССР центра власти, где принимались ключевые решения в области историописания, и показать механизмы появления директивных интерпретационных схем. Автор предлагает проанализировать концепцию истории Беларуси комплексно – в контексте общеславянской истории, а также нахождения Беларуси как части СССР в лагере социалистических стран. Ранее ограниченность доступа к источникам, хранящимся в центральных (федеральных) архивах Российской Федерации, не позволяла исследователям реализовать такой подход.

В своих размышлениях автор опирается в первую очередь на материалы некоторых отделов ЦК ВКП(б) / КПСС, а также на документы научно-исследовательских центров, которые находились в тесных отношениях с Кремлем (Институт славяноведения АН СССР) и другими политизированными учреждениями (Всесоюзное общество культурных связей с зарубежьем, Славянский комитет).

Материалы, которые отражают историческую политику ЦК, хранятся в фондах РГАСПИ [1] и РГАНИ [2]. Первый архив собрал материалы компартии от

«Беларускі гістарычны агляд», 2013, том 20. Интернет-версия. Перевод А.Е. Тараса.

начала XX века до 1952 г. Второй – Российский государственный архив новейшей истории, созданный в Москве в 1991 г. – один из «молодых» федеральных архивов, где находятся преимущественно документы, связанные с деятельностью ЦК КПСС с 1952 до 1991 г.

Большинство документов фондов не рассекречено и используется только в служебных целях. В последние нескольких лет рассекречивание документов происходило в основном в рамках реализации совместных международных проектов и касалось отдельных исследовательских проблем, а не всего исторического периода [3]. В качестве вспомогательного материала мы используем также документы из фондов Архива Российской Академии наук [4].

Как известно, центральное место в пирамиде политической власти и партийной иерархии в СССР занимал Центральный Комитет КПСС, который руководил экономической и общественной жизнью в государстве. Вокруг этой почти что всемогущей структуры возникло много ненаучных и не подтвержденных источниками мифов. Однако последние научные публикации российских и западных исследователей, а также относительная открытость бывших партархивов позволяют в определенном смысле демифологизировать и конкретизировать «сакральную» сторону процесса личного участия партийных чиновников в принятии тех или иных решений. Власть впервые начинает отождествляться не только с первыми лицами советского государства, непосредственно влиявшими на формирование исторической политики (в первую очередь с Иосифом Сталиным, Михаилом Сусловым, Петром Поспеловым), но и с множеством функционеров: заведующими отделов, секторов, инструкторами, референтами [5].

В номенклатуре ЦК ВКП(б) / КПСС дела, связанные с наукой, в том числе с исторической наукой, в разные времена относились к компетенции разных административных единиц. Большинство решений в этой сфере рассматривал Секретариат ЦК КПСС после получения докладных записок из конкретных отделов. Политбюро в сталинские времена занималось делами Академии наук СССР и международными контактами [6]. Оно санкционировало основание или закрытие научных журналов, в том числе «Исторического архива» [7], инициировало с подачи «вождя» псевдонаучные дискуссии по философии, языковедению, физиологии, генетике и т.д. В хрущевские времена функции Политбюро перешли к Президиуму, изменились также и компетенции. Если в предыдущие годы большинство решений принимал лично Сталин, то хрущевский период, особенно в 1954–1957 гг., был временем активных дискуссий в высшей партийной среде.

Вопросы исторической науки, и шире – гуманитарных наук, входили в сферу ответственности Отдела агитации и пропаганды, реформированного позже в Управление пропаганды и агитации. На грани 1940 и 1950-х гг. произошло несколько реорганизаций аппарата ЦК, в результате чего появился самостоятельный Отдел науки, который отвечал то за культуру, то за высшие учебные заведения и школы. Этот калейдоскоп изменений продолжался до 1965 г., когда структура контроля ЦК КПСС над наукой была в основном сформирована [8].

Создание в 1958 г. Идеологической комиссии ЦК КПСС (Комиссия по вопросам идеологии и культуры и международных партийных связей) во главе с Михаилом Сусловым (1902–1982) было попыткой вернуть назад quasi-сталинские

методы контроля над общественной жизнью в СССР и в социалистическом лагере. Кроме Суслова, в состав этой Комиссии входили Петр Поспелов (1898–1979), Нуритдин Мухитдинов (1917–2008), Екатерина Фурцева (1910–1974) и, формально, все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. Решения Комиссии, которые часто касались вопросов исторической науки, в частности архивных документов, в партийной терминологии проходили как «по комиссии» и имели силу постановлений ЦК КПСС [9].

Ян Шумский

Разработка базовых интерпретационных схем, «правильных» подходов и образцов, разделение на «передовых» и «реакционных» личностей в истории так или иначе происходили в кабинетах отделов ЦК КПСС. В определенные периоды эти вопросы решал лично советский диктатор И.В. Сталин. На этом аспекте более подробно мы остановимся ниже. А теперь рассмотрим, каким образом происходила выработка решений, касавшихся проблем исторической науки.

Обычно ЦК поручал обработку отдельных вопросов одному из отделов ЦК, прежде всего – Отделу науки (после 1953 г. – Отдел культуры и науки), который часто использовал профессиональную помощь специалистов конкретной области знаний. Эти лица, в партийной терминологии называемые «консультантами», разделялись на группы во главе с партийным функционером (обычно заведующим сектора, реже – отдела). Консультанты в области истории работали в разных заведениях: отдельных институтах АН СССР, Институте Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ). Наиболее известные тогдашние историки-консультанты это Владимир Пичета (1878–1947), Борис Греков (1882–1953), Александр Удальцов (1883–1958), Михаил Тихомиров (1893–1965), Петр Третьяков (1909–1976). Для оценки наиболее «деликатных» периодов и «горячих» тем (межвоенный период, пакт Молотова – Риббентропа) использовались также оценки и экспертизы Главного архивного управления МВД СССР, историко-дипломатического управления МИД СССР.

Особое место в выработке интерпретационных схем истории славянских народов после войны занимал Институт славяноведения АН СССР, основанный в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1946 г. в составе Отделения истории и философии АН СССР [10]. Институт славяноведения вместе с Институтом истории АН СССР был в определенном смысле лабораторией, где в тесном сотрудничестве с отделами ЦК ВКП(б) / КПСС вырабатывались советские схемы и концепции истории славянских народов и государств (Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии) и союзных республик СССР (Беларуси и Украины). Реализация большинства инспирированных ЦК международных проектов – написание марксистских версий истории славянских государств, издание нескольких томов истории восстания 1863 г. и другое – происходило под научным патронатом Института славяноведения.

Напомним, что после ликвидации в середине 1930-х г. в Ленинграде Института славяноведения и репрессий в среде славистов (так называемое «дело славистов»*) возрождение этого направления произошло по инициативе Кремля и под знаком «ликвидации вреда, нанесенного школой Михаила Покровского».

В апреле 1939 г. в структуре Института истории АН СССР был создан новый Сектор славяноведения [11]. 21 апреля газета «Известия» опубликовала статью «реабилитированного» властями Пичеты, в которой историк обосновывал необходимость исследования истории славян в сочетании с историей России, на основе марксистской методологии!

23 июня 1939 г. Пичета сообщил на научном совете Института истории АН СССР о порученном ему задании: создать новую, марксистскую версию истории Польши в сотрудничестве с учеными Ленинграда. Знаменательны время и обстоятельства принятия этого решения: ровно через два месяца Риббентроп и Молотов подпишут пакт, который приведет ко Второй мировой войне, развязанной Гитлером и Сталиным.

Кстати, Сталин лично позаботился о том, чтобы именно его авторская версия была позже взята за основу при разработке официальной советской парадигмы событий сентября 1939 г. [12]. В январе 1948 г. Государственный департамент США опубликовал сборник документов «Nazi – Soviet Relations 1939–1941: Documents from the Archives of The German Foreign Office». В ответ на это Сталин собственноручно изложил свою версию международных отношений конца 30-х гг., обосновывая необходимость союза с Гитлером. Точно известно, что он пользовался также профессиональными советами других консультантов ЦК ВКП(б) – тогдашних историков-международников Владимира Хвостова (1905–1972) и Бориса Штейна [13]. На стол «вождя» попадали заготовки и материалы других историков-профессионалов.

Сталин, редактируя текст, заменил название «Ответ клеветникам» [14] на «Фальсификаторы истории» и лично написал несколько десятков страниц брошюры, которая была переведена на большинство иностранных языков и распространена многомиллионными тиражами за пределами СССР – во Франции, Канаде, США, Англии, Швеции и других странах [15]. С того времени в лексикон советской пропаганды прочно вошло слово «фальсификатор», которое, кстати, активно используется и сегодня российской и белорусской государственной пропагандой относительно исследователей, высказывающих в своих работах взгляды, «не совпадающие с генеральной линией партии» [16]. Интересно, что авторство брошюры долгое время было тайной, ибо в конце рукописи «вождь» скромно подписался – Совинформбюро. Перу Сталина принадлежат, между прочим, следующие цитаты:

> «...Поэтому первая задача Советского Правительства состояла в том, чтобы создать «восточный» фронт против гитлеровской агрессии, построить линию обороны у западных границ белорусских и украинских земель и организовать таким образом барьер против беспрепятственного продвижения немецких войск на Восток. Для

* Дело «славистов» ГПУ сфальсифицировало в 1933–34 гг. Ученых обвинили в создании нелегальной Российской Национальной партии. По этому делу осудили 70 человек, в т.ч. Петра Бузука и Осипа Волка-Левановича из БССР. – *Ред.*

этого нужно было воссоединить Западную Белоруссию и Западную Украину, захваченные панской Польшей в 1920 году, с Советской Белоруссией и с Советской Украиной и выдвинуть сюда советские войска. С этим делом нельзя было медлить, так как плохо снабжённые польские войска оказались неустойчивыми, польское командование и польское Правительство находились уже в бегах, и гитлеровские войска, не встречая серьёзного препятствия, могли занять белорусские и украинские земли раньше, чем придут туда советские войска» [17].

«...Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, что ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток, что гитлеровским войскам пришлось начать своё наступление на Восток не с линии Нарва – Минск – Киев, а с линии, проходившей на сотни километров западнее, что СССР не истёк кровью в Отечественной войне, а вышел из войны победителем» [18].

Именно сталинская версия сентября 1939 г. на долгие годы стала доминирующей в советской историографии, а определенные ее концепты до сих пор являются каноническими в современной официальной белорусской и российской историографии [19].

Советская историография, которую направляла и контролировала партия, пошла еще дальше, обвиняя Польшу в подготовке «в 1939 г. войны против СССР» и «желания получить от немцев оружие» опять-таки для нападения на Советский Союз [20]. Кстати, этот старый советский тезис о «вине» Польши в развязывании Второй войны или подготовке тайного сговора с немцами против СССР совершенно неожиданно, а может и совершенно логично, получил «вторую жизнь» в определенных кругах современной России и был поднят в многочисленных публикациях на эту тему в 2009 году, в 70-ю годовщину подписания пакта [21].

Но вернемся к личности другого консультанта ЦК – Владимира Пичеты – и остановимся на его роли в выработке советской трактовки «освободительного похода» 1939 г. и определения границ Западной Беларуси.

Готовя осенью 1939 г. большое пропагандистское наступление, Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) заказало создание краткой версии истории Западной Беларуси и Западной Украины прежнему руководителю Сектора славяноведения Института истории АН СССР Владимиру Пичете. Подготовленные Пичетой и отредактированные ЦК две работы на тему «исторической судьбы народов Западной Беларуси и Западной Украины» получили «путевку в жизнь» и стали основанием для многочисленных публикаций пропагандистского характера [22].

Советами Пичеты воспользовался в первой половине 1944 г. Государственный комитет обороны (ГКО), который с 1941 до 1945 г. был де факто высшим органом власти в СССР и во главе которого стоял опять-таки Сталин. ГКО поручил Институту истории АН СССР подготовить специальную работу объемом 4 печатных листа по проблеме определения исторических границ Западной Беларуси и Западной Украины. Выполнение приказа поручили Пичете [23]. Есть все основания полагать, что при определении новой западной границы БССР и УССР в 1944 г. Сталин пользовался пичетовскими материалами. Известно также, что после ознакомления в ГКО с этой работой Пичете доверили написание офи-

циального текста (7 печатных страниц) для Совинформбюро, где обосновывалась новая западная граница БССР – без Белосточчины.

Относительно сильную позицию Пичеты (в то время все было относительным, ибо «доверие партии» можно было быстро потерять) в качестве консультанта ЦК ВКП(б) подтверждают документы Политбюро ЦК ВКП(б). Только в 1946 г. в соответствии с решениями Политбюро Пичете дважды поручали ответственные задания. Летом 1946 г. ЦК назначил его председателем комиссии, которая выбрала в архивах и библиотеках советской оккупационной зоны в Германии (Берлин, Дрезден, Голе, Лейпциг и др.) около 20 тысяч экземпляров ценных работ в области славяноведения [24]. Осенью того же года Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направил Пичету в Будишин с заданием выяснения «политической физиономии Лужичан»*.

Интересно, что когда Андрей Жданов спросил у заместителя министра иностранных дел СССР Владимира Деканозова, какую кандидатуру он рекомендует, тот ответил, что «полагал бы целесообразным командировать в г. Будишин представителя АН СССР, но не академика» [25]. В Отделе науки ответственным назначили Пичету, который после командировки в своем чрезвычайно основательном отчете в ЦК обрисовал перспективы создания самостоятельного государства лужицких сербов и возможности признания его ООН, что как раз больше всего интересовало партийное руководство [26].

Здесь мы касаемся концептуального вопроса о планах высшего партийного руководства СССР по созданию синтетической марксистской истории славянских государств. Уже в 1939 г. в Кремле витала новая-старая идея образования федерации славянских стран Восточной и Центральной Европы под руководством России-СССР, которая в конце Второй мировой войны казалась все более близкой к реализации. Под лозунгом «единство славян» Москва планировала проводить свою империалистическую политику расширения жизненного пространства и сфер влияния.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) готовило почву для создания Министерств славянских дел при Совминах славянских государств, которые координировали бы «новое славянское движение» и способствовали советизации стран так называемой «народной демократии» [27]. Надо было, чтобы авторитетные ученые обосновали общность судеб всех славян на протяжении веков и историческую миссию России (Советского Союза) в качестве «собирателя» земель всех славян. Для постепенной советизации Восточной и Центральной Европы компартии были нужны исполнители, которые могли бы реализовать концепции Кремля в разных областях.

Политические планы власти превращались в директивные указания соответствующим научным учреждениям и специалистам. Не случайно Пичете в 1943 г., после возвращения в Москву из эвакуации из Ташкента, было поручено включить в состав Сектора славяноведения и обучать будущих историков-марксистов из Болгарии (Р. Караколов), Хорватии (Д. Густинич), Македонии (Д. Влахов),

* Лужичане, или лужицкие сербы (самоназвание – serbski Lud, немецкие названия – Sorben, Wenden), это один из народов западных славян. Проживают в восточной части Германии, в Дрезденском и Котбусском округах. Общая численность – около 100 тыс. чел. – *Ред.*

Польши (Ж. Корман, Ц. Бабинская) [28]. Большинство их вернулись после войны домой, где включились в процесс создания историографий своих стран по советскому образцу. Пичета в то время работал над двухтомником «История Польши», работу над «Историей Болгарии» начал Николай Державин (1877–1953), а «Историю Чехословакии» писал Зденек Неедлы (1878–1962).

На последнем в жизни Пичеты (он умер 23 июня 1947 г.) заседании научного совета кафедры западных и южных славян Московского государственного университета 20 мая 1947 г. как раз обсуждался вопрос создания общей истории Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. Уход из жизни ученых такого формата как Пичета, Державин, Тарле или Греков, свидетельствовал о конце эпохи индивидуальных и наступлении времени «коллективных» работ. Это была кончина эры «мудрецов». «Творения жизни» отныне заменили работы «на тему»...

Напомним вкратце суть марксистского методологического подхода, господствовавшего в советских научных исследованиях. Он строился на основе исторического материализма как теории и метода исторических исследований в ленинско-сталинской интерпретации. Основной задачей исторической науки считалось «изучение важнейших закономерностей в истории». А поскольку истмат их уже точно очертил, исследование «закономерностей» сводилось, по сути, к наполнению содержанием, конкретным фактографическим материалом общей схемы смены общественно-экономических формаций. По этой схеме, развитие социализма и перерастание его в коммунизм было предопределено ходом истории. Применительно к истории отдельных государств и народов новый строй понимался как безальтернативный, единственный закономерный результат исторического процесса.

В видении истории славянских народов на Старой площади требовали, чтобы марксистский подход сочетался с основными идеями панславизма и руководящей ролью России. Объектом критики несколько раз становился Институт славяноведения АН СССР, принимались даже специальные решения Политбюро (1947 и 1949 г.) насчет неудовлетворительной работы этого заведения. Угроза нависла над учениками Пичеты, готовивших работы по истории Польши, Чехословакии и Югославии. Работа над историей Югославии в связи с личным конфликтом между Сталиным и Тито была приостановлена еще в 1946 г.

В Минске и Киеве произошли несколько инспирированных Москвой разгромных дискуссий по проектам локальных «Историй». Обратим внимание на вопрос о роли ЦК ВКП(б) и отдельных партийных функционеров из Москвы в создании «Истории Белорусской ССР».

Немецкий исследователь Райнер Линднер в основательной работе, посвященной соотношению исторической науки и политики в Беларуси, описывая проблему создания «Истории Белорусской ССР», опирался на белорусские архивные источники и опубликованные материалы [29]. Но анализ источников другого уровня показывает, что дискуссии, сессии, обсуждения макетов работы, которые проводились по инициативе ЦК КП(б)Б в Минске, имели второстепенное значение. Принципиальные оценки и базовые интерпретационные схемы для истории БССР делались в Москве, именно там происходило рецензирование работы московскими историками, пользовавшимися доверием партии.

Только в столичных научных центрах можно было найти «авторитеты», которые монополизировали определенные направления и хронологические периоды и под пристальным контролем партии разрабатывали ту или другую тему. Собственно говоря, в провинции на то время уже не существовало ни национальной, ни национал-коммунистической перспективы истории, повсюду господствовал сталинский историографический догмат.

Рамки этой публикации не позволяют подробно описать процесс создания «Истории Белорусской ССР». Поэтому в качестве примера приведем только один эпизод, который позволяет проследить механизм принятия решений властями. Напомним, что в 30-е и первой половине 40-х гг. все попытки создания на почве марксистской методологии синтетическую версию истории белорусских земель, которая к тому же соответствовала бы текущим требованиям партии, не принесли успеха. После разгромной критики очередной версии в 1946 г. и появления летом 1948 г. печально известных «Тезисов к основным вопросам истории БССР» [30] партийное руководство Беларуси в 1950 г. прислало в Москву первый вариант новой, написанной в русле упомянутых «Тезисов...» «Истории Белорусской ССР». Макет был направлен для рецензии московским историкам из Института истории АН СССР и отослан в Минск на доработку, так как, по мнению москвичей, «книга нуждалась в серьезной переработке» [31].

В середине 1952 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б Николай Патоличев (1908–1989) прислал в ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову (1902–1988) докладную записку, где информировал об окончании работы над второй версией двухтомника и просил руководство направить в Минск для обсуждения макета («внесение необходимых поправок, изменений, уточнений») в сентябре группу московских историков из 12 лиц во главе с Борисом Грековым. Перед вынесением этого вопроса на заседание Секретариата ЦК ВКП(б) Маленков поручил подготовить его Михаилу Суслову (1902–1982), который вместе с Петром Поспеловым отвечал в ЦК за историческую науку. На докладной записке Патоличева Маленков оставил следующую резолюцию:

> «Т. Суслову. Следовало бы предварительно ознакомиться с макетом, а затем уже решать этот вопрос» [32].

Непосредственно подготовкой этого вопроса занимался заместитель заведующего Отдела науки ЦК ВКП(б) А.В. Лихолат, который по представлению Института истории АН СССР составил группу московских историков (10 человек) для экспертизы макета по истории БССР. Интересно, что в их состав не вошли такие историки, как Владимир Пашуто, Борис Рыбаков, Петр Третьяков, Николай Дружинин и Лев Черепнин, которых упоминал в своей записке Патоличев. Группу, в которой, среди прочих, были Михаил Тихомиров, Анна Панкратова (1897–1957) и Аркадий Сидоров (1900–1966), возглавил академик Борис Греков [33].

Вскоре Георгий Маленков получил подписанную Михаилом Сусловым, Юрием Ждановым (сын Андрея Жданова, в то время возглавлял Отдел науки ЦК) и Михаилом Яковлевым (зам. заведующего Отделом науки) докладную записку с информацией о предпринятых мерах. Прежде всего макет разослали упомянутым московским историкам, чтобы они дали свои замечания. На их осно-

вании Отдел науки ЦК ВКП(б) должен был принять решение о «целесообразности командирования группы историков в г. Минск и проведения сессии, посвященной обсуждению книги по истории Белоруссии». В этой докладной Суслов от руки дописал, что поручил Яковлеву «решить вопрос в оперативном порядке» [34].

Совещание в Минске состоялось не в сентябре, как просил первый секретарь ЦК КПБ(б) Н. Патоличев, а в декабре 1952 г., когда москвичи подготовили свои рецензии. Макет, написанный в соответствии с упомянутыми «Тезисами...», получил у них положительную оценку.

Смерть Сталина, внутрипартийная борьба за власть, реорганизация аппарата ЦК КПСС в первой половине 1953 г. отвлекли внимание партийного руководства в Москве от контроля над процессом создания советской концепции истории славянских народов, но ненадолго. Уже в ноябре 1953 г. на заседания Президиума АН СССР с отчетным докладом о деятельности Института славяноведения выступили П. Третьяков и Н. Дружинин. Они сообщили об окончании работ над «Историей Болгарии», «Историей Польши» и о заключительном этапе работы по «Истории Чехословакии». Отчет Института славяноведения вместе со своими предложениями руководство Академии послало тогдашнему первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущеву [35]. Предложения касались подготовки в 1954 г. широкой дискуссии по проблемам истории славянских государств. При этом особое внимание обращалось на еще не оконченные работы. Дискуссия предусматривала участие зарубежных историков. Предложения были утверждены тогдашним руководителем Отдела науки и культуры ЦК КПСС Александром Румянцевым и высланы для ознакомления Н.С. Хрущеву [36].

С 1954 г. начали происходить постепенные изменения в процессе выработки решений по «историям» славянских государств. Во-первых, все чаще к дискуссии стали допускать не только партийных историков, но и политически неангажированных специалистов в области различных исторических эпох и проблем. Во-вторых, что было явлением прежде невероятным, к консультациям стали привлекать не только московских историков, но также исследователей из региональных научных центров: Минска, Киева и Вильнюса. В-третьих, политические перемены в СССР после смерти Сталина вынуждали к поиску совместных векторов истории и нового русла дискуссий. И если в ситуации с белорусской и украинской историей основным таким вектором было «исконное желание объединиться с Россией», то в случае других славянских государств социалистического блока, особенно Польши, дело выглядело куда более сложно. Надо было искать компромисс между патриотически-прогрессивными и советско-марксистскими категориями.

В конце 1954 г. ЦК утвердил разработанные Отделом науки специальные планы (тематику исторических исследований), согласно которым историки должны были искать точки соприкосновения. При создании этих планов были использованы предложения Академии наук СССР, Главного архивного управления МВД, Академии общественных наук при ЦК КПСС и ИМЭЛ. Отдел науки предлагал, между прочим, провести следующие мероприятия:

– для АН СССР – «разрабатывать темы о дружбе русского, белорусского и польского народов – Президиуму АН внести предложения»;

– для Главного архивного управления при МВД СССР – «выявить архивные фонды по истории рабочего движения конца XIX – начала XX века, передать информацию на рассмотрение в ЦК»;

– для Отдела пропаганды ЦК КПСС «в оперативном порядке решать вопрос о публикациях, освещающих дружбу и сотрудничество между прогрессивными деятелями России, Белоруссии и Польши и совместную борьбу против своих угнетателей» [37].

Эти предложения утвердил секретарь ЦК КПСС Петр Поспелов [38]. В начале февраля 1955 г. в соответствии с решением ЦК в Москве произошла встреча историков Польши, Украины, Беларуси (Владимир Перцев и Лаврентий Абецедарский), Литвы и России [39]. В это время уже были опубликованы советские версии истории белорусского и украинского народов до 1917 года (том I). В 1955 г. вышло новое, исправленное после смерти Сталина, издание «Истории Украинской ССР» [40]. Первый том «Истории Литовской ССР» был опубликован в 1953 г.

В феврале 1955 г. в ЦК КПСС произошло обсуждение марксистской «Истории Польши», над которой параллельно работали советские (в феврале 1955 г. был опубликован том I) и польские историки. Основной причиной для встречи явился скандал, связанный с выходом первого тома «Истории Польши» в 1954 г. в Москве. Как выяснилось, советские авторы проигнорировали замечания и комментарии польских специалистов, в результате чего советская версия учебника была переполнена ошибками фактографического характера. Скандал приобрел международный масштаб, ибо распространение и перевод такой работы стали бы позором для советской исторической науки. Было очевидно: в Москве в то время не было специалистов по истории Польши уровня умерших в 40-х г. Владимира Пичеты или Михаила Джервиса-Бродского (1899–1942) [41].

Именно поэтому Отдел науки и культуры ЦК КПСС решил провести обсуждение I тома «Истории Польши» с участием белорусских, литовских и украинских историков. Это предложение утвердил секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов [42]. Московская февральская встреча стала первой с таким широким представительством историков, хотя и верных «генеральной линии партии», но не только из Москвы и Ленинграда, а из разных национальных академических центров. С этого времени ЦК регулярно направлял в Польшу своих представителей. Уже в марте 1955 г. советский историк Илья Миллер во время свидания с историками искусства в Варшаве внимательно выслушал и записал комментарии польских специалистов, пообещав им, что передаст все замечания советской стороне [43].

Участие в московской встрече представителей марксистской исторической науки из Украины, Литвы и Беларуси способствовало установлению личных контактов. Польский руководитель проекта I тома «Истории Польши до 1764 г.» профессор Тадеуш Мантойфель обещал литовцам помощь в пользовании польскими архивными материалами и литературой и предложил увеличить обмен научными изданиями. Интересно, что переписка поляков с литовцами происходила напрямую, обходя Москву [44].

Были также установлены первые контакты с АН БССР [45]. Но здесь последнее слово всегда принадлежало Москве, которая разными способами ограничи-

вала участие белорусских ученых в контактах с поляками. Когда в 1958 г. ЦК КПБ обратился с просьбой утвердить постановление о направлении 5 белорусских ученых (историков, литературоведов, этнографов) в Польшу, в Москве дали понять, что такая поездка несвоевремена. В результате «дополнительного рассмотрения вопроса тов. Горбунов снял просьбу» [46].

***

Что касается научной деятельности вокруг вопроса «славянства», то если раньше этой проблемой занимались политизированные учреждения и «общественные» организации типа ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), Славянского комитета, Совинформбюро, то теперь роль научного координатора в области исторических исследований в славянских странах целиком перешла к Институту славяноведения.

Один из координированных Институтом славяноведения международных проектов, проводившихся в рамках «социалистического лагеря» с участием белорусской стороны, добавил немало головной боли чиновникам со Старой площади. Имеется в виду проект издания источников по истории восстания 1863 г., реализованный в 1957–1980 г. под пристальным контролем Отдела науки ЦК КПСС. Участие во встрече приняли историки из России, Беларуси, Литвы, Украины и Польши. Забегая вперед, скажем, что в рамках проекта за 23 года было опубликовано 15 томов документов [47].

Настойчивость Института истории Польской Академии наук, который в течение 1955–1956 г. несколько раз заявлял о своей заинтересованности проектом издания источников, а также изменения общих политических настроений в соцлагере заставили ЦК КПСС затребовать мнение Института славяноведения и ИМЭЛ. На основании экспертиз этих учреждений в Отделе науки составили докладную секретарю ЦК КПСС Дмитрию Шепилову. В записке утверждалось, что, несмотря на «несвоевременность» таких исследований, надо, однако, согласиться с предложением поляков, чтобы «нейтрализовать возможные попытки со стороны отдельных польских учёных использовать издание документов в националистическом духе» [48]. Это предложение поддержали АН СССР и Отдел ЦК по связям с зарубежными компартиями. Пследнее слово оставалось за Д. Шепиловым, который утвердил проект [49].

Отдел науки разработал детальный план работы ответственных с советской строны. Научную координацию проекта осуществлял Институт славяноведения АН СССР. В Минск и Вильнюс направили Владимира Королюка, в Киев и Львов – Илью Миллера, которые довели до сведения региональных историков «мнение ЦК». В Институте славяноведения разработали особые инструкции и планы для проведения исследовательских работ. В БССР поиск материалов осуществлялся в Центральном государственном историческом архиве БССР и его филиале в Гродно [50].

Проблема восстания 1863 г. в тогдашней советской историографии относилась, скорее, к теме из числа «запретных». Исследование Всеволода Игнатовского «1863 год в Беларуси», изданное в 1930 г., было безжалостно раскритиковано и вычеркнуто из научного обихода. В весьма упрощенном виде суть «ереси» Игнатовского заключалась в частичном отказе от понятия «польское восстание»

и в отрицании его «крестьянского характера». Между тем избранная Отделом науки ЦК база для разработки тематики восстания во многом опиралась на дореволюционную историческую российскую модель, где оно определялось как «польский мятеж». Помимо настойчивого подчеркивания «крестьянского» характера восстания, сам «крестьянский вопрос» был переосмыслен в плане «аграрной революции», а патриотические и антироссийские выступления рассматривались как «революционное движение». Восстание на территории Литвы и Беларуси рассматривалось не в общей панораме событий, а оторванно от польского контекста.

Совершенно иным направлением сотрудничества «славянских» историографий, контролируемых Москвой внутри советского блока, была разработка вопросов, связанных с международным коммунистическим движением. После 1954 г. в ЦК КПСС начали массово поступать предложения научно-исследовательских учреждений типа советского ИМЭЛ из Польши и Чехословакии. Эти предложения касались не только возможности реализации совместных проектов, но и координации исторических усилий на международной арене. Напомним, что более 20 лет советская историческая наука находилась в самоизоляции: последний раз советские историки принимали участие в VII Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. (на последующих конгрессах – VIII в Цюрихе в 1938 г. и IX в Париже в 1950 г. – СССР не был представлен)*. Одно из таких предложений поступило от первого секретаря компартии Чехословакии Антонина Новотного (1904–1975) во время встречи в мае 1954 г. в Праге специалистов научно-исследовательских учреждений, занимавшихся проблематикой «истории коммунистических и рабочих партий стран народной демократии».

Для реализации проекта, посвященного «развитию капитализма в Австро-Венгрии», планировалось задействовать историков из Украины, Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Предложение подали М. Суслову, который поручил Отделу науки ЦК КПСС разобраться в вопросе. Положительную рецензию по проекту написали специалисты по истории Австро-Венгрии, советские историки Я.И. Рубинштейн [51] и В.М. Волчок [52], а также директор ИМЭЛ Геннадий Абичкин [53].

Но в Отделе науки решили иначе. В начале ноября 1954 г. его заведующий А. Румянцев в своей докладной записке постулировал «нецелесообразность вхождения в редколлегию в случае, если нам будет неизвестно содержание разделов, написанных историками из других стран». Отрицательное решение утвердили секретари ЦК М. Суслов, П. Поспелов и Николай Шаталин [54]. Это было доведено до сведения Новотного. Данный случай хорошо иллюстрирует способ решения таких вопросов и мотивацию партийных функционеров. Роль «руководящей и направляющей силы» (определение И. Сталина) должна была неизменно принадлежать только одному центру – компартии Советского Союза.

***

Последняя тема этой статьи связана с проблемой изучения истории компартии Западной Беларуси (КПЗБ). Напомним, что КПЗБ и КПЗУ как части ком-

* Предыдущие конгрессы: I – 1900 г. (Париж); II – 1903 г. (Рим); III – 1908 г. (Берлин); IV – 1913 г. (Лондон); V – 1923 г. (Брюссель); VI – 1928 г. (Осло). – *Ред.*

партии Польши (КПП) были распущены в 1938 г., а большинство руководящего аппарата репрессировано. Еще в 1949 г. польское коммунистическое руководство (Якуб Берман) осторожно пыталось затронуть возможность получения копий документов по истории КПЗБ и КПЗУ в ЦК ВКП(б) (М. Суслов) в контексте работ над созданием истории Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Берману в Варшаву позвонил Ян Дзержинский (сын Феликса Дзержинского), референт Внешнеполитической комиссии ЦК ВУКП(б), и после краткого «объяснительного» разговора тов. Берман «снял просьбу» [55].

Кремлевское руководство рассматривало территории Западной Беларуси и Западной Украины как пространство исключительных интересов СССР, даже если дела касались внутренних вопросов польского коммунистического движения. Дополнительной проблемой был тот факт, что большинство членов руководства КПП, КПЗБ и КПЗУ сотрудничали с советскими спецслужбами, часто выполняли функции резидентов советской разведки. Показателен пример венгерского коммуниста Имре Надя – агента по кличке «Володя», завербованного органами ОГПУ еще в 1930 г. [56].

Реабилитация КПП, на которой настаивали поляки, произошла в результате личного решения Н.С. Хрущева, который в начале 1955 г. поручил председателю КГБ Ивану Серову и генпрокурору СССР Петру Баранову подготовить необходимые документы [57]. В 1956 г. о реабилитации КПП было официально заявлено в следующей форме:

> «КПСС, компартии Болгарии, Италии, Финляндии и Польши признали роспуск КПП в 1938 г. безосновательным. В ЦК на протяжении 1956 г. стали получать массу обращений не только личного характера, преимущественно связанных с реабилитацией, но и предложения начать научное исследование этой проблемы».

Такие просьбы поступали в основном из Польши и Украины. Что интересно, детальный просмотр документов РГАНИ (фонды Президиума, Секретариата, Отдела науки ЦК) по этой проблеме не выявил наличия таких обращений из БССР.

Интересно, что в июне 1956 г. Николай Орехва (1902–1990), бывший деятель КПЗБ и историк, обратился сначала к директору Института истории партии при ЦК КПБ, а потом и к первому секретарю ЦК КПБ Н. Патоличеву с предложением начать изучение истории КПЗБ. Орехва предложил, между прочим, подготовить сборник документов и материалов по этой теме, начать обработку архивов в Минске, Бресте, Гродно, Пинске, а также использовать материалы, хранившиеся в варшавском архиве Отдела истории партии ЦК ПОРП [58]. Было даже проведено совещание бывших членов КПЗБ, о котором сообщил в одном из своих номеров журнал «Коммунист Белоруссии» [59]. Но минское партийное руководство опасалось поднимать этот вопрос в Москве и спустило дело «на тормозах».

Кстати, и в Москве после краткого периода «оттепели» в исследованиях по истории партии вернулись к тактике ограничения доступа к архивным материалам. В белорусской провинции старались особо не упоминать о КПЗБ, опасаясь «как бы чего не вышло». Борис Клейн, гродненский историк, друг Василя Быкова и Алеся Карпюка, который с конца 50-х гг. занимался архивными исследо-

ваниями по истории КПЗБ и судьбам ее членов, в своих мемуарах вспоминает, как трудно было донести материал до читателей:

> «В редакциях часто не хотели даже упоминать имена принадлежавших к "партии-призраку", требовали заверений, что этот деятель не был репрессирован, а если был, то обвинения с него сняты, а если даже сняты, то... стоит ли вообще ворошить прошлое?» [60].

***

Краткий обзор вопроса о роли ЦК ВКП(б)/КПСС в определении главных направлений историографии и механизмов принятия решений позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, «правильное» видение отдельных проблем, определение «прогрессивности» или «реакционности» деятелей так или иначе рождались в «цековских» кабинетах Москвы. Историческая наука находилась под пристальным наблюдением ЦК КПСС. Работой научно-исследовательских учреждений руководили специальные отделы ЦК, без санкции которых не решался ни один вопрос. Даже тексты публикаций в центральных исторических советских журналах должны были пройти процедуру утверждения в ЦК.

Отделы ЦК детально разрабатывали новые постулаты и концепции исторической науки, общее направление которых определяло высшее партийное руководство, сначала Сталин, позже – М. Суслов и П. Поспелов, а дорабатывали множество партийных функционеров меньшего ранга, ответственных за «исторический фронт».

Во-вторых, партийные чиновники со Старой площади пользовались экспертизами и оценками узкой группы московских историков, которых в то время называли «ведущими специалистами» и «консультантами ЦК». Часть их принадлежала еще к дореволюционной российской исторической школе (Е.Е. Тарле, Б.М. Греков, П.М. Третьяков, Н.С. Державин, В.И. Пичета и др.) и приспосабливалась к нуждам марксистской историографии. Другая часть консультантов – воспитанники сталинской «исторической школы», историки нового поколения (А.Л. Сидоров, А.М. Панкратова).

Те и другие формировали советскую историческую концепцию славянских народов, в том числе белорусов, именно к их советам прибегали партийные чиновники. В отношении белорусского и украинского народов применялось универсальное понятие – «исконная тяга к объединению с братским русским народом», ставшее стержнем для версии истории этих народов.

В-третьих, на основании экспертиз «консультантов» чиновники со Старой площади составляли особые тематические планы, которые очерчивали «перспективные» с партийной точки зрения направления исследований.

Большое значение придавалось архивным материалам, посредством которых формировался пантеон «прогрессивных» деятелей, героев и антигероев, а также соответствующие взгляды и оценки. Не случайно редакционная коллегия журнала «Исторический архив» входила в состав номенклатуры Отдела культуры и науки ЦК КПСС. В ЦК утверждались также планы публикации архивных документов, которые ежегодно подавало на рассмотрение Главное архивное управление при МВД СССР (с 1960 г. – при Совмине СССР).

Архивные исследования в СССР все время находились под контролем компартии. Желательный и идиллический образ белорусско-российских отношений полностью создавался в Москве и основывался в значительной степени на документах, хранившихся в центральных советских архивах. Для этого использовались всяческие уловки, подтасовка фактов, а нередко и их фальсификация.

В советских архивах господствовал неписаный принцип — выдавать исследователям только те материалы, которые создают бесконфликтную версию отношений. Это подтвердил в 1959 г. во время встречи с польскими историками руководитель Главного архивного управления при МВД СССР Геннадий Белов:

> «У нас признано правилом не выдавать те документы, которые не являются достоверными либо могут внести раздор в дружбу [?!], не выдавать студентам и молодым исследователям. Кстати, это общее правило для всех архивов» [61].

И последнее. Идея создания совместной славянской истории для поляков, чехов, болгар, словаков, народов Югославии, белорусов, украинцев и русских потерпела поражение. Уже в первой половине 50-х г. (весьма чувствительной была «потеря» Югославии в 1946 г.) идея «единства славян» стала терять привлекательность. Концепция, которая подчеркивала славянскую миссию во главе с Россией, не прижилась в социалистическом лагере, в котором после событий 1956 г. в национальных исторических концепциях появились новые приоритеты.

В свою очередь, в Советском Союзе в области национальных отношений с начала 60-х г. потихоньку кристаллизовался тезис о сближении наций и народностей, в результате чего возникало новое сообщество — советский народ. Однако и здесь наблюдалась определенная раздвоенность «советско-патриотических и неонациональных идеологем». Как отметил Р. Линднер, «прокламированному» со всех сторон «сближению и слиянию наций», а также образованию «единого советского народа» противостоял интерес индивидуального развития «социалистических наций» [62]. Но это уже тема для отдельного исследования.

Феномен советской историографии невозможно понять только на основе анализа исторических текстов, созданных в те времена. Историческая политика была и остается важным инструментом официальной идеологии, константой в международной политике советского (российского) государства, независимо от изменчивых идеологических векторов.

Источники

[1] РГАСПИ — Российский госархив социально-политической истории.

[2] РГАНИ — Российский госархив новейшей истории.

[3] См.: Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС: Статьи, исследования, документы. /Составители Величанская Л.А. и др./ Москва, 2010. В марте 2010 г. руководство РГАНИ подписало соглашение с польским Институтом национальной памяти, предусматривавшее рассекречивание и публикацию документов высших органов ЦК КПСС по вопросам советско-польских отношений периода 1953–1964 гг.

[4] АРАН — Архив Российской Академии наук.

[5] См.: Красовицкая Т.Ю. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы; «А за мною шум погони...» Борис

Пастернак и власть. 1956–1972 гг.: Документы; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы // «Отечественные архивы», 2006, № 3, с. 102–106.

[6] Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. /составитель Есаков В.Д./ М., 2000, с. 19.

[7] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Лист 159. Записка зав. Отделом культуры и науки ЦК КПСС относительно основания журнала «Исторический архив», 22.VII.1954 г.

[8] Подробнее об отделе науки см.: Шумскі Я. Аддзел навукі ЦК УКП(б) КПСС і фарміраванне гістарычнай свядомасці «народаў СССР» на прыкладзе БССР // Вяртанне ў Еўропу: мінулае і будучыня Беларусі. Варшава, 2011, с. 119–127.

[9] Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. /Сост. Афанасьева Е.С. и др./ М., 1998, с. 25.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 552. Л. 204. Докладная записка секретарю ЦК ВКП(б) М. Суслову, 21.VI.1947 г.

[11] Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009, с. 163.

[12] См.: Roberts G. Stalin, the Pact with Nazi Germany, and the Origins of Postwar Soviet Diplomatic Historiography // Journal of Cold War Studies. 2002, Vol. 4, s. 93–103.

[13] Lipinsky J. Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt am Main, 2004. S. 375.

[14] Название стихотворения А.С. Пушкина, написанного в ответ на предложение депутатов французского парламента о совместной вооруженной борьбе вместе с повстанцами против российских войск во время восстания 1830–1831 гг.

[15] РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 244, лл. 9–14. Справка Вышинского А.Я. о распространении за рубежом брошюры «Фальсификаторы истории», посланная Сталину, 22.IV.1948 г.

[16] Ветераны и коммунистический актив протестуют против «фальсификации» истории Великой Отечественной войны (фото).

[17] РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 244, л. 86.

[18] РГАСПИ. Ф. 558, оп. 11, д. 243, л. 55. Рукопись (правка И. Сталина) текста брошюры «Ответ клеветникам».

[19] О роли и участии Сталина в написании истории СССР см.: Самарина Н.Г. Историческая концепция И.В. Сталина и ее влияние на развитие отечественной исторической науки. Москва, 2000; Медведев Р. Сталин и «Краткий курс истории ВКП(б)» // журнал «Высшее образование сегодня: Реформы. Нововведения. Опыт», 2003, № 9, с. 48–54; Шеин И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930–1950-х годов / журнал «Отечественная история», 2001, № 6, с. 97–108.

[20] АРАН. Ф. 1965, оп. 1, д. 173, л. 75. Протокол совещания в ЦК КПСС, 22.VI.1956 г.

[21] См.: Секреты польской политики. 1935–1945 годы. /Составитель Соцков Л.Ф./ М., 2009; Дюков А.Р. «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? /Ред. Нарочницкая Н.А., Фалин В.М./ М., 2009.

[22] Пичета В.И. Западная Украина и Западная Белоруссия // «Советская наука», 1939, № 12, с. 155–170; Пичета В.И. Основные моменты в исторических судьбах Западной Украины и Западной Белоруссии // «Историк-марксист», 1939, № 10–11, с. 67–98.

[23] Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX века [Отчет о деятельности сектора славяноведения за 1944 год] // Славистика СССР и дальнего русского зарубежья 20–40-х годов XX века. Сб. статей. М., 1992, с. 115, 141.

[24] Фрагмент письма секретаря Славянской комиссии АН СССР Валентина Дитякина Николаю Державину от 25 октября 1946 г. // Славистика СССР и дальнего русского зарубежья 20–40-х годов XX века. Сб. статей. М., 1992, с. 133–134.

[25] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, д. 362, л. 106. Записка Вл. Деканозова, направленная А. Жданову. 16.IX.1946 г.

[26] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, д. 362, л. 106. Краткий «Очерк истории сербов-лужичан», составленный В. Пичетой для Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). 16.X.1946 г.

[27] Досталь М.Ю. Славянский конгресс в Белграде 1946 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994, с. 131–133.

[28] Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX века [Отчет о деятельности сектора славяноведения за 1943 год]. // Славистика СССР и дальнего русского зарубежья 20–40-х годов XX века. Сб. статей. М., 1992, с. 100.

[29] См.: Ліндњэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Пер. з ням./. СПб., 2005, с. 327–329.

[30] Тезисы сводились к следующим моментам: 1) нахождение белорусских земель в составе литовско-русского, а потом польско-литовского государства было временем национального и религиозного угнетения белорусов; 2) прогрессивный характер "воссоединения" с Россией; 3) извечная тяга и симпатия белорусов к «старшему брату».

[31] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 133, д. 220, л. 242. Записка секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову по поводу обсуждения макета по «Истории Белорусской ССР».

[32] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 133, д. 220, лл. 239–240. Докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б Н. Патоличева в ЦК ВКП(б) на имя Г. Маленкова 11.VI.1952 г.

[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л.. 241. Докладная записка в Отдел науки ЦК ВКП(б) из Института истории АН СССР. 21.VI.1952 г.

[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 242. Записка секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову в связи с обсуждением макета «Истории Белорусской ССР». 29.VII.1952 г.

[35] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 421. Л. 34–35. Записка первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву «О научной деятельности Института славяноведения АН СССР». 4.XII.1953 г.

[36] Там же. Л. 44.

[37] Шумскі Я. Аддзел навукі..., с. 124.

[38] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 130–133. Докладная записка в ЦК КПСС. 5.VII.1954 г.

[39] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 518. Л. 49. Докладная записка в ЦК КПСС «Об обсуждени с польскими учеными первого тома Истории Польши». 5.III.1955 г.

[40] См.: Ліндњэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Пер. з ням./. СПб., 2005, с. 339.

[41] См.: Горизонтов Л. Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // «Славяноведение», 1993, № 6, с. 51–52.

[42] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 255. Докладная записка зав. Отдела науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцева, посланная М. Суслову. 9.XII.1954 г.

[43] АРАН. Ф. 1965. Оп. 1, д. 151, лл. 21–59. Протокол совещания от 11 марта 1955 г. в Варшаве насчет обсуждения II тома «Истории Польши».

[44] Wyszomirska-Kuźmińska O. Więzi humanistów polskich i radzieckich: (1944–1980). Wrocław, 1998. S. 44.

[45] См.: Tołstoj W.S. Współpraca kulturalna Białorusi z Poską (1945–1965) // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i Materiały. 1968. № 3. S. 258.

[46] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35, д. 75, л. 72. Письмо ЦК КПБ в ЦК КПСС о направлении в Польшу белорусских ученых. 25.XI.1958 г.

[47] Были опубликованы документы, касавшиеся не только Польши, но и белорусских земель. См.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.: Материалы и документы. М., 1964; Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Материалы и документы. М., 1965.

[48] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35, д. 56, л. 11. Докладная записка в ЦК КПСС из Отдела науки, высших учебных заведений и школ. 14.III.1957 г.

[49] Там же.

[50] АРАН. Ф. 1965. Оп. 1, д. 187, л. 8, 65. Докладная записка из Института славяноведения АН СССР о реализации проекта публикации источников по восстанию 1863 г. Декабрь 1957 г.

[51] Автор работы «Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX века». М., 1953. — 254 с.

[52] См.: Турок В. Очерки истории Австрии 1918–1929. М., 1955. — 586 с.

[53] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17, д. 470, лл. 210–211. Экспертные заключения Института истории АН СССР (13.X.1954) и ИМЭЛ (22.X.1954), посланные в ЦК КПСС.

[54] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17, д. 470, л. 214. Справка из Отдела науки и культуры в ЦК КПСС. 4.X.1954 г.

[55] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137, д. 80, л. 14. Справка, посланная секретарю ЦК ВКП(б) М. Суслову в связи с письмом Я. Бермана от 1 февраля 1949 г. 16.VI.1949 г.

[56] Документы (копии) о сотрудничестве Имре Надя с советскими спецслужбами, хранятся в фонде 89 («Коллекция рассекреченных документов») РГАСПИ.

[57] См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000, с. 189–190.

[58] «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. Кн. 2. Ліпень 1944 г. — 1956 г. Мінск, 2009, с. 259–263.

[59] См.: Совещание по вопросам истории Коммунистической партии Западной Белоруссии // «Коммунист Белоруссии», 1956, № 8, с. 66–72.

[60] Клейн Б. Недосказанное (воспоминания). Имена. // Интернет-ресурс, 2013.

[61] АРАН. Ф. 1965. Оп. 1, д. 221, л. 21. Стенограмма совещания советских и польских историков по проблеме издания сборника по истории советско-польских отношений. 20.V.1959 г.

[62] См.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Пер. з ням./. СПб., 2005, с. 370–371.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Максим Петров

Проект закона

Официальная Москва и значительная часть российского общества уже давно выражают крайнее раздражение в связи с тем, что в странах Восточной Европы и Балтии послевоенное советское господство рассматривают как оккупацию и приравнивают коммунизм к нацизму.

Согласно данным опроса, проведенного в 2009 году накануне Дня Победы Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 60 % россиян поддерживали идею введения уголовной ответственности за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне, тогда как отвергали ее только 26 %. Как известно, Государственная Дума в текущем 2014 году наконец-то приняла соответствующий закон. Ура, товарищи!

При этом 77 % опрошенных лиц изволили думать, что Красная Армия освободила страны Восточной Европы и дала им возможность жить и развиваться, и лишь 11 % – что СССР насадил там прокоммунистические режимы, тем самым лишив эти страны возможности самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами и традициями.

Мнения об инициативах Москвы

Тезис о том, что «именно СССР внес решающий вклад в победу над нацизмом», – является краеугольным во всей российско-советской официальной истории. При этом в Москве выставляют в качестве главного доказательства «решающей роли» огромные жертвы народов СССР.

Однако мировая война – конфликт стратегический. Поэтому надо учитывать в первую очередь не потери, а то, какие стратегические выгоды принесла та или иная операция вооруженных сил конкретной страны на алтарь общей победы. А в СССР (ныне в России) всегда упирали на уплаченную цену, подразумевая свои собственные колоссальные потери.

Да, человеческими и материальными жертвами это государство превзошло как союзников, так и противников. Но кто виноват в том, что война застала большевиков врасплох и что они не умели воевать? Только сами большевики. Вклад СССР в общее дело победы в стратегическом аспекте отнюдь не столь велик, как традиционно преподносится, а роль собственно РСФСР – одной из 12 союзных республик (без прибалтийских) – и того меньше.

А тут еще Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) 25 января 2006 г. приняла резолюцию № 1481 о «необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов».

В развитие этой инициативы 2 июля 2009 г. Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) на 18-й ежегодной сессии одобрила Вильнюсскую декларацию «Об объединении разделенной Ев-

ропы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ», включающую 28 резолюций.

В тексте Декларации отмечается, что советский режим наравне с нацистским несет ответственность за развязывание Второй мировой войны. Резолюция также призвала сделать 23 августа днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Именно в тот день в 1939 году руководители СССР и Германии заключили пакт о ненападении, вскоре дополненный договором «о дружбе и границе» с секретным протоколом о разделе территорий стран Восточной Европы. Планируется, что эта дата (уже отмечаемая в Летуве и Эстонии) станет общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма, погибших в ходе массовых депортаций и казней.

Согласно тексту принятой Декларации, ассамблея «отдает себе отчет, что переход от коммунистической диктатуры к демократии не может быть осуществлен в одночасье и что при этом должны также учитываться исторический опыт и культурное наследие соответствующих стран». Поэтому авторы документа призывают европейские страны:

> «Продолжать изучение тоталитарного наследия и повышать осведомленность общественности, разрабатывать и совершенствовать учебные пособия, программы и мероприятия, для молодых поколений — о тоталитарной истории, человеческом достоинстве, правах и основных свободах человека, плюрализме, демократии и терпимости; поощрять и поддерживать деятельность неправительственных организаций, проводящих исследовательскую и просветительскую работу о преступлениях тоталитарных режимов».

Одновременно ассамблея обратилась к правительствам и парламентам всех государств — участников ОБСЕ, с призывом полностью избавиться от структур и моделей поведения, нацеленных на то, чтобы приукрасить прошлое, попытаться к нему вернуться. Авторы документа выразили обеспокоенность по поводу восхваления тоталитарных режимов, включая проведение публичных демонстраций в ознаменование событий нацистского или коммунистического прошлого.

Они также призвали политическое руководство России к устранению препятствий, созданных перед российской и международной общественностью в деле ознакомления с документами сталинской эпохи. Большинство их по-прежнему остается засекреченными.

Этот документ поддержали большинство участников ассамблеи (213 парламентариев из 320 заседающих в ассамблее — 66,5 %).

Резолюция, инициированная делегатами от Летувы (депутат парламента В. Алякнайте-Абрамикене) и Словении (Р. Бателли), полностью уравняла роли коммунистического СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. Авторы документа имели в виду пакт Молотова — Риббентропа, точнее, секретные приложения к нему, по которым страны Балтии были отнесены в «сферу влияния» СССР и отданы ему на расправу. При этом нацистские преступления приравнены к преступлениям сталинизма. В резолюции сказано:

> «В XX веке страны Европы пережили два мощнейших тоталитарных режима — нацистский и сталинский, в годы которых имел место геноцид, нарушались права и сво-

боды человека, совершались военные преступления и преступления против человечности».

И хотя все это полностью соответствует действительности, российские делегаты, участвовавшие в сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, сочли и Декларацию, и резолюции, и учреждение Дня памяти «надругательством над страной» /Россией/, а в Москве немедленно началась истерика по этому поводу. Так, вице-спикер Государственной думы России Олег Морозов заявил:

«Приравнивать нацизм и сталинизм недопустимо... Эта резолюция – косвенная попытка подставить под сомнение решения Нюрнбергского трибунала... Попытка поставить на одну доску и дать равные оценки нацизму, фашизму и тому, что происходило в Советском Союзе в годы, когда его возглавлял Сталин, – вещи абсолютно недопустимые. С точки зрения международного права это просто возмутительно».

Глава российской делегации на сессии ОБСЕ А. Козловский утверждал, что уравнивание нацистского режима и политического режима СССР, который внес «решающий вклад в разгром фашизма», – это «надругательство над историей».

Ну, еще бы!

Истины ради отметим, что хотя так думают очень многие в России, но не все. Например, популярный российский телевизионный обозреватель Николай Сванидзе заявил по этому поводу следующее:

«На мой взгляд, разница между Гитлером и Сталиным только в том, что первый истреблял чужие народы, а второй – свой собственный».

Некоторые выводы

Таким образом, причины московских затей столь же просты, сколь и глупы: это горячее желание «насолить» своим бывшим колониям, не желающим подчиняться России, которая с маниакальной тупостью продолжает претендовать на роль «старшего брата».

Разумеется, московские политические деятели имеют право (и возможность) создавать любые комиссии, принимать любые законы, в том числе самые нелепые. Однако это пустая затея. Она способна дать некоторый эффект только в сфере внутренней российской политики. А на внешней арене еще больше ухудшит отношения России со всеми ее соседями. Что мы и видим сегодня на примере не только стран Балтии, но и Грузии, Украины, Молдовы.

Да, многие россияне, в том числе во властных структурах, беснуются в связи с развалом колониальной империи, которую ее цари, «белые» и «красные», создавали свыше 450 лет путем жестокого разбоя*.

Тем не менее «процесс пошел». Российский историк Н. Петров прокомментировал резолюции ОБСЕ следующим образом:

«Решение это можно оценить как некое историческое наведение справедливости. К сожалению, несмотря на то что подавляющее большинство документов на эту тему

---

* Первыми жертвами московских хищников стали Новгородская феодальная республика (в 1471 г.), Великое княжество Тверское (в 1485 г.), Вятская феодальная республика (в 1489 г.), Псковская феодальная республика (в 1510 г.), Рязанское княжество (в 1517 г.) А первым идеологом политики международного разбоя Москвы стал московский князь Иван III.

были опубликованы, мы до сих пор не дали ясной, внятной оценки — моральной и политической — тому, что произошло 23 августа, и тому, что произошло позже, — в результате подписания пакта Молотова — Риббентропа и реализации секретных протоколов к пакту нацистской Германии и сталинской России.

А результатом как раз было то, что и Гитлер, имея агрессивные планы, и Сталин, имея экспансионистские планы, стали делить ту часть Европы, которая находилась между Германией и СССР. В данном случае Сталин выступил не просто как пособник Гитлера, но и как союзник Гитлера.

То, что мы делали с сопредельными странами, присоединяя их к Советскому Союзу, это, конечно же, называется аннексией и оккупацией. И если бы еще речь шла только об этом. На сопредельные страны, оккупированные Сталиным, обрушились репрессии — сталинский репрессивный режим вышел за пределы Советского Союза и стал навязывать чужим странам свой социальный строй, свои установки по уничтожению отдельных слоев общества в этих странах. С 1939 года происходили массовые депортации из вновь приобретенных земель — из Прибалтики, из Западной Украины и Западной Беларуси. Оскал сталинского режима стал всем очевиден. Так что Сталин в этом смысле — такой же захватчик, такой же оккупант.

И уравнивание этих режимов с моей точки зрения вполне оправданно, и отмечание этой даты как трагичной для Европы тоже и оправданно и справедливо».

О единой исторической концепции

В русле той же затеи — «борьбы с очернительством и фальсификацией великой истории великой России» лежит идея создания единого учебника истории.

16 января 2014 г. ее обсуждали на самом высшем уровне — в московском Кремле. «Товарищи, ответственные за подготовку учебника», доложили президенту Путину, что главная задача новой концепции преподавания истории — оградить ее от намеренных и оскорбительных искажений.

Пока же разработчики новой концепции выделили три ключевых момента преодоления государственных кризисов и все три связаны с Москвой (кто бы сомневался?!): Это Смутное время, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война.

Именно на примерах консолидации нации в указанные три момента истории российским школьникам будут давать пример ответственности за страну. Дескать, не поняв и не полюбив свое прошлое во всех его противоречиях (и во всех его мерзостях — добавим мы от себя), невозможно построить достойное будущее.

Далее Сергей Нарышкин, глава Российского исторического общества, заявил:

> «Мы полностью выбили почву под спекуляциями о том, что вот соберутся в тиши кабинета Ливанов, Мединский и группа товарищей и напишут какую-нибудь новую версию краткого курса ВКП(б)».

Впрочем, он признал, что обсуждение выявило «очень много трудных вопросов». Например: история создания многонационального государства — это имперские завоевания или расширение державы, несущее прогресс окраинам? Понятно, что в учебнике будут приведены факты, позволяющие сделать вывод, что народы, которые силой оружия затащили в Российскую империю, в результате учиненного над ними насилия вступили на путь непрерывного прогресса.

К числу других «трудных вопросов» истории России авторы концепции отнесли образование Древнерусского государства (которого, как утверждают независимые историки, просто не было) и роль варягов в этом процессе, присоединение Украины к России, преобразования Петра I, оценку крепостного права, падение монархии в России и приход к власти большевиков, единовластие Сталина, причины репрессий...

Период двух российских революций – Февраля и Ноября 1917 года, а также годы Гражданской войны они предложили называть Великой российской революцией, по примеру Французской революции, охватывавшей сложный многолетний период.

Добавим от себя, что если Французская революция 1789 года дала миру «Декларацию прав и свобод человека и гражданина», то «Великий Октябрь» обогатил человечество такими новшествами, как физическое уничтожение масс людей просто за принадлежность к социальным группам, объявленным «эксплуататорскими», лагеря для миллионов рабов, работающих за миску баланды и кусок хлеба, коллективизация, «закон о пяти колосках», голосование за единственных кандидатов в органы власти всех уровней, бесплатный труд, уравнительный принцип оплаты, уголовная ответственность с 12-летнего возраста и многое другое в том же духе азиатского презрения к человеку.

Но Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН, ни в коем случае не согласится с моим комментарием. Ведь он заявил:

> «Мы нашли формулу, которая вначале вызвала большое отторжение, а потом большинство согласилось. 30-е годы – это был советский вариант модернизации. Имея в виду, что это включает в себя и позитивные вещи, и те негативные явления, которые были и сопровождали ее».

Ну, а нынешние времена «вставания с колен» под блистательным руководством «самого ВВП» вообще будут преподнесены как вершина развития российской государственности.

В общем, теперешнего российского царя, его придворных, а также орду прихлебателей явно вдохновляют тезисы «Проекта введения единомыслия в России» – сатирического произведения, опубликованного в 1860-е годы под псевдонимом Козьма Прутков.

Страна Дураков (определение Алексея Толстого из «Приключений Буратино», книжки, написанной, между прочим, в 1937 году, в самый разгар «большого террора») упрямо не желает меняться к лучшему. Ее власти и большинство граждан трогательно едины во мнении, что свет истины сияет только в Москве. А весь остальной мир, по их наивной вере, последние 500 лет движется принципиально неверным путем.

МОСКВА, 27 августа – РИА Новости. Министерство образования и науки отказалось от идеи ввести в школах РФ единый учебник по истории, сообщил на пресс-конференции глава министерства Дмитрий Ливанов.

«У нас единого учебника истории, скорее всего, не будет. У нас будет единый историко-культурный стандарт, на основе которого будут разработаны учебники истории. Это не означает, что будет один единственный учебник», – сказал министр.

Он добавил, что все написанные учебники будут проходить общественную и профессиональную экспертизу.

В феврале 2013 года президент Владимир Путин заявил, что нужно разработать единые учебники истории России для средней школы, которые будут написаны хорошим русским языком и будут лишены внутренних противоречий и двойных толкований. Был выработан и прошел общественное обсуждение единый историко-культурный стандарт, утвержденный Российским историческим обществом. На его основе предполагалось создать единую линейку учебников по истории для школ.

В Минобразования сообщали, что преподавать историю по-новому начнут уже 1 сентября 2014 года, хотя учебник готов не будет.

В мае замдиректора Института российской истории РАН Сергей Журавлев заявлял, что уже ведется работа по переподготовке преподавателей на основе нового историко-культурного стандарта, но пока трудно сказать, насколько быстро новые учебники будут внедрены в систему обучения. Предполагалось, что первые варианты текстов учебников подготовят к осени 2014 г.

РУССКИМ НЕ НРАВИТСЯ...

(А. Е. Тарас)

Россия захватом Крыма наплевала на всю систему международного права. Образно говоря, внутрь сложного сооружения – системы многосторонних и двусторонних договоров – ворвался бандит с автоматом Калашникова и гаркнул: «С этого дня живем по понятиям, несогласных – мочим в сортире!»

Но это – одна сторона вопроса. Другая сторона – невероятная по размаху кампания массовой истерии, развязанная российскими идеологами и пропагандистами (типа Киселева, Кургиняна, Мамонтова, Проханова) через средства массовой информации. В результате граждане постсоветских государств, в том числе Беларуси, впервые в своей жизни стали объектом целенаправленной психологической войны, которую ведет Россия. Упомяну в этой связи пару фальшивых тезисов российской пропаганды:

«Власть в Украине захватили «бандеровцы», они же «фашисты».

Между тем временное руководство Украины во главе с Турчиновым и Яценюком – из партии «Батькивщина» («Отечество»), которая ранее уже была во власти, является парламентской, за которую на последних выборах проголосовало свыше 40 % избирателей. А крайне правый деятель Ярош (лидер пресловутого «Правого сектора») на президентских выборах 25 мая набрал менее 1 % голосов. Кстати говоря, персональный состав Верховной Рады Украины после бегства прежнего президента Януковича практически не изменился.

Так о каком захвате власти «бандеровцами» можно говорить?! Но московское телевидение, радио и газеты не говорят, а день и ночь кричат о том, что в Киеве правит «фашистская хунта»!

Московские деятели (к примеру, депутаты Государственной Думы) истерическим тоном требуют от Киева прекращения «карательной операции» против сепаратистов в Донецкой и Луганской областях.

Напомню, что намного более масштабные и жестокие действия против сепаратистов в Чечне те же деятели называли «антитеррористической операцией». Ее жертвами стали свыше 100 тысяч российских граждан, имевших несчастье проживать в городах и селах Ичкерии.

Но говорить об этом обезумевшим россиянам бесполезно. Огромному стаду баранов предъявили красочно нарисованный образ врага. И они сплотились вокруг своего новоявленного царя под флагом ненависти к Украине и украинцам.

А еще у них появилась якобы новая (на самом деле очень старая) национальная идея – заняться «собиранием исконных русских земель» вокруг Москвы.

Она изначально обречена на полный провал, но для «компостирования мозгов» упомянутым баранам вполне годится.

Однако нас интересует другой аспект упомянутых событий. Его суть такова. Сейчас российские специалисты в области идеологии, агитации и пропаганды стали тревожно озираться: кто еще хочет сорваться с московской цепи? Убедительным примером этим словам служит извлеченная из интернета и приведенная ниже статья одного из множества российских «бдителей».

О радикальном «местечковом» национализме

Вадим Андрюхин *(Нижний Новгород)*

Говорят, что в Белоруссии нет радикального местечкового национализма. Говорят, что здешние националисты являются маргиналами, которых мало кто слушает. Говорят, что они получают решительный отпор не только со стороны народа, но и со стороны властей. Внешне это действительно так.

Житель Белоруссии мало чем отличается от такого же российского гражданина какой-нибудь Рязанской или Владимирской области. Носит такую же одежду, говорит на таком же народном русском языке, да и думает примерно также – проблемы национальной идентичности его волнуют в самую последнюю очередь; рядового белоруса больше заботят куда как более прозаичные вещи, вроде работы, заработной платы, семьи и отношения с дураками-начальниками (чиновников в Белоруссии «любят» не больше чем в России). Что же касается руководства республики, то оно всегда выражало твёрдую ориентацию на братские отношения с Россией – причём, не на словах, а на деле, и этого у президента Александра Лукашенко ни за что не отнять. И всё же...

Лично я уже давно убедился, что внешний благополучный вид и внешние декларации могут скрывать более тревожные вещи, которые однажды могут вырваться наружу и в одночасье вывернуть всё наизнанку. Время распада когда-то внешне благополучного Советского Союза – яркий тому пример. Ну кто мог, например, подумать ещё в 1987 году, что уже через четыре года великой страны не станет?!

Как показывает практика, процессы разрушения идут тихо, обычно не выходя за рамки академических и литературных кругов «национально-продвинутой» интеллигенции. А поскольку эта интеллигенция имеет возможность проповедовать свои взгляды среди студентов ВУЗов, то яд её разрушительной пропаганды постепенно проникает во всё большие и большие слои населения. Вплоть до того момента, когда страна сталкивается с трудностями – политическими, экономическими, социальными. И когда эти трудности перерастают в кризис, тогда чудовище этнического национализма вполне способно ввергнуть страну в самый настоящий хаос межнациональной войны.

Но эти вещи можно предвидеть, яд ползучего национализма вполне распознаваем. Для этого достаточно зайти в книжный магазин и посмотреть на издаваемую историческую литературу. Она-то и просигналит вам об опасности национализма – соответствующие авторы любят проповедовать свои идеи через исторические исследования.

Мне могут возразить, что такого рода сомнительные книги можно обнаружить в любом магазине и в любой стране мира. Да, это действительно так. Но разрушительные националистические выверты не опасны тем государствам, которые имеют устойчивую историческую традицию существования, где веками с точки зрения государственного управления накоплен положительный опыт межнациональных взаимоотношений. И потому у таких стран выработался устойчивый иммунитет к разрушению на этнической почве – на своих националистических писателей тут обычно смотрят как на дешёвых клоунов-графоманов, к которым серьёзно никто не относится...

Увы, этого нельзя сказать про страны СНГ, которые только-только сформировались как государства и пока не имеют собственной традиции проведения нормальной национальной политики. И ещё вопрос – на какой основе будет сформирована эта политика: на основе тотального господства титульной нации или всё-таки на основе межнациональной гармонии разных народов. Поэтому опасность торжества этнонационализма, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, здесь велика как никогда!

Увы, Белоруссия не является счастливым исключением. Да, здешние открытые националисты выброшены из политического поля, самые оголтелые из них находятся в бегах и прячутся за пределами республики. Однако националисты скрытые, судя по книжным полкам любого из книжных магазина города Минска, чувствуют себя вполне уверенно...

По следам доктора Геббельса

Так, в Центральном магазине, который находится на проспекте Независимости, целую полку занимают книги местного издания «Харвест», облачённые в яркие обложки – «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой», «1812 год – трагедия Беларуси», «Запретная история Беларуси», «Забытая Беларусь», «Русь – другая история» и т.д. Достаточно полистать эти книжки, дабы убедиться в их русофобском и антироссийском характере. Где-то это делается скрытно, а где-то очень даже открыто.

Главная мысль этих изданий доказать, что Россия испокон веков являлась и является главным врагом и угнетателем белорусского народа. Мол, существовало когда-то в средние века Великое Княжество Литовское, которое якобы сформировало основы белорусского народа. Затем княжество вступило в добровольную унию с поляками, образовав могущественное государство Речь Посполитая. Но вот пришли с востока злые россияне-московиты и завоевали процветавшие польско-литовские земли, растоптав былые свободы «вольных белорусов». И с тех пор тянули белорусы тяжкую «имперскую лямку», кладя свои головы не за свои, а за чуждые им имперские интересы (например, в 1812 году во время войны с Наполеоном). И так продолжалось вплоть до 1991 года, пока республика, наконец, не обрела свою независимость.

Оговорюсь сразу, данная концепция не является официальной, она не входит в школьные и вузовские программы. Однако хозяин издательства «Харвест», некий Анатолий Тарас (довольно мутная личность, с весьма тёмной и противоречивой биографией) сегодня нагло утверждает, что со временем намерен вывести свои националистические взгляды на государственный уровень.

Примечательно, что «Харвест» – издательство очень активное. А это значит, что у него имеется не только хорошая финансовая, но и политическая поддержка. И это явно не заграничные силы – режим президента Лукашенко очень жёстко отслеживает и пресекает любое иностранное вмешательство в дела своей республики. Отсюда вывод – идеи Тараса потребовались кому-то из местной властной элиты. Зачем? Об этом пока сегодня можно только догадываться.

А пока заметим, что Тарас не просто выступает против России, он вообще не считает русских и белорусов родственными народами. Вот отрывок из его выступления на презентации одной из своих книг:

> «Русские, белорусы и украинцы – три абсолютно разных этноса. Разные генетически, психологически, исторически. Русские – это народ, который сформировался на основе угро-финских и тюркских народов. А русский язык, на котором мы сейчас с вами говорим, – это, по сути, искусственный язык, созданный стараниями Прокоповича, Сумарокова и Ломоносова, блеск которому придали Пушкин и его предшественник Барков.
>
> Этот язык возник на основе, прежде всего, финской лексики (яркий пример: слово "Москва" с финского переводится как "чёрная вода") и тюркской (например, Карамзин, Сумароков, Кутузов – это татарские фамилии). Посмотрите на того же Путина – внешне (антропологически) он стопроцентный финн!
>
> А белорусы – это балты, которые смешались со славянами, мигрировавшими сюда под ударами германских племен с берегов Лабы (Эльбы) – так называемые балтские славяне. Украинцы – потомки ираноязычных сарматских племен, подвергшихся влиянию южных славян.
>
> Мы никакие не братья. Даже не двоюродные. А вот кто прямая родня русским, так это марийцы и эстонцы, над которыми россияне любят потешаться (нехорошо смеяться над родными братьями!). Современные финны – им братья двоюродные. А белорусы и рядом не лежали».

Другая сквозная идея заключается в том, что вся история Московского государства – это история непрерывной экспансии, 800 лет постоянной агрессии:

> «Менялись династии: Рюриковичи, Романовы, – менялись политические режимы: сначала великое княжество, потом царство, потом империя, потом якобы республика рабочих и крестьян, – но суть политики – нет! Московия (позже назвавшая себя Россией) все время развивалась за счет захвата и ограбления новых территорий и народов. Не путем внутренней интенсификации – нормальной экономики, нормального гражданского общества – а за счёт безудержной экспансии...».

В общем-то, в этой расистской пропаганде о «чуждости» русских, украинцев и белорусов ничего нового нет. Как и в утверждениях о якобы происхождения русских не от славян, а от угро-финнов. Данная псевдонаучная абракадабра была когда-то, ещё в 19-м столетии, выдумана властями Австро-Венгерской империи для стравливания русских и украинцев. Потом концепцию взяли на вооружение украинские националисты из бандеровской ОУН. А в годы Великой Отечественной войны ею охотно пользовались различные нацистские идеологические ведомства для обоснования якобы чисто азиатского происхождения «русских варваров».

Так что господина Тараса смело можно причислить к активным последователям Альфреда Розенберга или доктора Геббельса.

Горькая память войны

Кстати, о Великой Отечественной войне. Пока националисты активно не решаются трогать эту тему. Слишком свежа ещё боль белорусов, потерявших на войне половину своих соотечественников. Потому здесь чтут военную память так, как, наверное, больше нигде на просторах бывшего СССР! Один минский музей Великой Отечественной войны чего только стоит. Наверное, это надо быть жителем Белоруссии, чтобы создать и сохранить такой музей, такую потрясающую экспозицию, которая вряд ли кого может оставить равнодушным.

Да и президент Лукашенко не раз публично говорил о том, что никому не даст разрушить память о войне. В частности, в 2008 году им было сказано следующее:

«В последние десятилетия не прекращаются попытки сфальсифицировать историю Второй мировой войны, принижается роль советского народа в разгроме нацистской Германии, и мы должны этому решительно противостоять»...

Однако и тут намечаются определённые негативные тенденции. Лично мне, правда, в местных книжных магазинах и на книжных развалах ничего подобного не попадалось, но вот о чём с тревогой не так давно писал местный историк Михаил Кобрин (известная его статья «Фальшивая история Великой Отечественной войны: взгляд из Беларуси»):

«В истории человечества не было более яркого и великого события, чем победа над фашизмом. Именно поэтому наша задача – ещё раз заявить о тех, кто обеспечил мир на Земле, потому что все меньше становится ветеранов войны, и когда в наше время предпринимаются беспрецедентные попытки фальсификации Великой Отечественной войны, ради памяти павших нужно давать достойные ответы фальсификаторам истории. Попытки переписать историю Великой Отечественной войны предпринимались и раньше. Но особенно резкий всплеск фальсификации произошёл после распада СССР в 1991 году. Это было время "парадов независимости" бывших союзных республик и роста национализма. Эти процессы не обошли и Беларусь.

После распада Советского Союза Беларусь неохотно приняла независимость, которая на нее свалилась. К власти пришел Белорусский Народный Фронт во главе с З. Позняком. Националистами была принята целая программа действий по созданию истории Беларуси, которой не было, и под этот шумок началось переписывание истории Великой Отечественной войны, святой войны для белорусов, где погиб каждый четвёртый ее житель.

В 1992 г. был создан "Белорусский исторический журнал", на страницах которого началось открытое искажение правды о войне. С первых его номеров немецкие захватчики представали как безобидные люди, которые ничего плохого не делали, только одно было плохое, что уничтожали евреев. Гауляйтер Вильгельм фон Кубе описывался как национальный герой Беларуси, так как по его приказу открывались школы на белорусском языке, театры, музеи, действовала национальная символика; он был хороший семьянин, любил свою жену и детей. И ничего не говорилось, что по его приказу были уничтожены сотни тысяч евреев, белорусов, русских, цыган.

В данном духе продолжаются статьи о Великой Отечественной войне до сих пор. Кроме "Белорусского исторического журнала" выходит много других книг и статей белорусских исследователей о войне с тем же подтекстом. Выросло целое поколение молодежи, воспитанное на искажённой истории Великой Отечественной войны»...

Заведующий отделом военной истории Института истории НАН Беларуси профессор А.М. Литвин в своей монографии утверждает следующее:

"...Белорусские националисты сотрудничали в годы войны с фашистами с целью возрождения белорусской государственности и армии... Советскому режиму удалось выстоять через привязку белорусских националистов к изменникам и предателям..." [с. 166].

Читая эти строки, создается впечатление, что не было мужественной борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В 2002 г. вышел учебник "История Беларуси", разработанный преподавателями БГУ. Тема № VII учебника называется "Беларусь в период Второй мировой войны". В ней нет даже упоминания термина "Великая Отечественная война". В 2003 г. изда-

тельство БГУ выпустило в свет учебник для ВУЗов "История Беларуси в контексте европейской цивилизации". Прочитав его создается впечатление, что учебник писали не наследники героического советского народа, который в июне 1941 г. стал на защиту своей Родины, а писали наследники американцев, англичан, французов, для которых 1939–1945 гг. являются годами Второй мировой войны.

Для белорусов, как и других народов Советского Союза, 1941–1945 гг. – это годы Великой Отечественной войны советского народа. Трудно поверить, что профессиональные белорусские историки про это не знают или просто забыли. В 2003 г. вышел в свет учебник "Нарыс па гісторыі Беларусі" под редакцией профессора З. Шибеки. В нем освободительный поход Красной армии в сентябре 1939 г. в Западную Беларусь и Западную Украину назван "советской захватнической акцией". Дальше – больше: А. Гитлер и И. Сталин названы соратниками, которые вместе готовились напасть на Польшу, "но Сталин в последний момент передумал, чтобы всю вину за нападение на Польшу свалить на Германию".

В этой же книге есть и другие более чем странные подразделы: "Поджигатели мировой войны", "Военные действия союзников против Польши", "Оценка белорусского сотрудничества с оккупантами". В последнем, в частности, утверждается:

"Война вновь выявила стремление белорусов к независимости. Для народа, который веками терпел национальное угнетение и не имел суверенного государства, сотрудничество с немцами стало единым шансом спасения и укрепления своей отметности..."

Газета "Комсомольская правда в Беларуси" от 28 сентября 2007 г. опубликовала статью Е. Волошина "Партизаны выдали сельских жителей за полицаев". В ней говорится об убийстве 14 апреля 1943 г. партизанами мирных жителей дер. Дражня Стародорожского района. В этой статье партизаны представлены как убийцы, а к предателям Родины чувствуется симпатия. На самом деле жители деревни входили в полицейский гарнизон, в котором было 365 местных жителя и они сотрудничали с врагом.

В 2009 г. вышел в свет сборник документов по истории Великой Отечественной войны под редакцией профессора Э. Иоффе "Белорусский штаб партизанского движения". В нем приводится новая цифра убитых и раненых немецко-фашистских захватчиков партизанами Беларуси – 100 тыс. человек. При этом во всех прежних учебниках, учебных пособиях и справочниках приводилась цифра – 500 тыс. человек. Также авторы ввели в научный оборот термин "народная партизанская война" вместо прежнего термина "всенародная партизанская борьба", подразумевая "борьбу партизан и предателей Родины между собой".

В 2011 г. вышла книга М. Бартушка "Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг." В ней фальсифицированы факты и события партизанского движения в Беларуси и представлена искаженная картина Второй мировой и Великой Отечественной войн на территории Беларуси. В частности, глава 4-я называется "Советская оккупация 1939–1941 гг. – начало гражданской войны". В ней говорится, что приход Красной армии в Западную Беларусь осенью 1939 г. приветствовали только евреи. До них доходили слухи о немецких зверствах на территории Польши и они не без оснований боялись стать жертвами погромов. А соответственно белорусы и украинцы особо не приветствовали приход новой власти.

Далее М. Бартушка утверждает, что советские органы безопасности очень скоро начали работу среди населения Белоруссии по созданию системы доносительства. При этом, если польские жители стали первыми жертвами репрессий, то евреи стали первыми информаторами. Захват Западной Беларуси в 1939 г., по мнению автора, привёл к принудительному воскрешению давно забытых конфликтов: впервые в ог-

ромных масштабах люди имели возможность мстить и эту мотивацию поддерживали новые власти. Часть населения этим незамедлительно воспользовалась. Население стало методом сведения счетов. Привилегированные раньше слои населения стали теперь жертвами соседей.

Как видно из приведенных выше примеров, и в Беларуси, прикрываясь идеологией создания новой белорусской государственности, идет переписывание истории Великой Отечественной войны. Имеются даже защищенные в Беларуси кандидатские и докторские диссертации по истории Великой Отечественной войны, которые разработаны в угоду определённых политических кругов. На наш взгляд, необходимо бороться с такими попытками фальсификации и искажением истории Великой Отечественной войны. Нужно приложить все усилия для объединения в борьбе с этим опасным явлением!»

***

А вот ещё не менее тревожная тенденция, на которую указывал российский аналитик Григорий Смоктунов, руководитель объединения независимых экспертов «Росинформгруп». По его словам, с некоторых пор при поддержке белорусских властей началась и усиленная идеологическая обработка белорусского населения в очень своеобразном самостийном духе. Идеология такой самостийности как раз строится на эксплуатации темы Великой Отечественной войны:

> «...Нацистский блицкриг (молниеносная война) был сорван именно в Белоруссии... В истории больше нигде не было такого массового партизанского движения, как в Белоруссии... Без белорусских партизан победа в войне была просто немыслима... Мир был так потрясён подвигом белорусского народа, что сразу после войны республика стала членом ООН...».

Наверное, надо побольше пожить в республике, чтобы понять, насколько прав Григорий Смоктунов в своих обвинениях. Хорошо, если он ошибается. А если нет... Помнится, точно так же когда-то начинали власти Украины, когда распался Советский Союз. Поначалу они твердили об особой роли своей республики в нашей общей истории, включая и Великую Отечественную войну. А потом докатились до реабилитации и прославления бандеровских бандитов и прочих пособников фашистов.

Очень бы не хотелось, чтобы Белоруссия двигалась в том же направлении. Очень не хотелось бы, чтобы в этой самой близкой нам братской республике «идеи» людей, типа Анатолия Тараса, когда-либо стали государственной идеологией. Это было во вред всем славянским народам и прежде всего – самой Белоруссии.

Несколько комментариев А.Е. Тараса

(1) Андрюхин пишет: «Житель Белоруссии мало чем отличается от такого же российского гражданина какой-нибудь Рязанской или Владимирской области. Носит такую же одежду, говорит на таком же народном русском языке».

Одежда людей действительно одинакова во всем цивилизованном мире. Но это не доказывает их идентичности. Что же касается «народного языка», то беларуская «трасянка» принципиально отличается от говора рязанцев и владимирцев – и фонетикой, и синтаксисом, и словарным составом. О литературной

«мове» беларусов говорить вообще не приходится. Это не «западный диалект» русского языка, а совсем иной язык.

(2) Книг «Запретная история Беларуси» и «Русь – другая история» издательство «Харвест» никогда не выпускало. Андрюхин что-то перепутал.

(3) Национально ориентированную концепцию истории Беларуси, над которой он позволяет себе издеваться, разработал в первой половине 1990-х гг. коллектив профессиональных историков под руководством доктора исторических наук М.Н. Бича. Должен огорчить российского шовиниста: именно она лежит в основе программ изучения истории Беларуси в наших ВУЗах.

(4) Ни русские, ни украинцы, ни беларусы не происходят от славян. Не было такого народа – «древние славяне». Русские – потомки коренного населения европейской части современной России (огромного числа финских племен), превратившихся в славян. Беларусы – потомки ославянившихся балтских племен (об этом убедительно писал Николай Ермолович, историк-подвижник, вернувший нам нашу историю). Украинцы – потомки ославянившихся сарматских племен.

Сама же славянизация – вовсе не ассимиляция местного населения (презрительно называемого субстратом) неизвестно откуда взявшимися славянами. Славянизация – это тысячелетний период перехода местных племен на новый общий язык с одновременной христианизацией.

Именно этот тезис – самый ненавистный для современных российских черносотенцев типа Андрюхина. Они ведь дошли уже до того, что объявили большинство народов Европы ... потомками древних русов! Очень им хочется верить в то, что русские самые древние, самые великие, самые сильные, «самые» во всем, везде, всегда. Как смеют «другие» с этим не соглашаться?!

(5) Михаил Кобрин – кандидат исторических наук, доцент Барановичского государственного университета. Но его статья опубликована на российском сайте «Наука, общество и оборона» в 2013 году (выпуск № 1). Весьма примечателен тот факт, что официальной целью сайта, зарегистрированного в качестве средства массовой информации, является «противодействие попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России»!

Как видим, местный компрадор Кобрин яростно отстаивает интересы другого государства. Того самого, которое считает себя «право имеющим» вторгаться в соседние страны и захватывать у них земли – на том вздорном основании, что они якобы «исконно русские». Между прочим, если Крым в самом деле чье-то исконное владение, то татарское. Крымское ханство существовало 340 лет, с 1443 по 1783 год, пока его не захватила Россия.

(6) Марк Бартушка – современный немецкий историк. Он гражданин ФРГ, пишет на немецком языке. Поэтому Бартушка меньше всего думал о том, чтобы своим исследованием угодить взглядам официозных идеологов Беларуси или российских шовинистов. Кобрин имеет в виду его книгу «Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.». Она была переведена на «мову» и издана за пределами Беларуси. Называть этот факт «переписыванием» истории в Беларуси – значит просто лгать.

(7) А.Е. Тарас никогда не был хозяином издательства «Харвест». С лета 1999 по апрель 2009 года он работал в нем редактором – по найму. А последние пять

лет пребывает на пенсии. Правда, пишет статьи и книги, занимается общественной деятельностью. Но своего собственного издательства у него нет.

(8) БССР стала членом ООН не потому, что «мир был потрясен подвигом народа» этой союзной республики. Г. Смоктунов либо невежда, либо сознательный лжец. БССР и УССР вошли в состав учредителей и членов ООН в результате закулисных переговоров между властями США и СССР. Сталин стремился получить в ООН три голоса вместо одного. А главным условием этой сделки стало его обещание американской стороне создать еврейский «национальный очаг» (Еврейскую ССР) на смежной территории Беларуси и Украины. Но кремлевский хитрец своего обещания не выполнил, он «кинул» американцев.

(9) «Националистами была принята целая программа действий по созданию истории Беларуси, которой не было».

Это так хочется думать Кобрину и Андрюхину. Ведь в понимании западнорусистов существует только Великая Россия. А беларусы – по их мнению – та часть великого русского народа, которая приобрела этническую специфику вследствие длительного пребывания под властью иностранных господ – сначала литовцев, потом поляков.

Хочу напомнить читателям, что национальная беларуская историография имеет точную дату рождения – 1910 год. Именно тогда Вацлав Ластовский издал свою «Краткую историю Беларуси» (Кароткая гісторыя Беларусі) – самую первую книгу по истории нашего Отечества, написанную беларусом для беларусов на беларуском языке.

Спустя 15 лет после этого наш знаменитый историк Митрофан Довнар-Запольский написал уже по-настоящему солидный труд (около 700 страниц) – «История Беларуси». Увы, тогдашние западнорусисты в большевистском руководстве БССР издание книги запретили, а ее автора отправили в изгнание. Она вышла в свет только в 1994 году.

***

Можно продолжить, но не вижу смысла. Лучше сделаю вывод.

Россиян потому жутко пугает «яд ползучего национализма», что в их мозгах никак не укладывается дикая для них мысль – как это бывшие союзные республики смеют не только думать о самостоятельной жизни, без липких объятий России, но и организовывать ее?! Без грабительских российских цен на газ и нефть! Без закупок российского оружия! Без «особых прав» для тех своих граждан, которые называют себя русскими! Без рукоплесканий публичным выступлениям махровых провокаторов межнациональной розни типа Михаила Задорнова!

Но несмотря на то, что подобная перспектива их пугает, она неизбежна. В близкой перспективе нам предстоит увидеть окончательный закат России, государства, созданного ее царями за четыре столетия непрерывного разбоя.

Земли Сибири и Дальнего Востока (от озера Байкал и до Охотского моря) снова станут частью Китая. Южные Курилы вернутся под юрисдикцию Японии. Кавказ и Средняя Азия превратятся в исламские государства.

Собственно Россия «усохнет» до тех размеров, которые были у нее к началу правления Ивана III в 1462 году (9–10 областей в центральной части нынешней РФ). Я не мечтаю об этом. Я это знаю.

О МАКАРОВЩИНЕ

Анатоль Тарас

Мне довелось прочесть две статьи кандидата педагогических наук, полковника Владимира Макарова, в которых он уделил внимание моей персоне. Одна называется «Партизанское движение в Белоруссии и борьба в сфере смыслов» (журнал «Немига литературная», 2013, № 1), а другая — «Диагноз: Тарас, не помнящий родства» (Газета «Во славу Родины», 2013 год, № 103). Впрочем, содержание этих статей в основном идентично, различаются только вступительные и заключительные части.

Кто такой В.М. Макаров? Интернет-сайт Posobniki.com дает ему следующую характеристику:

> «Главный пропагандист Министерства обороны. Является одиозным сторонником диктатуры в Беларуси. Автор многочисленных клеветнических и лживых материалов в отношении противников политики диктатора Беларуси».

К этому надо добавить, что он, естественно, не беларус, а русский (родился в Челябинске в 1955 г., окончил военно-политическое училище в Свердловске), в прошлом — кадровый политработник. С момента окончания училища в 1976 г. и до распада СССР 15 лет служил в войсках замполитом. В суверенной Беларуси продолжает службу в армейских органах идеологии и пропаганды. Типичный «наставник для тутэйшых» российского изготовления.

***

Прежде чем анализировать инвективы* Макарова, хочу отметить одно принципиально важное обстоятельство. Я прекрасно понимаю, что независимо от количества и степени убедительности моих аргументов, оппонент (если он их прочитает) останется при своем мнении до конца жизни. Это тот самый случай, когда — согласно пословице — «горбатого только могила исправит».

Поскольку я это понимаю, возникает вопрос: зачем тогда мои возражения? Смею заверить — не для переубеждения Макарова и его единомышленников. Я пишу для той части «широкой публики», которая воспитывалась не в военно-политических и не в партийных учебных заведениях. Подавляющее большинство выпускников «партшкол» и «политучилищ» запрограммировано до конца своей жизни**. А вот среди людей, читающих умные книги, большинство спо-

---

* Инвектива (латин.) — гневное выступление против кого-либо или чего-либо; выпад; письменное или устное обвинение.

** Хорошим примером этому тезису может служить огромный текст еще одного «политрука» (уже отставного) Евгения Подлесного под названием «Мы белорусы: история и современность». «Белорусская военная газета» поместила этот опус в девяти своих выпусках, в каждом по газетной странице и более! Мало какой автор может похвастать, что ему предоставили столь широкие возможности.

Но, несмотря на огромный объем, там спорить не с чем. Этот типичная сказка западнорусиста, поливающего грязью нашу историю и ее героев. Достаточно упомянуть тех «корифеев» исторической науки, на которых он ссылается: Александр Бендин, Вадим Гигин, Игорь Морзолюк, Яков Трещенок! После упоминания этого «квартета» вопрос о том, кому и чему служит Подлесный и какова суть его взглядов, нет нужды задавать — и так все ясно. Кстати говоря, он окончил не одно, а три политучилища — Ново-

собно вырабатывать собственные оценки, более того, изменять свои взгляды в соответствии с общим духом времени.

***

В этом году защитники «советского социалистического прошлого» заметно оживились. Ведь официоз раскручивал тему 70-й годовщины «освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков». Отсюда – усиление нападок макаровых/подлесных на тех авторов, кто придерживается принципиально иных взглядов на политическую историю. Что ж, мы свои взгляды не скрываем, наоборот, доводим до всеобщего сведения:

– Переворот 25 октября (7 ноября) 1917 года, позже названный «революцией», привел все без исключения народы бывшей Российской империи к величайшей трагедии за всю историю их существования. Название этой трагедии – массовый террор большевиков (коммунистов) против лучших представителей этих народов, «пик» которого пришелся на 1937–1938 годы!

– «Социалистические преобразования» в РСФСР и СССР представляли собой движение по тупиковому варианту развития мировой цивилизации. Один пример: в развитых странах существует накопительная система пенсий. Когда человек уходит на заслуженный отдых, он имеет капитал, собранный им за трудовую жизнь. А в СССР государство давало состарившимся людям подачку, фиксированный размер которой определяло высшее партийное руководство. За исключением так называемых «персональных пенсионеров», сумма пенсии позволяла обеспечивать физическое существование (по минимуму), но не жить, наслаждаясь плодами трудов своих.

– Пресловутые «достижения социализма» (строительство огромных предприятий тяжелой индустрии и густой сети коммуникаций, производство гигантского количества всевозможного оружия) оплачены кровью и трупами десятков миллионов напрасных жертв.

– Вторую мировую войну развязали двое диктаторов (Гитлер и Сталин), вступивших в военно-политический союз с целью передела Европы.

Обозначив свою «платформу», перейду к статьям Макарова.

***

Обвинения Макарова можно разделить на две группы:

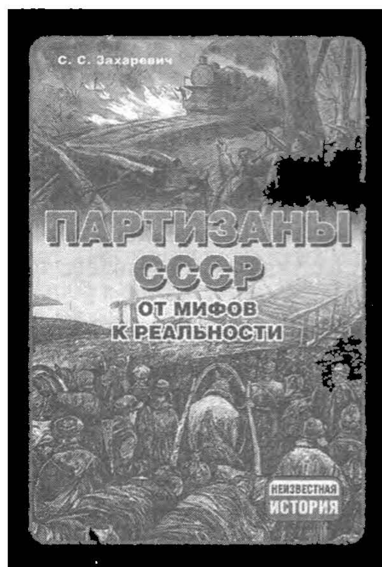
а) прямо связанные с книгой С.С. Захаревича «Партизаны СССР: От мифов к реальности» (я осуществлял ее редактирование);

б) выдвинутые по поводу книги, но общего характера.

В адрес Сергея Захаревича критик выдвинул три конкретных обвинения.

Во-первых, этот автор фальсифицирует историю Великой Отечественной войны. В этом плане он «поет по нотам Запада», так как его фальсификация соответствует резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г.

сибирское военно-политическое, Военно-политическую академию и Академию общественных наук при ЦК КПСС. И до сих пор гордится своим партийно-политическим образованием. На мой же взгляд, эти три диплома то же самое, что три «каиновы печати». Более того, профессиональный политрук, «изготовленный» в России, взялся учить «правдивой» истории Беларуси меня – выпускника исторического факультета Белгосуниверситета, человека, родословная «тутэйшых» предков которого насчитывает свыше 220 лет!



Согласно данной резолюции («Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке»), ответственность за развязывание Второй мировой войны и ее последствия СССР несет вместе с нацистской Германией.

Ну а Запад, как объяснил в марте – апреле текущего года президент соседнего государства, во все времена являлся средоточием разнообразных пороков. И, к тому же, Запад всегда ненавидел Святую Русь – самую справедливую, самую гуманную, самую культурную страну мира!

Во-вторых, Захаревич, по мнению Макарова, фальсифицирует всю историю партизанского движения в СССР, не только в Беларуси. Ключевыми направлениями такой фальсификации, с точки зрения полковника – кандидата наук, являются:

– отрицание общенародного характера партизанского движения на оккупированной территории СССР;

– отрицание значения партизанского движения с военно-стратегической точки зрения;

– представление партизанского движения как продолжения репрессивной политики советской власти на оккупированных территориях, а самих партизан – как военных преступников.

В-третьих, автор, по мнению критика:

– изображает советских (в том числе белорусских) партизан военными преступниками и бандитами, действовавшими главным образом против собственного народа (тогда как они были, по его мнению, «белые и пушистые»);

– оправдывает нацистских преступников, в первую очередь В. Кубе, за то, что он поддерживал национально ориентированные силы внутри белорусского общества (а на самом деле был жестоким палачом);

– оправдывает коллаборационизм на оккупированной территории БССР, изображая его движением за национальное освобождение (а на самом деле все коллаборационисты были предателями своего народа и советской власти).

***

Полковник В.М. Макаров не пытается что-то опровергать. Да и как попрешь против конкретных фактов и цифр, собранных Захаревичем из нескольких десятков публикаций разных авторов?! Единственная конкретика у Макарова – утверждение, что в книге Захаревича содержатся 88 «дискредитаций». Что ж, спасибо за подсчет.

Нет смысла и мне спорить с Макаровым относительно приведенных им обвинений. Читатель, прочитав книгу до конца, сам разберется в том, кто прав.

На мой взгляд, Захаревич убедительно показал, что в партизанском движении на оккупированной территории даже в конце войны участвовала лишь неболь-

шая часть постоянного населения Беларуси (что такое 2,5 % от общей массы жителей?!). Никакие макаровы не способны доказать обратное.

То, что именно партизаны являлись злейшими врагами гражданского населения – тоже факт. Да, немцы сожгли немало деревень, убили немало беларуских крестьян. Но во всех случаях их спровоцировали на это партизаны, действовавшие по указаниям московского партийного руководства во главе со Сталиным.

Кроме того, партизаны сами убили множество соотечественников – якобы за сотрудничество с врагом. Ведь согласно тем же указаниям Москвы, требовалось сделать повседневную жизнь мирных граждан на оккупированной территории невыносимой. А для этого надо было лишить их возможности зарабатывать себе на жизнь, обрабатывать свои участки земли, сохранять имущество, учить детей, лечиться, культурно проводить время отдыха...

И наконец, партизаны повсеместно грабили население, так как им требовались продукты питания, самогон, одежда и обувь, различные вещи для обеспечения повседневного быта. Все это они отбирали у беззащитных селян, обрекая многих из них на смерть от голода, холода и болезней, зверски расправляясь с теми, кто выражал недовольство. Все это – правда. Любой беларус слышал немало историй такого рода от своих дедов – прадедов*.

А то, что с военнослужащими противника, попавшими в плен, и с представителями гражданской администрации партизаны расправлялись как дикие звери, вообще не подлежит сомнению. Перечитайте внимательно мемуары партизанских командиров и ура-патриотические книги «про партизан», изданные в 1950 – 70-е годы. Сами увидите. В те времена никто и не думал скрывать правду. Ведь у всех «советских» сидело тогда в голове убеждение, что враги – это не люди. С ними можно делать абсолютно все, что вздумается, наплевав на человеческие обычаи и мораль!

И то, что партизаны провалили «рельсовую войну» в 1943 году, не оказали необходимой помощи наступавшим войскам РККА в 1944 году, за все три года своих действий причинили противнику ущерб, в количественном измерении уступавший потерям Вермахта от аварий и несчастных случаев – тоже правда! Весьма неприятная для ура-патриотов, которых в современной России развелось огромное количество, особенно на бескрайних полях Интернета.

Подводя черту, скажу: да, советские партизаны были – за редкими исключениями – бандитами, совершившими множество военных преступлений. В том-

* Эти вопросы подробно рассмотрены в книге Ильи Копыла «Нябышына: Акупацыя вачыма падлетка», опубликованной в 2009 году на страницах газеты «Народная воля», а также вышедшей отдельным изданием. В январе 2014 года она переиздана тиражом 500 экземпляров.

то и состояла трагедия нашего народа, что беларусы оказались между двух огней, между нацистами и коммунистами. Кто из этих двух видов мерзавцев превосходил другого своей жестокостью, кто больше уничтожил беларусов – вопрос риторический, ответа не требующий.

Значение исследования С.С. Захаревича, его главное достоинство я вижу в том, что автор четко, убедительно и системно изложил свои тезисы, обосновал их многочисленными фактами и статистикой. В этом плане он был один из первых. До Захаревича советскую «партизанщину» критически анализировали только два автора – украинец Александр Гогун и россиянин Владимир Батшев.

***

Перейду теперь к обвинениям общего характера. Макаров выдвинул шесть таких обвинений. Рассмотрю их по порядку и сразу дам ответ.

Обвинение № 1. «Четко обозначены субъекты фальсификации истории – оппоненты действующей в Беларуси власти в лице радикальной оппозиции и их союзники за рубежом».

Ответ. Здесь у Макарова почти как у поэта М.Ю. Лермонтова – «смешались в кучу кони, люди...» Да, мы оцениваем советское партизанское движение крайне негативно. Но мы не оппоненты действующей власти. Не потому, что мы ее сильно любим, просто нас интересуют вопросы истории и культуры Беларуси в период до 1991 года. При чем здесь «действующая власть»?! Автор (Захаревич), редактор (Тарас) и издательства, с которыми мы сотрудничаем («Посох», «Наша будучыня», «ІБГіК» и другие), не занимаются политикой.

Это по мнению макаровых и подлесных всякий, кто не согласен с советско-коммунистическими бреднями, кто квалифицирует 70 лет советской власти как путь в тупик мировой цивилизации, как трагедию всех народов бывшего СССР – тот и оппозиционер. Ибо для них «наше» – только и исключительно «советское». А для нас «наше» — только и исключительно «национальное».

***

Обвинение № 2. Эти оппоненты действующей власти стремятся внести раскол в общество путем принижения роли партизанского движения вплоть до его полной дискредитации.

Ответ. Характеризуя так называемую В.О.В., макаровы и подлесные утверждают следующее:

– СССР во главе с товарищем Сталиным стал невинной жертвой агрессии Третьего Рейха – абсолютно ничем не спровоцированной.

Правда, Виктор Суворов упорно твердит о том, что Гитлер всего на месяц опередил нападение СССР на Германию, так ведь он – враг народа и предатель, а потому верить ему нельзя ни в коем случае.

– Весь советский народ от мала до велика дружно выступил на защиту «великих завоеваний Октября».

Применительно к БССР, напомню, что «весь народ» составил – по официальным данным – 5 % взрослого населения, по неофициальным (более правдивым) – вдвое меньше. А вот на военную службу к немцам пошло свыше миллиона советских граждан – огромная армия, численность которой как минимум в четыре раза превосходила общую численность советских партизан. К ним надо до-

бавить еще большее число советских граждан, активно сотрудничавших с оккупантами в гражданской сфере.

– Умением воевать (военным искусством) советские войска и партизанские формирования намного превосходили реакционную германскую военщину.

Видимо, именно поэтому потери РККА и в людях, и в оружии, и в технике за все время войны в несколько раз (!) превзошли потери Вермахта, который, напомню, воевал на 22 месяца дольше, чем РККА. И, вероятно, в силу своего «превосходства» советские партизаны в 1944 году не смогли оказать действенной поддержки наступлению Красной Армии мощными ударами в тылу войск противника.

– Термин «военные преступления» по отношению к действиям войск РККА или партизан способны употреблять только предатели своего народа. Назвал ведь Макаров свою статью «Тарасы, не помнящие родства».

На мой взгляд, доводы В. Батшева, С. Захаревича, А. Гогуна, И. Копыла, В. Хурсика и ряда других авторов, доказывающие прямо противоположную мысль, более чем убедительны. Именно советские партизаны были злейшими врагами собственного народа. С ним они главным образом и воевали, не с немцами. Куда им было тягаться с немцами!

В общем, все обвинения полковника Макарова в адрес книги «Партизаны СССР» и ее автора, по моему мнению, несостоятельны. Я не вижу ни малейшей причины отказываться от того, что в ней утверждается и доказывается.

***

Обвинение № 3. «Такие книги разделяют наше общество. А нам всем надо работать на консолидацию».

Что ж, консолидированное общество – это хорошо. Только я сильно сомневаюсь, что причиной его разделения являются книжки с неприемлемой для макаровых идейной направленностью. Я убежден, что в тысячу раз важнее социально-экономические факторы.

Например, жалкое материальное положение пенсионеров. Огромное имущественное неравенство между основной массой населения и двумя сотнями «олигархов» Беларуси. Беззащитность населения перед произволом чиновников, «силовиков» и тех же «олигархов». И многое другое в том же духе.

А книжки... По данным социологических опросов, 85 % взрослых жителей Беларуси вообще никаких книжек не читает, даже произведений «изящной словесности», не говоря уже об истории.

***

Обвинение № 4. Сам этот раскол они пытаются осуществить путем «вбрасывания» в информационное пространство огромного числа публицистических материалов, «специально подготовленных с использованием современных психотехник и постмодернистских технологий», призванных дискредитировать партизанское движение.

Ответ. Вероятно, полковнику Макарову информационное пространство Беларуси представляется чем-то вроде изолированной поляны в огромном глухом лесу. Что ж, в январе 1992 года, когда РБ начинала свой путь в качестве суверенного государства, примерно так оно и было. Только-только упал пресловутый

«железный занавес», еще совсем недавно прекратили глушение иностранных радиостанций. Но в последующие 20 лет произошла величайшая интеллектуальная революция в истории человечества – появился Интернет.

Поэтому говорить сегодня о каком-то «вбрасывании» печатных текстов просто смешно. Молодое поколение ни книг, ни журналов не читает, с него достаточно Интернета. А в Интернете любой желающий может найти все, что угодно – в соответствии со своими интересами, вкусами и предпочтениями. Книгу «Партизаны СССР», кстати говоря, мы в Интернет не выкладывали.

Вся история советской и российской империи, не только партизанского движения, предельно мифологизирована. И это факт, доказанный уже немалым числом исследователей. Как сейчас принято говорить – «неангажированных». Но для макаровых и подлесных неприятная правда о прошлом – всего лишь «вбрасывание» подрывных концепций, изготовленных в неких зарубежных центрах. Им так удобнее жить и работать на благо самим себе.

Попытки нормального изучения истории, то есть со всеми ее темными и страшными страницами, они немедленно переводят в эмоционально-политическую плоскость. Отсюда – их вопли о фальсификации, очернительстве, «вбивании клина» между якобы «братскими» народами и между поколениями. Вот врать десятки лет про День Красной Армии – это не фальсификация, а воспитание молодежи на примере героических подвигов наших дедов. Говорить же правду об этом дне – безусловно, очернительство и «вбивание клина».

В общем, для них лживые сочинения советских историков, лживые статьи советских журналистов, лживые произведения советских писателей и кинорежиссеров – это и есть «правдивая история».

Наглядный пример – фильм «Александр Невский» (1938 г.), создатель которого С. Эйзенштейн получил премию от Сталина. Не знают люди правды ни о князе Александре, ни о стычках новгородцев со своими соседями – ливонскими немцами в XIII веке. Но у них есть иллюзия знания о придуманном событии, якобы имевшем место в 1242 году. Мол, немцы уже тогда пытались завоевать Русь, хотя это выдумка сталинских идеологов!

А таких псевдоисторических выдумок – тысячи и тысячи! Достаточно вспомнить советские блок-бастеры 70-х годов – фильмы Юрия Озерова «Освобождение», «Солдаты свободы» и «Сталинград».

***

Обвинение № 5. В результате наблюдается «отход от строго научной методологии исследования военной истории с широкой трансляцией посредством электронных СМИ и печатной публицистики материалов, лишь по форме претендующих на некое подобие исторических источников».

Ответ. Что касается пассажа о «строго научной методологии», то читающая часть публики еще не забыла сказки советских философов, обществоведов, историков и прочих «мыслителей», в которых слова о строгой научности марксизма-ленинизма повторялись подобно заклинаниям.

Под видом «строгой науки» людям вбивали в голову бредовые идеи. Один только курс «научного коммунизма» чего стоил! А «политэкономия социализма»?! Или взять, к примеру «марксистско-ленинскую эстетику». Если кто-то

забыл, могу напомнить: «эстетика – это наука о прекрасном», гласил советский философский словарь. А «прекрасное», да будет вам известно, «есть одна из категорий эстетики»! Вот и вся «строгая научность»!

Если же кто-то думает, что советская (ныне российская и белорусская) военная наука, основанная на «строго научных» принципах марксизма-ленинизма, принципиально отличается от прочего хлама коммунистических теорий, то мне такого человека искренне жаль. Военная наука большевиков на практике, если отбросить глубокомысленные рассуждения выпускников многочисленных военных академий, всегда сводилась к заваливанию противника горами трупов своих солдат! Тот же С.С. Захаревич очень хорошо показал эту особенность советской военной мысли на примерах более чем 25 наступательных операций РККА в своей книге «Большая кровь: Как СССР победил в войне 1941–1945 гг.».

Или, может быть, колониальная война против восставшей части собственного населения в Чечне показала подъем российских стратегов на принципиально новый уровень?! Против повстанцев, вооруженных стрелковым оружием, бросили авиацию, артиллерию, танки, гнали и гнали в Чечню войска со всей России. Но, несмотря на широкое применение управляемых авиабомб, систем залпового огня, термобарических боеприпасов и других средств массового поражения, с огромным трудом, ценой больших потерь, кое-как подавили лишь основные очаги сопротивления. А победы так и не добились: фактически Чечня осталась свободной от власти Москвы! Отдали чеченцам «трубу» в обмен на показное выражение лояльности с их стороны. Ну, так это до поры, до времени.

И еще: с каких это пор книги, посвященные рассмотрению вопросов истории, превратились в «исторические источники»?! Источниками в науке называют подлинные документы и свидетельства современников рассматриваемых событий. Все остальные сочинения, включая монографии кандидатов и докторов разных наук, есть плод рассуждений их авторов. Отнюдь не источники.

***

Обвинение № 6. Основная причина, обусловившая создание С. Захаревичем, А. Тарасом, Л. Лычом и им подобными своих клеветнических «пассажей», это мировоззрение «данных представителей псевдоэлиты». «К счастью они малочисленны и в принципе не могут повлиять на политические и социальные процессы в стране».

Ответ. Вот в чем Макаров действительно прав, так это в том, что наши взгляды (мировоззрения) диаметрально противоположны его взглядам и взглядам тех, кто с ним заодно. Ведь подоплека обвинений Макарова и ему подобных «политработников» находится именно в плоскости мировоззрения, различий общественно-политических взглядов. Их обвинения определяются этим фундаментальным различием, а не конкретными фактами или статистикой.

На мой взгляд, в концентрированном виде суть позиции «лучших друзей белорусов» (таких как Макаров или Подлесный) выражает цитата из анонимной статьи «Литвины: идеология ненависти», размещенной в Интернете 15 ноября 2011 года:

> «Действительно: два мира – два Шапиро, а точней, народный гуманизм Владимира Короткевича и варварство беснующихся Тарасов, ненавистников собственного на-

рода, ненавистников соседних народов. Но жизнь выродков коротка, как и жизнь запущенных ими в мир идеек, больно уж они мелки и ничего кроме самолюбования и ненависти в себе не содержат».

(Не удивлюсь, если узнаю, что ее написал кто-то из этой «сладкой парочки»).

Авторы, подобные Макарову и Подлесному – если задуматься над сутью их тезисов – отрицают принципиальные общественно-политические перемены (бескровную революцию), произошедшие на территории бывшего СССР. Бесполезно напоминать им о том, что советской власти уже давно нет, что коммунистические партии отстранены от власти во всех 15 бывших союзных республиках, что на официальном уровне (например, в Украине, в странах Балтии, в Грузии и даже в России в 1990-е годы) весь период советской власти на территории бывшей Российской империи был признан движением в тупик мировой цивилизации.

Но «макаровы» упорно делают вид, что ни о чем таком никогда не слышали, и рьяно продолжают защищать коммунистическую идею и компартию, советы и советский строй, а также всё, что с ними связано, например коллективизацию и колхозное рабство, советских партизан, репрессии против националистов и диссидентов, и т.д.

Почему? Да потому, что они принадлежат именно к той части советского общества, которая 70 лет эксплуатировала, давила и обманывала остальную, основную часть. Все они из категории «бывших», имя которой – номенклатура руководящих органов КПСС. Вот для них в самом деле «советское» означает «наше».

***

Достойно сожаления то, что человек с такими взглядами является одним из руководителей отдела идеологической работы в министерстве обороны Республики Беларусь. Он все еще воюет «с империалистами» на Западном фронте Советского Союза, государства, исчезнувшего с карты мира 22 года тому назад, он все еще продолжает доказывать, что именно «буржуазные националисты» являются «злейшими врагами собственного народа».

На всем постсоветском пространстве от Бреста до Петропавловска-Камчатского, от Мурманска до Кушки победил принцип «обогащайся любой ценой», но макаровы, которые «святее папы», продолжают рьяно отстаивать так называемые «завоевания Великого Октября», выброшенные на свалку наследниками «первого в мире государства победившего пролетариата».

На мой взгляд, суть вопроса предельно ясно иллюстрируют две цитаты. Первая – из книги Сергея Захаревича «Партизаны СССР», вызывающей у В. Макарова полное неприятие. Вот эта цитата:

> «Бороться против советской власти (ныне уже трижды проклятой) под лозунгом «Беларусь – перад усім!» («Беларусь – превыше всего!» – фраза из гимна Белорусской краевой обороны) – это «неправильно», даже «преступно». А воевать за власть комиссаров во главе со Сталиным, Молотовым и Берия, за расстрельные «тройки», голодомор, тотальную русификацию, да еще под это дело убивать своих мирных сограждан – это патриотизм! Звучит глупо, чтобы не сказать хуже» (с. 334).

Вторая цитата – из книги Сергея Веревкина «Самая запретная книга о Второй мировой» (Москва, 2009 год):

«...до сих пор обычен двойной подход, двойная оценка к одним и тем же событиям... Если советский партизан Ваня Иванов убивает народармейца Петю Петрова это отлично. Это – подвиг советского патриота, настоящего человека, Героя. А они, убитые им, гады паршивые – так им и нужно. Получили, что заслужили, поганые холуи и подстилки немецкие, пособники немецко-фашистских оккупантов.

А вот когда народармеец Петя Петров убивает в том же бою или расстреливает пойманного или взятого в плен советского партизана Ваню Иванова или его связную Грушу Грушину – это очень плохо. Это показатель нечеловеческой жестокости и зверств фашистских оккупантов и их подлых пособников из числа прихвостней, холуев, изменников и предателей Родины. Это подлое преступление, которому нет прощения никогда и нигде» (с. 15–16).

Казалось бы, что давно пора прекратить гражданскую войну в сфере идеологии. Хотя бы потому, что советская власть рухнула, убедительно доказав этим крах коммунистической идеи. Но не так все просто. На примере современной России мы видим удивительное (парадоксальное!) сочетание древней имперской идеи с героизацией советского прошлого. Например, В.В. Путин несколько лет тому назад, будучи с визитом в Польше, следующим образом ответил на вопросы польских журналистов о Катыни: «Нельзя ставить на одну доску сталинские репрессии и преступления Гитлера».

То есть, по логике чекиста Путина, если деревню вместе с людьми сожгли немцы или полицаи, то это преступление. А если то же самое совершили партизаны, красноармейцы или чекисты? Тогда это патриотический подвиг!

Ветераны КПСС, КГБ и советской армии утверждают, что зверские расправы партизан с гражданским населением были единичными случаями «в отчаянной схватке с фашизмом». Но ведь ни в Дражно, ни в Шунявке, ни в Витуничах, ни в Распятой Губе не было «отчаянных схваток». Было, с одной стороны, безоружное гражданское население, а с другой – красные партизаны, совершавшие с особой жестокостью массовые убийства. Такого рода преступления партизан не подлежат никаким оправданиям, как и аналогичные действия немцев, их союзников и пособников.

Но эту правду об истинной сути партизанского движения защитники советской власти и социалистического строя категорически отвергают, и будут отвергать до конца своей жизни.

***

Подведу итог. Всякий человек, защищающий в Беларуси советское прошлое, автоматически отрицает всё беларуское национальное – язык, историю, традиции.

Напомню тем, кто успел забыть или делает вид, что не знает: в СССР создавали единый советский народ и «человека нового типа». Это созидание происходило на базе русского языка и советской социалистической культуры, интернациональной (космополитичной) по содержанию, русской по форме.

А в курсе «История СССР» в школах, профтехучилищах и ВУЗах изучали историю Московии и Российской империи. Если кто-то не верит, пусть возьмет в библиотеке советские учебники для средней и высшей школы – сам увидит. Пусть заодно почитает в старых газетах Призывы ЦК КПСС, которые ежегодно печатали накануне 1 мая и 7 ноября.

Надо отдать должное коммунистам: они изрядно преуспели в своем замысле. Действительно создали человека нового типа. Ученые дали ему название «homo soveticus», народ прозвал «совком». Ничего национального в таком человеке нет.

В теории вопрос ясен: «беларуское» в независимой суверенной Беларуси должно полностью вытеснить «советское». Но до полного торжества этой идеи на практике, думаю, пройдет еще 15–20 лет. Пока не окажутся вне сферы активной жизни все бывшие члены КПСС, все выпускники партшкол и военно-политических училищ. Тогда повсеместно утвердятся принципиально иные взгляды и теории, нежели те, что еще в ходу сейчас среди какой-то части нашего общества.

Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что так все и будет.

Примечание: В июле текущего года издательство «Наша будучыня» в Вильне выпустило тиражом 500 экземпляров книгу Михаила Пинчука «Советские партизаны: мифы и реальность» (392 стр., 127 ил.). Она представляет собой переработанный и значительно дополненный вариант книги С. Захаревича. Все те аспекты исследования Захаревича, которые вызвали жгучую ненависть у защитников «советского социалистического строя» типа Макарова и Подлесного, в этом новом исследовании получили дальнейшее развитие.

СКАЗКИ И ПРАВДА О СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАНАХ

Богдан Мусял, Дмитрий Гурневич

Партизанское движение во время Второй мировой войны является одной из самых мифологизированных страниц истории Беларуси XX века. Деятельность партизан советские историки показывали — за редкими исключениями — как героическое явление. Этнические конфликты, проблемы внутри движения, отношение партизан к гражданскому населению при этом игнорировались.

Мифам и действительности советского партизанского движения в Беларуси посвящена книга польско-немецкого историка Богдана Мусяла, которая в апреле текущего года появилась на прилавках польских книжных магазинов*. Автор проанализировал много новых, неизвестных до этой поры документов в белорусских, российских и немецких архивах. Он побеседовал с сотнями свидетелей Второй мировой войны в Беларуси. Результатом этой работы стала книга большого формата объемом в 650 страниц.

Об истории советского партизанского движения в Беларуси с историком Богданом Мусялом разговаривал корреспондент телеканала БелСАТ Дмитрий Гурневич**.

Д. Гурневич (далее Д.Г.): Господин профессор, давайте сначала определимся — кого мы называем партизанами?

Б. Мусял (далее Б.М.): С точки зрения международного и военного права — это вооруженные люди, которые в тылу врага борются с этим врагом. Не каждый, кто прячется в лесу, является партизаном. В лесу хватало и бандитов, которые часто выдавали себя за партизан. У партизан должна быть миссия борьбы, политический и идеологический фундамент. Понятно, что и партизаны очень часто вели себя как бандиты. Как-то надо было выживать, а мирным путем добывать пропитание удавалось редко.

«Беларусь — партизанский край»?

Д.Г. Недавно Александр Лукашенко заявил, что в Беларуси во времена Второй мировой войны действовало около 600 тысяч партизан. Это реальная цифра?

Б. М. Это цифра /взята/ с потолка. Даже в советских документах Белорусского партизанского штаба нет таких цифр. Это обычная пропаганда.

Д.Г.: А сколько было настоящих партизан, исполнявших миссию, о которой вы упоминали?

Б. М.: В Беларуси во время войны было 100 тысяч партизан. В разные периоды цифра менялась. Это показатель начала 1944 года, когда количество пар-

* Musial B. Sowieccy partyzanci 1941–1944. Mity i rzeczywistosc. Warszawą: wyd. «Zysk i S-ka», 2014. – 656 stron.

** Перевел интервью с белорусского А.Е. Тарас.

Д. Гурневич

тизан была самым большим (1). Так следует из данных партизанского штаба /в Москве/. Но надо понимать, что и это завышенные данные, ведь на бумаге партизан было больше, чем в реальности.

Д.Г. А сколько приблизительно было тех, кто называл себя партизаном, но на самом деле им не был?

Б.М. Тех, для кого главной целью было пережить войну в лесу, было меньше, чем партизан. Конкретных цифр мы не знаем. Но и советские, и немецкие документы, и истории местных жителей свидетельствуют о том, что их была тьма. Они все время с ними конфликтовали. Были группы выживания, которые не входили в структуру советских партизанских сил. У них не было оружия, потому о столкновениях с немцами вообще не было речи. Они хотели выжить. А как можно было выжить в лесу? Для этого надо было иметь /хотя бы/ три винтовки и несколько патронов. И тогда можно идти в деревню за продуктами. Понятно, что для крестьян это был обычный грабеж. Но у этих групп другой возможности выжить не было. Это замкнутый круг.

В связи с оккупацией разные люди были вынуждены как-то выживать. Местным жителям запрещалось помогать партизанам и евреям, прятать их либо помогать питанием. За это угрожала смертная казнь. Партизаны в свою очередь требовали помогать им, и за отказ тоже убивали. Те, кто защищался, были для партизан врагами. Люди были в безвыходной ситуации, ибо что бы они ни сделали, это был скверный выбор. Еврейское население было в еще худшей ситуации, оно находилось вне закона. Выбор у евреев был таков: либо меня убьют, либо я смогу выжить /только/ в лесу.

Д.Г. Беларусь часто называют партизанским краем. На этом, между прочим, построена государственная идеология. Насколько это движение был мощным и пользовалось поддержкой местного населения?

Б. М. Согласно советским документам времен войны, а не пропаганды, которая писалась после войны, половина партизан на территории СССР была в Беларуси. Постепенно эта цифра выросла до 70 %, ведь многие группы, например «окруженцы», не имели на то время постоянного контакта с центром. Потому речь о Беларуси как о партизанском крае, вполне обоснованна.

Но если кто-то говорит, что это было добровольное движение и что местное население его поддерживало, то это не соответствует фактам. Мобилизация большинства местных партизан происходила под принуждением. Иногда идти в лес людей заставляли действия немцев. Если говорить о мобилизации, то ее объявляли по деревням среди мужчин, а тех, кто отказывался идти в лес, угрожали расстрелять. То же самое было и с мобилизацией в Красную Армию. Эти люди не имели практически никакого выбора. Было очень много случаев дезертирства.

Руководство партизанского движения в Беларуси состояло преимущественно из приезжих, местных людей там было мало. Поэтому еще вопрос, можно ли говорить о белорусском партизанском движении. Это было советское движение.

Партизанское движение «создали» немцы

Д.Г. Первые попытки создать партизанское движение в 1941 году потерпели фиаско. Почему так произошло?

Б.М. Это делалось весьма непрофессионально, а местное население помогало немцам бороться с такими группами. В них входили преимущественно аппаратчики, партийцы, чекисты. Местные их просто ненавидели, ведь они были причиной многих их бед. Немцам удалось очень быстро ликвидировать эти попытки создать партизанское движение.

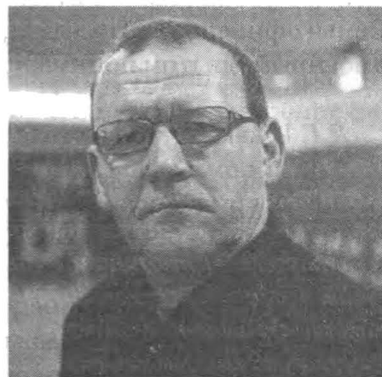
В 1942 году произошла очередная попытка развертывания партизанских отрядов. Но с действиями Кремля это не имеет ничего общего. После того как немцы разгромили Красную Армию, десятки тысяч «окруженцев» заполонили беларуские деревни. К ним надо добавить десятки тысяч военнопленных /белорусов/, которых немцы освободили. Эти люди жили вместе с местными и помогали им. Иначе говоря, были рабочей силой.

Немцы знали об этой ситуации, «окруженцев» они воспринимали как потенциальную угрозу и в начале 1942 года хотели зарегистрировать этих бывших солдат РККА, чтобы послать в Германию на работу. «Окруженцы» сильно испугались. Они думали, что немцы их расстреляют. Вот тогда началось массовое бегство в лес. И вот это уже было настоящее начало партизанского движения. Правда, немцы не собирались их убивать. Они просто понимали, что такое количество людей в тылу, способных воевать, да еще и в лесных краях, потенциально опасно. Вот так начали возникать партизанские группы.

Д.Г. А что было неправильно в 1941 году?

Б.М. Все делалось по-любительски. До 1934–35 гг. партизанская война была частью военной стратегии СССР. Готовились партизанские группы, создавались секретные склады оружия. Но потом стратегия изменилась с оборонительной на наступательную. Это стратегия молниеносной войны Тухачевского. Большевики считали, что нападать будет СССР. То, что он станет жертвой, не предполагалось. Когда начались чистки, то многие из партизан, которые прошли подготовку, были казнены. Другие, такие, как Ворошилов, занимали высокие должности и не могли организовывать это движение снизу.

В 1941 году создание партизанского движения происходило фактически заново. У советов уже не осталось людей, подготовленных соответствующим образом. Не хватало оружия, боеприпасов. Эти люди не знали, как устраивать диверсии. И таких случаев было множество. Не было мин, взрывчатки. Не было транспортных самолетов.



Б. Мусял

Д.Г. Так по какому принципу создавалось партизанское движение, если не было соответствующей стратегии?

Б.М. Были созданы партизанские школы, которые посылали людей в лес после 2–3 дней обучения. Но если группы возглавляли сотрудники НКВД, местное население не хотело им помогать. Бывали, разумеется, единичные нападения, операции против оккупантов. Но угрозы немцам эти группы не представляли, и они разбили их довольно быстро. Больше было нападений на местное население, на так называемых предателей. В ответ на это немцы создали полицию, в которую мобилизовали местных жителей. Во-первых, они отлично знали окрестности. Во-вторых, брали прежде всего тех, кто пострадал от советской власти. А таких было очень много. У кого-то советы отобрали имущество, у кого-то убили жену и, конечно, люди хотели за это отомстить.

Д.Г. А были ли случаи, что местное население шло в лес добровольно, руководствуясь национальными и патриотическими побуждениями?

Б.М. У белорусов не было нужды идти в лес. Немецкая оккупационная политика была пробелорусской. Понятно, что она сводилась к тому, чтобы разыграть белорусский вопрос вопреки евреям, полякам, украинцам и русским. С точки зрения тогдашнего беларуского патриота, у него не было никакой нужды сражаться против немцев. Немцы открывали белорусские школы, набирали местных жителей в администрацию. Немцы фактически гарантировали развитие белорусского патриотизма и национализма. Даже поляки записывались белорусами, ибо так можно было сохранить место в полиции.

Д.Г. Вы сказали, что вторую волну партизанщины создали сами немцы. А как этим группам удалось наладить связь с Москвой?

Б.М. Это был сложный процесс. Проще это удавалось партизанам в Восточной Беларуси. В Витебской области существовали так называемые «Суражские ворота» (2). У партизан, которые там действовали, была возможность наладить связь с Москвой. Это были «окруженцы». /Среди них/ было много офицеров. Они знали, что если не будут воевать, если сдадутся в плен к немцам, то, по советским законам, станут предателями. По декрету Сталина от 15 августа 1941 года каждый красноармеец, который сдавался в плен, считался предателем. Семьи офицеров за это ждало наказание. Они оказались заложниками. Офицеры с военным опытом понимали, что необходимо установить связь с центром.

Д.Г. И как это осуществлялось на практике?

Б.М. Я описываю случай группы Ничипоровича. Этот полковник возглавил группу /окруженцев/ и хотел перейти линию фронта (3). Но в конечном итоге он остался в окрестностях Кличева и через 2–3 месяца установил контакт /с Москвой/ через советских парашютистов. Советы знали, что в лесах много людей, и пытались установить с ними контакт. Ничипорович получил приказ оставаться на месте и создавать партизанское движение.

Но группам из Налибокской пущи, например, пройти такой отрезок пути было очень сложно. Курьеры часто не доходили. А если и доходили, то не-

известно, что за это время стало с /их/ группой и где она находится. Путь за линию фронта занимал даже 3 месяца.

Условием существования отряда была постоянная связь. Ее могла обеспечить только радиостанция. Партизаны в Налибокской пуще смогли объединиться друг с другом лишь весной 1943 года. Но даже отряды без связи, если их возглавляли офицеры, участвовали в боях. Понятно, это были акции по мере возможности.

Д.Г. Как они могли проводить операции до весны 1943 года, когда установилась связь, если у них не было оружия?

Б.М. Например, собирали оружие в лесах. Этого хватало на кое-какие операции, но не на крупные акции. Проще всего было нападать на 1–2 полицейских, лучше всего — местных. Нападения на железнодорожные пути были просто нереальны. Не было и взрывчатки.

Д.Г. Насколько опасным для немцев было то, что партизаны делали с 1942 года по 1943, до того момента, когда установили /постоянную/ связь с Москвой?

Б.М. С военной точки зрения большого значения это не имело. Но если говорить про оккупационную политику, то угроза была. Спокойствие в тылу было нарушено. Чинились преграды уборке урожая, а это затрудняло поставки /провианта/ для немецкой армии. Партизаны жгли хозяйства, пилорамы. Но с другой стороны, эти земли были не настолько богаты, чтобы немецкая армия ощущала проблемы со снабжением.

Все ужасы войны сполна ощутило местное население. Люди оказались между молотом и наковальней. Лояльности требовали и немцы, и партизаны, а за нелояльность людей ожидала смерть. Партизанское движение стало катастрофой для местных жителей. Конечно, это вина не только партизан, но и немцев. Ведь они желали лояльности, но не смогли гарантировать людям безопасность.

«Количество преступлений на востоке Беларуси была больше, чем на западе»

Д.Г. Я неоднократно разговаривал о партизанском движении со свидетелями тех событий. Ни разу мне не довелось услышать о партизанах доброго слова. Но, по идее, именно за этх людей партизаны и сражались.

Б.М. Защита местного населения не входила в задачи партизан. Наоборот. И это видно по документам. Советы сами признавали, что местное население не хочет их поддерживать. Почему /люди/ не хотели? Надо вернуться на несколько лет назад. Возьмем Восточную Беларусь, как некоторые говорят, наиболее советскую часть страны. Я провел /там/ множество бесед. Помню, я спрашивал у женщин, как было во время войны? Люди, конечно, начинали говорить о том, что было тяжело. Но никто не начинал с 1941 года. Говорили о 20–30-х годах, начинали с коллективизации. Господство большевиков было для них сплошной полосой преследований, несчастья, голода. Они потеряли свободу, землю. В колхозах они были фактически рабами на собственной земле. Часть людей убили, другую часть депортировали.

И вот приходят немцы. По какой причине эти люди должны сражаться за Сталина, защищать чекистов, партаппаратчиков, которые столько лет их преследовали? Люди их не защищали. Исключение составляли фанатики-комсомольцы.

Местное население просто не имело мотивации воевать за большевизм. Для них эта система была антибелорусской и античеловеческой. Если уж они и шли в лес, то происходило это чаще всего под принуждением. Лояльность себе партизаны обеспечивали силой.

Когда я начинал анализировать документы о партизанах Новогрудчины, то полагал, что крайне негативное отношение /советских/ партизан к местным /жителям/ было вызвано тем, что последние считали себя поляками. А советы, как известно, имели антипольский комплекс. Но позже я заметил: то же было и в Восточной Беларуси. На востоке было даже хуже, ведь там изначально действовали более крупные отряды, и там они все выжгли как саранча. Количество преступлений там было больше, так как больше было и число партизан.

Местные очень часто не понимали, что искали партизаны в их краях? Каков был смысл этого движения? Например, в Лепеле люди говорили мне, что железная дорога была в 80 км от них и что партизаны туда вообще не ходили. Военное значение /действия партизан/ имели бы тогда, если бы им удалось прекратить перевозки /на фронт/.

Д.Г. Тем не менее известно, что и местные шли в партизаны. Это были добровольцы?

Б.М. В Москве были споры насчет того, как заставить людей идти в партизаны. Через официальную мобилизацию, или нет. Пономаренко сказал, что официальную мобилизацию объявлять нельзя, но, по сути, все так и было. Я видел документы, где написано, что такой-то и такой-то мобилизуются под страхом смертной казни. Это не было добровольное движение. Большинство беларусов шло /в партизаны/ по принуждению.

Бывало, что бежать в лес людей вынуждали антипартизанские операции /немцев/. Возьмем операцию «Герман» в Налибокской пуще (4). Немцы не хотели оставить партизанам шансов, поэтому решили, что надо выселить целые деревни, чтобы партизанам не было за счет кого жить. Этот метод был очень популярным в Восточной Беларуси. Местных немцы вывозили в Рейх, чтобы иметь там рабочую силу, а партизанам в результате ничего не оставалось. Но некоторые люди убегали в лес, к партизанам. Они боялись ехать в Германию. Иногда к партизанам бежали даже антисоветски /настроенные/ люди, так как у них не было иного выхода. Любой выбор для беларусов был в то время плохим. Это была трагедия. Не было выхода, который гарантировал бы выживание.

Д.Г. А была ли у партизан возможность, чтобы склонить население к сотрудничеству и помощи?

Б.М. Конечно. Были такие партизанские лидеры, которые требовали соблюдать дисциплину, карали за преступления. Польские партизаны, например, тоже ведь снабжались благодаря людям. Но у них была другая система. Они старались относиться к людям по-человечески. Деревни делились на зоны, чтобы не вышло так, что в один день в одну деревню приходят несколько партизанских

отрядов. Советы же устраивали так называемые «бомбежки». Во время таких нападений они забирали все имущество, напивались и уничтожали все вокруг.

В инструкциях из центра постоянно отмечалось, что надо заботиться о дисциплине. Были приказы не жечь деревень, не расстреливать без суда, был запрет для всех. То есть центр понимал проблему и ее масштаб. В Москве прекрасно понимали, что партизанское движение само создавало антисоветские настроения. Но исправить ситуацию в такой массе было очень сложно.

Д.Г. Неужели сами командиры не понимали, что деморализация просто уничтожит их отряды?

Б.М. Были такие, что понимали. В своей книге я много пишу о Ничипоровиче. Это один из наибольших успехов партизанского движения в Беларуси. Его идеи партизанской борьбы были абсолютно логичными. Отряд Ничипоровича действовал в окрестностях Кличева и был одним из самых боевых. Несмотря на скромные возможности, ему удалось создать группу из 2000 человек, которая практически сорвала немецкое сообщение между Минском и Оршей. Немцы впервые имели дело со столь хорошо организованной группой.

Ничипорович сидел в тюрьме еще во времена большой чистки. Он знал, что его ждет, если он не будет воевать. После перехода линии фронта НКВД проверяло его. Он несколько раз писал отчеты о том, что он делал до создания группы. Я читал три его отчета, и они отличаются друг от друга. Опытный чекист сразу заметит, что что-то не так. Неизвестно, чем он занимался с лета 1941 до поздней осени. Это «белое пятно». Я допускаю, что он просто где-то скрывался.

Д.Г. Ничипорович умер в Бутырке, не дождавшись победы. За решетку он попал в результате внутрипартийных разборок. Часто ли происходило, что партизаны между собой не ладили?

Б.М. Это происходило постоянно. Доходило даже до боевых столкновений между партизанскими отрядами. Дрались за награбленное добро или из-за женщин. Самогон лился рекой, и поводы /для конфликтов/ всегда находились.

«За нарушение дисциплины — расстрел»

Д.Г. А как командиры добивались дисциплины?

Б.М. Были такие командиры, которые за проступки расстреливали. В Налибокской пуще, например, был конфликт между советскими и еврейскими партизанами. Люди страшно жаловались на последних, что они забирают последнее из дома. И Чернышев едва не расстрелял еврейского командира Зорина (5). Ведь они грабили даже тех, кто уцелел в налибокской бойне и жил в землянках. Но и сами советские партизаны не брезговали грабежами. Они могли сжечь деревню, если считали, что она для них бесперспективна, что там нельзя ничего добыть. В деревне Конюхи партизаны постоянно грабили местных, и в результате там была создана самооборона, чтобы защищаться от грабежей. Тогда деревню окружили и уничтожили (6). Партизаны всегда находили какую-то причину. Если им не удавалось захватить полицейский пост, то они жгли всю деревню.

В принципе, они делали то же, что и немцы. Был случай, когда немец убил любовницу партизана, так тот так разозлился, что сжег всю деревню. Партизаны

часто жгли каменные здания, преимущественно школы, чтобы немцы не могли разместить там полицейские посты. Поэтому очень часто, когда официально говорится, что немцы уничтожили какое-то здание, в действительности это сделали партизаны (7). В определенном смысле то были «профилактические» уничтожения.

Д.Г. А можно ли сегодня оценить уровень деморализации партизанского движения? Это был принцип или исключение?

Б.М. Это была огромная проблема. Разумеется, были и исключения. Тот же Ничипорович, хотя и он далеко не святой. Он тоже совершал преступления, но это был большевик, который реально воевал.

Ничипорович был эффективным партизаном. Он пришел к выводу, что крупные партизанские отряды в тылу врага бессмысленны. Его концепцией были малые группы по 100 человек с оружием. Эти группы имеют радиосвязь, имеют общую цель, но действуют самостоятельно. Он не видел смысла, чтобы полковник командовал партизанским отрядом в 100 человек. После того как его забрали в Москву, он хотел пойти в Красную Армию, на фронт. Он не хотел возвращаться в партизаны. Писал Ворошилову, что это не имеет никакого военного смысла, так как у них мало оружия. Немцы могли их стереть в пыль.

Д.Г. Но партизаны могли, например, уничтожать железнодорожное полотно и проводить диверсионне операции.

Б.М. Немцы очень быстро научились чинить повреждения рельсов. Вместо того, чтобы разрушать железную дорогу, лучше было уничтожить мост, но в Беларуси их было немного, так как почти нет больших рек. К тому же немцы сильно охраняли эти мосты. Чтобы уничтожить мост, сначала надо было разгромить блок-пост, который неплохо охранялся. Рельсы, разрушенные на 10–20 см, немцы восстанавливали очень быстро, это было простое дело. У них были особые поезда, которые мгновенно все ремонтировали. Это было дело 2–3 часов, максимально полдня. Болезненным ударом для немцев стало бы уничтожение железнодорожного узла, но в города партизаны не входили.

В 1943 году была большая рельсовая операция. Партизанам доставили взрывчатку, и в разных местах они произвели синхронные диверсии. Операция застала немцев врасплох. Было повреждено около 300 км железнодорожных линий. Это была серьезная проблема. Немцам надо было срочно доставлять /подкрепления и грузы/ на фронт, а здесь вдруг уничтожены рельсы. Но они быстро все починили и усилили охрану. Через 2–3 недели ситуация вернулась в норму. Позже партизанам уже не удавалось повторить этот успех.

Д.Г. Не хватило взрывчатки?

Б.М. Нет. Немецкая тактика была такой, чтобы оставлять партизанам ту территорию, где нет железнодорожных путей. Там они проводили операции по эвакуации людей, чтобы оставить партизан ни с чем. Если взглянуть на карту советского партизанского движения и сравнить ее с немецкой, то это похоже на шахматную доску. Города и железнодорожные пути — в руках немцев. Если же для немцев какая-то территория не имеет значения, то она в руках партизан.

Д.Г. А какие действия партизан были для немцев наиболее болезненными?

Б.М. /Действия/ на железнодорожных линиях и дорогах. Но надо учитывать количество партизан и /достигнутые ими/ результаты. Если мы сравним это с Францией, где партизан вообще не было, то Беларусь для немцев была кошмаром. Из Минска нельзя было просто так поехать за 100 км. Можно было ехать только в составе большой группы. Во Франции такого не было.

Немецкое издание книги Богдана Мусяла

Д.Г. Как можно оценить эффективность партизанского движения в Беларуси, поставленные задачи и их выполнение?

Б.М. Надо учитывать количество партизан, потери мирного населения и вред, нанесенный немцам. С военной точки зрения оно /движение/ не имело большого смысла. Здесь была масса партизан, а результаты невелики. Надо также учесть потери мирного населения. Если за год в Беларуси от /рук/ партизан погибло около 7 тысяч немецких солдат, офицеров и чиновников при количестве /партизан/ в 100 тысяч, то это очень слабый результат. Вот если бы они убили столько врагов, то это было бы для немцев большой потерей.

Если бы этим 100 тысячам дать оружие, боеприпасы, то это имело бы смысл. Но советы не смогли обеспечить такую массу людей ни хорошим командованием, ни оружием, ни провиантом. В Москве были споры. Раздавались голоса, что партизанское движение в такой форме бессмысленно. Берия и НКВД были сторонниками создания малых боевых групп. Они должны быть хорошо вооружены, хорошо подготовлены и иметь конкретные задачи. И это имело бы смысл с военной точки зрения. Даже Пономаренко признавал, что партизаны ничего не делают и занимаются преимущественно самими собой. Но в итоге стратегия Берии не победила, правда, маленькие группы все равно попадали в тыл. Их сбрасывали на парашютах либо они переходили линию фронта.

Д.Г. А как выглядела доставка оружия через линию фронта?

Б.М. По-разному. Первый самолет, который приземлился с целью поддержки Ничипоровича, вообще привез листовки. Партизаны были ужасно злые. Это был июль 1942 года. Чтобы иметь аэродром, надо было его хорошо охранять. Такие летные поля были только около Лепеля и Бегомля. Летали маленькие самолеты, так как больших у советов не было (8). А сколько можно перевезти на биплане? Несколько сотен килограммов. Советы не производили больших транспортных самолетов. Позже американцы поставляли им свои «Дугласы». Но это была капля в море. Очень часто, когда сбрасывали оружие в контейнерах, то оно разбивалось. Это была сложная операция. Надо было приземляться, но и приземление было проблемой.

«Приписки были нормой и высшее руководство это знало»

Д.Г. В своей книге вы часто сравниваете немецкие и советские архивные документы. И очень часто они кардинально отличаются. Кто больше врал?

Б.М. Приписки в советской системе были широко распространены. Это не особенность /одних только/ партизан, это /общая/ особенность советской власти. Если поверить советским документам, то партизаны уничтожили на территории Беларуси почти полмиллиона немецких солдат. Но ведь это вся группа армий «Центр»! Это дутые цифры, верить им нельзя.

Мне удалось полистать немецкие железнодорожные отчеты. Они посылали сводки утром и после обеда. Это были отчеты из Минска о том, что происходило на железнодорожных путях, о диверсиях. У немцев не было причин, чтобы делать это ради пропаганды. Они делали это для внутренних технических целей. Это лаконичные сообщения. Взрыв там-то и там-то, повреждено 20 см рельсов, потерь нет. Или, например, мина взорвалась под локомотивом, ранен машинист. Было и так, что мину находили. Локомотив толкал /перед собой пустые/ вагоны, которые были специально предназначены для подрывов. И благодаря этому потерь вообще не было. И есть советские отчеты о тех же операциях. В советских говорилось, что в результате взрыва уничтожены два поезда и погибли 200 эсэсовцев.

Конечно, бывали и потери, но преимущественно это было придумано. В общем, если мина взрывалась, то потери в людях были редкостью. Немцы предпринимали серьезные меры предосторожности. То, как советы манипулировали цифрами, хорошо видно по бойне /устроенной ими/ в Налибоках в 1943 году. Сначала в отчетах сообщалось, что жертвы – это 200 полицейских. Позже они стали немцами, а цифра выросла до 400. А на самом деле ни один немец не был тогда убит (9). И таких случаев море. Приписки были нормой и высшее руководство об этом знало.

Д.Г. А как руководство к этому относилось? Бывали ли какие-то последствия для партизан?

Б.М. Конечно. Штаб старался с этим бороться, посылал телеграммы, проходили встречи. Был случай с Юриным, который доложил, что /это/ он ликвидировал Кубе. Он просто первый об этом узнал и послал отчет. И за это его отправили в Гулаг. О приписках я мог бы написать еще две книги.

Лично я больше верю немецким источникам, там информация ближе к реальности. У немцев не было оснований врать. Наоборот, они были обязаны знать реальное положение вещей. У немцев не было возможности возмещать свои потери, а у партизан была. Если в бою погибали 250 партизан из 300, то командир не сообщал /в штаб/ о реальных потерях. Он тут же проводил мобилизацию и снова их было 300. Если люди убегали из леса, то и эти потери тоже восполнялись мобилизацией.

Д.Г. А часто люди дезертировали?

Б.М. Да, это было массовое явление. Убегали или домой, или к немцам. На

Витебщине в 1942 году в лесах было полно «зеленых». Так называли тех, кто бежал от партизан с оружием и уже сам защищался от них в лесу. Они пытались прорваться через Суражские «ворота». Позже, когда «ворота» закрылись, проблема отпала.

Точных цифр нет и быть не может. Но можно полагать, что проблема была масштабной, ибо создавались «особые отделы», внутреннее НКВД, это была целая разведсеть. Я натыкался на такие документы, из которых следовало, что 10–15 % партизан в отряде являлись стукачами. Их отчеты касались дисциплины.

Как я уже говорил, партизаны в большинстве не были добровольцами и поэтому они часто убегали. За это были смертные наказания для всей семьи. Немцы знали, что среди партизан мало добровольцев, и часто распространяли информацию, что если кто-то убежит из леса домой, то против него не будет принято никаких мер.

Д.Г. А какой смысл было силой забирать людей в лес, если они не хотели воевать, не имели такой воли, желания, чувсва?

Б.М. По такому же принципу действовала Красная Армия. Чтобы «добавить чувства», власти использовали позитивную и негативную мотивацию. Позитивная – это патриотизм, а негативная – запугивание, дескать, если не пойдешь с нами, то мы тебя расстреляем.

Д.Г. Очень часто можно услышать суждение, что чекисты из Москвы, которых Сталин послал в Беларусь, возглавили стихийное партизанское движение, ликвидировав его старое руководство. Это правда?

Б.М. Такие случаи происходили. Чернышев приземлился под Лепелем и /оттуда/ пошел с группой в Налибокскую пущу. Там партизанские отряды были созданы «окруженцами». Чернышеву удалося добиться /их/ лояльности. Это был 1943 год, после Сталинграда. И многие были убеждены, что лучше присоединиться. Подчинение давало возможность реабилитации, ведь до того времени результаты их борьбы не впечатляли. Но очень часто такие требования /о подчинении штабу в Москве/ оканчивались конфликтами.

Д.Г. В июле 1944 года немцы покидали Беларусь. Что происходило после этого с партизанами?

Б.М. Они выходили из леса. Те, что пользовались доверием, занимались очисткой лесов от немцев и польских партизан, помогали создавать структуры советской власти. А других мобилизовывали и отправляли на фронт. Это были преимущественно беларусы. Их сразу бросали на передовую. Старшие посылали молодых. Это можно сравнить с нынешним понятием «дедовщины». Старшие считали, что молодые спокойно себе жили в лесах, что им всего хватало, а мы, дескать, все время боролись.

Д.Г. Партизанское движение в Беларуси, как следует из ваших слов, не было каким-то исключительным явлением. К этому надо добавить травму местных жителей. Почему тогда власти после войны раскручивали этот миф?

Б.М. В Беларуси в этот миф могли не верить, а в Москве – могли поверить. Тем более, это /касается/ только первого поколения, а второе и третье этот миф проглотили. В школе не говорили о том, как было на самом деле. Это классическая пропаганда. Но человек, который думает логически, должен прийти к выводу, что цифры, которые партизаны сообщают о себе и о потерях со стороны немцев – обычный миф. Сегодняшняя Беларусь – это постсоветская страна, потому привязанность к этому мифу понятна. Если бы Беларусь была действительно белорусской, то она бы отбросила этот советский миф. Ведь советское – это антибелорусское.

Д.Г. Сторонники этого мифа считают, что если его отбросить, то белорусам останутся только Белорусская Краевая Оборона и Союз Белорусской Молодежи.

Б.М. Это выдумка. Вы что, хотите строить свое сознание на фальшивке? На этот вопрос должны себе ответить сами белорусы, но, по моему мнению, урок истории для белорусов прост – белорусы были жертвами двух тоталитаризмов. И ни советы, ни нацисты не заботились о беларусах. История подсказывает белорусам, что они должны иметь свое белорусское государство, которое защитит каждого /своего/ гражданина.

Об авторе книги

Богдан Мусял (B. Musial) родился в 1960 году. Изучал историю, политологию и социологию в университетах Ганновера (ФРГ) и Манчестера (Великобритания). Работал в Германском историческом институте в Варшаве, в Институте национальной памяти Польши. Ныне профессор Варшавского университета имени кардинала Стефана Вышинского, где заведует кафедрой Центрально-Восточной Европы.

Комментарии редактора

(1) М.Н. Пинчук пришел к выводу, что численность людей, находившихся в советских партизанских формированиях (включая не имевших оружия и вспомогательный персонал) на территории БССР летом 1944 года составляла от 102 до 143 тысяч человек. Ближе к истине первая цифра. См. стр. 74–75 в его книге.

(2) Суражскими воротами Б. Мусял называет Суражскую партизанскую зону, которая существовала с января 1942 по декабрь 1943 года в четырехугольнике Езерище – Городок – Сураж – Усвяты. Здесь проходил «стык» немецких групп армий «Север» и «Центр».

(3) Ничипорович Владимир Иванович родился 2.03.1900 г. в селе Богородское (ныне в Сергиево-Посадском районе Московской области), умер 31.01.1945 г. С 1918 г. в Красной армии. С 1924 г. на командных должностях в БВО. С 1928 г. член ВКП(б). В июне 1941 г. – полковник, командир 208-й стрелковой дивизии БВО.

С октября 1941 в партизанах, организатор и командир отряда имени Сталина, действовавшего в Кличевском районе БССР (юго-запад Могилёвской области). По приказу из Москвы от 3 апреля 1942 г. этот отряд был переименован в 208-й партизанский полк имени И.В. Сталина. Тот же приказ предписывал подчинить ему пять других отрядов (№№ 128, 277, 620, 752, 760) и таким образом создать Кличевское партизанское соединение.

В сентябре 1942 г. В.И. Ничипоровича отозвали в Москву и назначили заместителем командира 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. В 1943 г. он получил

звание генерал-майора, но вскоре был арестован. Умер в следственной тюрьме, не дождавшись суда. Реабилитирован в 1952 г.

(4) Операция «Герман» прошла с 1 июля по 11 августа 1943 г. на территории Воложинского, Ивенецкого, Любчанского, Новогрудского, Юратишковского районов БССР. Ее целью являлась ликвидация Ивенецко-Налибокской партизанской зоны. В ходе операции немцы сожгли более 150 деревень, вывезли из них 20.944 человека для отправки в Германию. В боях погибли 4280 партизан, а также их пособников из числа местных жителей, еще 654 сдались. Потери немцев: 43 человека убитыми, 112 ранеными, потери белорусских полицейских подразделений – 7 человек убитыми, 43 ранеными. Всего – 50 погибших, 155 раненых. Партизанская зона была ликвидирована, остатки партизан ушли в Барановичскую и Вилейскую области.

(5) Василий Ефимович Чернышев (1908–1969) перед войной был первым секретарем Барановичского обкома ВКП(б). Ранее он окончил пехотное училище в Орле (1927) и Коммунистический университет в Брянске (1930). В 1942 г. его назначили уполномоченным ЦК ВКП(б) и Центрального штаба партизанского движения по Барановичской области. С марта 1943 г. был секретарем Барановичского подпольного обкома ВКП(б) и одновременно командиром Барановичского партизанского соединения. После войны продолжал партийную карьеру в БССР (1944–1951), Калининграде (1951–1959) и Приморье (1959–1969).

Шалом Зорин (1902–1974) в мае 1943 г. создал еврейский партизанский отряд имени Калинина (он же отряд № 106), который вошел в состав Барановичского партизанского соединения. Отряд был невелик: на 9 июля 1944 г. в нем числился 141 боец. Правда, при отряде находилось 420 «штатских» – члены семей партизан.

(6) Белорусская деревня Конюхи сейчас находится на территории Летувы и называется Канюкай (летувисы изменили традиционные названия всех населенных пунктов, местностей и водоёмов на белорусских землях, которые отдал им Сталин в 1940 и 1946 гг. Мнение местных жителей по этому вопросу их не интересовало).

Отряд советских партизан (около 150 человек) под командованием Генриха Зиманаса ворвался сюда 29 января 1944 г. и убил 46 жителей, в том числе 22 несовершеннолетних.

(7) Типичный пример. 3 августа 1942 года в местечко Косово (ныне деревня в Ивацевичском районе Брестской области) ворвались партизанские отряды имени Георгия Димитрова, имени Николая Щорса (командир П.В. Пронягин), имени Клима Ворошилова (командир И.С. Зайков). Судя по фамилиям командиров, времени, когда это происходило, и по месту событий – отряды чекистов, заброшенные из России.

Они подожгли дворец Пусловских– бесценный исторический памятник Беларуси. Военных объектов во дворце не было. Немцы планировали устроить там госпиталь для раненых и больных. Здание горело 10 дней, тушить пожар было некому. Внутри выгорело все, только массивные кирпичные стены устояли.

В 200 метрах от дворца находился еще один исторический памятник – дом, где родился вождь восстания 1794 года Тадеуш Костюшко. Чекисты подожгли и его. Деревянное здание с соломенной крышей сгорело мгновенно – как спичка.

(8) К партизанам обычно летали легкие самолеты По-2 (У-2) и Р-5. Первый брал одного пассажира и 350 кг груза. Радиус его полетов (с учетом необходимости возвращения) не превышал 220 км. Грузоподъемность второй машины была 500 кг, радиус полета – 480 км. В 1943 году появился транспортный самолет Ще-2. Он мог взять до 16 пассажиров или груз, не превышающий общий вес этих людей (максимум 1300 кг). Радиус действия – до 500 км.

(9) Бойню в местечке Налибоки (ныне деревня в Столбцовском районе) учинили в ночь с 8 на 9 мая 1943 г. три отряда из бригады им. Сталина (командир П.И. Гулевич) – им. Дзержинского (командир Ф.В. Сурков), им. Суворова (командир А.Е. Макеев) и «Большевик» (командир Г.Л. Кудрин).

Согласно их отчету в штаб, в результате двухчасового боя партизаны якобы уничтожили 250 «полицаев», потеряв при этом 6 человек убитыми и 6 ранеными. В действительности они расстреляли 129 человек, в большинстве – детей и женщин, ограбили и сожгли их дома. Кроме того, сожгли мельницу и костёл.

От редактора

После 2000 года появилось несколько серьезных критических работ о советском партизанском движении. Это книги Вячеслава Боярского «Партизаны и армия» (2001); Владимира Батшева «Партизанщина» (2003); Александра Гогуна «Сталинские коммандос: украинские партизанские формирования» (2008); Владимира Полякова «Партизаны без грифа секретно» (2009); Сергея Захаревича «Партизаны СССР» (2012) и Михаила Пинчука «Советские партизаны» (2014). Благодаря им миф о советских партизанах полностью разоблачен.

Логическим завершением серии книг, опровергающих выдумки советских идеологов и пропагандистов о «всенародном сопротивлении оккупантам» стала книга польского историка Богдана Мусяла «Советские партизаны 1941–1944. Мифы и действительность», полностью основанная на документальных источниках. Этот объемный труд издан на польском языке в апреле 2014 года.

В этой связи отмечу две вещи. Во-первых, книга Б. Мусяла вышла всего на 2 месяца раньше книги М.Н. Пинчука. Во-вторых, совпадают не только их названия, но и выводы авторов. Этот факт тоже опровергает измышления полковника Макарова и подобных ему «защитников» советского прошлого.

БЕЛАРУСЬ И БЕЛАРУСЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Илья Копыл

Дождемся ли мы правды?

Это мой взгляд на события Второй мировой войны, мое собственное исследование, далеко неполное и в чем-то неточное, но все же — попытка анализа.

Ведь вся история Второй мировой войны в советской интерпретации — сплошное вранье. Требуется детальная инвентаризация. Историки советско-коммунистической ориентации вопят: никому не позволим переписывать историю войны! Но сначала надо убрать из этой истории выдумки партийных пропагандистов и лживые мемуары, оставить только правду, какой бы горькой она ни была.

На первом съезде беларусов мира в 1993 году действительный член Национальной академии наук Беларуси Радим Горецкий сказал в своем докладе:

> «Более всесторонней и объективной оценки требует партизанское движение Беларуси во время Второй мировой войны. Оно включило в себя не только героическое, что всячески высвечивается, но и трагическое, что все еще затемняется, просто замалчивается. Так, оно мало выполняло одну из самых важных обязанностей, а именно — защиту населения Беларуси от уничтожения разного рода карателями, а в ряде случаев даже содействовало этому».

Я благодарен академику. От него услышал то, что долгие годы вынашивал в себе. Мне тогда подумалось, что лед наконец тронулся, что размышления академика Горецкого продолжат другие. Но тут же подняли головы бывшие партийные функционеры, бросились яростно защищать свои мифы.

В последние годы происходит беспардонная спекуляция на темы войны и победы. Слушаешь некоторые официальные речи и складывается впечатление, что оратор командовал если не фронтом, то армией или хотя бы корпусом, лично разрабатывал военные операции, воодушевлял войска на подвиги. Возникает желание снять маршальскую звезду с памятника на площади Победы и нацепить ее на грудь очередного оратора.

В Беларуси имеют место попытки «приватизации» победы. Да, беларусы испытали много страданий, понесли большие потери. Но не надо преувеличивать вклад нашей страны в дело разгрома немецких захватчиков.

Заявлять, что Беларусь сыграла важную роль в разгроме нацистской Германии и освобождении Европы от оккупации, просто смешно. Беларусь не была самостоятельным государством, не имела собственной армии. Она являлась одной из частей СССР, притом небольшой, и сама ничего не решала. Другое дело, что

---

* По материалам книги Ильи Копыла «Нябышына: Акупацыя вачыма падлетка». Вильня, издательство «Наша будучыня», 2014 г. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Беларусь очень сильно пострадала от войны, понесла большие разрушения и людские потери. Но виновниками этих разрушений и потерь были как немецкие захватчики, так и советский режим.

Красная Армия более чем наполовину состояла из солдат со смуглой кожей. К примеру, Брестскую крепость защищали воины разных национальностей, одних только чеченцев там погибло более 300 человек. А те беларусы, которых мобилизовали осенью 1944 года, в своем большинстве погибли в боях за Восточную Пруссию.

Чем больше удаляет нас время от Второй мировой войны, тем выше поднимаются новые волны вранья. В государственных СМИ только и слышишь напыщенную болтовню о всенародном подъеме на борьбу с врагом, о самоотверженности, о сплошном героизме на фронте и в тылу.

Но давайте взглянем правде в глаза. Какой же это героизм, если за первый год войны в немецкий плен попало почти 3,8 миллиона советских солдат и офицеров? Почему же такая масса вооруженных людей не заслонила собой страну? Ведь это — огромная армия*!

Если в годы войны действительно был сплошной героизм и патриотизм, то как тогда мог появиться приказ ставки Верховного Главнокомандования № 270, объявивший предателями не только солдат и командиров Красной Армии, оказавшихся в плену, но и членов их семей? Если учесть, что каждая семья состояла из 4–5 человек, то получается, что в СССР в одном только 1941 году было 16 миллионов предателей! Почему же в таком случае это государство не рухнуло уже тогда?!

Если был в годы войны всенародный подъем, патриотизм, героизм, то как мог появиться на свет приказ верховного главнокомандующего (И.В. Сталина) № 227 от 28 июля 1942 года, получивший название «Ни шагу назад!». Этот приказ предписывал создать заградительные отряды НКВД, вооруженные автоматическим оружием. Отряды размещались в тылу частей, назначенных в атаку. При попытке отступления заградотряды открывали огонь по своим. Кроме того, этот же приказ предписывал расстреливать перед строем трусов, паникеров и дезертиров. В соответствии с приказом № 227 было расстреляно 954 тысячи советских солдат и офицеров! Это 66 стрелковых дивизий по предвоенному штату 1941 года (14.483 чел. в дивизии) или 95 дивизий по штату, введеному в июле того же 1941 года (10 тыс. чел. в дивизии)!

Такой «патриотизм» только в страшном сне может присниться. Руководители государства, издающие подобные приказы — нелюди. Для них соотечественники — всего лишь расходный материал. Когда был издан этот приказ, война шла уже более года, войска действуюшей армии приобрели немалый опыт ее ведения. Но воодушевления, патриотизма в армии по-прежнему не было. Вот и приходилось силой поднимать войска в атаку, гнать вперед с помощью заградотрядов!

---

* По официальным данным, войска Германии и ее союзников взяли в плен за время войны 5 млн 734 тыс. 528 советских военнослужащих, в том числе около 3,8 млн (66 %) — в течение 1941 г. Для сравнения: общая численность вооруженных сил США (армия, авиация, флот) в настоящее время — 3 млн 196 тыс. чел. (1 млн 446 тыс. в регулярных формированиях, 900 тыс. в организованном резерве, 850 тыс. гражданских служащих). *–Ред.*

И.Ф. Копыл

Любому профессионалу известно, что войска, которые наступают, обычно имеют больше потерь, чем те, которые держат оборону. Но к Красной Армии этот общий принцип военного искусства не относится. Она несла огромные потери при обороне каждого города, каждого полевого рубежа. Обычно войска оставляют населенный пункт или территорию, чтобы сберечь свою живую силу и технику, перегруппироваться и встретить противника на новых линиях обороны. Однако командование Красной Армии меньше всего думало о том, чтобы сохранить своих солдат и офицеров для новых боев. В Смоленском оборонительном сражении (10 июля – 10 сентября 1941 г.) войска Красной Армии потеряли 1,5 миллиона человек! В Вяземской операции (2–13 октября 1941 г.) и в Ржевско-Вяземской (8 января – 20 апреля 1942 г.) – еще 1,5 миллиона! В битве за Москву (30 сентября – 5 декабря 1941) погибло около миллиона человек. Вот уже 4 миллиона погибших бойцов и командиров!

К концу 1941 года от той части войск Красной Армии, которые воевали против немцев, осталось всего 7 % личного состава. Положение под Москвой улучшилось лишь благодаря тому, что с Дальнего Востока сюда перебросили свежие войска, которые держали там на случай нападения Японии.

Кроме сибиряков, на оборону Москвы направили воинские формирования из Средней Азии. А там находились большие силы, так как Сталин опасался, что среднеазиатские республики попытаются отделиться, использовав тяжелое положение СССР. Жители среднеазитатских республик ненавидели большевиков за кровавые расправы с населением под предлогом борьбы с басмачами. В действительности это была настоящая война с народом, продолжавшаяся более 12 лет, с 1921 по 1933 год.

Чтобы избежать краха СССР, Сталин вел тайные переговоры с Гитлером о прекращении войны. Переговоры происходили на территории Болгарии, в то время – союзницы Германии. В обмен на прекращение войны Сталин предлагал Гитлеру Прибалтику, Беларусь, Украину и Молдавию. Кстати говоря, Ленин, спасая свою власть, в 1918 году уже отдавал нас немцам по Брестскому миру. И опять все могло повториться.

Но Гитлер отклонил предложение Сталина. Указанные территории и так уже находились под немецкой оккупацией. Фюрер верил в свою победу. А если бы он согласился? Как бы сложилась судьба Беларуси, в каком направлении она бы развивалась?

Надо еще напомнить об огромной военно-технической и продовольственной помощи, которую оказали СССР Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Канада. Красная Армия к 22 июня 1941 года имела многократный перевес в живой силе и технике над Вермахтом. Но по вине бездарного командования – начиная с наркома обороны, начальника генштаба, командующих армиями, кончая командирами дивизий, бригад и полков – весь этот перевес был потерян за

первые полгода войны. Сейчас, когда говорят о помощи американцев, то вспоминают только грузовики «Студебеккер» и джипы «Виллис». Но союзники бесперебойно поставляли в СССР самолеты и танки, автомобили, порох, взрывчатые вещества и многое другое*.

А самое главное – они поставляли все это тогда, когда одна часть советских заводов оказалась на оккупированной территории, а другая часть перебазировалась в восточные области, но еще не развернула производство. И когда были потеряны огромные площади сельхозугодий. Если бы не «ленд-лиз», Красной Армии уже летом 1942 года не было бы чем воевать и нечего было бы есть! Ох, как не нравилась это горькая правда советским пропагандистам! И как стараются забыть, извратить, оболгать эту правду нынешние идеологи Кремля, призывающие Россию к противостоянию против стран Западной Европы и Северной Америки.

Красная Армия в 1942 году голодала. Мой двоюродный брат Александр Копылов был в то время связистом. Он мне рассказывал, что кормили их один раз в двое суток. Все мысли были о том, где и как найти еду, ходили по деревням с протянутой рукой, а бывало, что и грабили местное население.

Президент Ф. Рузвельт, сенат и правительство США приняли тогда постановление об ограничении продажи продуктов питания в собственной стране, чтобы за счет этого организовать поставки для СССР. Известно, что объем американских поставок продовольствия был таков, что его хватило бы на полноценное питание 3-миллионной армии в течение трех лет**.

Беларуские ветераны войны неоднократно требовали установить памятник маршалу Георгию Жукову в центре Минска. Но какое отношение имел Жуков к Беларуси? Он некоторое время служил на территории БССР командиром полка. Ну и что? Таких командиров через Белорусский военный округ (в то время он назывался Западный особый) прошли тысячи. Жуков родился в Калужской области. Если его землякам нужен памятник, пусть они его и ставят.

Жуков не заслужил памятника себе ни в Минске, ни вообще на территории Беларуси. Красная Армия сдала немцам западную часть БССР за неделю (в Минск оккупанты вошли на шестой день войны), восточную часть БССР немцы полностью заняли до 25 августа (в этот день они вошли в Смоленск). А вот освобождения Беларуси от оккупантов пришлось ждать 3 года, один месяц и пять дней. Жуков воевал числом, а не умением. Он заваливал немецкие траншеи тру-

---

* Более 18 тысяч самолетов: 12667 истребителей, 4735 бомбардировщиков, 206 гидросамолетов, 710 транспортных машин, а также некоторые другие машины.

Заводы по производству пороха и взрывчатки в СССР не работали с осени 1941 г. до осени 1942 г. Без поставок союзников нечем было бы снаряжать патроны, снаряды, бомбы и мины. Вся РККА в 1943–44 гг. ездила на американских грузовиках и джипах. Телефонный провод в СССР не производился. Поставки союзников полностью обеспечили потребности фронта и тыла.

Поставки кораблей: 1 линкор, 1 крейсер, 4 подводные лодки, 9 конвойных миноносцев, 28 сторожевиков, 78 больших охотников, 91 тральщик, 205 торпедных катеров, 132 десантных судна, а также два десятка транспортных судов типа «Либерти» грузоподъемностью 10 тыс. тонн каждый. – *Ред.*

** За период с 6 сентября 1941 по 20 сентября 1945 гг. Великобритания, США и Канада поставили в СССР 4 млн 915 тыс. 818 тонн продовольствия в виде муки, мясных и овощных консервов, яичного порошка, сахара, жиров и других продуктов.

пами советских солдат. На одного убитого немецкого солдата приходится (по официальным данным) 10 советских. Но эта цифра значительно занижена.

Накануне 60-летия Дня Победы, которое помпезно праздновали в России и Беларуси, в одной из телепередач было сказано, что до настоящего времени считаются без вести пропавшими более 6 (шести) миллионов солдат и офицеров Красной Армии! Понятно, что они погибли, но к числу «учтенных погибших» эти 6 миллионов не добавляют. Вполне возможно, что здесь имел место злой умысел. Ведь семьям без вести пропавших не платили пенсий, не давали льгот. Астрономическая экономия для бюджета Страны Советов...

За время Второй мировой войны погибли 307 тысяч английских солдат и офицеров. Это в три раза меньше их потерь в Первую мировую войну. Между тем Великобритания воевала не только в Европе, но также в Африке и Азии, и на 24 месяца больше, чем СССР! Потери вооруженных сил США во Второй мировой войне составили 250 тысяч солдат и офицеров.

Потери же РККА бесчисленны. Сталин назвал цифру 7 миллионов человек, при Брежневе стали утверждать, что боевые потери Красной Армии составили 10 миллионов человек. Но только в боях за Берлин погибло около миллиона советских солдат и офицеров. Никто точно не знает, сколько советских воинов погибло в Восточной Пруссии, особенно при штурме Кёнигсберга.

Помню, как по российскому телеканалу 23 июня 2000 года показали документальную киноленту «Победа. Одна на всех». В ней было сказано, что Сталин устроил соревнование между Жуковым и Коневым – кто первым войдет в Берлин. Советских маршалов в погоне за славой ничто не могло остановить. А в результате каждый метр земли на подступах к Берлину пропитан кровью советских солдат. Вот типичный пример. На пути одного из стрелковых батальонов встретился дот, в котором находился пулеметный расчет из двух солдат. Эту преграду можно было легко обойти с флангов, чтобы не попасть под пулеметный огонь, и наступать дальше. Разумный командир так бы и сделал. Но поступил безоговорочный приказ – захватить дот. Батальоны и полки по нескольку раз поднимали в атаку на дот, но немецкий пулемет работал безотказно. Всю местность перед ним завалили трупы красноармейцев. Погиб почти весь батальон. Вот такие командиры были в Красной Армии, вот так они воевали.

Глядя на те события с позиции нынешнего дня, трудно вообще понять, почему Сталин, Жуков и Конев так стремились первыми войти в Берлин. Во-первых, американцы вообще не планировали его штурмовать, так как они всегда избегали больших людских потерь. Во-вторых, заняв Берлин, советское командование в соответствии с Ялтинским соглашением о судьбе Германии все равно разделило город на 4 сектора оккупации между союзниками, преподнесло им его на блюдечке.

После парада победы, который произошел в Москве в дождливый день 24 июня 1945 года, о Дне Победы не вспоминали 20 лет – до 9 мая 1965 года. С этого момента главной действующей особой в Великой Отечественной войне стал очередной генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев. На его грудь с молчаливого согласия ветеранов нацепили орден Победы, которым во время войны награждали только маршалов и генералов армии. Или кто-то протестовал, а я не знаю об этом?

А всё потому, что самой главной военной операцией вдруг стал не штурм Берлина, а высадка десанта на берег Цемесской бухты возле Новороссийска и захват там плацдарма площадью 30 кв. км. Именно этот плацдарм несколько раз посещал начальник политотдела 18-й армии полковник Л.И. Брежнев. Придворные историки дружно стали писать, что именно эта операция была судьбоносной для дальнейшего хода войны!

Как со временем все меняется! Сейчас нам уже рассказывают, что «судьбоносной» явилась битва на «линии Сталина» под городом Заславлем летом 1941 года, битва, которой не было вообще!

Какой эпизод войны ни возьми – везде вранье.

Начало войны

Прежде всего надо отметить, что для беларусов Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, когда на Польшу, в состав которой входила значительная часть Беларуси, напала Германия. А 17 сентября удар в спину Польше нанес СССР, тогдашний союзник Германии. Германия и СССР в одинаковой мере являются виновниками самой кровавой, самой жестокой войны XX столетия.

22 сентября 1939 года в Бресте произошел совместный военный парад советских и немецких войск в ознаменование разгрома и раздела Польши. Парад принимал с немецкой стороны генерал Гейнц Гудериан, с советской стороны – комбриг Семен Кривошеин (1899–1978). Они обменялись флагами. Гудериан вручил Кривошеину нацистский красный флаг со свастикой, а от него получил советский красный флаг со звездой, серпом и молотом. Интересно, в запасниках каких музеев хранятся сейчас эти «реликвии»?

Сразу же после советского вторжения в западные области Беларуси начались массовые репрессии против здешних жителей – беларусов, поляков, евреев.

В газете «Народная воля» за 4 августа 1998 года приведены следующие данные: с сентября 1939 по 22 июня 1941 гг. из Западной Беларуси в Сибирь, на Север и в Казахстан было депортировано:

– военнопленных беларусов – 46 тысяч (из 70);

– граждан (мужчин), обвиненных органами советской власти в политических преступлениях – 250 тысяч;

– членов семей обвиненных, а также людей, попавших под подозрение, – 990 тысяч.

19 июня 1941 года, всего за три дня до нападения Германии на СССР, из Беларуси была отправлена на восток партия в 22 тысячи человек. Это более 300 переполненных вагонов-телятников, около 20 эшелонов.

Надо добавить, что за тот же период в БССР было расстреляно 135 тысяч человек. Только 22 июня 1941 года прекратило «беспредел» советского режима.

В эту цифру не входят пленные офицеры-беларусы, расстрелянные вместе с поляками по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О расстреле военнопленных польских офицеров, чиновников, помещиков, колонистов» от 5 марта 1940 года. Чекисты производили массовые расстрелы в апреле 1940 года в Катынском лесу под Смоленском, в Старобельском лагере под Харьковом, в Осташковском лагере Калининской области, в пригородах Минска – в Куропатах, Дражне, Ло-

шице, парке Челюскинцев и в других местах. Сколько всего беларусов было казнено на основе этого преступного постановления, неизвестно.

Как можно, взвесив все эти факты, считать день 17 сентября днем освобождения западных беларусов от «польского гнета»?!

Почему мы отрекаемся от соотечественников, ставших жертвами преступников-чекистов, пытаемся выбросить их из народной памяти? Почему до сих пор боимся во всеуслышание назвать советскую власть преступной, бандитской, античеловеческой? Вопросов много, а ответов нет.

Советско-финская война

Вспомним события советско-финской войны. Правду об этой войне советская власть держала за семью печатями. Только во времена горбачевской перестройки, и особенно после распада СССР, все вышло наверх.

Война началась 30 ноября 1939, закончилась 12 марта 1940 года. Она длилась 105 суток. За это время, согласно докладу Молотова на VI сессии Верховного совета СССР 29 марта 1940 года, погибли и умерли от ран почти 49 тысяч советских солдат (48.745), ранены около 159 тысяч (158.863).

Однако «Военно-исторический журнал» в 1992 году (№ 3) опубликовал статью П.А. Аптекаря. Этот исследователь скрупулезно подсчитал по ранее секретным документам Генерального штаба РККА, что потери личного состава армии и авиации составили: 131.476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран. Выбыло из строя из-за ранений и обморожений около 330 тысяч. Сдались в плен финнам чуть более 6 тысяч человек. Расстреляны органами НКВД за «пораженческие разговоры» 843 бойца и командира РККА. В сумме почти 468 тысяч человек.

Но и это еще не все: Аптекарь не смог найти данных о людских потерях военно-морского флота и войск НКВД, а также о числе военнослужащих, умерших от ран и болезней в тыловых госпиталях.

Сталин на совещании командного состава, посвященного подведению итогов войны с Финляндией (оно состоялось 14–17 августа 1940 г.), сказал: «Наше неумение воевать обошлось нам в 500 тысяч человек». Как видим, он назвал цифру, очень близкую к реальной.

Отсюда мой вопрос: сколько бойцов и командиров из Беларуси было среди этих 500 тысяч убитых, замерзших, пропавших без вести, казненных, искалеченных? Ответа мы не знаем по сей день.

Война с Германией

Началась война с Германией и ее союзниками, которую принято называть Великой Отечественной войной. Понятие «отечественная» — спорное. Да, беларусы сражались за свою Отчизну. Но за нее воевали и те, кто был в Красной Армии, и те, кто был на стороне немцев. Последние наивно надеялись, что из рук немцев они получат независимость своей Родины — Беларуси. Они во второй раз наступили на одни и те же грабли. В начале XIX века наши предки тоже надеялись, что Наполеон восстановит и подарит им независимое Великое Княжество Литовское. Тогда одни беларусы служили в армии императора Наполеона, а другие — в армии императора Александра.

Каков вклад беларусов во Вторую мировую и Отечественную войны?

Но беларусы сражались не только в Красной Армии и промосковских партизанских отрядах. Немало беларусов воевало в отрядах Армии Краёвой в Западной Беларуси.

Беларусы служили и в армии польского генерала Владислава Андерса, действовавшей на территории Италии и в Северной Африке. В битве за Монте-Кассино погибли 264 беларуса, в боях за Болонью – 287, за Ларетту – 234. В Северной Африке и в Италии погибли 1583 беларуса или уроженца Беларуси.

В армии Андерса в Италии воевал наш именитый земляк Петр Конюх (1910–1994). На привалах между боями он пел солдатам беларуские песни. В битве за Монте-Кассино был ранен в бедро – война для него окончилась. Он получил военную стипендию для обучения в Римской академии искусств, которую блестяще окончил. Пётр Конюх стал всемирно известным певцом.

Много беларусов было в составе польских формирований под британским командованием. Они воевали во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Германии и в других странах. А всего в войсках западных союзников сражалось не менее 35 тысяч беларусов.

Население на оккупированной территории

У меня нет данных о том, какое число жителей Беларуси было эвакуировано в удаленные области СССР. Я думаю, что немного, ведь немцы оккупировали Беларусь молниеносно. Столицу Минск они заняли на шестой день войны. В условиях такой скоротечности событий об эвакуации не могло быть речи.

Руководство республики и областей бежало настолько поспешно, что на столах в их кабинетах остались секретные, совершенно секретные, особой и государственной важности документы.

Возможно, что какая-то часть городского населения восточных областей БССР была эвакуирована. Например, семья моего будущего тестя, жителя города Орши, оказалась в Ульяновской области. Но стихийным группам беженцев, которые шли пешком по дорогам на восток, пришлось возвращаться назад, поскольку немецкие войска значительно обогнали их. Сельское же население полностью осталось на оккупированной территории.

Я исхожу из опыта своей деревни Небышина. В начале войны у нас и мысли не было, чтобы бежать из своей деревни, из своей хаты, где-то скрываться. Мы не ощущали опасности. Тем более, никто из нас не собирался воевать с оккупантами. У нас не было оружия, и никто не стремился его приобрести. Этим можно было навлечь беду не только на свою семью, но и на всю деревню. У нас было одно стремление – выжить.

Но выжить в условиях оккупации было очень трудно. Как-то я наткнулся на документ – «Партизанскую присягу». Вот один из пунктов присяги: «Я клянусь, что скорее погибну в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и белорусский народ в рабство кровавому фашизму». Сказано сильно, однако это пустые слова. На самом деле, для защиты населения не делалось ничего. Более того, партизаны представляли для селян еще большую опасность, чем немцы.

Небышина была самой обычной деревней. Я не слышал, чтобы хоть в одной из окрестных деревень люди взяли в руки оружие и выступили против немцев.

Когда в наших местах появились партизаны, моя мать ежедневно молила Бога о том, чтобы этой ночью они миновали наш дом.

Когда в 1944 году пришла Красная Армия, мой отец сказал, что нас можно считать победителями. Ведь мы перехитрили смерть. В нас стреляли с двух сторон — и немцы, и партизаны. Мы лавировали между ними и выжили в невероятных условиях. Каждый прожитый день, особенно в 1943 — 1944 гг., когда происходил партизанский «беспредел» — подвиг.

Вполне вероятно, что сегодня Беларусь существует в первую очередь благодаря той части населения, которая сумела выжить в условиях оккупации.

На службе у немцев

Советской власти очень не хотелось признавать тот факт, что на оккупированной немцами территории СССР существовали полицейские роты, батальоны, эскадроны, полки, бригады, состоявшие из вчерашних советских граждан. Поэтому в послевоенное время советская пропаганда распространяла информацию, что «полицаями», немецкими прислужниками были единицы — уголовники и деградировавшие элементы. Я сам присутствовал на таких пропагандистских лекциях, слушал выступления докладчиков, читал статьи и художественные произведения на эту тему, смотрел фильмы. Но как человек, переживший оккупацию, я знал, что все это неправда.

На территории оккупированной Беларуси кроме 118-го полицейского украинского батальона дислоцировались: 51-й полицейский украинский батальон в Воложине, 54-й и 102-й полицейские украинские батальоны в Борисове, 57-й полицейский украинский батальон в Барановичах, 115-й украинский полицейский батальон в Слониме.

Кроме украинцев в Слониме размещался 3-й литовский полицейский батальон, а 12-й и 15-й литовские полицейские батальоны дислоцировались в городе Лида. В Слуцке находился 271-й латышский полицейский батальон. И это еще не все. На территории Беларуси действовал 633-й восточный батальон, состоявший из военнопленных красноармейцев, выходцев из среднеазиатских республик СССР. Был здесь еще и 600-й казачий полк.

Всего набирается 11 батальонов и один полк бывших советских граждан. Вот такой расклад. Однако из всех этих полицейских формирований на слуху был только 118-й украинский полицейский батальон, который «засветился» в связи с уничтожением деревни Хатынь. Когда на месте сожженной деревни создали мемориал, советская власть даже после этого не решилась назвать настоящих преступников. Об этом стало известно только во времена Горбачевской перестройки и гласности.

А беларусы? Летом 1942 года в Острошицком Городке, недалеко от Минска, был сформирован 49-й беларуский полицейский батальон. Батальон насчитывал 2000 человек. Сначала командирами были немцы. Но беларусы не знали немецкого языка, потому возникали недоразумения, началось дезертирство. Тогда немецких командиров заменили эстонцами, знавшими русский язык. Для беларусов эстонцы, как и немцы, были иноземцами, а русский язык — чужим. Тогда стали искать офицеров-беларусов. Их нашли и дезертирство прекратилось.

В 1943 году были сформированы еще несколько батальонов. Так, в деревне Уречье Слуцкого района сформировали 36-й полицейский беларуский полк. Потом его перевели в Воложин. В Барановичах в то же самое время сформировали 60-й полицейский батальон. Когда началось формирование 48-го полицейского беларуского батальона в Слониме, то за короткий срок сюда явились 5 тысяч добровольцев. Немцы были поражены такой активностью населения. Кроме того, в Барановичах был сформирован охранный полицейский беларуский батальон.

Весной 1943 года в Минске началось формирование 13-го беларуского полицейского батальона СД. Этим занимался Франтишек Кушель. Он поставил немцам ряд условий:

1. Командный состав батальона должен быть беларуским.
2. Команды должны отдаваться на беларуском языке.
3. Язык повседневного общения — беларуский.
4. Воспитание и пропаганду осуществляют беларуские специалисты.
5. Знаки различия на мундирах — беларуские.
6. Батальон должен действовать только в Беларуси и только против советских партизан.

За короткий срок из добровольцев сформировали две роты по 200 человек. Люди продолжали прибывать и скоро батальон насчитывал около 1000 человек (пять рот). Через какое-то время батальон перевели в Вилейку. Условия, выдвинутые Кушелем, немцы исполняли. Так, пропагандистом батальона был беларус лейтенант Чеботаревич. Беларусы Буравка, Мазур, Орсич, Хмельницкий, Якубёнок командовали ротами.

Командиры-беларусы отстаивали права своих подчиненных. Например, командир 2-й роты Мазур вел себя настолько смело и независимо, что немцы его арестовали и он погиб в застенках СД. Так кто он? Предатель или герой?

Кроме того, на территории Беларуси был создан полицейский батальон железнодорожной охраны. Роты этого батальона дислоцировались в Минске, Полоцке, Барановичах, Лиде, Крулевщизне, Столбцах.

Беларуские полицейские батальоны сражались на стороне немцев во многих местах, в Италии, Австрии, Франции, Германии. Сколько погибло беларусов, воевавших на стороне немцев, неизвестно. Но на немецких кладбищах в Италии на памятниках много беларуских фамилий.

Мифы о партизанском движении в Беларуси

Про партизан, про партизанское движение сами партизанские начальники и комиссары придумали много сказок. Потом их подхватили, высказываясь сегодняшним жаргоном, «чэсныя» журналисты и придворные писатели.

Миф первый. Партизаны нанесли немцам огромный урон. На самом деле, если потери и были нанесены, то скорее не немцам, а гражданскому населению. Например, мостов и мостков на Беларуси не одна тысяча. Разрушь мостик через ручей и посылай наверх донесение, что уничтожен еще один стратегический объект. Прочитал как-то мемуары комбрига И.Ф. Титкова «Бригада Железняк» (1982 г.). Он пишет, что партизаны его бригады в моей родной деревне Небышина дважды разгромили немецкий гарнизон. Но у нас за всю войну никогда не

было немецкого гарнизона. Немцы не останавливались в нашей деревне даже на несколько часов. Как можно дважды разгромить то, чего не существовало в природе?!

Миф второй. Партизаны защищали население от немцев. Это вранье. Когда немцы и полицаи убивали людей в деревнях Шунявка, Витуничи, Небышина, партизаны спокойно наблюдали из своих убежищ за процессом. Они палец о палец не ударили, чтобы защитить людей, хотя прекрасно знали о том, что немцы готовят карательную операцию.

Да и задачи такой – защищать население – им никто не ставил. Наоборот, селяне являлись для них всего лишь «объектом» для грабежа. Вот свидетельство жителя деревни Руда Поставского района Франтишека Драгуна:

> «Большевистские партизаны очень народ угнетали. Приходили пьяные, всех выгоняли на двор, ставили к стене, а сами что хотели, то и забирали – даже последнюю свинью или курицу, не говоря уже про корову или чибис. Угрожали нам, били, издевались. Потом, когда уходили, забирали отца и нас, детей, и приказывали перейти железную дорогу на другую сторону. После нас они переходили сами. Партизаны боялись взорваться на мине или наткнуться на немецкую засаду».

Партизанам было не до немцев. Пока население ломало голову, как выжить, партизаны пьянствовали, вели разгульную жизнь. Мало того, что они при налетах на деревни насиловали женщин, так еще «мобилизовали» девушек, то есть силой уводили в лес. Например, в бригаде имени Ворошилова, которой командовал Федор Марков, было 116 молодых женщин, причем только 9 из них имели какие-то должности. Остальные служили утехой для партизанской верхушки. На современном языке это означает, что их заставляли оказывать сексуальные услуги. Что-то перепадало и рядовым партизанам.

Партизанский беспредел настолько был распространен, что даже «главный партизан» (начальник центрального штаба партизанского движения) Пантелеймон Пономаренко в очередном отчете Сталину сообщил о «мародерстве, необоснованных расстрелах и репрессиях по отношению к населению, непристойное отношение к женщинам в деревнях, длительное отсиживание, стремление избежать встреч с противником».

Несмотря на это, партизаны получали звания Героев Советского Союза, за два-три года вырастали от лейтенантов до полковников и даже генералов.

На мой взгляд, самой лучшей и надежной защитой местного населения от оккупантов было бы то, чтобы партизан вообще не было. Они своими действиями создавали опасные условия для жизни сельского населения на оккупированной территории, и притом создавали их умышленно. Поэтому не только полицаев, но и партизан надо считать соучастниками преступлений «немецко-фашистских оккупантов».

Против кого их действия были направлены? Достаточно неглубокого анализа, чтобы выяснить, какие задачи стояли перед партизанами. Да они и сами не очень это скрывали. А задачи следующие:

1. Расправа с той частью населения, которая «сотрудничала» с немцами (устроилась на работу, чтобы прокормить семью) или относилась к ним лояльно.

2. Организация провокаций, чтобы толкать немцев на репрессии против мирного населения.

3. С помощью репрессий немцев и своих собственных заставить население Беларуси оставить свое жилье и податься в леса, тем самым пополнив ряды партизан.

4. Переключить внимание мировой общественности с преступлений советского режима против своего населения на преступления немецких оккупантов (Хатынь против Катыни).

5. Борьба против партизан Армии Краёвой, в составе которой были как поляки, так и беларусы.

Партизаны АК сражались против немцев по-настоящему, они не занимались имитацией. Поэтому немцы способствовали промосковским партизанам в их борьбе с АК. Они пропускали их на запад через свои гарнизоны без единого выстрела. Именно так отряды Медведева и Шляхтунова прошли в Западную Беларусь через местечко Докшицы, где находился немецкий гарнизон.

Тогда мы это восприняли как геройский поступок партизан. Мы не догадывались, что был сговор. Для Кремля партизаны АК в Беларуси были опаснее немецких захватчиков. Кремль, пришедший в чувство после погрома 1941 года, уже планировал, какой быть Европе, какой быть Польше после войны. Партизаны АК могли спутать все планы.

Вот что пишет Марк Бартушка в своей книге «Партизанская война в Беларуси в 1941–1944 гг.»:

> «На основе своих, обычно точных, сведений они (партизаны. — *И.К.*) уничтожили многих представителей местной администрации, часто вместе с их семьями».

Сколько «предателей» убили партизаны, возможно такая цифра где-то в архивах и существует, но исследователям она недоступна.

Открывать такие архивы было невыгодно потому, что после войны к власти в Беларуси пришли именно те партизанские начальники, которые исполняли и сами отдавали преступные приказы. Не могли же они «очернять» самих себя. Они только могли придумывать «героические» мифы. То же положение существует сейчас. Воспитание молодежи в духе патриотизма, изучение в школах и ВУЗах истории Второй мировой войны продолжается на основе все тех же лживых мифов.

Миф третий. Партизанское движение в Беларуси было массовым, всенародным. И этот тезис очень далек от правды. То, как создавалась «массовость», хорошо показали уже многие исследователи.

На основе анализа действий партизан нетрудно сделать вывод, что для создания на оккупированной Беларуси массового партизанского движения был разработан план — очень простой, но бесчеловечный. Главное в нем — провоцирование немцев на репрессии по отношению к сельскому населению. Такой план мог разработать Центральный штаб партизанского движения по приказу Кремля.

Скорее всего, сначала был составлен список деревень, обреченных на уничтожение. Ведь деревни горели не все подряд, не хаотично. Они были равномерно распределены по всей территории оккупированной Беларуси, чтобы

слухи о зверствах немцев, которые вскоре начнутся, мгновенно распространялись во все уголки республики. Надо было как можно крепче напугать население.

Как это происходило? Рядом с деревнями, которым партизаны вынесли приговор, в ночное время устраивали засады. Потом начиналось ожидание подходящей цели – одиночной машины, мотоцикла, небольшой группы солдат. Самое удобное время для обстрела – раннее утро, когда деревня спит крепким сном. Увидев долгожданную цель, партизаны наобум бросали гранату, давали в белый свет автоматную очередь, а потом на глазах у немцев убегали в сторону деревни, где их след исчезал. Немцы были уверены, что засада – дело рук кого-то из сельчан. Они вызывали подкрепление, оцепляли деревню и уничтожали ее вместе с жителями. Именно такого результата партизаны и ждали. Вероятно, немцы всё понимали, но они приняли правила игры, предложенные Кремлем. А мы, беззащитное население, очутились между молотом и наковальней.

Я вспоминаю разговоры, которые вел мой отец со старостой Константином Шульгатом и другими сельчанами. Эти мудрые мужики очень скоро поняли, что партизаны намного опаснее немцев. Но что они могли изменить? Партизанам не возразишь, у них разговор короткий – поставят к стенке и убьют. Потому сельчане спасали себя и свои семьи кто как мог.

Я убежден, что за уничтожение беларуского населения в годы Второй мировой войны несут ответственность как немцы, так и партизаны. Чья вина больше, чья меньше, судите сами. Людям приходилось бросать свои хаты и имущество, бежать в леса, чтобы не сгореть заживо. В Кремле довольно потирали руки – численность партизан в Беларуси наконец удалось увеличить в несколько раз. Какой ценой – их не интересовало.

***

Количество преступлений, совершенных немцами по сценарию партизанского руководства, с 1943 года стало резко возрастать. Наконец-то у Кремля появилась возможность поднять на весь мир крик о преступлениях немецко-фашистских захватчиков. А это отодвинуло преступления советского режима против своего народа на задний план. Внимание мирового сообщества переключилось с Катынской трагедии на трагедию Хатыни.

Советская власть с начала войны готовилась выявлять преступления оккупантов на советской территории. Так, еще 6 января 1942 года правительство СССР заявило, что советские органы ведут подробный учет преступлений гитлеровской армии. Но преступления нацистов тогда не были массовыми. И только через 10 месяцев после этого заявления и через 16 месяцев от начала войны, когда через линию фронта перебросили «партизанские отряды» – подстрекателей, а часто и исполнителей преступлений, 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена «Чрезвычайная госкомиссия по установлению и расследованию преступлений». Членами комиссии стали комиссары и политруки партизанских отрядов. Именно они составляли протоколы и акты, вели подсчет преступлений оккупантов. Вести такой подсчет было нетрудно, ведь партизаны заранее знали о планируемых немцами расправах, они сами их провоцировали.

Всего в Чрезвычайную госкомиссию на рассмотрение поступили 304 тысячи протоколов и актов о немецких преступлениях на оккупированной территории. Заодно была сделана попытка списать на немцев преступления НКВД – истребление в первые недели войны заключенных тюрем и лагерей в западной части СССР.

Я ни в коем случае не оправдываю немцев. Но о преступлениях нацистов написано очень много, а партизаны и чекисты остаются белыми да пушистыми. Пора сказать правду и про них.

Евреи Беларуси

Евреи составляли значительную часть довоенного населения Беларуси. По данным историков Эммануила Иоффе и Ильи Альтмана, накануне войны на территории БССР проживало около миллиона евреев*.

Евреи, как и другие граждане, не могли эвакуироваться, потому что события развивались очень скоро. Минск немцы заняли 28 июня 1941 года. А руководство республики покинуло столицу вечером 24 июня, молчком, без объявления эвакуации. Стихийная эвакуация происходила, но немцы наступали быстрее, чем двигались толпы беженцев. Кроме того, существовала еще одна преграда, делавшая стихийную эвакуацию невозможной. Подкреплю эти слова примером. 26 июня 2004 года телеканал ТВЦ показал передачу: «Вокзал Победы. Последний из гетто». Я записал рассказ еврейки, участницы передачи:

> «На второй день войны мы хотели эвакуироваться, но все дороги из Беларуси на Восток были перекрыты отрядами НКВД. При попытке пройти или проехать отряды НКВД открывали стрельбу. НКВД вернуло нас в руки немцев».

Сколько всего погибло евреев во времена войны на территории Беларуси, сведения расходятся. Обычно приводят цифры от 600 до 800 тысяч человек. Это 74–82 % от всей численности еврейского населения БССР на июнь 1941 года. Доктор исторических наук профессор Эммануил Иоффе, исследователь Холокоста, на основе собственных исследований сообщает иные цифры:

> «В 1941–1944 гг. на беларуской земле на территории 277 населенных пунктов существовало 299 гетто. Здесь погибло 940 тысяч евреев; в том числе депортированных сюда из европейских стран. В современных границах Беларуси эта цифра составляет 805 тысяч человек (715 тысяч + 90 тысяч депортированных)».

Самыми крупными концлагерями на территории Беларуси были: в районе улицы Широкой в Минске и в деревне Малый Тростенец. Этот концлагерь был создан осенью 1941 года на территории колхоза имени Карла Маркса. Здесь было уничтожено больше всего евреев. Кроме Малого Тростенца в состав концлагеря входили урочища Благовщина и Хорино.

Что касается точной цифры, сколько людей уничтожено здесь, то в совместном акте Чрезвычайной государственной комиссии и Минской областной комиссии от 14 июля – 13 августа 1944 года сказано:

---

* В январе 1939 г. в БССР жило 375 тысяч евреев. После присоединения в октябре того же года западных областей (куда бежало от нацистов очень много евреев с территории этнической Польши) их численность достигла примерно 1 млн. К 1950 г. в БССР проживало всего лишь 150 тысяч евреев.

«Комиссия, учитывая показания свидетелей, количество и размеры могил, количество трупов и объём золы и костей в могилах, считает, что по самому минимальному подсчету в границах лагеря Тростенец фашистскими людоедами уничтожено 546 тысяч человек».

Но потом в окончательном тексте появилась цифра 206,5 тысяч жертв. Дело было так. Однажды в составе группы я посетил это место массового уничтожения людей. Здесь один историк в своем выступлении рассказал, каким образом появилась на свет цифра 206.500 человек. Чрезвычайная государственная комиссия предъявила свое заключение П.К. Пономаренко, занимавшему пост первого секретаря ЦК КП(б)Б. Он сказал, что 546 тысяч – это слишком много. Надо пересмотреть в сторону уменьшения. Вот так партийный руководитель республики отнесся к работе комиссии, к цифрам, за которыми стоят сотни тысяч безвинных жертв. Кстати говоря, в состав комиссии входили наши знаменитые писатели Михась Лыньков и Кондрат Крапива.

Однако в надписи на обелиске в Тростенце указана другая цифра:

«Здесь, в районе деревни Тростенец, немецко-фашистские захватчики расстреляли, замучили, сожгли 201500 человек мирных граждан, партизан, военнопленных Советской Армии в 1941–1944 гг.»

Неужели авторы обелиска провели дополнительное исследование и уточнили цифры, оглашенные комиссией после встречи с Пономаренко? Нет, это просто ошибка, которую не посчитали нужным исправить. Пономаренко уменьшил цифру погибших в Тростенце, представленную ему комиссией, на 339.500 человек, а тут потеряли всего 5 тысяч. Стоит ли обращать внимание на такую мелочь? И заметьте, в надписи на обелиске нет ни слова о евреях.

***

Для тотального уничтожения евреев, цыган и других, по определению нацистов, «расово неполноценных» народов, были созданы специальные Айнзатцгруппы. Впервые они появились в 1938 году, когда Австрия была присоединена к Германии. Гитлер считал, что требуется очистить новую территорию Рейха от «расово неполноценных». В 1939 году новая Айнзатцгрупа была создана для действий в оккупированной Польше.

В мае 1941 года были созданы еще 4 группы. Айзатцгруппа-В предназначалась для действий в Беларуси. Ее штаб в разное время размещался в Волковыске, Слониме, Минске, Смоленске. Группа насчитывала 655 человек. Большинство составили военнослужащие СС (около 220 человек). Кроме того, в состав этой группы входили около 20 человек от службы безопасности (СД), 20–25 человек от уголовной полиции, 60 человек от гестапо, 50–60 – из вспомогательной полиции, 90–95 человек – от полиция порядка. В группе были переводчики, телеграфисты, радисты и другие специалисты. Айнзатцгруппа-В в свою очередь делилась на 7 более мелких единиц по 70–120 человек: 3 зондеркоманды и 2 айнзатцкоманды.

Зондеркоманды действовали в прифронтовой полосе, двигаясь следом за наступавшей на Москву группой армий «Центр». В сентябре 1941 года они уже были за границами Беларуси. Так, зондеркоманда 7а дислоцировалась в Смоленской области, зондеркоманда 7b – в Орле, зондеркоманда 7c готовилась к работе

в Москве. Таким образом, из состава Айнзатцгруппы-В непосредственно в Беларуси остались всего две команды: 8-я в Могилёве и 9-я в Витебске. Команды, в свою очередь, разделялись на подкоманды по 20–30 человек.

Почему я столько внимания уделяю этим командам? Как сказано выше, айнзатцгруппы были созданы для тотального уничтожения евреев. Но на территории Беларуси немцы оставили всего две команды общим числом около 200 человек. Уничтожить более двух миллионов человек, в том числе 940 тысяч евреев, они физически не могли.

Я не обеляю нацистов. Просто рассуждаю, стремлюсь расставить все по своим местам. Мне довелось познакомиться с одним немецким документом того времени. Это выдержки из «Донесения о полицейской деятельности Айнзатцгруппы-В с 9 по 16 июля 1941 года для командования группы армий «Центр»:

> «...в Белостоке арестованы и ликвидированы 37 человек. Это были: 4 комиссара РККА, 7 русских за коммунистическую агитацию, 3 беларуса – члены компартии, 8 поляков за коммунистическую деятельность и мародерство, 12 евреев за коммунистическую деятельность и враждебное отношение к немцам, 3 поляков, бежавших из заключения, за мародерство. В Гродно местная айнзатцкоманда арестовала 16 евреев, которые при советах работали в органах НКВД... Поиску таких лиц препятствует мнение населения, что города, которые в руках немцев, могут быть взяты назад Красной Армией. Но население агитируется к сотрудничеству. Доносы, которые поступили, демонстрируют, что беларусы уже начали участвовать в поиске функционеров».

Как видим, все задержания и ликвидации происходили по доносам наших соотечественников. Успешно создавались полицейские роты и батальоны из местных жителей. Они взяли на себя главную работу по массовому уничтожению евреев. Немцы охотно передали им эти кровавые функции. Но и беларуским полицейским формированиям уничтожить такую массу людей одним было не под силу. На помощь им пришли русские, украинские, литовские и латышские полицейские батальоны.

Можно найти много источников, где все это задокументировано. Так, сотни беларуских полицейских уничтожали евреев в гетто Баранович, Минска, Кореличь, Наровли, Зембина и в других местах. Доктор исторических наук Л. Смиловицкий отмечает, что роль беларуской полиции в массовых убийствах стала заметной с февраля – марта 1942 года, когда полицейские структуры были сформированы, а немецкие подразделения отправлены на фронт.

В уничтожении евреев восточной части Беларуси принимали участие русские коллаборанты из Русской национальной народной армии. Ее штаб с марта 1942 года находился в поселке Осинторф Дубровенского района. Рота этой армии, числом 100–150 человек, 2 апреля 1942 года в местечке Ляды Дубровенского района убила около 2000 евреев. В начале 1942 года под руководством начальника русской полиции Андрея Семенова была проведена акция по уничтожению евреев в деревне Полынковичи Могилёвской области.

С 20 по 22 октября 1941 года батальон русских полицейских (200 человек) расстрелял 7 тысяч евреев Борисовского гетто из тех 9 тысяч, что здесь содержались.

Часто приходится слышать мнение, что евреи во время Второй мировой войны не проявляли усилий по своему спасению. Это неправда. Беларусы тоже

в основном сидели в своих хатах и ждали, что будет дальше. Но беларусов не загоняли в гетто и не уничтожали поголовно.

А еврейское сопротивление существовало, об этом свидетельствуют документы. В сентябре 1942 года в местечке Лахва Лунинецкого района произошло первое выступление евреев в ходе войны. Их привели к месту расстрела, но по сигналу они набросились на конвой и разбежались. В итоге около 600 человек скрылись в лесу, а примерно 2000 человек погибли. То же произошло в местечке Радунь в Вороновском районе. В мае 1943 года группу евреев привели на расстрел, но они бросились бежать. Спаслись 160 человек, 200 погибли. В августе 1943 года произошло восстание в Глубокском гетто, часть евреев вырвалась на свободу. Такие же выступления были в Клецком, Несвижском, Копыльском и других гетто. Кроме того, на территории Беларуси действовали несколько еврейских партизанских отрядов.

Положение евреев на оккупированной немцами территории было отчаянным еще и потому, что в СССР процветал антисемитизм. Беларусь не была исключением. «Толерантные» беларусы-полицаи были безжалостнее немцев. На это их толкал ряд причин. И антисемитизм, и желание доказать немцам свою преданность, и опьянение властью, и желание получить награду за верную службу, и возможность преступным путем присвоить имущество евреев. Ужасно то, что эти полицаи подчас были соседями евреев, знакомыми, довоенными друзьями, даже родственниками.

Местное население в своем большинстве отвернулось от евреев. И дело не в том, что оккупанты издали приказ расстреливать тех, кто попытается прятать евреев. Прятали же красноармейцев, хотя это было не менее опасно. Причина в антисемитизме. Выдавали немцам евреев, которые попытались эвакуироваться и очутились среди чужих людей. Но и от знакомых не было спасения. Выдавали тех евреев, которые убегали из гетто.

И все же были и такие беларусы, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев. Много беларусов получило звание «Праведник мира», которое присваивает израильский институт «Яд во-шем». Разные источники называют разные цифры, но чаще встречается – 569. По этому показателю Беларусь занимает 8-е место после Польши, Голландии, Франции, Украины, Бельгии, Литвы, Венгрии.

Беларусы, «праведники мира», начали массово выявляться после 1987 года. Дело в том, что в СССР с 1948 по 1987 год тема Холокоста была запретной. Опасаясь за безопасность, люди скрывали свою причастность к спасению евреев. Помню, как в 1960-е годы мне под большим секретом дали переписать стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр». Стихотворение было запрещено потому, что в нем говорилось о геноциде еврейского населения, о Холокосте. Выводы делайте сами.

Первыми беларусами, которым присвоили почетное звание «праведник мира», стали в 1965 году Андрей Николаев и его жена Наталья Станько, спасшие семью Казинца.

Почему вдруг было дано послабление в этом вопросе? В 1965 году с приходом к власти Л.И. Брежнева впервые день 9 мая объявили праздничным – Днем Победы. А к новому празднику требовались и новые герои. Кремлёвское руководство подсчитало, сколько именно. В республики направили разнарядку. По-

скольку в БССР руководящие посты занимали бывшие секретари подпольных обкомов партии и участники партизанского движения, постольку и героев искали в этой среде. Так в этот список попал Казинец. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, его именем назвали площадь и улицу в Минске.

Но, хотя в герои его выдвинуло беларуское руководство, в беларуском списке Героев Советского Союза Казинца я не нашел. Ничего удивительного. В Беларуси он оказался случайно.

Казинец Исай Пинхусович родился в 1910 г. в Херсонской губернии. В 1936 г. окончил Киевский институт нефти. Работал в Калинине, потом в Горьком. Член ВКП(б) с 1938 г. После того, как 17 сентября 1939 года в Западную Беларусь пришли Советы, Исая Казинца направили в Белосток главным инженером предприятия «Нефтесбыт». Не доверять же такую ответственную должность беларусу, да еще западному. Когда началась война, Казинец с семьей попытался эвакуироваться, но добрался только до Минска. Немцы обогнали и были далеко впереди. Запутать следы в большом городе легче, и Казинец остался в Минске.

В справочниках я нашел сведения, что он вроде бы занимался подпольной работой и диверсиями. Какой конкретной работой, сколько диверсий совершил, неизвестно. В марте 1942 года немецкая служба безопасности арестовала его. 7 мая 1942 года Исая Казинца повесили, а вместе с ним еще 28 человек.

Эти 28 человек, которых повесили вместе с Казинцом, кто они? В чем была их вина? Они участники диверсии или просто оказались рядом с тем местом в роковую минуту и попали в немецкую облаву?

Но я не окончил свои рассуждения об антисемитизме. Как утверждают историки – исследователи Холокоста, антисемитизм существовал не только среди населения, в партизанских отрядах, но и во всех эшелонах советской власти. Доктор исторических наук профессор Давид Мельцер пишет, что с ведома Сталина в начале ноября 1942 года Москва направила радиограмму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещавшую принимать в отряды вырвавшихся из гетто евреев. Это требование исполнялось. В докладных записках, которые посылали подпольщики руководителям подпольных обкомов, отмечалось, что партизанские отряды не помогают евреям, не принимают их, а подчас отнимают оружие, возвращают назад в гетто или даже расстреливают. Так что встреча с партизанами не обещала евреям спасения.

О том же подробно рассказал в своей работе «Катастрофа евреев в Беларуси, 1941–1945 гг.» исследователь геноцида евреев Леонид Смиловицкий. Смиловицкий привел много примеров встреч евреев с партизанами – встреч, которые заканчивались трагично. Например, недавний студент Яков Рубенчик бежал из минского гетто. Встретив партизан, посчитал, что наконец пришло спасение. Как же он ошибался, партизаны его расстреляли. Весной 1942 года семья Хаи Рабинович из гетто в Пинской области встретила партизан. Командир согласился взять в отряд только двух старших сыновей. А пожилую женщину с малыми детьми партизаны бросили на произвол судьбы.

В ряде случаев руководители партизанских отрядов избавлялись от евреев. Так поступили в отряде Антонова в Глубокском районе. Когда в октябре 1943 года немцы начали карательную операцию против партизан, Антонов приказал

9 евреям покинуть отряд. Может быть, он не хотел компрометировать себя в глазах немцев? Надеялся, что немцы оценят его поступок, отнесутся к нему снисходительно? Изгнанные евреи пытались идти вслед за отрядом, но их предупредили, что будут стрелять.

Смиловицкий привел случай, когда командир еврейского партизанского отряда Туви Бельский написал жалобу на имя генерала Платона. Жалоба на языке военных – это рапорт. Так вот, рапорт Бельского – крик отчаяния. Он сообщил генералу, что командир партизанской бригады имени Дзержинского «товарищ Шишкин» не пропускает партизан Бельского по мосту через Неман, отнимает у них подводы и коней. Это угрожает людям Бельского голодом. Дело проверял Соколов, помощник генерала Платона. В итоговом по этому делу приказе было сказано, что проверкой выявлены случаи массового террора в отношении партизан-евреев со стороны советских партизан.

А вот что пишет российский историк Борис Соколов в статье «Как решали еврейский вопрос советские партизаны»:

> «Не лучше относились к несчастным и партизаны. Герой Советского Союза подполковник госбезопасности Кирилл Орловский, командовавший партизанским отрядом имени Берия в Беларуси в сентябре 1943 года, рассказывал сотрудникам Института истории Белорусской компартии:
>
> «Организовал я отряд имени Кирова исключительно из евреев, убежавших от гитлеровского расстрела. Я знал, что передо мной стоят невероятные трудности, но я не боялся этих трудностей, пошёл на это лишь только потому, что все окружающие нас партизанские отряды и партизанские соединения Барановичской и Пинской областей отказывались от этих людей. Были случаи убийства их. Например, "партизаны»-антисемиты отряда Цыганкова убили 11 человек евреев, крестьяне деревни Раджаловичи Пинской области убили 17 человек евреев, партизаны отряда имени Щорса убили 7 человек евреев».

Как видим, евреев уничтожали не только немцы и полицаи, но и советские партизаны. Может быть, потому и молчала советская пропаганда? Вот что пишет доктор юридических наук профессор Аркадий Лейзеров в своей работе «Некоторые аспекты отношения советского руководства к Холокосту на Беларуси...»:

> «Как известно, во времена Великой Отечественной войны советская официальная пропаганда почти полностью замалчивала геноцид евреев на оккупированных немцами территориях. Сообщения советского Информбюро не содержали информацию о создании немцами гетто, о массовых расстрелах евреев как в гетто, так и в других местах. (...) В сводках 1942–43 гг. вообще не было ни одного сообщения о массовых расстрелах евреев. Именно в эти годы проводилось тотальное уничтожение еврейского населения».

Между тем 110 тысяч евреев из Беларуси сражались на фронте в составе Красной Армии, 48 тысяч (43,6 %) из них погибли. Героями Советского Союза стали 23 беларуских еврея, двое – дважды (Григорий Богорад и Ефим Минкин). Более того, в пересчете на каждые 10 тысяч человек той или иной национальности, евреи – герои СССР занимают второе место после русских! Так что анекдоты о трусливых евреях придумали антисемиты.

Потери Беларуси во Второй мировой войне

Вопрос сложный, неисследованный, потому что правда умышленно скрывается, кому-то это выгодно. Долгое время говорилось, что в Беларуси погиб каждый четвертый житель. Эта цифра воспринималась на веру. Как она получилась, никаких объяснений никто не давал.

Сравнительно недавно на самом высоком уровне была озвучена новая цифра жертв, что за годы войны погиб каждый третий беларус. А сколько погибло всего?

У меня появилось желание узнать, при каких обстоятельствах погибло столько людей — на фронте, в условиях оккупации или как-то иначе. В моей семье война унесла четырех человек из семи, и все они погибли при разных обстоятельствах. Бабушку Насту убили полицаи в мае 1943 года, отец погиб при загадочных обстоятельствах на войне с Японией 19 августа 1945 года, старший брат Николай погиб в партизанском отряде по неосторожности, средний брат Сергей умер от голода в блокадном Ленинграде.

Я искал источники, чтобы получить хотя какие-то сведения по этому вопросу. Посещал библиотеки, листал старые подшивки газет и журналов. Наконец в книге партийного историка Владимира Романовского (1918–1992) «Соучастники в преступлениях» («Саўдзельнікі ў злачынствах», 1964 г.) удалось что-то найти. Автор утверждает, что в своей работе он использовал архивные документы и материалы. В книге сказано (см. страницы 180–181), что гитлеровцы за три года оккупации уничтожили на территории Беларуси 2.219.316 человек. В составленной им таблице потери разнесены по областям:

Области	Уничтожено гражданского населения	Уничтожено военнопленных
Минская	317.515	101.590
Барановичская	181.179	88.407
Брестская	159.526	38.858
Витебская	151.421	92.891
Гродненская	111.208	41.330
Полоцкая	105.211	157.007
Пинская	95.385	24.613
Бобруйская	82.194	54.013
Могилёвская	71.502	59.134
Гомельская	53.630	114.476
Молодечненская	42.373	34.652
Полесская	37.981	3120
Всего	1.409.225	810.091

Примечание: Романовский не учел потери в Белостокской области БССР, хотя она официально существовала с осени 1939 до осени 1944 года.

Вообще говоря, таблица вызывает недоверие уже той своей особенностью, что потери приведены в ней с точностью до одного человека. Не могло такого быть хотя бы потому, что советские статистические органы с июня 1941 по июль

1944 года на оккупированной территории БССР не работали. Тем не менее, давайте внимательно посмотрим на указанные в ней цифры. В общую сумму вошли 810.091 военнопленных, убитых или умерших за колючей проволокой. Кто они? Очевидно, что это красноармейцы воинских частей Западного особого военного округа, существовавшего на территории БССР. Они попали в плен за два месяца, с 22 июня по 24 августа 1941 года.

Советская система воинской службы была поставлена таким образом, что призывники довольно редко служили там, откуда они были родом. Уроженцы Беларуси служили в Молдавии, на Кавказе и Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, где угодно, только не в БССР. В Беларуси несли службу уроженцы Кавказа, Средней Азии, парни из российской глубинки. Вот эти 810.091 погибших пленных и были ими. Напомню, что всех пленных беларусов немцы в начале осени 1941 года отпустили по домам.

Так что зачислять эти жертвы на баланс Беларуси не приходится. Их подсчитали специалисты Генерального штаба РККА и свои выкладки довели до сведения военкоматов по месту жительства призывников. Каждая союзная и автономная республика СССР, каждая область вела учет своих жертв. Следовательно, 810.091 погибших пленных надо вычесть из общего числа погибших жителей Беларуси. Остается 1.409.225 человек.

Но и 1,4 млн человек – цифра завышенная. Сюда вошли евреи, привезенные немцами из оккупированных стран Европы и здесь уничтоженные. Как уже сказано, по данным Э. Иоффе таких евреев было 92 тысячи. Они учтены в тех странах, откуда их вывезли. Зачем нам двойная бухгалтерия? Чтобы изображать себя еще большими страдальцами? Если вычесть эти 92 тысячи иностранных евреев, то останется 1.319.225 погибших жителей Беларуси. Доля беларуских евреев среди них по подсчетам того же Иоффе составляет 715 тысяч человек. К ним надо добавить 48 тысяч евреев, выходцев из БССР, погибших за время войны на фронте.

В таком случае погибшие беларусы и «прочие» (поляки, русские, литовцы и т.д.) составляют 556 тысяч человек, или 5,14 % от величины довоенного населения республики. Это уже не «каждый четвертый», а «каждый двадцатый»!

Евреев нацисты уничтожали только за то, что они евреи, независимо от страны проживания. Но уничтожение беларусов немцы не ставили своей целью. Например, в моей деревне Небышина немцы не убили ни одного человека. Большинство погибло от рук полицаев, меньшая часть от рук партизан.

Отсюда ряд вопросов к исследователям истории оккупации Беларуси, к пропагандистам и идеологам, к высокопоставленным чиновникам, которые вот уже 70 лет спекулируют цифрами жертв войны.

Вопрос: Сколько населения погибло в результате боевых действий в прифронтовой полосе? А люди гибли. Они одинаково гибли от артиллерийских обстрелов и бомбардировок как немецких, так и советских. Причем советское командование целенаправленно уничтожало мирное население, которое осталось в немецком тылу. Напомню Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17.11.1941 года:

> «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск... Для уничтожения населенных пунктов... бросить немедленно авиацию, широко исполь-

зовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы».

В таких условиях мирному населению выжить было просто невозможно. На кого списаны эти жертвы войны? Безусловно, на немцев.

Вопрос: Сколько гражданского населения стало жертвами партизан? Партизаны не могли не убивать, наоборот, им ставилась задача убивать мирных людей. Об этом прямо сказано в Приказе Верховного Главнокомандующего Сталина «О задачах партизанского движения» от 5.09.1942 года. Одной из главных задач было: уничтожение идейных врагов, каковыми являлись национальные деятели, лица, работавшие в оккупационных администрациях, полицейские, старосты. От партизан требовали даже уничтожать крестьян, сдающих налоги оккупантам.

И партизаны старались угодить кремлевским хозяевам, проявляли инициативу. Всех, кто устроился к немцам на работу, чтобы иметь источник средств для существования, объявили «пособниками» оккупантов. Часто убивали не только «пособника», но и всю его семью, включая детей. И эти жертвы повесили, разумеется, на оккупантов.

Так сколько этнических беларусов уничтожили собственно немцы и полицейские? Явно не 556 тысяч, а значительно меньше.

Вопрос: Сколько беларусов погибло в июне – июле 1941 года от рук сотрудников органов НКВД, осуществлявших массовые расправы с заключенными тюрем и лагерей на территории БССР. Такие факты привел С. Струменский в сборнике материалов «Потери Беларуси...»:

– 25 июня 1941 г. Расстрел колонны заключенных Минской тюрьмы в урочище Благовщина возле деревни Тростенец. Убито около 2 тысяч человек.

– 26–28 июня 1941 г. Сотрудники органов НКВД расстреляли около 2 тысяч политзаключенных, пригнанных из Минской и других тюрем около г.п. Червень, в урочище Цагельня.

– 6 июля 1941 г. Перед наступлением немцев охранники Березинской тюрьмы НКВД расстреляли ее заключенных (большинство их были крестьяне, осужденные за мелкие кражи в колхозах).

– Июль 1941 г. Покидая Витебск, охранники местной тюрьмы, где были политзаключенные, облили ее бензином и сожгли вместе с заключенными.

Сколько наших людей – беларусов, поляков, евреев – было уничтожено таким методом, неизвестно. Как учтены эти жертвы, на кого возложены? Да на тех же немцев!

Почему мы отрекаемся от соотечественников, ставших жертвами преступников-чекистов, пытаемся выбросить их из своей памяти? Почему до сего времени боимся назвать советскую власть преступной, бандитской, античеловеческой?

Вопрос: Скольких беларусов погибло на работах в Германии – тоже неизвестно. Они гибли от налетов американской и английской авиации. Много беларусов работало на заводах концерна «Юнкерс». Именно эти заводы подвергались самым жестоким бомбардировкам.

Вопрос: Известно, что на работу в Германию было вывезено или уехало добровольно 377.776 жителей Беларуси. Сколько беларусов после капитуляции Германии отказались возвращаться на родину, уехали на постоянное жительство в

Англию, Канаду, США, Австралию и другие страны? Есть сведения, что таковых набралось 260 тысяч, это 68,8 % от общего числа выехавших на работу в Германию. А это тоже наши потери в результате войны.

Правда, надо отметить, что, уехав в другие страны, наши земляки стали достойными гражданами тех стран. Если бы они вернулись на Родину после 9 мая 1945 года, то на долгие годы стали бы узниками советского Гулага и в своем большинстве погибли бы там. Хорошо, что у них хватило ума не возвращаться.

Добавим в категорию «убывших» несколько десятков тысяч беларусов, притворившихся поляками и уехавших в Польшу во время переселения, организованного советскими властями в 1944–1947 гг.

Вопрос: Сколько беларусов погибло во время службы в советских вооруженных силах?

В статистическом исследовании специалистов Генерального штаба «Россия и ССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» (Москва, 2001 г.) указано, что в рядах вооруженных сил СССР за время войны погибли почти 253 тысячи граждан БССР (252,9 тыс.), в том числе 48 тысяч евреев. Известно также, что во время войны службу в вооруженных силах СССР проходили около 980 тысяч уроженцев Беларуси. Получается, что из них погибли 253 тысячи (25,8 %).

Таким образом, погибло несколько больше четверти этих людей. Больше всего красноармейцев-беларусов погибло в период с осени 1944 по весну 1945 года. Причина известна. Москва крайне неприязненно относилась к вчерашним «оккупированным» из национальных республик (беларусам, украинцам) и специально бросала их на убой.

В том же исследовании Генштаба сказано, что еще несколько десятков тысяч граждан БССР, служивших в РККА, были казнены карательными органами за «нежелание воевать», либо умерли в лагерях, где оказались по тому же обвинению.

Вопрос: Сколько беларусов погибло, сражаясь против войск Германии и ее союзников в составе армий других стран — в английской, американской, французской, польской. Сколько их там всего было, сколько погибло, где они похоронены? Известно, например, что в армии польского генерала Владислава Андерса воевало более 50 тысяч беларусов. Эта армия освобождала от немцев Италию, при этом погибли 1270 наших земляков. Каким образом они учтены в общенациональных потерях Беларуси?

Вопрос: Какие людские потери понесла Беларусь при выполнении приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270, который объявил предателями всех сдавшихся в плен красноармейцев и разрешил аресты их семей? Это неизвестно.

Вопрос: Сколько населения погибло в результате карательных операций оккупантов, спровоцированных партизанами? При желании эту цифру можно подсчитать. Деревни, сожженные вместе с людьми — известны. Надеюсь, — что известны. Хотя... я просмотрел много материалов о мемориале «Хатынь», искал список сожженных деревень. Меня интересовало количество людей, уничтоженных в каждой деревне, и дата уничтожения. Однако все источники рассказывают о чем угодно, особенно о «зверствах немецко-фашистских захватчиков», но избегают конкретики.

Однажды я присутствовал на мероприятии, где показали российский телефильм о Хатыни. Фильм как фильм, ничего нового, попытка вызвать у зрителей сочувствие к страдальцам-беларусам, попытка воспламенить затухающую ненависть к немецко-... Стоп! О немцах в фильме нет ни слова. Зрителям назойливо внушается, что Хатынь вместе с жителями сжег 118-й полицейский украинский батальон, что виновны в этом преступлении украинцы.

Во время показа фильма президентом Украины был Ющенко, нелюбимый Москвой. К тому же Виктор Ющенко дружил с другим заклятым врагом Москвы, президентом Грузии Михаилом Саакашвили. В своей борьбе против Киева московский Кремль не брезговал ничем. Вот там и вспомнили про Хатынь, чтобы с этого бока укусить Украину. В фильме не сказано, что батальон полностью состоял из бывших солдат и офицеров Красной Армии. Создатели фильма подчеркивали то, что командир батальона и командир одного из взводов – украинцы, и что 118-й полицейский батальон формировался на Украине. На этом мероприятии собрались образованные люди и многие из них стали возмущаться содержанием фильма, назвали его грязной российской провокацией, направленной на то, чтобы поссорить беларусов с украинцами.

На показ фильма был приглашен некий чиновник, имевший отношение к мемориалу «Хатынь». Я спросил у него, есть ли в музее Мемориала список сожженых деревень с указанием даты сожжения и числа уничтоженных людей. В ответ я услышал, что у них есть задумка составить такой список, но это очень сложная работа, очень мало сведений, почти все забыто. Да, приехали... Подумаешь, стерли с лица земли какие-то 628 деревень вместе с людьми. Стоит ли это помнить? Вам построили игрушку – Мемориал Хатынь, и будьте довольны.

Тогда я задал чиновнику следующий вопрос, есть ли на макетах сожженных деревень, которые установлены на Мемориале, даты их уничтожения и число погибших людей. Он удивленно посмотрел на меня и сказал, что там нет ни дат, ни количества жертв, что этот Мемориал символический.

Создается такое впечатление, что советская власть делала всё возможное, чтобы трагедия Беларуси времен оккупации была как можно скорее забыта, а нынешняя власть продолжает эту работу. Ведь после 3 июля 1944 года все руководящие посты в БССР сверху донизу заняли бывшие партизанские командиры и комиссары. А они хорошо знали, что вина за сожженные деревни лежит как на немцах (карателях), так и на них (провокаторах). Вот и понадобился Мемориал, чтобы люди знали только про Хатынь, а всё остальное забыли.

Интересно получается, мы знаем даты рождения и смерти Александра Македонского, жившего 2360 лет тому назад, знаем имена его жен и детей, а вот то, что происходио всего 70 лет назад в нашей собственой стране, не знаем.

Вопросы, вопросы, вопросы... Ответов на них все еще нет.

***

Беларусь понесла огромные материальные потери. Разрушено 209 городов и поселков городского типа, уничтожено 1,2 миллиона зданий. Оккупанты разграбили более 10 тысяч фабрик, заводов и других предприятий, все колхозы, совхозы и МТС. Так говорится в официальных сообщениях. Там можно прочесть, что Минск, Витебск, Могилёв, Гомель и другие крупные города БССР были раз-

рушены оккупантами на 80 %. Учтенные потери составили 75 млрд рублей в ценах 1941 года.

Но официальные источники молчат о том факте, что разрушения совершали не только немцы, но и советские силовые структуры. И делали они это не стихийно, а по приказу сверху. Еще раз напомню некоторые приказы:

— Директива Совнаркома от 20 июля 1941 года: «Не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни капли горючего».

— Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 года: «разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск».

Доктор исторических наук Захар Шибеко отметил:

> «Перед отступлением Красной Армии органы НКВД и отряды уничтожения поджигали здания, чтобы ничего не оставить немцам. Потому пожары начались не только от немецких налетов, но и в результате деятельности большевиков. Во время оккупации Минск страдал от бомбардировок с советской территории. Потом эти разрушения были списаны на нацистов». (tut.by, Кастусь Лашкевіч, 10.09.2010).

А советская авиация бомбила Минск и другие наши города. Особенно жестокими были бомбардировки, посвященные праздничным датам. Самые масштабные из них произошли 8 марта 1942, 1–2 мая 1943 и 3 июля 1944 года. Они произвели большие разрушения, погибли сотни людей.

Минск, 3 июля 1944 года

3 июля 1944 года был самым ужасным днем во всей истории Минска. Советская авиация разбомбила город, где не было ни одного оккупанта.

Помню как 3 июля 1984 года я со своей женой Ниной гулял в парке имени Горького. Минск был в праздничном убранстве. Мы сидели на скамье, слушали музыку, ели мороженое. К нам за столик на свободное место подсел мужчина. Было видно, что у него есть желание высказаться. Он сказал, что 3 июля 1944 года никакого освобождения города не происходило. В ночь с 30 июня на 1 июля немцы скрытно, без единого выстрела, оставили город. Только утром, когда люди шли на работу, выяснилось, что на улицах нет немецкой техники, нет немцев, все их учреждения пусты. 1 и 2 июля город жил свободно, не было ни немецкой, ни советской власти.

«А где же были подпольщики? Ведь они в сложившихся обстоятельствах должны были выйти из подполья, открыться перед людьми и начать организацию жизнедеятельности в городе?» — подумал я, но промолчал. «Никакого подполья в Минске тогда не было», — сказал он, вроде бы прочитав мой молчаливый вопрос.

Далее из его слов мы узнали, что минчане радовались освобождению преждевременно. 3 июля на город налетела советская авиация и вчистую разбомбила его. Бомбили жилые кварталы, погибло много людей. Все это он видел своими глазами, пережил сам. Мы слушали, но в разговор с ним не вступали — вдруг эта какая-то провокация? В то время я был советским человеком и в моей голове были другие заботы. После работы надо было мотаться по городу, чтобы отоварить пищевые и промтоварные талоны. Такой была советская действительность.

Наступил 1994 год – очередная круглая дата дня освобождения Минска. Минск праздновал. А на российских телеканалах в это же время вспоминали операцию «Багратион». В одной из передач высказал свои воспоминания российский ветеран-летчик. Он рассказал, что перед войной служил под Минском, а жил с семьей в самом городе. Когда началась война, семья не смогла эвакуироваться и осталась в Минске.

Когда началось освобождение города в 1944 году, авиаполк, где он служил, был нацелен на Минск. О судьбе своей семьи он ничего не знал. 1 июля авиаразведка донесла, что в Минске противник не замечен, немцы оставили город незаметно. Высокое начальство возмущалось, что немцы смогли улизнуть из-под самого носа. Летчики радовались, что город не надо бомбить, будет меньше разрушений. Штаб начал разработку плана бомбежки других беларуских городов, которые находятся дальше на западе, – Баранович, Гродно, Бреста.

И тут неожиданно утром 3 июля полк получил приказ бомбить Минск, причем бомбить жилые кварталы, административные строения – не трогать. Летчики не понимали, для чего бомбить город, который немцы оставили двое суток назад. Сухопутные войска даже не входили в столицу Беларуси, они устремились на запад догонять противника. Обсуждать приказ, возражать начальству было опасно. Этот летчик видел из своего самолета дом, в котором осталась его семья. И туда он бросал бомбы.

Что было дальше – не знаю. К сожалению, ведущий передал микрофон другому ветерану. И тут я вспомнил незнакомца из парка Горького, с которым встретился в 1984 году. Двое участников войны рассказали одно и то же в разное время. Причем они граждане разных стран, не знают друг друга.

Удалось найти еще одно подтверждение тому, что советская авиация бомбила Минск после того, как немцы его уже оставили. Об этом можно прочитать в книге Василия Яковенко «Призрак Шанхая над Свислочью». Эта книга – сборник очерков, а также бесед автора с разными людьми. Вот что сказал ему Владимир Подпруга, бывший Главный государственный инспектор Мингорисполкома по охране историко-культурного наследства (страница 59):

> «...Официальная версия стыдливо утверждает, что исторический центр был полностью уничтожен во время Второй мировой войны. Специалисты знают, что это неправда. В Минске за всю войну не произошло ни одного уличного боя. Разрушения тут были не больше разрушений других европейских городов...
>
> Добавлю только, что Минск бомбила наша авиация после того, как немцы уже оставили город. Такая несуразность».

Как видите, тот факт, что Минск бомбила советская авиация, когда немцы уже оставили город, озвучил чиновник. Чиновнику можно верить. Это же сотрудник Мингорисполкома, хотя и бывший. У него был доступ к архивным документам.

Моя двоюродная сестра Нина Копылова все время оккупации жила в Минске. При встречах я понемногу вытягивал из нее сведения о том, как она пережила оккупацию. Меня больше всего интересовал день 3 июля 1944 года. Я сказал, что этот день, видимо, был самый радостный. Она ответила, что, напротив, это был самый ужасный день. Советская авиация разбомбила город.

Так дождемся ли мы правды?

Еще в 1967 году редактор «Военно-исторического журнала», доктор исторических наук Николай Павленко в разговоре с начальником Главного политуправления СА и ВМФ Епишевым поднял вопрос о правде в исторической науке. На что Епишев ответил: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить» (журнал «Огонёк», 1989, № 25).

Как видите, все очень просто: правда о войне, в том числе правда о партизанском движении мешает жить тем, кто держит в своих руках власть и монопольно пользуется благами жизни.

Да, Германия виновна. Но почему все молчат о вине России? Мы единственная союзная республика СССР, которая в результате Второй мировой войны потеряла значительную часть своей территории.

Москва нанесла Беларуси первый удар 10 октябре 1939 года. По распоряжению Сталина буржуазной Летуве передали древнюю столицу ВКЛ Вильню и Виленский край. В соответствии с тем же распоряжением к Летуве отошли Свенцянский район и часть территорий Видзовского, Островецкого, Ошмянского, Поставского, Свирского и Радуньского районов. Беларусь в один миг потеряла 2750 кв. км своей земли с населением 457,5 тысяч человек.

Из речей на высоком уровне часто можно услышать, что Беларусь получила свою государственность с образованием БССР. Но какая же на самом деле была «государственность», если, не спрашивая разрешения у этого государства, у его высшего органа власти — Верховного Совета, немалый кусок территории простым распоряжением диктатора отдали другой стране?

После того, как и сама Летува очутилась под советской оккупацией, 25 августа 1940 года по распоряжению из Кремля Вильня стала столицей Литовской ССР. Кремль дал нам понять, что с Вильней и Виленским краем мы простились навсегда.

Безжалостная война Москвы против Беларуси на этом не прекратилась. Наступил 1944 год. К концу июля Беларусь полностью была освобождена от немецких оккупантов. Надо бы радоваться. Но 20 сентября 1944 года Сталин нанес беларусам еще один удар. Он отдал Польше Белостокскую область и три района Брестской области*. Так какие же мы победители? Чем нам гордиться? Москва в очередной раз обокрала Беларусь.

Официальные источники приводят такие факты, что за время оккупации население БССР утратило 61 % лошадей, 69 % коров, 89 % свиней, 78 % овец. Куда же они подевались? Да, часть поголовья свиней и овец пошла на налоги немцам. Но размер налога был от 20 до 30 % в зависимости от числа животных в хозяйстве. Всех остальных съели партизаны, они не церемонились.

Под «шумок» войны Россия в очередной раз ограбила Беларусь — на ее территорию было вывезено большинство наших культурных и художественных ценностей. В первые дни войны в Россию вывезли коллекцию слуцких поясов, издания Франциска Скорины, церковные реликвии. Что вернули? Ничего!

---

* Площадь Белостокской области по состоянию на 1 января 1941 г. составляла 20,9 тыс. кв. км, население — 1 млн 368,8 тыс. чел. Область была разделена на 23 района. После передачи области Польше в составе БССР остались только 6 районов. — *Ред.*

«КРАСНАЯ» БЕЛАРУСИЗАЦИЯ

Анатоль Великий
кандидат исторических наук

Общеизвестно, что в общественно-политической и культурной жизни Беларуси 1920-х годов белорусизация занимала важное место. Отечественные историки пытались выяснить, в чем суть белорусизации, необходимость ее проведения (1). Но при этом недостаточное внимание было уделено роли КП(б)Б и ее структур в данном процессе.

Большинство исследователей, рассматривая национальную политику КП(б)Б, анализирует решения январского и октябрьского 1925 года, октябрьского 1926 года пленумов ЦК КП(б)Б, определявших отношение республиканской партийной организации к белорусизации. К сожалению, это упрощенный поверхностный подход, ибо то, что официально обсуждалось и декларировалось на многочисленных заседаниях высших партийных органов, значительно отличалось от того, что обсуждалось и принималось в качества решений многочисленными парторганизациями. Белорусизация не стала достоянием гласности ни для членов партии, ни для общественности, она оставалась под грифом «секретно» либо «совершенно секретно». Это обстоятельство (2) современные исследователи почти не учитывают.

Трудно согласиться, что белорусизация была органической частью политики большевиков. Следует обратить внимание на высказывание академика М. Костюка:

> «Чтобы не допустить реализации идеи национальной независимости и немного удовлетворить стремления местных национальных деятелей в этом вопросе, руководители партии и государства вынуждены были пойти на осуществление политики белорусизации».

До 1924 г. партия не уделяла значительного внимания национальному вопросу, о чем свидетельствуют высказывания первого секретаря ЦК КП(б)Б А. Крыницкого. В докладе «О политическом отчете ЦК КП(б)Б и материалах по очередным вопросам национальной политики» он заявил, «что еще в 1921 и даже в 1923 гг. политический отчет ЦК, ЦБ почти не затрагивал национальной политики»... И далее:

> «На 12-й конференции КП(б)Б (20–26 марта 1923 г.) был поставлен первый доклад ЦБ относительно национального момента в партии и в советском строительстве.

Из журнала «Спадчына», 2001, № 3, с. 50–68. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

С 1923 г. эта работа начинает разворачиваться, и в 1924 г. после укрупнения БССР вся партия начинает «влезать» в вопросы национальной политики, а уже с 1925–1926 гг. эта работа разворачивается дальше. Партия начинает вести национальную политику, берет всю ответственность за проведение национальной политики. Белорусы-коммунисты начинают активно проводить белорусизацию. Другими словами, складывается обеспеченность того, что вся партия, как наиболее крепкий коллектив, который обеспечивает пролетарскую линию в этом вопросе, «влезает» полностью во все дела национальной политики» (3).

Еще одно свидетельство того, что национальная работа меньше всего волновала партийное руководство Беларуси в 1921 – 1923 гг., – редкое обсуждение национальных вопросов на заседаниях Центрального Бюро (4).

Ответ на вопрос, отчего партия начинает «влезать» и «обеспечивать пролетарскую линию в национальной политике», можно найти у известного беларуского историка Л. Лыча, который заметил, что «в начале 20-х гг. национальный процесс имел скорее общественно-инициативный характер, чем государственный» (5). Так вот, партия не могла позволить, чтобы этот процесс имел «общественно-инициативный характер», а потому взяла его под свой контроль и, начиная с 1924 г., обеспечивала в нем «пролетарскую линию».

В докладе А. Крыницкого содержится еще один важный момент, который характеризует формы и методы партийного руководства национальным процессом. Партийный лидер подчеркивал:

«...Мы проводим белорусизацию как твердую линию, если хотите, с элементом принудительной белорусизации в отношении государственного, кооперативного аппарата, партийного, комсомольского актива. Именно при такой твердой линии мы можем создать нормальные условия для развития белорусской культуры и, в тот же момент, никакой принудительной белорусизации применительно к рабочим и крестьянам».

А. Крыницкий был прав, когда говорил о «принудительной белорусизации» партийного и государственного аппаратов. То, что в недрах партии, прежде всего в партаппарате, началось тихое сопротивление белорусизации, руководство республики заметило уже в 1925 г. Так, на октябрьском пленуме (1925), где обсуждалась стратегия развития национального строительства, секретарь Оршанского окружного комитета Б. Грысевич отметил:

«Конечно, в партии нет активного противодействия, враждебного настроения против белорусизации, однако мы имеем более страшную беду: это пассивное сопротивление, «тихая сапа» против белорусизации».

Безусловно, открыто никто не мог выступить против официально провозглашенного и поддержанного партией курса белорусизации. В условиях даже середины 20-х гг. это было довольно опасно. Потому для «интернационально-космополитичной», денационализированной и антибелорусской партии и аппарата оставался один выход – «тихая сапа».

Ярко свидетельствует, как на местах начали «тихо» бойкотировать выполнение решений партийных органов, информационный отчет Витебского окружного комитета КП(б)Б за 1926–1927 гг. Его ценность в том, что в это время начали подытоживать предварительные результаты выполнения решений январ-

ского и октябрьского (1925) и октябрьского (1926) пленумов ЦК КП(б)Б. К тому же период с 1925 по 1927 гг., по мнению белорусских историков, был временем наиболее активной белорусизации. И вот во время этой активности Витебский окружной комитет вынужден признать следующее:

> «При определенном переломе в осуществлении белорусизации организация не смогла еще изучить ни белорусского языка, ни белорусской культуры. Бюро окружного комитета в ноябре прошлого года (1926) дало задание ответственным товарищам изучить белорусский язык до 1 января 1927 г. При проверке определилось, что большинство их совсем не читают белорусской литературы, совсем не читают белорусских газет и изучение белорусского языка, как заявляют многие из них, происходило по протоколам и переписке.
>
> Проверка показала, что работники аппарата Окружного комитета (ОК) КП(б)Б знали белорусский язык следующим образом: хорошо – 9 %, средне – 35 %, слабо – 40 %, не знают – 16 %. А в Витебской парторганизации результаты оказались еще хуже. Из 1772 человек только 208 (11,7 %) хорошо знали белорусский язык, 532 (30 %) – средне, 899 (50,7 %) – слабо, 133 (7,5 %) – совсем не знали его. В Витебске хорошо знали язык 4,3 %, удовлетворительно – 6,5 %, слабо – 21,2%, вообще не знали – 69 % партийцев».

Ответственные работники в первую очередь бойкотировали выполнение решений относительно белорусизации. Об этом свидетельствует постановление бюро Витебского окружного комитета партии, в котором отмечено, что неудовлетворительное выполнение постановлений объясняется «нежеланием значительной части партактива практически изучать белорусский язык». На бюро подчеркивалось, что «работа (белорусизация. – *А.В.*) носила характер кампанейский, сезонный, по прошествию которой она затухала».

Оппоненты могут возразить, что пример Витебского округа не характерен, потому что он, как и Гомельский, был наиболее русифицирован, выделялся многоязычностью, пестротой национального состава. Это так, но партийные решения тогда были обязательными для всех. 56,4 % коммунистов Витебской парторганизации в 1927 г. не знали белорусского языка, а с учетом еще 23,9 % членов партии, знавших его слабо, процент партийцев, не знающих языка, возрастал до 80,3 %. Этот факт можно объяснять не только многоязычностью, русифицированностью, но и молчаливым протестом партийной «массы» и аппарата против белорусизации. Формально это означало, что почти вся партийная окружная организация не выполнила решений ЦК.

Положение в столице не очень отличалось от Витебска. В январе 1925 г. Минская окружная парторганизация выдвинула лозунг «К 1 января 1927 г. актив парторганизации должен разговаривать на белорусском языке». Но дальше слов дело не двигалось.

Так, в постановлении, утвержденном бюро Минского ОК КП(б)Б (13.06.1927 г.), по результатам рассмотрения вопроса «О проведении белорусизации в Минской организации КП(б)Б» говорилось только о «некотором сдвиге в партийной организации применительно вопроса белорусизации, который проявляется в понимании ее политического значения». «Некоторый сдвиг» проявился в том, например, что в Минске только 1505 партийцев, или 29,5 %, посещали кружки по изучению белорусского языка. Обратим внимание, что эта партийная орга-

низация, как объявило ее руководство, должна была быть «в этом вопросе образцом для других организаций КП(б)Б».

И еще один момент характеризует умение аппаратчиков, если нужно, «спустить на тормозах» свои же решения. В указанном постановлении (13.06.1927 г.) нет ни единого упоминания о лозунге «К 1 января 1927 г. актив партийной организации должен разговаривать на белорусском языке». Бюро Минокружкома принимает постановление, но уже в совсем другой редакции. Оно «намечает: установить окончательный срок изучения и широкого пользования белорусским языком для партийного актива к 1 октября 1927 г.»

Между двумя постановлениями бюро Минского ОК КП(б)Б – существенная разница. Во-первых, во втором постановлении просматривается понимание того, что к 1 октября 1927 г. партийная организация никак не сможет заговорить по-белорусски. Если столичные партийцы не смогли заговорить на белорусском языке за два года (с января 1925 по январь 1927 г.), то сделать это за несколько месяцев было за пределами возможного даже для большевиков.

Во-вторых, партийный аппарат точно ориентировался в партийной лексике и хорошо понимал разницу между радикализмом требования «должен» (первое постановление – 1925 г.) и аморфным, нетребовательным словом «намечает» (второе постановление – 1927 г.). Этот пример ярко показывает силу партаппарата, который такими постановлениями и решениями фактически блокировал белорусизацию, выхолащивал ее суть и содержание.

То же самое наблюдалось и в работе низового партаппарата. В постановлении столичного бюро (13.06.1927 г.) отмечалось:

> «...слабое знание белорусского языка многими членами партии и непринятие последними активных мер к изучению белорусского языка отрицательно отражается на общем ходе белорусизации и дает возможность части беспартийных работников пассивно относиться к ее проведению и оправдывать это примером партийцев».

В 1927 г. прошли районные партийные конференции в разных округах БССР. По их итогам ЦК КП(б)Б сделал краткий анализ наиболее характерных выступлений, касавшихся национальной политики вообще и белорусизации в частности. Вот некоторые примеры.

Речицкая партконференция:

> «Белорусизация деревни не движется, и это не случайно, так как там отсутствуют средства и руководители, ни там, ни в городе ничего по этому вопросу не делают. Советские служащие до настоящего времени не освободились от апатии к белорусскому языку. Белорусизация своей четкой линии не имеет».

Конференция Залинейного района Гомеля:

> «Вопрос белорусизации у нас слабо прививается. Имеются даже такие моменты, когда говоришь с ответственным работником о том, что необходимо изучать белорусский язык, то часто слышишь: «если меня заставят изучать белорусский язык, то я съеду в Россию», что морально действует на простых работников».

Жлобинская конференция:

> «Ничего не сделано по белорусизации, ни один товарищ не высказывался на белорусском языке».

Сенненское партийное собрание:

«Некоторые товарищи выступают и говорят на белорусском языке, однако, по-моему, они говорят за деньги. Белорусизация, по-моему, проводится не на деле, а на бумаге, так как ее исполняют только технические работники, а руководители учреждений – нет».

Октябрьская конференция:

«Имеется много недостатков. К вопросу о белорусизации еще близко не подошли»,

Лиозненское собрание:

«С вопросом о внедрении белорусского языка у нас дело скверное, несмотря на ряд директив».

Ляховская конференция:

«Мы сделали мало, даже сейчас видим, что на конференции актив выступает на русском языке, а вина в этом высших партийцев, которые тоже не говорят на белорусском языке, белорусский язык знают лучше беспартийные, чем партийцы».

И какие же выводы сделали в ЦК КП(б)Б по результатам обзора высказываний на партконференциях и собраниях? ЦК отмечал, что прошли они «под знаком развертывания внутрипартийной демократии и коллективного партруководства». Ни слова о том, как осуществляется национальная политика, что волнует партийцев, какие необходимо принять меры по исправлению недостатков, отчего не исполняются многочисленные постановления ЦК, пленумов, съездов партии.

Как и отмечали делегаты, «высшие партийцы действительно не говорили на белорусском языке». Например, в справке «Сообщения о белорусизации аппарата ЦК и окружных комитетов КП(б)Б» (на середину 1927 г.) сказано, что в аппарате ЦК 49 % работников хорошо знали белорусский язык, 8 % – удовлетворительно, 21 % – слабо и 22 % совсем его не знали. Если учесть неопределенность, условность границы между знанием языка «удовлетворительно» и «слабо», получается, что в аппарате ЦК, «штабе белорусских коммунистов», большинство (51 %) слабо или вообще не знало «мовы».

Не лучше было положение со знанием белорусского языка в окружных комитетах партии. Например, в аппарате Борисовского ОК КП(б)Б 20 % работников знали язык хорошо, 27 % – удовлетворительно, 33 % – слабо и 20 % – совсем не знали; в аппарате Оршанского ОК соответственно – 25 %, 33 %, 34 %, 8 %; Полоцкого – 12 %, 17 %; 24 %, 47 %; Слуцкого – 41 %, 47 %, 6 %, 6 %. Похожее соотношение цифр наблюдалось и в остальных комитетах. Безусловно, если такое «знание» белорусского языка демонстрировали «высшие партийцы», то с них брали пример как рядовые члены, так и беспартийные.

Интересно, что в упомянутой справке 1927 г. отсутствуют сведения о белорусизации партаппаратов пяти окружных комитетов (Минского, Могилевского, Гомельского, Речицкого, Мозырского). Хотя ЦК неоднократно требовал от них сведений. Во-первых, видимо, они были уверены, что их не привлекут к партийной ответственности. Во-вторых, руководство рассматривало такого типа информацию как второстепенную, которая не заслуживает «значительного внима-

ния». В-третьих, не было чего посылать из-за отрицательных результатов.

Например, секретариат Могилевского ОК КП(б)Б 27 мая 1927 г. отмечал: «Директивы ОК об изучении белорусского языка ответственными окружными работниками-партийцами не выполняются. Из 45 проверенных работников 42 не выполнили директив. Хорошо изучили белорусский язык и пользуются им в повседневной жизни только 3 партийца». Видимо, здесь ответ на вопрос, почему Могилёвский окружной комитет, несмотря на неоднократные требования ЦК, не выслал сведения о знании языка партработниками. Этот факт можно рассматривать как пример пассивного сопротивления белорусизации со стороны партийного чиновничества.

Игнорирование директив окружным партруководством проявилось и в том, что, несмотря на требование ЦК КП(б)Б не допускать выступлений и докладов на русском языке на партийных конференциях (весна-лето 1927 г.), они звучали не только на белорусском, но и на русском языке. Так, на конференции Мозырской парторганизации из четырех докладов два были на белорусском, два – на русском; Полоцкой – все на белорусском; Калининской из пяти докладов – четыре на белорусском и один на русском; Слуцкой – все на белорусском; Минской – все на русском; Витебской – только один доклад на белорусском; Бобруйской – из пяти два на белорусском, остальные – на русском; Оршанской – из четырех только один на белорусском. Понятно, что в прениях партийцы пользовались и белорусским, и русским языками.

Во второй половине 1927 г. Национальная комиссия ЦИК по поручению Центральной контрольной комиссии (ЦКК) провела проверку осуществления белорусизации в округах и районах и о результатах доложила бюро ЦК КП(б)Б.

Результатом проверки стала резолюция следующего содержания:

> «Бюро напоминает всем ОК РК, членам партии о полном и безоговорочном выполнении решений октябрьского пленума ЦК (1926 г.) об изучении коммунистами белорусского языка и перенесения его в повседневную жизнь. Делу белорусизации партийной массы парторганы должны уделять больше внимания, чем до настоящего времени».

Опять обратим внимание на партийную стилистику. Бюро уже не «требует», а только «напоминает». При этом даже не определяется конкретный срок, к которому ОК, РК КП(б)Б, члены партии должны выполнить это решение. Уже неизвестно, какая по счету резолюция бюро ЦК остается только на бумаге.

Проверка ЦК КП(б)Б в апреле – мае 1928 г. Гомельской парторганизации показала, что «в некоторых случаях встречается враждебное отношение к белорусизации. Например, секретарь партячейки фабрики «Везувий» заявил, что он «Звязду» не читал, не читает и не будет читать». Напомним, что с 1927 г. «Звязда», печатный орган ЦК КП(б)Б, выходила на белорусском языке. Во время проверки выяснилось, что с момента присоединения Гомельщины к БССР (1926) и до проверки (1928) комитет партии меньше всего занимался вопросами национальной работы.

Рассматривая позицию партии, необходимо учитывать, что к «могильщикам белорусизации» присоединялся и аппарат государственных, профсоюзных, комсомольских органов. Руководители и ответственные работники во всех власт-

ных структурах назначались в середине – конце 20-х гг. на свои должности только с разрешения соответствующего партийного органа. Вместе с назначением на должности они автоматически избирались и становились членами разных партийных структур. Государственные служащие видели, как партия относится к белорусизации, и становились если не активными, то пассивными пособниками партаппарата. В «Общих выводах по проверке белорусизации учреждений», подготовленных Нацкомиссией ЦИК в 1927 г., подчеркивалось, что НКВД, НК земледелия, Наркомюст не выполнили постановления ЦИКА о белорусизации, что руководящие работники этих учреждений не уделяли делу белорусизации серьезного внимания».

Яркое свидетельство отношения руководства и ответственных работников госаппарата к белорусизации – материалы Нацкомиссии ЦИК БССР «О положении белорусизации государственных, профсоюзных, хозяйственных и кооперативных учреждений» (май 1928 г.). Нацкомиссия констатировала факт перевода на белорусский язык делопроизводства в ЦИК, СНК, наркоматах просвещения, земледелия, труда, здоровья, рабоче-крестьянской инспекции. Вместе с тем подчеркивалось:

> «...белорусизация в учреждениях остается пока что формальной; язык употребляется в делопроизводстве, а в разговоре, быту употребление белорусского языка встречается очень редко».

Такое положение Нацкомиссия объясняла неудовлетворительным знанием белорусского языка ответственными работниками, руководителями учреждений. Все они, как правило, входили в состав партструктур разного уровня и представляли тот «партактив», который в первую очередь должен овладеть белорусским языком и быть образцом для партийцев и беспартийных в деле осуществления белорусизации.

По официальной статистике в 1925 г. количество сотрудников, которые знали белорусский язык, составляло в центральных (республиканских) учреждениях 22 %, в окружных и районных – 36 %. В 1926 г. показатели сообразно возросли до 54 и 42 %, в 1927 г. – до 80 и 79 %.

Некоторые историки с восхищением приводят эти цифры. Но выскажем мысль о некритичности такого подхода к официальным сведениям. В состав служащих, знавших белорусский язык, включались не только те, что знали его «хорошо», но и знавшие на «удовлетворительно», «не совсем удовлетворительно», «слабо». О преувеличении количественных показателей свидетельствуют даже партийные документы. В рабочем проекте «Выводы по докладу о национальном вопросе в БССР на октябрьском пленуме 1926 г. ЦК КП(б)Б» отмечалось:

> «Несмотря на то, что за последнее время имеется целый ряд достижений в области белорусизации государственных, партийных и профсоюзных учреждений и организаций (о партийных достижениях уже сказано выше. – *А.В.*), надо отметить, что достижения эти нельзя считать основательными и глубокими. Белорусизация некоторых учреждений, для которых срок перехода на белорусский язык уже закончился, – полностью еще не белорусизированы, а те из учреждений, которые считают, что директивы о белорусизации ими выполнены на все 100 %, фактически провели эту работу поверхностно и формально».

Далее авторы посчитали нужным отметить, что значительной преградой в деле белорусизации являлся русифицированный и не свободный от великодержавных взглядов аппарат государственных учреждений.

К тому же надо понимать: хотя 80 % или даже больше сотрудников центральных и окружных учреждений знали язык, белорусизация не ускорялась. Не они определяли ее ход и результаты. Их определяла партия, которая так и не смогла заговорить на белорусском языке.

В 1929 г. бойкот белорусизации усилился. На окружном, городском и районном уровнях только констатировалось невыполнение решений относительно белорусизации. ЦК в своих директивах подчеркивал необходимость усиления за счет белорусов партийных и профсоюзных ячеек на предприятиях. Но, согласно отчету Могилевского ОК КП(б)Б (март 1929 г.), выполнению этой директивы ОК не уделял почти никакого внимания. Он ограничивался тем, что давал общие директивы «о решительном проведении белорусизации». Тот же окружной комитет констатировал: «белорусизация проводится недостаточно, и темп ее снизился по сравнению с прошлым годом».

Аналогичные недостатки отмечались и на пленуме Борисовского РК КП(б)Б (август 1929 г.).

Неудовлетворительную оценку деятельности партии в осуществлении белорусизации дала комиссия В. Затонского, которая в 1929 г. проверяла проведение национальной политики в республике.

Но если В. Затонский на заседании бюро ЦК КП(б)Б (июнь 1929 г.) едва затронул роль партии в осуществлении белорусизации, то Дм. Жилунович был более конкретен. В ответ на жесткую критику за «национал-демократизм» со стороны начальника политуправления Белорусского военного округа Арона Аронштама, прежнего секретаря Витебского окружного комитета КП(б)Б, а также других оппонентов, Дм. Жилунович (согласно историку Р. Платонову) отпарировал:

> «Я подозреваю, что т. Аронштаму хочется этим нападением скрыть то, что он, например, не выполняет постановление партии о белорусизации. Он уже десятый год работает в Беларуси и даже слова не может сказать по-белорусски. У него Витебский округ самый отсталый по проведению белорусизации. У него в Витебске целый ряд проявлений еврейского национализма. Я этим ничего плохого о нем не хочу думать, но бросается в глаза, что как будто он этим резким нападением на меня, может быть я и виноват, сам хочет скрыть то, что с его стороны игнорируются все постановления ЦК».

О том, как проводилась белорусизация в Витебске, упоминал даже В. Затонский. Но он, в отличие от Дм. Жилуновича, либо не увидел, либо не захотел признать игнорирование партийным чиновничеством «всех постановлений ЦК» о ее проведении. Фактически то же самое наблюдалось на всех уровнях.

Не изменилось, да и не могло измениться такое положение и в начале 30-х гг. КП(б)Б не отваживалось «отменить» белорусизацию, но бюрократизировать и фактически свернуть ее было по силам. Дело пошло по отработанной партийно-бюрократической колее: принимались решения о «более решительных мерах», «усилении темпов белорусизации», потом констатировалось их невыполнение,

и... все повторялась сначала. Что интересно, виновных не было. Никого не снимали с работы, никто не получал партийных взысканий.

Белорусизация в начале 30-х гг. превратилась в формально-бюрократический процесс.

В 1931 г. Секретариат ЦК КП(б)Б, который обобщил итоги месячника белорусизации, признал следующее:

> «К проведению месячника белорусизации часть РК подошла формально, бюрократически. 80 % организаций совсем не представили никаких сведений и ничего не известно, проводили они его или совсем ничего не делали. РК КП(б)Б, констатируя отношение отдельных ответственных работников к белорусизации в своих учреждениях, ничего конкретно не принимали и к ответственности никого не привлекали».

Секретариат ЦК КП(б)Б тоже ограничился только констатацией этого факта. Ни одному из первых секретарей РК, ГК КП(б)Б не объявили выговоры, ни одного не сняли с работы, не созвали совещания по факту невыполнения постановления высшего партийного органа. Между тем партия уже представляла собой строго централизованную, корпоративно-бюрократическую систему с жесткой иерархической подчиненностью и обязательным выполнением решений партийных органов.

Почему так происходило? Взрослые люди играли в политическую игру под названием «белорусизация», правила и поведение в которой им были хорошо известны. Один из руководителей партийной организации из Толочинского района объяснял:

> «Если не буду знать белорусский язык, то меня в тюрьму не посадят, а если не дам своевременных сведений (о сельхоззаготовках, выполнении различных планов и т.д. – *А.В.*), то посадят».

В этих словах была своя правда. Жестоко наказывали не за незнание языка, а за невыполнение разного типа хозяйственных кампаний.

Исходя из этого и многочисленных других примеров, можно высказать мнение, что применительно к белорусизации партийным аппаратом были выработаны «внепартийные», не обусловленные партийным уставом правила. Молчаливое согласие высшего партаппарата, очевидно, удовлетворяла все стороны и не приводило к открытому сопротивлению.

Рассматривая отношение правящей партии к белорусизации, необходимо учитывать еще два существенных фактора, которые, несомненно, негативно влияли на ее ход.

Это – национальный состав КП(б)Б, а также ее отношения с ВКП(б).

В 1924 г., когда партия начала «влезать» во все дела национальной работы, в ее рядах насчитывалось 30,3 % белорусов, 29,7 % – русских, 27,6 % – евреев. 12,4 % представителей других национальностей. Соотношение не в пользу коренного этноса – 30,3 % белорусов против 69,7 % небелорусов. С 1925 г. ситуация начинает немного меняться: белорусов в партии 43 %, русских – 31,3 %, евреев – 23,4 %, прочих – 11,7 %. Соотношение, правда, остается не в пользу белорусов (45 % против 66,4 %). И только с 1926 г. количество беларусов превзошло количество других наций. В партии насчитывалось 50,5 % белорусов, 15,9 % – русских, 23,4 % – евреев, 10,4 % – прочих.

Но перевес белорусов составил всего 1 % (50,5 % против 49,5 %). В 1927 г. процент белорусов вырос до 52,4 %, тем не менее 47,7 % членов КП(б)Б все равно приходилось на представителей других национальностей, в основном – евреев и русских. В партаппарате преобладание небелорусов оставалось абсолютным.

Как могла осуществляться белорусизация, например, в Витебской парторганизации, если пленумы окружного комитета партии в 1927 г. состояли на 36,3 % из белорусов, на 19,2 % – из русских, на 21,2 % – из евреев, на 23,4 % – из представителей других национальностей. Пленумы горкомов имели такой расклад по национальностям: белорусы – 36,3 %, евреи – 36,3 %, русские – 13,2 %, прочие – 14,4 %.

И на окружном, и на городском уровнях представители некоренной национальности почти вдвое превосходили белорусов. Последние доминировали только в райкомах, национальный состав которых был следующий: 65 % белорусов, 10,6 % – русских, 12,4 % – евреев, 12 % – прочих (65 % белорусов против 35 % небелорусов).

Безусловно, большинство представителей других национальностей в партаппарате, воспитанных в своей национальной среде, относились к белорусизации либо враждебно, либо в лучшем случае безразлично.

Другим фактором влияния на проведение КП(б)Б белорусизации, как уже упоминалось выше, можно считать отношения этой партии с партийным центром в Москве. Уже на первом съезде КП(б)Б (декабрь 1918 г.) было признано:

> «...во главе всех организаций Белорусской Советской Республики стоит избранное съездом партии центральное бюро, которое является верховным органом в республике и верным глазом Центрального Комитета коммунистической партии всех российских социалистических республик, его заместителем, который развивает положения и указания, данные центром, и таким образом отвечает перед Центральным Комитетом за тактическую линию местных партийных организаций».

Определяющим в формирования партийной «вертикали» Москва – Минск стал 1920 год. Местные коммунисты на III съезде КП(б)Б (22–26 ноября 1920 г.) приняли следующее решение:

> «КП(б)Б есть областная организация РКП, которая проводит в жизнь принципы и тактику РКП, применяет ее к местным условиям, в общем и целом подчиняется директивам ЦК РКП(б)».

Оценка тем, кто принимал такого типа решения, была дана еще в «Заявлении 32-х» (январь 1920 г.), в котором подчеркивалось:

> «...в Белоруссии не оказалось на месте необходимых кандидатур на ответственные посты и, естественно, во власти очутились те же почти коммунисты, как их называют, бедовский люд, что и раньше».

Так вот, этот «бедовский люд», преимущественно еврейско-русский, захватив власть, уже в ноябре 1920 г. превратил республиканскую партию в областную организацию РКП(б). Этот «люд» оказался даже «святее папы римского», ведь только на XIV съезде ВКП(б) (18–31 декабря 1925 г.) во всесоюзный партийный устав было внесено положение о том, что «партийные организации, которые

обслуживают территории национальных республик (областей) СССР, РСФСР, приравниваются к областным (или губернским) организациям партии, то есть целиком подчиняются ЦК ВКП(б). Как видим, «белорусские коммунисты» на пять лет опередили решение московского партийного центра.

По новому уставу, белорусская парторганизация с ее национальными особенностями, должна была удовлетворяться правами обычной российской областной парторганизации вроде Рязанской, Смоленской или какой-то другой.

К тому же «областная парторганизация», которая находилась на западе страны и граничила с Польшей, вызывала пристальное внимание Кремля. Надо иметь в виду, что в проведении национальной политики даже в первой половине 20-х гг. преобладали сталинские подходы. Свою позицию И. Сталин изложил на совещании по национальному вопросу, которое состоялось в Москве в 1923 г. Он заявил:

> «Необходимо помнить, что наши коммунистические организации на окраинах, в республиках и областях могут развиваться и стать на ноги, сделаться настоящим интернациональным, марксистским кадром только в том случае, если преодолеют национализм. Национализм – основная идейная преграда на пути взращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах».

Знало ли эти высказывания И. Сталина республиканское и окружное партийное руководство БССР? Безусловно, знало, ведь все секретари ЦК, окружных комитетов партии утверждались на своих должностях только Политбюро ЦК ВУКП(б) и получали в Москве соответствующие инструкции. А потому местное партийное руководство не только знало позицию Кремля относительно национального вопроса, но имело обязанность поддерживать ее.

О том, что Кремль внимательно следил за осуществлением национальной политики в Беларуси, свидетельствуют, например, ежегодные отчеты ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б). В ноябре 1926 г. при обсуждении отчета партийной организации Беларуси ЦК ВКП(б), отметив «правильность линии КП(б)Б в национальном вопросе», тем не менее обратил внимание на опасность националистических уклонов.

Высшее партийное руководство КП(б)Б хорошо и «правильно» понимало рекомендации Кремля. Уже в следующем году, в январе и октябре 1927 г., произошли два очередных съезда КП(б)Б, которые дали начало открытой борьбе с белорусизацией и наиболее искренними ее представителями. На X съезде КП(б)Б (3–10 января 1927 г.) сторонники национал-демократического течения, которые высказывались за сохранение национального облика республики, были названы шовинистами и контрреволюционерами, что на языке большевиков означало обвинения в самом большом преступлении против советской власти.

Таким образом, можно утверждать, что за трагическую судьбу белорусизации несут ответственность большевики, подчиненные Москве. Именно в партии наблюдалось сильное молчаливое сопротивление белорусизации, которое через ее структуры распространялось на все сферы общества. Именно партия, взяв под контроль национальный процесс, который сначала имел общественно-инициативный характер, «загнала» его в русло коммунистических догм, замедлила, а потом и уничтожила.

«РАССТРЕЛЯННАЯ» ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Людмила Селицкая, Вячеслав Селеменев

Десять томов этого издания планировались в Минске к изданию в 1934–37 годах, но все авторы оказались «врагами народа».

...Если дорога в ад и впрямь вымощена благими намерениями, то всяк туда попадающий обязательно должен пройти по десяти томам Белорусской Советской Энциклопедии издания 1934 – 1937 годов. Дада, прошлепать грешными пятками прямо по увесистым фолиантам, которые так и не были выпущены, оставшись лишь продекларированными намерениями.

Впрочем, проверять в запредельном царстве наличие мостовой из кожаных переплетов мы никому из нормальных людей не советуем. А историю про «расстрелянную» энциклопедию мы и так расскажем – благо в Национальном архиве Беларуси есть на сей счет красноречивые документы.

Сегодня трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль о необходимости издания в БССР собственной «краснокожей», идеологически выдержанной энциклопедии: партийным товарищам или ученым. Но суть задачи и без того ясна: и впрямь – не аполитичных же Брокгауза и Эфрона из национализированных княжеских и графских библиотек штудировать подрастающим Ломоносовым с Полесья!

Родившаяся в мудрых головах задумка (а к тому времени в Советском Союзе уже успели выйти Малая Советская Энциклопедия и изрядная часть Большой) могла стать явью лишь при одном условии – с благословения ЦК КП(б)Б.

И заседание высокого партийного Бюро с такой повесткой состоялось 21 апреля 1934 года. Разумеется, «строго секретное». На нем было решено издать за четыре последующих года 10 томов БелСЭ – с выпуском первого тома не позже октября 1934 года. Главные функции при этом возлагались на президиум Белорусской академии наук.

Персоналии, долженствующие курировать соответствующие разделы научных статей, также были определены. Целых 26 человек (мы перечислим фамилии полностью, поскольку это важно для развития дальнейшего сюжета) вошли в редакционный совет: Александрович, Бахтеев, Бурстын, Бенек, Вольфсон, Вольский, Гикало, Голодед, Горин, Голенда, Домбаль, Коник, Козлов, Колас, Кулагин, Кузьмин, Климкович, Левков, Мещеряков, Панкевич, Поссе, Ратнек, Сапиро, Хацкевич, Червяков, Чернушевич. Главным редактором будущего издания назначался Горин, а его заместителями – Щербаков, Мещеряков, Домбаль и Бурстын.

Пожалуй, нет смысла называть должности каждого из «энциклопедистов», но самые влиятельные персоны упомянуть можно: Николай Гикало был в то время первым секретарем ЦК КП(б)Б; Николай Голодед – председателем Совнаркома БССР; Александр Червяков – председателем ЦИК БССР; Казимир Бенек – наркомом земледелия; Сергей Поссе – директором Института истории партии (Истпарта); Павел Горин – президентом Академии наук БССР, директором Инсти-

тута истории; Томаш Домбаль – вице-президентом Академии наук БССР, директором Института экономики; Михаил Климкович – председателем Союза писателей БССР; Семен Вольфсон – директором Института философии АН БССР. Кто такой Якуб Колас, думаем, уточнять не стоит.

Принцип подбора авторов пояснений тоже не требует: вокруг будущей энциклопедии группировался цвет партии, науки и литературы. Издать десятитомник планировалось на принципах хозрасчета, исходя из стоимости одного тома в 70 тысяч рублей.

БЕЛАРУСКАЯ САВЕЦКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

ТОМ XII

БЕЛАРУСКАЯ САВЕЦКАЯ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЯ РЭСПУБЛІКА

Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Тамы 1–12. (Галоўны рэдактар Пятрусь Броўка, рэдакцыйная калегія — 24 асобы). Мінск, 1969–1975. Наклад 30 тыс. асобнікаў.

Для этого Госбанку республики поручалось выделить Академии наук долгосрочный кредит в размере 250 тысяч рублей. А Наркомлесу обеспечить издание высококачественной бумагой, из расчета 30 печатных листов в томе. Всем учреждениям предписывалось оказывать посильную помощь издателям, а газетчикам – широко освещать ход полиграфических работ.

Партия сказала «надо» – ученые сели за написание статей. Но не все их благополучно закончили. Хотя и очень старались. Особенно те, кто отвечал за подготовку первого, «октябрьского» тома. Но что же случилось? Что помешало старательным авторам завершить свои кропотливые труды?

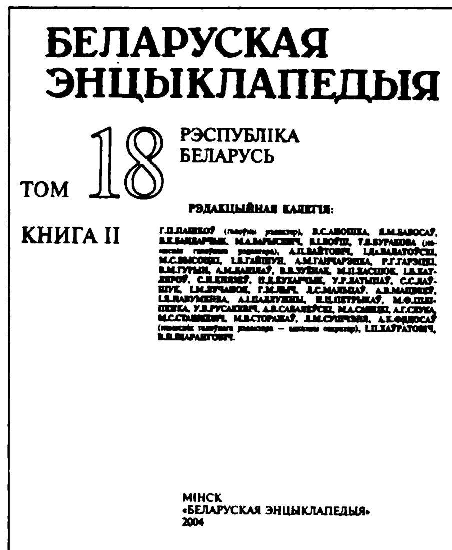
Вызволенные из-под грифа «Совершенно секретно» документы уже не умалчивают об этом, а представляют конкретную хронику событий.

В конце апреля 1936 года президиум Академии наук, под интеллектуальным патронатом которого находилось издание, решил заслушать заместителя главного редактора БелСЭ Семена Вольфсона о проделанной работе. Исполнительный академик старательно перечислил сделанное (орфографию оригинала сохраняем. – *Прим. авт.*):

> «Складзен слоўнік БелСЭ, які ахапляе каля 43.000 тэрмінаў з устанаўленнем лімітаў, адвадзімых для кожнага з іх. Выпрацавана тэрміналогія 43.000 слоў на беларускай мове. Гэта першы ў Совецкім Саюзе вопыт па выпуску слоўнікаў Энцыклапеды. Слоўнік друкуецца особнымі выпускамі. Да гэтага часу вышла 16 выпускаў.
>
> Вышаўшыя слоўнікі шырока разасланы па навуковым цэнтрам СССР і БССР і выклікалі жывы інтарэс як у цэлых навукова-даследчых устаноў, так і асобных прафесараў і навуковых работнікаў Совецкага Саюза. Слоўнікі ў асноўным складзены правільна, супраць тэрміналогіі асобных супярэчнасцяў не паступіла. Выпраўленні ідуць галоўным чынам па лініі дапаўнення заўважаных прапускоў і змен у літарах. Рад каштоўных заўваг зроблены па лініі ўдакладнення тэрміналогіі і ўпарадкавання транскрыпцыі».

Дотошный, как и все ученые, Вольфсон после подробного перечисления привлеченных авторов (а их набралось 450 человек: литераторы, ученые, медики, аграрии) и инстанций честно резюмировал:

> «Работа па складанню І-га тома была ў асноўным скончана да снежня 1935 г. 30-га снежня том быў здан у набор. Том мае ў сабе 3002 артыкулы. Адначасова была разгорнута работа па ІІ-му тому. З агульнай колькасці 2820 артык., якія ідуць у ІІ-м томе, да гэтага часу паступіла і прайшло ўнутраную рэдакцыю 2305, што складае каля 82 %.
>
> Першы том пачаў друкавацца 15/V і павінен выйсці да 19-й гадавіны Вялікай пралетарскай рэвалюцыі».


БЕЛАРУСКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ

ТОМ 18 РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ

КНІГА ІІ

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ:

МІНСК
«БЕЛАРУСКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ»
2004

Беларуская Энцыклапедыя. Тамы 1–18, апошні том у 2-х кнігах. (Галоўны рэдактар Алесь Пашкоў, рэдакцыйная калегія — 34 асобы). Мінск, 1996–2004. Наклад 10 тыс. асобнікаў.

Вольфсон – наивная научная душа – в конце отчета даже пытался пожаловаться коллегам на цензурные трудности:

> «Для характарыстыкі работы трэба адзначыць, што кожны артыкул праходзіць мінімум праз 4 інстанцыі: аўтар, унутраная, знешняя і галоўная рэдакцыя. У большасці выпадкаў колькасць гэтых інстанцый даходзіць да 6 – 7.
>
> Інагда прыходзіцца артыкулы праводзіць праз спецыяльнае калектыўнае абгаворванне, што было, напрыклад, з радам артыкулаў па беларускай літаратуры. Рад артыкулаў прыходзіцца па некалькі разоў змяняць і перапрацоўваць. Меліся выпадкі, што патрабавалася трох- і чатырохразовая праўка артыкулаў».

При такой раскладке, резюмировал ученый,

> «буйным дасягненнем трэба лічыць, што ў працэсе складання І и ІІ тамоў распрацаваны рад артыкулаў навукова-даследчага характара па пытанню гісторыі Беларусі, беларускай літаратуры і народнай гаспадаркі БССР».

И ведь ничуть не лукавил заместитель главного редактора БелСЭ! Все привлеченные авторы действительно корпели над научными статьями в полной готовности довести дело до логического конца. Но в СССР начался великий идеологический перелом – разворачивались первые процессы «над врагами народа», в число которых попал даже осуществлявший общую редакцию самой первой Большой Советской Энциклопедии Николай Бухарин.

Белорусские академики, выслушав коллегу, приняли мудрое, как им казалось, решение. Оценив проделанную по подготовке БелСЭ работу как «значную», они постановили «увайсці ў дырэктыўныя органы з хадатайніцтвам аб зацвярджэнні новага склада галоўнай рэдакцыі адказных рэдактароў». Причина для смены руководящих персон на переправе называлась такая: «у сувязі з выбыццем са складу Галоўнай рэдакцыі з ліку адказных рэдактароў».

Проект принятого постановления вместе с отчетами Вольфсона и Сурты они направили 27 мая 1936 года в ЦК КП(б)Б, присовокупив макет будущего десятитомника. При этом скромно предполагалось, что «дырэктыўныя ворганы» сами знают, куда именно выбыли ответственные за написание умных статей редакторы. «Ворганы» действительно были хорошо осведомлены на сей счет, потому что весьма оперативно отреагировали на ходатайство ученых мужей.

Буквально через два дня, 29 мая 1936 года, состоялось заседание Бюро ЦК КП(б)Б, которое удовлетворило ходатайство озабоченных академиков:

> «В связи с выездом из БССР некоторых членов главной редакции Белорусской Советской Энциклопедии, во изменение решений Бюро ЦК КП(б)Б от 21.IV.34 г. и 4.V.1935 г. – утвердить следующий состав главной редакции Белорусской Советской Энциклопедии: Н.Ф. Гикало, И.З. Сурта, Д.И. Волкович, С.Я. Вольфсон, Н.М. Голодед, Д.Ю. Коник, А.Г. Червяков, А.И. Дьяков.
>
> Главным редактором утвердить т. Сурта, заместителем – т. Вольфсона».

Хорошо, убыл в Москву на повышение бывший главред энциклопедии Горин, что позволило оперировать в преамбуле округло-обтекаемой формулировкой насчет «выезда из БССР некоторых товарищей». Куда девались остальные – об этом в то время открыто не писали.

В новом перечне утвержденных авторов мелькают знакомые (для осведомленных людей) фамилии: литераторы Колас и Александрович, театральный режиссер Рафальский, историк Перцев, ботаники Дорожкин, Мельник, Онуфриев, экономист Лурье, военспец Уборевич.

Ну что тут скажешь: вполне заслуженные и солидные люди, которым смело можно доверить интеллектуальное осмысление истории и достижений республики. К чести белорусских издателей следует заметить, что соблюли и принцип интернационализма: польская, литовская, латышская, еврейская культуры также не оставлены за бортом. «Будзінскі, Матулайтіс, Шкільтэр, Агурскі, Ашаровіч» в дружном порыве должны были сплести для десятитомника многонациональный венок сонетов.

Вновь привлеченные авторы, как и их предшественники, с усердием взялись за работу. И вновь не закончили ее. А может, и закончили – теперь уже трудно сказать, кто из них, вымарав в духе требований лишнее, сдал гранки в набор, а кто в панике так и не отнес раз за разом переписываемые черновики.

О, сизифов труд революционных интеллектуалов – разве что любители архивных разысканий оценят тебя спустя семь десятилетий!

В конце 1937 года, а точнее, 22 октября, когда сверкающая ледериновыми боками белорусская энциклопедия уже должна была стоять на полках библиотек, исполняющий обязанности завотделом печати и издательств ЦК КП(б)Б Бутелин корпел над собственным «энциклопедическим» опусом.

Подготовленная им для ЦК докладная записка была безапелляционна, как приговор:

> «Около двух лет тому назад постановлением Бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР было решено издать «Белорусскую Советскую Энциклопедию». С этой целью при Академии Наук БССР была создана главная редакция. В составе редакции, конечно, оказались враги народа (Сурта и др.). Для подготовки энциклопедии к печати при Академии

был создан специальный аппарат и отпущены средства. За два года работы подготовлен к печати только первый том энциклопедии, сейчас же идет изъятие из тома статей, написанных врагами народа, и статей, посвященных врагам народа.

На несуществующую энциклопедию была проведена подписка. От подписчиков собрано 26 тысяч руб., кроме этого, на подготовку первого тома к изданию уже затрачено 300 тысяч руб. и до конца 1937 года нужно будет расходовать не менее 12 тысяч рублей.

Заместитель главного редактора энциклопедии, академик Вольфсон, просит для дальнейшей подготовки выпуска энциклопедии и окончательной редакции первого тома утвердить новый состав главной редакции. Кандидатов в состав редакции он не выдвигает.

Отдел печати и издательств ЦК КП(б)Б ознакомился вкратце с 1-м подготовленным к печати томом. Содержание тома Бел.С.Э. – это перевод на белорусский язык 1-го тома Малой Советской Энциклопедии; материалы же БССР, как заявил сам профессор Галанза, в энциклопедии составляют менее 20 процентов.

Отдел печати и издательств ЦК КП(б)Б сомневается, что материалы БССР в энциклопедии (биографические справки о людях, статьи о народном хозяйстве, науке и т.п.), написанные для энциклопедии, могут отражать действительное положение и популяризировать действительно лучших людей БССР, преданных делу социализма.

Второе. Название энциклопедии «Белорусская С.Э.» не соответствует содержанию. Отдел печати и издательств считает, что в данное время необходимо прекратить дальнейшие работы по изданию Бел.С.Э. и утвердить представленный по этому вопросу проект решения Бюро ЦК КП(б)Б».

Всем понятно, по ком прозвонил колокол?!

10 ноября 1937 года – сразу после юбилейных торжеств в честь годовщины Октябрьской революции – Бюро ЦК КП(б)Б собралось на свое очередное «строго секретное» заседание. И приняло столь же засекреченное решение:

«В связи с тем, что издание Белорусской Советской Энциклопедии было разрешено вредителями и шпионами, пробравшимися к руководству БССР с целью обмана белорусского народа и растранжиривания государственных средств (израсходовано 300.000 руб. на подготовку 1-го тома), бюро ЦК КП(б)Б постановляет: «Прекратить работы по изданию энциклопедии, техническо-редакционный аппарат распустить.

Поручить СНК БССР создать ликвидационную комиссию для ликвидации всех дел по изданию Белорусской Советской Энциклопедии. Всю работу комиссии закончить к 1 декабря 1937 г.».

Большинство авторов неизданной энциклопедии чекисты записали во «враги народа» и убили. Не спасся от репрессий даже уехавший в начале 1936 года в Москву на повышение академик Горин.

В 1969 году в Беларуси вышел в свет первый том БелСЭ (Белорусской Советской Энциклопедии). Однако ни в одном из ее 12 томов не сказано о попытке аналогичного издания в 1930-е годы. А ведь тогда задумывалось очень хорошее дело.

ДВА КРОВАВЫХ НАРКОМА

Дмитрий Быстролетов

Однажды ночью дверь со скрипом растворилась, и в камеру еле шагнул через порог тощий мужчина неопределенного возраста с измученным худым лицом.

— Алексей Алексеевич Наседкин, — представился он мертвым голосом и бессильно повалился на койку. — Из ГУГБ.

Я назвал себя и вкратце рассказал свою историю.

Новый напарник чуть оживился и, с трудом переводя дыхание, заговорил:

— В последнее время я был наркомом внутренних дел Белоруссии... Сменил там вашего Бориса Бермана... Он после перевода из московского ИНО проработал в Минске несколько месяцев... Потом его арестовали... На смену прислали меня... Борис уже расстрелян... Мое дело тоже закончено... Скоро расстреляют и меня... А раз вас в камере соединили со смертниками Дьяковым (личность не установлена. — *Ред.*) и мною, то, очевидно, в должное время расстреляют и вас... Логично? Нам всем уготовлено одно и то же, но в разные сроки... Будем ожидать смерть пока что вместе... Скоро меня уведут, и вы останетесь один... Но недолго...

Нельзя сказать, чтобы новый товарищ такими разговорами успокоил и порадовал меня. Наши койки стояли друг против друга, я целый день вынужден был глядеть на него. Это был человек, что называется, неприметный или обыкновенный: все у него было по счету, два глаза, один нос и прочее как полагается, но запомнить цвет глаз и форму носа я не мог. Закрою глаза — и ничего нет, какая-то недожаренная лепешка перед мысленным взором, некий средний человек, желто-серое пятно, и единственно, что запомнилось сразу, так это бывшее звание — Алексей Алексеевич был наркомом внутрених дел в маленькой республике, но все же наркомом. О себе он рассказывать не любил, и когда молчание становилось невыносимым, принимался развлекать себя и меня рассказами о Борисе, человеке, которого мы оба хорошо знали.

— Однако в Минске это был уже не тот Борис, которого вы когда-то встречали в Берлине, и даже не тот, у которого частенько сидели в кабинете на Лубянке.

Я вспомнил высокого, стройного, молодого, вернее очень моложавого мужчину, любимца женщин, всегда веселого, энергичного, большого умницу, ловкого руководителя в хитросплетениях своих и чужих шпионских комбинаций. Борис заражал всех своей жизнерадостностью, товарищеской простотой, неизменным желанием помочь в беде.

— В Минске это был сущий дьявол, вырвавшийся из преисподней, — вяло бормотал Алексей Алексеевич, никуда не глядя, — он сразу поседел, ссутулился, высох. У меня дядя умер от рака печени, так вот тогда Берман так же ежедневно менялся к худшему, как раковый больной. Но у дяди болезнь была незаразной, а здесь же чахнул и таял на глазах сам Борис и при этом распространял вокруг себя

* Из книги воспоминаний Д.А. Быстролетова «Пир бессмертных» московского издательства «Граница» (1993 г.), с. 66–72.

смерть. Он сам был раковой опухолью на теле Белоруссии... Дмитрий Александрович!

– А?

– Слушайте: Борис расстрелял в Минске за неполный год работы больше восьмидесяти тысяч человек. Слышите?

– Слышу.

– Он убил всех лучших коммунистов республики. Обезглавил советский аппарат. Истребил цвет национальной белорусской интеллигенции. Тщательно выискивал, находил, выдергивал и уничтожал всех мало-мальски выделявшихся умом или преданностью людей из трудового народа – стахановцев на заводах, председателей в колхозах, лучших бригадиров, писателей, учёных, художников. Воспитанные партией национальные кадры советских работников. Восемьдесят тысяч невинных жертв... Гора залитых кровью трупов до небес...

Мы сидели на койках друг против друга: я, прижавшись спиной к стене, уставившись в страшного собеседника глазами, он, согнувшись крючком, равнодушно уронив руки на колени и голову на грудь.

– Вы слушаете, Дмитрий Александрович?

– Да.

– Вы, наверное, удивляетесь, как смог Борис организовать такую бойню? Я объясню. По субботам он устраивал производственные совещания. Вызывались на сцену по заготовленному списку шесть человек из числа следователей – три лучших и три худших. Борис начинал так: «Вот лучший из лучших наших работников, – Иванов Иван Николаевич. Встаньте, товарищ Иванов, пусть остальные вас хорошо видят. За неделю товарищ Иванов закончил сто дел, из них сорок – на высшую меру, а шестьдесят – на общий срок в тысячу лет. Поздравляю, товарищ Иванов. Спасибо! Сталин о вас знает и помнит. Вы представляетесь к награде орденом, а сейчас получите денежную премию в сумме пяти тысяч рублей! Вот деньги. Садитесь!»

Д.А. Быстролетов

Потом Семенову выдавалась та же сумма, но без представления к ордену, за окончание семидесяти пяти дел: с расстрелом тридцати человек и валовым сроком для остальных в семьсот лет. И Николаеву – две тысячи пятьсот рублей за двадцать расстрелянных и пятьсот лет общего срока. Зал дрожал от аплодисментов, счастливчики гордо расходились по своим местам. Наступала тишина. Лица у всех бледнели, вытягивались. Руки начинали дрожать. Вдруг в мёртвом безмолвии Борис громко называл фамилию: «Михайлов Александр Степанович, подойдите сюда, к столу».

Общее движение. Все головы поворачиваются. Один человек неверными шагами пробирается вперёд. Лицо перекошено от ужаса, невидящие глаза широко раскрыты. «Вот Михайлов Александр Степанович! Смотрите на него, товарищи!

За неделю он закончил три дела. Ни одного расстрела, предлагаются сроки в пять, пять и семь лет».

Гробовая тишина.

Борис медленно поворачивается к несчастному. Смотрит на него в упор. Минуту. Ещё минуту. «Я...» — начинает следователь. «Вахта! Забрать его!» Следователя уводят. Он идёт меж солдат покорно и тихо. Только в дверях оборачивается: «Я...» Но его хватают за руки и вытаскивают из зала.

— Выяснено, — громко чеканит Борис, глядя в пространство поверх голов, — выяснено, что этот человек завербован нашими врагами, поставившими себе целью сорвать работу органов, сорвать выполнение личных заданий товарища Сталина. Изменник будет расстрелян!

Б.Д. Берман

Потом Петров и Сидоров получают строгие предупреждения за плохую работу — у них за неделю по человеку пошли на расстрел, а человек по десяти — в заключение на большие сроки. «Всё, — поднимается Борис. — Пусть это станет для каждого предупреждением. Когда враг не сдаётся, его уничтожают!»

Таким способом он, прежде всего, терроризировал свой аппарат, запугивал его насмерть. А потом всё остальное удавалось выполнить легче. Иногда представляли затруднения только технические вопросы, то есть устроить всё так, чтобы население поменьше знало о происходящем.

Опять молчание, прерываемое только мирными трелями сверчка.

— А сколько вы сами расстреляли советских людей, Алексей Алексеевич? Тысяч сто? Больше?

— Да я что... — вяло шмыгает носом Наседкин, — я, конечно... объективные условия, так сказать... Работа есть работа, и если хотите, я расскажу, как производился забой. Технику, так сказать, покажу. Ведь если средняя длина тела мужчины примерно 170 сантиметров, высота от спины к груди 30 сантиметров, а ширина в плечах, скажем, 40 сантиметров, то, зная цифру убитых Берманом, можно вычислить кубатуру потребовавшихся могил. Давайте считать: 80000 на 170 — это будет...

Я не выдерживаю.

— Довольно. Окончите потом, Алексей Алексеевич. Не могу больше.

Наседкин сидит, согнувшись дугой. Я не вижу его лица, похожего на недожаренный блин, видна только лысая макушка — она как будто скалит на меня зубы. Я вздрагиваю, украдкой щиплю свои ладони и ломаю себе пальцы: так легче, это отвлекает.

— Теперь я расскажу об одном обстоятельстве, которое меня мучило больше всего — о ежедневном утреннем звонке из Москвы. Каждый день в одиннадцать утра по прямому проводу я должен был сообщать цифру арестованных на утро этого дня, цифру законченных дел, число расстрелянных и число осуждённых как общей цифрой, так и по группам. Москва всегда любила и любит точность во всём. Социализм — есть учёт.

Я являлся на полчаса раньше и залпом выпивал стакан коньяку: ничего иного делать не мог. Листик бумаги с колонкой цифр лежал уже на столе. Ровно в одиннадцать раздавался звонок и чей-то равнодушный голос предупреждал: «Приготовьте телефонограмму». Щёлканье и шорох переключения. Наконец гортанное, хриплое: «Ну?» И я лепетал цифры в условленном порядке, одну за другой, без словесного текста. Вешал трубку. Вопросов никогда не было. Минут пять сидел в кресле не шелохнувшись – не было сил. В ушах всё ещё звучало страшное «Ну?». Потом выпивал второй стакан коньяку, облегчённо вздыхал и принимался за работу.

– Кому же принадлежал этот гортанный голос?

Наседкин долго молчал.

– Не знаю. Я был слишком маленьким человеком, чтобы сам хозяин мог звонить мне. Нарком Белоруссии – ведь это только начальник областного управления. Но область-то наша была не простой, вот в чём дело. И дела в ней, после приезда Маленкова и раздутого им дела о массовом предательстве, тоже вершились необычные. Боюсь думать... Не знаю... Не знаю...

Так до отбоя течёт наша едва слышная беседа, прерываемая постоянной фразой, звучавшей как извинение:

– Я это вам рассказываю, Дмитрий Александрович, потому что скоро умру не только я, но и вы. Здесь нарушения никакого нет: всё останется шито-крыто...

После отбоя Алексей Алексеевич сразу же засыпал – погружаясь в тихий и глубокий сон, как бы умирал до утра. А я лежал на койке и смотрел на него, на это страшное своей обычностью лицо: два глаза, один нос и всё прочее точно по счёту. Скучное лицо, похожее на непропечённую лепёшку.

А.А. Наседкин

А человек?!

Кто он, этот страшный палач?!

Однажды утром мы вернулись из уборной, и Наседкин розовый, с сияющими глазами, порывисто зашептал:

– Удача! Около стульчака я нашёл вот это!

И он показал мне ржавый острый отломок.

– Кусочек плевательницы! Повезло?! А?

Я недоумённо пожал плечами.

– Не поняли? Этим отломком можно перерезать себе вены! Понимаете?! Сегодня ночью это сделаю я. Я нашёл его и имею право резаться первым. Вы – потом, во вторую очередь!

– Я и не спорю.

– Вы будете вертеться на кровати и отвлекать дежурного! Согласны? Дайте руку! Милый, как хорошо всё устроилось! Пожелайте мне второй удачи, главной, – смерти!

На этот раз серой лепешки не было. Порозовевшее лицо отображало внутреннее волнение, радость, злорадство, торжество. Может быть – счастье.

Как мало нужно иногда для человеческого счастья – сантиметровый отломок плевательницы! Если, конечно, условия быта станут нечеловеческими...

(...) Утром несколько надзирателей ворвались в камеру, сорвали одеяло и обнаружили всё. Кровь пропитала жиденький матрасик и стала капать на пол, а потом красная струйка поползла к дверям и выдала Алексея Алексеевича. «Поздно, – решил я, глядя на восковое лицо и мертвенно полузакрытые глаза Наседкина, когда его выносили вон.

– *Блин* сам себя допек назло *поварам!*»

До подъёма оставалось ещё с час времени, и я заснул.

А через неделю Алексей Алексеевич собственным ходом прибыл в камеру: гуманные врачи спасли его, не позволили арестованному обокрасть правосудие. На этот раз Наседкин сидел молча – он был слаб. Сказалась потеря крови.

Раз только он пустился вычислять вслух месячный доход секретаря обкома, – не оклад, а все законные и полузаконные доходы вообще, – стоимость жизни в квартире, на даче и на курорте, стоимость пайка, явного и скрытого, и прочее, включая негласную оплату расходов родственников, которые посильно рвали из казённой кормушки, что могли. Получилась кругленькая цифра в двадцать тысяч рублей ежемесячно.

– А вы? Во сколько обошлись государству восемьдесят тысяч Бориса и сто тысяч ваших?

– Да я что... – замычал Алексей Алексеевич. – Объективно я... – И смолк.

Он умел и любил считать только чужие преступления. Это был хороший аппаратчик того времени.

Ещё через неделю ночью дверь раскрылась. Позади дежурного надзирателя угрюмо ждали четыре мордобойца.

– Кто на «не»?

Забыв про ответ, меня и свои вещи, Алексей Алексеевич мелко засеменил к дверям. Но он не дошёл до порога. Сильные руки вытянулись ему навстречу, подхватили и выволокли вон. Дверь захлопнулась. Я остался опять один.

Примечания

Быстролетов Дмитрий Александрович (1901–1975) — выдающийся советский разведчик-нелегал. Доктор права Карлова университета в Праге (1928) и доктор медицины Цюрихского университета (1935).

Действовал в странах Западной Европы в 1925–1937 гг. В 1937 г. был отозван в СССР. Здесь его арестовали (17 сентября 1938 г.) и он 16 лет провел в тюрьмах и лагерях. В 1954 г. после инсульта был освобожден («актирован»). В 1956 г. реабилитирован.

После этого свыше 18 лет жил в Москве, работал переводчиком в Министерстве медицинской промышленности (имел ученую степень доктора медицины и свободно владел 20 иностранными языками). Написал мемуары в 17 частях под общим названием «Пир бессмертных», которые сдал на хранение в библиотеку, благодаря чему они после смерти автора не попали в руки чекистов, обыскавших квартиру. Мемуары были изданы в начале 1990-х гг.

Быстролетов находился вместе с Наседкиным в камере Сухановской тюрьмы, куда он попал в мае 1939 г.

Сухановская следственная тюрьма НКВД/МГБ СССР действовала с 1935 по 1954 год. Подследственные подвергались здесь жесточайшим истязаниям. Многие в этой же тюрьме были и расстреляны.

Тюрьма находилась в бывшем Свято-Екатерининском монастыре, между железнодорожной станцией Нескучное и печально известным Бутовским полигоном (полигон — место массовых расстрелов так называемых «врагов народа»).

Очевидец так описывал Сухановку: «Это был ряд каменных мешков по обе стороны коридора, без естественного освещения, с тусклыми лампочками под зачехленными решетками у самого потолка. В камере — железная койка, стул, стол, прикрепленные к полу, параша в углу, которую заключенный в сопровождении трех надзирателей выносил по утрам. Перед глазами узника — железная дверь с «очком» для наблюдения за арестованным и небольшим отверстием для передачи пищи, с задвижкой снаружи».

Есть поистине страшная книга об этой тюрьме, о тех, кто в ней погиб, о том, что здесь делали с людьми сталинские палачи-изуверы. Это книга Лидии Головкиной «Сухановская тюрьма», изданная в 2009 году московским издательством «Возвращение» (160 стр.).

Наседкин Алексей Алексеевич (1897–1940) — один из руководителей органов НКВД СССР, принимавший активное участие в организации политического террора, в том числе в БССР. Майор госбезопасности.

Родился в деревне Маврино Ростовского уезда Ярославской губернии. Окончил коммерческую школу, учился в торговом училище в Москве. В 1913–1917 гг. работал электромонтером. Служил в Красной армии, в 1921 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии («антоновщины» — по фамилии крестьянского предводителя).

С 1927 г. на службе в ОГПУ. С 1934 г. начальник, заместитель начальника экономического отдела Управления госбезопасности НКВД СССР по Куйбышевской и Московской областям, начальник Управления НКВД по Смоленской области. С 22 мая 1938 — нарком внутренних дел БССР. Одновременно (с июня 1938) — член Бюро ЦК КП(б)Б.

Арестован 16 декабря 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 января 1940 г. (спустя 13 месяцев после ареста) приговорен к смертной казни. Расстрелян на следующий день.

Берман Борис Давидович (1901–1939) — один из руководителей органов НКВД СССР, принимавший активное участие в организации политического террора, в том числе в БССР. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (с 14 марта 1937 г.). Награжден орденом Ленина (19 декабря 1937 г.).

Родился в Забайкалье. С 1918 г. служил в Красной Армии, участвовал в боях против войск атамана Г. Семенова. С февраля 1921 г. служил в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. Сначала в Иркутской губернии, затем в Москве, в Средней Азии. Работал в Германии по линии Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ. После возвращения был в 1934–1937 гг. зам. начальника ИНО Главного управления госбезопасности НКВД СССР.

С 4 марта 1937 по 22 мая 1938 (свыше 13 месяцев) занимал пост наркома внутренних дел БССР и одновременно был начальником Особого отдела Белорусского военного округа. Именно этот период стал апогеем сталинских репрессий (Леонид Моряков назвал его «кровавым туннелем смерти»).

Переведен в Москву на пост начальника 3-го управления НКВД СССР. Но 24 сентября 1938 г. (через 4 месяца) арестован. Приговорен к смертной казни Военной коллегией Верховного суда СССР 22 февраля 1939 г. и в тот же день расстрелян.

«ДЕЗЕРТИРСТВО» РАБОЧИХ И РЕПРЕССИИ ВЛАСТИ (1945–1955)

Ирина Каштелян

После окончания войны промышленность БССР быстро развивалась. В 1950 году объем промышленной продукции превысил уровень 1940 года на 15 %. За 1951–55 годы уровень промышленного производства увеличился более чем в 2 раза [4, с. 304]. Одновременно проводилась активная индустриализация западных областей, хотя и меньшими темпами, чем в восточной части БССР, что было обусловлено политическими причинами.

Процесс восстановления и развития промышленности основывался на вывозе из побежденной Германии высокотехнологичного промышленного оборудования. Кроме того, важную роль в восстановлении экономики БССР в период с 1944 по 1951 год сыграл труд немецких военнопленных и рабочих, вывезенных из Германии советскими оккупационными властями [19, с. 78–79].

При высоких темпах развития экономики требовалось много рабочих. Однако за время войны их численность значительно сократилась: на 1 октября 1944 года насчитывалось 380 тысяч человек (36,6 % от довоенного количества) [1, с. 197]. На предприятиях машиностроения работало в это время только около 660 рабочих, тогда как требовалось до 10 тысяч человек [5, с. 24]. Значительную их часть составляла неквалифицированная молодежь, поэтому форсировалось создание работы школ ФЗО (фабрично-заводского обучения) и мобилизация в них.

Препятствовали развитию промышленности БССР и широкие планы руководства СССР, которое использовало рабочие ресурсы по своим направлениям [14, с. 48]. За 1944 – первую половину 1946 года вывоз рабочей силы за пределы республики составил 40.308 человек, среди которых было много молодых специалистов [1, с. 197; 7, л. 278]. Вследствие этого вакантные рабочие места заполняли люди, прибывшие из других республик, в первую очередь из РСФСР и Украины. Такая ситуация поддерживалась сверху, что было вызвано политическими причинами – подозрительным отношением к специалистам, которые три года жили на оккупированной территории, нежеланием давать им возможность доступа к ответственным должностям в своей местности.

Промышленности отдавалось преимущество перед сельским хозяйством, поэтому много внимания уделялось привлечению туда рабочей силы из деревень (постановление СМ СССР от 21 мая 1947 года «О порядке проведения организованного набора рабочих»). Председателей колхозов обязывали оказывать содействие райуполномоченным контор по организованному набору в заключении трудовых договоров с колхозниками и не препятствовать колхозникам, которые желали продлить срок договора или закрепиться на постоянную работу на предприятии, а также отпускать к ним членов их семей [15, с. 428–432]. О масштабе процессов свидетельствуют цифры. За 1948–1950 гг. по оргнабору на предприятия БССР и СССР было набрано 119 тысяч человек. В результате оргнаборов в промышленность и обучение через школы ФЗО численность рабочих вместе со служащими на 1950 год достигла 999,3 тыс. человек [5, с. 128, 151].

У мобильной части населения деревни, которая хотела оставить ее, появилась легальная возможность осуществить свои стремления. Много колхозников сделало это, даже не дождавшись разрешения правления. Найти работу в городе без справки было труднее, но большая потребность городских предприятий в рабочих заставляла местных руководителей не обращать на это внимания [3, с. 87]. Официальная и нелегальная миграция из деревни приводила к кризисному положению в сельском хозяйстве, которое лишалось рабочих рук. Небольшой помощью была принудительная мобилизация (под угрозой уголовной ответственности) работоспособных граждан городов и сельской местности, которые не работали на предприятиях промышленности и транспорта, на сельскохозяйственные работы [17, с. 74; 18, с. 56–57].

***

Партийно-советское руководство отдавало преимущество достижению запланированных результатов в восстановлении и развитии промышленности, а не решению повседневных проблем рабочих. Если невозможность жить вместе с семьей, отсутствие нормального жилища, болезнь и другие причины заставляли рабочего не работать и соответственно мешали выполнению планов, то в ответ государство применяло карательные санкции. Самым распространенным было обвинение в так называемом дезертирстве с места работы, ибо согласно с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года запрещался свободный переход с одного предприятия на другое.

Дальнейшее принятие различных подзаконных документов и инструкций создало следующие ограничения для рабочих: переход с одного места работы на другое мог происходить только с разрешения руководства предприятия или учреждения и только в определенных случаях: по болезни, по выходу на пенсию, в связи с зачислением в высшее или среднее специальное учебное заведение. Дополнительным средством контроля стала трудовая книжка, непрерывность стажа в которой имела решающее значение. Было установлено, что за самовольный уход виновные отдаются под суд и наказываются заключением на срок от 2 до 4 месяцев. За прогул без уважительной причины виновных наказывали исправительно-трудовыми работами по месту работы сроком до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 % [18, с. 53–54].

Прогулом считалось опоздание к началу работы или после обеденного перерыва, уход с работы до конца рабочего дня или обеденного перерыва, если данное нарушение трудовой дисциплины вызвало потерю рабочего времени более 20 минут. Меньшие по времени нарушения приравнивались к прогулу, если имели место 3 раза в течение одного месяца или 4 раза в течение двух месяцев подряд. Прогульщиками также считались рабочие и служащие, которые находились на работе в нетрезвом виде. Лица, распределенные на предприятия и в учреждения после получения специального образования, которые не явились к месту назначения, привлекались к ответственности как самовольно ушедшие с предприятий, а те, кто опаздывал с явкой, привлекались к ответственности как прогульщики без уважительных причин. Третий прогул без уважительных причин во время отбывания наказания рассматривался как самовольный уход с работы [18, с. 54–55].

Уходы с предприятий часто были обусловлены плохими условиями обеспечения и труда, семейными обстоятельствами рабочих. Характерной была ситуация на Брест-Литовской железной дороге в 1946 году, где «дезертирству» способствовало много причин – перевод рабочих с одного места на другое без учета специальности (и желания) рабочих, удаленности от их личных хозяйств, семейного положения, условий быта. Особенно обострила ситуацию недовыдача хлебных и продуктовых карточек. Из-за этого рабочие требовали увольнения, а руководство железной дороги отказывалось увольнять даже внештатных работников [8, л. 160; 9, л. 250]. Таким образом, неудовлетворительные условия труда способствовали массовому «дезертирству» – только в четвертом квартале 1946 г. имели место 83 случая уходов, 139 случаев прогулов и невыхода на работу.

По всем этим случаям в возбуждении уголовных дел было отказано, т.к. было нарушено трудовое законодательство. Но руководство железной дороги в течение 1946 г. совершало только формальные меры по исправлению ситуации, выполнение которых не проверялось и положение оставалось прежним [8, л. 275].

Сходная ситуация отмечалась по другим учреждениям и предприятиям (даже в органах милиции) [13, л. 397], но часто причины прогулов выяснялись недостаточно, а виновных в них привлекали к уголовной ответственности.

Увеличение числа «дезертиров» с предприятий было связано и с проведением сезонных работ в сельском хозяйстве (апрель – октябрь). Стремление помочь семьям приводило к возрастанию числа тех, кто не вернулся из предоставленных отпусков или просто сбежал с работы с предприятий промышленности [11, лл. 133–134].

Для директоров предприятий и начальников учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в оставлении рабочего места и прогулах (независимо от того, ушли они от них или были приняты на работу такие лица), была установлена уголовная ответственность [18, с. 54]. На это с их стороны отмечалась разная реакция – некоторые ради собственной безопасности механически передавали материалы в суд, не разбираясь в причинах ухода с работы, другие же сознательно игнорировали привлечение к ответственности [12, л. 177; 13, л. 40]. На практике степень использования привлечения к ответственности «дезертиров» и прогульщиков варьировалась от предприятия к предприятию. На одних такие случаи были редкостью, другие же массово направляли материалы в суды [16, с. 406].

Общая нехватка кадров по многочисленным отраслям народного хозяйства приводила к игнорированию руководством предприятий такой меры наказания, как привлечение к ответственности за уход с работы [13, лл. 419–420]. Это проявлялось в прекращении дела, если человек добровольно возвращался на рабочее место и не причинил вред государству [8, ст. 149]. Иногда вместо привлечения к судебной ответственности использовали меры дисциплинарных взысканий или передавали дело в товарищеский суд, который мог не разбирать его по нескольку месяцев [11, л. 85]. В некоторых учреждениях практиковали увольнение с работы за систематическое пьянство и недисциплинированность, а не отдание под суд за прогул [13, лл. 230–231].

Ввиду того, что эта категория являлась одной из основных среди рассматриваемых органами дознания и судами, рассмотрение дел было конвейерным, по-

тому часто игнорировались существенные для дела факты (например, болезнь виновного, его семейное положение и т. д.). Быстрое невнимательное рассмотрение часто давало основания отправлять дела на доследование [9, л. 141].

С одной стороны, проверки находили много случаев формального отношения к законам и привлечения невиновных, с другой – для тех, кто не имел смягчающих обстоятельств, проверяющие требовали строгой ответственности. Условное осуждение при этом определялось как слишком мягкое [9, л. 140], его позволяли применять только к тем лицам, в семьях которых не было трудоспособных, и к участникам войны, которые были ранены в боях, и только по этой категории дел. Оправдание не поощрялось, поэтому условное наказание часто использовали даже в том случае, когда дело надо было прекратить [10, л. 172].

Окончание войны принесло частичное облегчение тем, кто покидал рабочее место по собственному желанию. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» освободил от наказания осужденных за самовольный уход с предприятий военной промышленности и других предприятий, с них снималась судимость. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1946 г. амнистию распространили на работников железной дороги, осужденных в период военного времени с отсрочкой выполнения приговора и направленных для работы на транспорте, которые были освобождены от дальнейшего наказания со снятием судимости [6, лл. 426–428].

После освобождения список предприятий военного назначения, уход с которых расценивался как дезертирство, постепенно сокращался. Постановлением от 7 марта 1947 года было прекращено использование указа от 26 декабря 1941 года и самовольный уход с работы начал квалифицироваться по указу от 26 июня 1940 года, который предусматривал более мягкие меры ответственности. Определяющим в уменьшении ответственности за данную провинность был секретный указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 года, исключивший из рассмотрения судов все случаи прогулов, которые не приводили к длительному отсутствию на рабочем месте (днями) и не являлись повторами предыдущих прогулов. Их стали рассматривать в административном порядке на товарищеских судах (в результате чаще лично директорами). Было определено новое понятие прогула – полный день отсутствия на работе или нахождение на рабочем месте в нетрезвом виде [16, с. 407].

Некоторые начальники по своему толковали дисциплинарную практику, нарушая при этом закон. Например, помощник машиниста Н.Ф. Сергель за невыход на работу в течение 9 дней был арестован на 3 дня. Проводниц Сушевич и Степанову за грубость при посадке в вагон пассажиров направили работать грузчиками на угольный склад [9, лл. 249, 285–286]. Другие руководители вводили незаконную штрафную практику. Например, начальник паровозного депо Гуторов за столкновение паровоза № 363 с маневровым паровозом № 2202 на станции Калинковичи 30 июля 1947 г. удержал из заработка машиниста Лахмакова 462 рубля и помощника машиниста Пупкова – 308 рублей [10, л. 462], хотя, возможно, он спасал их от суда.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода работа на предприятиях и в учреждениях регулировалась весьма жестко.

Две крайности в отношении руководства учреждений и предприятий показывали избрание ими разных путей действий в трудных послевоенных условиях. Одни стремились избежать ответственности для себя, формально исполняли законы, привлекали к ответственности невиновных по жестоким нормам того времени. Другие не стремились преследовать и тормозили осуждение «дезертиров», бракоделов и других повседневных «преступников», чьи действия были объявлены уголовными преступлениями исключительно по указанию высшего руководства страны.

Наказание рабочих за «дезертирство» – это наглядный пример репрессивных действий государства в отношении трудящихся, с целью обеспечения плановых показателей развития экономики, что противоречило повседневным интересам людей. Множество дел этой категории свидетельствует о наказании значительного числа невиновных, осуждение которых – еще одна страница преступлений сталинского режима.

Ссылки на источники

1. Бодак А.Ю. К вопросу о формировании рабочего класса Беларуси в послевоенный период // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця. Мат. канф. 10–11 крас. 1997. Мн., 1999, с. 197–199.
2. Бушчык Г.П. Выкарыстанне рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі Беларусі пасля Другой сусветнай вайны // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Мат. конф. 15–16 апреля 2004 г. Мн., 2004, с. 237–238.
3. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. — 224 с.
4. Ліндер Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. СПб., 2003. — 540 с.
5. Марченко И.Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945 — 1950). Мн., 1962. — 260 с.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 147.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 154.
8. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 600.
9. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 601.
10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 602.
11. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 603.
12. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 841.
13. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 843.
14. Освобождённая Беларусь: документы и материалы. Книга 1. Сентябрь 1943 — декабрь 1944. Мн., 2004. — 398 с.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Том 3. 1941 — 1952. М., 1968. — 752 с.
16. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. — 464 с.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. М., 1944. — 119 с.
18. Уголовный кодекс БССР. Мн., 1949. — 96 с.
19. Шаркоў А., Паўлаў У. Выкарыстанне працы ваеннапалонных і інтэрніраваных у аднаўленні гаспадаркі Беларусі // «Беларускі гістарычны часопіс», 1998, № 2, с. 71–79.

ПАТРИОТ КРИВСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Леонид Юревич

«Патриоты кривской державы» — так с иронией назвал Семен Вольфсон свою статью в сборнике «Супроць контррэволюцыйнага беларускага нацыянал-дэмакратызму» (Минск, 1931), не представляя даже, насколько близок был он к правде. Сборник этот, как отмечалось в предисловии, призван «добивать врага до конца», и перечислял этих «врагов» — Цвикевич, Лёсик, Некрашевич, Трампович, Шлюбский, Касперович, и в первую очередь, естественно, — Вацлав Ластовский.

Имя Антона Адамовича в общем перечне отсутствовало, хотя он, как и еще более ста человек, тоже был осужден по делу Союза Освобождения Беларуси. Но именно ему, тогда — самому молодому члену литобъединения «Узвышша», — суждено было продолжить дело Вацлава Ластовского во всех областях, где задавал тон непременный секретарь Возрождения: в политике, истории, литературе, языкознании, издательской деятельности.

Хотя фигура Антона Адамовича не очень отдалена от нас во времени, нехватка документов, утерянных при арестах, в ссылках, войне, эмиграции, трудности с получением архивных материалов из государственных хранилищ, — все перечисленное оставляет невыясненными многие моменты в жизни этого человека. Ряд документов специально делался с искажениями фактов — это особенно касается периода времени лагерей ДП, когда опасность насильственного возвращения оккупационными властями союзников на «родину» была весьма реальной*. С учетом этих обстоятельств лучше всего представить читателям биографический монтаж: взять за основу одну из автобиографий (периода лагерей ДП), дополнить ее другими источниками и комментариями.

Родился Антон Адамович в Минске в 1909 году. Во всех официальных документах, справках, автобиографии днем рождения указано 26 июня. Но вот в справке, выданной Минским окружным исполнительным комитетом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 29 июня 1926 года, читаем:

> «Как видно из метрической книги о рожденных по Кафедральному костёлу Минского уезда, за 1909 год ст. 328 гражд. Адамович Антон Евстафиев родился 13 дня мая месяца тысяча девятьсот девятого года» (1).

Поэтому, отдавая преимущество первой, июньской, дате, все же запишем и вторую, майскую, — до точного выяснения.

О родном отце известно только имя — Евстафий. Всю свою жизнь Адамович называл отцом отчима, Александра Ивашкевича (род. 27.11.1881), загадочно исчезнувшего в Нью-Йорке в 1968 году: человек ушел из дома и не вернулся. Высказывались разные версии происшествия, правда же осталась невыясненной.

---

* ДП (DP — displaced persons) — «перемещенные лица». Так называли лагеря на территории Германии в западных секторах оккупации, где проживали люди, уехавшие во время войны из СССР и стран Восточной Европы. — *Ред.*

Мать, Полина Ивашкевич (род. 4.09.1874), тоже была с сыном до последних своих дней, она умерла 18 октября 1959 года в возрасте 85 лет*. Отношения в этой беларуской католической семье, непростые поначалу, с первым же арестом Тони (так называл Антона отчим) приобрели доверительный характер соратников.

В 1917 году Антон, после недолгого посещения гимназии, поступил в семилетнюю Рабочую школу № 2 и закончил ее в 1924 году (интересно отметить, что одним из учителей, подписавших удостоверение, был Ефим Кипель).

Национальное сознание проявилось очень рано. Уже в младших классах средней школы вместе с другом Арсением Декером он создал «подпольную организацию» КРЫЮГ (Крывская юношеская громада), толчком к чему послужил «Кривич» — журнал Ластовского (2). А в 12 лет (!) он вступил в Беларуское объединение молодежи, начал посещать Беларускую хатку, секции которой — театральная, литературная, танцев, художественная, музыкальная — работали в соответствии с национально-политической программой: распространять национальное сознание среди молодежи, способствовать введению беларуского языка в школах и общественных учреждениях.

Ефим Кипель, фактический руководитель Хатки, называл ее не просто зданием, а усадьбой национально-политической организации молодежи, одного участия в которой в 1930-е годы достаточно было для получения сурового приговора (3). Да и правда, какое иное воспитание могла получить молодежь в такой среде, как не национальное. Вот что вспоминала Аполония Савенок (1901–1982) в своих мемуарах, написанных в Канаде:

> «...приехал Франтишек Олехнович, который так же, как и Голубок, сеял зерна беларуского сознания через театральное искусство. Появился трудолюбивый незабываемый Владимир Теравский. Янка Купала, Якуб Колас, Купалиха были в непосредственной близости на протяжении всего времени работы в Минске. Калейдоскопом проходят через воспоминания такие выдающиеся фигуры, как Тарашкевич, Шантырь, братья Горецкие, ксёндз Абрантович, ксёндз Тикота, Альберт Павлович, Макар Кравцов, Томаш Гриб, Микола Шило, Константин Езовитов, Вацлав Ластовский, сестры Бодуновы, Пелагея Захарко (жена Василия Захарко), Павлина Медёлка. Многие из них оказались в эмиграции: генерал Франтишек Кушель, которого знала молодым офицером беларуской армии; Михаил Мицкевич, бывший сотрудник газеты «Свободная Беларусь»; Анна Аканович, о которой слышала как о сестре Степана Некрашевича; Антон Адамович» (4).

Беларуская хатка существовала недолго, всего три с половиной года, ее закрыли большевики и она перенесла свою деятельность в стены Беларуского государственного университета, куда позже поступит и А. Адамович. Но до того времени он пройдет еще несколько ступеней школы беларуской сознательности.

Первая — слушание лекций академика Ефима Карского на курсах беларусоведения, где опять же он был самым молодым среди слушателей:

---

* Ничего загадочного в этой трагедии нет. А. Ивашкевичу в 1968 г. было 87 лет. В таком возрасте многие старики уже «не в своем уме». Они уходят из дома и не могут вернуться, т.к. не помнят ни домашнего адреса, ни фамилий родственников, ни номеров телефонов. Как правило, они быстро погибают от холода, голода, несчастных случаев. — *Ред.*

Члены литобъединения «Узвышша»:

Слева направо, стоят: Максим Лужанин, Сергей Дорожный, Антон Адамович, Тодор Кляшторный, Владимир Жилка, Василь Шешелевич, Петр Глебка.

Слева направо, сидят: Язеп Пуща, Адам Бобареко, Владимир Дубовко, Кузьма Черный, Змитрок Бедуля, Кондрат Крапива (Минск, 1928 г.)

«Сим удостоверяется, что Адамович Антон Евстафьевич прослушал у меня на разных курсах, читанных при Минском ИНО, историю старой белорусской письменности и историю новой белорусской литературы. На коллоквиуме по этим предметам обнаружил познания достаточные. Минск. 1921. 28/07. Академик и профессор Е. Карский».

Вторая — обучение в Педагогическом техникуме имени Всеволода Игнатовского, куда Антон поступил в 1924 году, где проучился четыре года и был старостой группы. Его списки присутствующих на семинарах по беларускому фольклору или лабораторных занятиях по поэтике (обязанность старосты) имели свою ценность для Адамовича, ведь это едва ли не единственные неофициальные документы из той, «узвышэнскай» жизни, что были привезены им в Америку. Сегодня же они — уникальный сбор автографов бывших коллег одного учреждения: Петрусь Глебка, А. Каратай, Язеп Лёсик, Наталья Вишневская, С. Середа, Павлюк Трус, Алесь Звонак, Язеп Подобед, В. Козловский, Тодор Кляшторный, Реверелли, Л. Шушкевич, Селедчик, Михась Зарецкий, Т. Романович, Г. Плавник, Э. Жывица, Каминская...

Время в Педтехникуме — время учения. Все же нельзя не отметить, что уже тогда Антон Адамович был личностью вполне сформированной, не только как просто человек, но и как исследователь, литературовед, историк литературы.

Его письмо к старшему на четыре года Петрусю Глебке показывает все особенности Адамовича будущего: недюжинную память, способность по единственному, как он сам признавался, прочтению запомнить произведение — запомнить достаточно не только для пересказа или выборочного цитирования, но и для целостного анализа (зная об этой способности Адамовича, мы должны с большим доверием относиться к его рассказам и выводам, касающимся событий литературы и ее объектов периода 1920–30-х гг.); внимание к каждому конкретному слову, внимание, не убаюканное ни стилем, ни авторитетом, ни *малой родиной* исследуемого автора; знание и понимание техники письма, ее механики и технологии (5).

Сам Адамович не оставил свидетельств о тех временах. Но вот что вспоминал Владимир Седуро:

> «С осени 1927 года я уже был студентом Минского педагогического техникума имени Всеволода Игнатовского. Здесь я вскоре услышал о студентах-писателях Максиме Лужанине, Сергее Дорожном, В. Козловском, Петре Глебке. Через год к этой когорте присоединились новые студенты – поэты и писатели: Лука Калюга, Сергей Астрейко, Гайко, Гинтовт, Сергей Русакович, М. Лещенко, В. Гутько и другие. Среди учителей были там известные в беларуском движении или научной активности такие личности, как Язеп Лёсик, Михаил Громыко, А. Белькевич, Юлий Дрейзин, Круталевич и другие. Моим учителем беларуского языка был настоящий беларус Антон Лёсик, брат Язепа. Атмосфера была благоприятной для литературных увлечений. Литературный кружок с участием известных по печати поэтов и писателей издавал даже свой ротаторный журнал «Крыніца». На его собрания приходили известные уже литераторы и иногда превращали их в широкую литературную дискуссию. Помнится вечер, когда «возвышенец» Антон Адамович горячо спорил со сторонниками «Молодняка», позже БЕЛАПП Я. Лимановским и А. Звонаком. Это очень и очень возбуждало нас и направляло наши интересы к родной литературе» (6).

Именно в годы обучения в техникуме А. Адамович начал писать свои литературно-критические произведения (1926), вступил в литературное объединение «Узвышша», которое сыграло колоссальную роль и в нашей литературе, и в его жизни. Сам Адамович о начале своей литературной деятельности пишет следующее:

> «В 1928 г. напечатал в журнале «Узвышша» самую большую свою литературно-критическую работу – монографию о творчестве писателя – основателя беларуской художественной прозы Максима Горецкого. В этой работе, кроме анализа творчества писателя, пытался решить и общую литературоведческую проблему о «господствующем типе в искусстве», затронутую впервые известным искусствоведом Ипполитом Теном.
>
> В следующие годы были напечатаны еще две мои большие литературно-критические работы, посвященные анализу творчества молодых беларуских писателей: «Павлюк Трус» и «Ходьба на восток» (рассмотрение творчества Василия Коваля). В то же время напечатал я в этом же журнале «Узвышша» ряд литературно-критических рецензий (наиболее значительные – на «Теорию сонета» проф. А. Боричевского, на 2-й том собрания произведений классика беларуской литературы Максима Богдановича и др.), а также несколько заметок из области лингвистики, посвященных отдельным мелким вопросам беларуского литературного языка.
>
> Мои работы, а также некоторые публичные выступления вызвали острую отрицательную реакцию со стороны официальной большевистской критики, как идеологи-

чески и политически враждебные коммунистической идеологии и марксизму (особенно «Павлюк Трус»)».

Говоря про отрицательную реакцию, А. Адамович в первую очередь имел в виду статью С. Куницкого «Критические статьи Ант. Адамовича, как отражение буржуазной национал-демократической идеологии» (7), в которой критик, начав с литературы и самого Адамовича, закончил политическими обвинениями всего «Узвышша»:

> «...перед нами ярко предстает нацдемовско-буржуазная тактика А. Адамовича. С одной стороны, нацдемовско-буржуазное творчество М. Горецкого А. Адамович возносит до неведомых высот, стремится распространять на трудящихся ее враждебные идеи, а с другой стороны, пишет оскорбительную статью на пролетарского поэта Павлюка Труса, ставит его творчество ниже творчества М. Горецкого. Выделяет только его национальную сторону и выхолащивает классовую суть. И совсем считает вредным для нашей современности творчество писателя трудового крестьянства нашей современности – В. Коваля.
>
> Все это в свою очередь вытекает из Адамовичской методологической установки, из его идеалистического мировоззрения.
>
> Нужно еще в заключение этого раздела нашей статьи указать на само гнездо, в котором находился А. Адамович и откуда он распространял свои нацдемовские идеи. А также отметить, что в этом гнезде был не один А. Адамович, а там были Бабареки, Дубовки, Пущи и другие, которые проводили ту же идею, что и А. Адамович, и которые на первых началах деятельности «Узвышша» (особенно 1927–1928 гг.) задавали этому журналу весь тон, давали ему свое буржуазно-нацдемовское идеологическое направление.
>
> (...) Как видим, с А. Адамовичем несколько попутчиков, голос которых сливается воедино. Они всё вместе активно борются за распространение нацдемовско-буржуазных идей, они все вместе ведут борьбу против пролетарского творчества, против его пролетарской идеологии, против вообще идей пролетариата, идей Коммунистической партии» (8).

Следующей статьей могла стать разве что статья уголовная. И она не заставила себя ждать.

Среди осужденных в те времена была своя иерархия. Официально (точнее – полуофициально) категория *политических заключённых* признавалась ГПУ примерно до середины 30-х гг. В эту категорию входили только лица, осужденные за партийную деятельность оппозиционного или антисоветского характера (*партийные уклонисты*, главным образом *троцкисты*, бывшие *меньшевики*, *эсеры*). Во время следствия они содержались в специальных камерах в немного лучших условиях, получали дополнительный политический паёк, но уже на этапе они, за редким исключением, смешивались с другими.

От политических заключённых отличались *государственные преступники* (позднейшая терминология – *«враги народа»*). В эту категорию входили осужденные по 58-й статье. Они не смешивались с остальными и получали более жестокие приговоры. Сюда попадали за принадлежность к организациям, в том числе и к Союзу Освобождения Беларуси (1930 г.). Сюда попал и Антон Адамович.

И сегодня далеко не все понятно с этой организацией. Действительно ли она не существовала и ее придумали чекисты по образцу Союза Освобождения

Украины, или были хоть какие-то реальные ростки сопротивления? Или же было так, как пишет в воспоминаниях о Педтехникуме Язеп Лещенко (Михаил Ковыль), имея в виду себя и своих друзей:

> «Это были невероятные мечтатели (...) В политическом отношении, особенно в беларуско-национальном, – недоросли. Поверив в необратимость сталинской беларусизации, бросились играть с огнем. Чего следует хотя бы такая глупость, которая, пожалуй, и позволила ГПУ создать «Союз Освобождения Беларуси» (СВБ – «Саюз вызваленьня Беларусі»). Не помню кто, то ли Астрейко, то ли кто-то другой, додумался «перекрестить» СВБ, написанное на значке Союза Воинственных Безбожников, в Союз Освобождения Беларуси. И конспирацию придумали: носить значок не на лацкане пиджака, а под лацканом» (9).

Ответа пока нет...

Решением коллегии ОГПУ от 18 марта 1931 года был вынесен приговор, по которому А. Адамович осуждался на 5 лет ссылки. В 1935 году ему, как и Я. Кипелю, А. Бабареко, Вл. Дубовке и некоторым другим, срок был продлен еще на 2 года.

Арест прервал обучение А. Адамовича; сразу двое профессоров (А. Боричевский и П. Бузук) предлагали ему академическую карьеру. Но только в 1936 году он получит справку о том, что прослушал полный курс Литературно-лингвистического отделения Педагогического факультета и сдал все зачеты за исключением беларуской научной грамматики, и только в 1939 году – диплом БГУ № 261.

С позиций сегодняшнего знания и исторического опыта, приговоры можно назвать умеренными: система репрессий еще разрабатывалась. Осужденные могли работать по профессии (естественно, если было где работать). С 10 октября 1931 до 13 ноября 1934 года Адамович учительствовал в Глазовском кооперативном комбинате, где преподавал математику; с 1 сентября до 13 ноября 1934 г. преподавал физику в Глазовском сельскохозяйственном техникуме. С 1 февраля 1935 до 25 августа 1936 года в Кировской неполной школе и с 11 сентября 1936 до 25 мая 1937 году в Кировской средней школе № 10 имени Тургенева преподавал немецкий язык*. (За годы ссылки Адамович закончил курс немецкого языка в Институте заочного обучения иностранным языкам, о чем и получил удостоверение от 8.12.1936 года. Закончить аналогичный курс английского языка помешал повторный арест).

В характеристике, выданной в Глазовском сельскохозяйственном техникуме, написано:

> «А. Адамович вел воспитательную работу среди студентов в качества руководителя 1-го курса животноводческого отделения, был руководителем студенческого драматического кружка, задачей которого являлось художественное воспитание молодых специалистов сельского хозяйства. Был инициатором в борьбе за культурный быт и обстановку в студенческом общежитии. Исполнял ряд поручений по оформлению кабинетов, залов к революционным праздникам, студенческих вечеринок. Показал себя отлично методически вооруженным преподавателем по своей дисциплине, оправдал в полной мере высокое звание советского учителя».

---

* Город Глазов находится в Удмуртской АССР; город Киров – бывший Вятка (до 1934 г.). Расстояние между ними около 200 км. Начиная с XIX века, оба города являлись местами политических ссылок. – *Ред.*

4 июля 1938 г. Адамович получил справку в том, что с 3.07.1938 г. он освобожден из-под стражи. Адамович вернулся в родной Минск и после долгих поисков работы устроился в химико-технологический техникум пищевой промышленности преподавателем беларуского и русского языков, где и работал до начала войны.

Не позже 12 июля 1941 года А. Адамович стал сотрудником отдела труда Минской городской управы. Но преподавания не бросил.

Вспоминает Виталий Кажан:

«В 1942 году Генеральный Комиссар Беларуси Кубе дал согласие на организацию Корпуса Беларуской Самоохраны. Чтобы создать корпус, надо было подготовить кадры офицерские и подофицерские. В 1942 г. организуются первые офицерские курсы. На этих курсах довелось быть и мне. Командиром курсов был генерал Франтишек Кушель. На курсах между преподавателями был и Антон Адамович. Он преподавал беларускую историю и литературу. Обычно во время лекции он стоял около стены, сложив руки сзади. Перед собой не имел никаких записок. Все говорил, при этом очень интересно говорил, только по памяти, включая даже и примеры из произведений таких поэтов-писателей, как Колас или Купала. Изложениями его все слушатели были увлечены, а главное — не могли надивиться, что все давалось только по памяти. Было ли что-то напечатано научного в то время без правки и просмотра Антося Адамовича? Это была ходячая энциклопедия, а особенно если брать во внимание беларускую литературу, историю».

А. Адамович (послевоенное фото)

Своеобразным культурническим центром во время войны в Минске была редакция «Беларуской (Менской) газэты», где Адамовичу принадлежала особая роль. Наталья Арсеньева пишет в своих воспоминаниях:

«Я дня два собиралась идти в редакцию, боялась, как меня там встретят, что скажут. Боялась Адамовича. Он, как некогда Горецкий, казался мне чем-то высшим, неким жителем Олимпа» (10).

Из автобиографии Антона Адамовича:

«С приходом немцев открылись некоторые возможности печататься, хотя единственная издаваемая в Минске «Беларуская газэта» не могла отвести много места для важнейших работ. Все же, работая в редакции этой газеты, мне удалось напечатать пару больших литературно-критических статьей (про направление «Узвышэнства» в беларуской литера-

туре, про поэтессу Наталью Арсеньеву и др.), а также много заметок из области культуры языка.

Из-за того, что научных работ печатать нельзя было в газете и вообще высказывать мысли в простой форме можно было только те, которые не вызывали возражений у немцев, я пришел к мысли заняться больше художественной беллетристикой, в форме которой было легче вуалировать и противоречащие немцам высказывания. Так, под псевдонимом Д. Забранский я напечатал несколько импрессий, в которых иногда удавалось то провести завуалированную параллель между Гитлером и Наполеоном, чей конь впервые споткнулся в Минске при его походе на Восток (импрессия «Минск»), или мимоходом вспомнить про известное побоище немцев-крестоносцев под Грюнвальдом.

Это прошло незамеченным, но большую мою вещь, под тем же псевдонимом Д. Забранский, «Несентиментальное путешествие», где я пытался дать свои действительные впечатления о Германии, которую увидел впервые в 1942 году, съездив туда переводчиком с делегацией беларуских крестьян, которых знакомили с немецким хозяйством, цензура запретила завершить печатью, обнаружив там «непонимание национал-социалистической Германии». Пришлось изменить псевдоним на С. Юстапчик, и под ним в той же «Беларуской газэце» были напечатаны мои повести «Всенощная» (в 1946 г. вышла отдельной брошюрой) и «Тревога», в которых внешне описывалась советская жизнь, но под коммунистами легко завуалировывались нацисты и особенно некоторые хорошо известные в Минске фигуры их (сам «комиссар Беларуси» Вильгельм Кубе, его «беларуский квислинг» доктор Ермаченко и другие).

Кроме этой литературной формы сопротивления, в то время я принимаю участие и в подпольном антинемецком движении. В 1942 г. вместе с другими, главным образом молодыми беларусами, беру участие в основании нелегальной антинемецкой Беларуской Незалежницкой партии, по линии этой же партии причастен к подготовке ликвидации немецкого агента Акинчица*.

В 1943 году, после публикации мною в «Беларуской газете» текста «Беларуской Марсельезы» поэта Ю. Сергиевича, чьи слова, направленные против «чужаков»-оккупантов немцы восприняли на свой счет, я получил от немецких властей предложение выехать на работу в Германию, так как моя работа в Минске их «не удовлетворяет». Пока я думал день над предложением, в моем столе нашлась мина, только случайно обнаруженная одним сотрудником за 20 минут до взрыва. После столь выразительных «предупреждений» пришлось согласиться на предложение выезда в Германию.

Оказавшись там, я все же установил связи с беларускими газетами в Берлине и посылал туда свои дальнейшие беллетристические попытки, часть из которых была напечатана с некоторыми цензурными купюрами (завязка романа «Любимый город» в газете «Беларускі Работнік» вышла отдельным изданием в 1948 году, новеллы под псевдонимом В. Бирич — «Ворота скрипят» и «Невольник Дагомеи» в газете «Раніца»).

В это и особенно позднее время, после капитуляции Германии, я не прекращал заниматься и научными работами. За это время подготовлены большая литературно-критическая работа о творчестве поэтессы Натальи Арсеньевой (вводные части из нее удалось напечатать в журнале «Сакавік» № 1, 1947, «Под нацiянальным сьцягам» № 1 (2), 1948), а также работы из области истории Беларуси — «История беларуского национального движения» (некоторые разделы в конспективном виде вышли отдель-

* Фабиан Акинчиц, создатель и руководитель Беларуской национал-социалистической партии, директор школы беларуских пропагандистов (при Министерстве пропаганды Германии), был убит 7 марта 1943 г. во время визита в Минск. — *Ред.*

ными брошюрами под псевдонимом Н. Недасек «1917–1947» и «1918–1948», а также в брошюре «Белая книга в деле нашего национального названия») и «История Беларуси XVI–XVIII вв.».

Теперь работаю над историей Беларуси до XIX века, но обстоятельства жизни ДП не позволяют отдаться ей как следует, также как и обстоятельства беларуской эмигрантской печати не дают никаких надежд на публикацию в ближайшем времени того, что уже есть в рукописях, особенно больших общих работ («История беларуской литературы», «Опыт нормативной грамматики беларуского литературного языка», «История беларуского национального движения», «История Беларуси XVI–XVIII вв.»). Как и раньше, больше удается печатать вещи беллетристические (напечатаны новеллы «Безруч» под псевдонимом С. Юстапчык и «Афродита-ОСТ», «Эмигрантская песня» под псевдонимом В. Бирич) и публицистические».

Говоря про обстоятельства жизни в ДП, Адамович имел в виду не только бытовую неустроенность, отсутствие необходимой литературы, но и ту специфическую атмосферу лагерей, о которой Н. Арсеньева писала:

«Наши "верхи" были целиком захвачены политической борьбой, "низы" тузились за каждую пару брюк или гамаш из магазина» (11).

В лагерях произошел фатальный для беларуского общества раскол, последствия которого ощущаются едва ли не по нынешнее время. Про раскол эмиграции на «кривичей» и «зарубежников», раскол политический, раскол религиозный, уже сказано (12). Сейчас же выделим только роль Антона Адамовича в тех событиях. А она была немалой.

Вспоминает Раиса Жук-Гришкевич:

«Первый раз я столкнулась с профессором Антоном Адамовичем на слете беларуских скаутов из трех зон Германии: американской, канадской и французской. Происходил слет в 1946 или 1947 году. Съехалось на него много скаутов, которые себя характеризовали "мы бойкая моладзь, арлы маладыя" и "ў душах нашых шчырых ідэі святыя, а ў жылах крывіцкая кроў!"». В те времена молодежь пела:

Крывічанскае войска сьпявае,
У крываву зьбіраецца бой,
А дзяўчына жаўнера пытае,
Чаму браць яе не хоча з сабой.

«Мы были и будем кривичами...» А какое отношение это имеет к Антону Адамовичу? Имеет. Он был Кривичем, хотел, чтобы мы избавились в своем названии от навязанной нам, как он говорил, «рашки», — «Bela-russia»*.

Воспоминание Р. Жук-Гришкевич знаменательно. Насколько, видимо, глубоко владела идея Адамовичем, если первое впечатление о знакомстве с ним оставляла «Кривия»! Было в этом не только увлечение молодости, «КРЫЮГ», процесс СВБ — «патриотов кривской державы», но и практическое: потеря беларусов, записывавшихся поляками из-за боязни быть репатриированными. Сам был вынужден выправить себе «Poswiadczenie o rejestracji» № 401 о жительстве в Вильне в 1936 году, там позже в аппликации № 7844003 на разрешение уехать

* Раиса Жук-Гришкевич (1919–2009) — супруга Винцента Жук-Гришкевича (1903–1989), возглавлявшего эмигрантскую Раду БНР в 1970–1982 гг. — *Ред.*

в США записался гражданином Польши. Потому и предложил он, вместе с Яном Станкевичем, изменить этническое название Беларусь, беларусы на Кривия, кривичи.

И был прав Лука Бенде, когда еще в 1930-м году в своих показаниях писал про Адамовича и его работу о Максиме Горецком:

«В этой же монографии Адамович объединяется с нац. фашистом Ант. Луцкевичем и В. Ластовским, широко цитируя их и ссылаясь на них, как на наиболее выдающихся критиков, авторитет коих непоколебим. А все это вместе взятое выявляет и настоящее лицо Ант. Адамовича» (13).

Пленарное заседание сотрудников Института изучения СССР в Мюнхене

Нельзя отказать в меткости наблюдения (кем-кем, а дураком Бенде не был); отблеск фигуры Вацлава Ластовского лежит на всем, что делал Адамович.

Идеи Ластовского сыграли определяющую роль и в теоретическом обосновании изменения названия. В англоязычной статье «Журнал "Кривич". К 50-й годовщине» Адамович писал:

«В Советской Беларуси наследие Ластовского запрещено. Оно получило определенное возрождение во время второй мировой войны, но исключительно в эмиграции. Использование термина кривичи как национального названия было предложено газетой «Утро» («Раніца»), что выходила в Берлине в 1939–1945 гг.

Во время принудительной репатриации термин *кривичи* использовался как спасительный знак. С целью избежать возвращения в Советский Союз название было принято большим количеством беларуских эмигрантов, а в британской зоне Германии был основан первый Кривичанский лагерь ДП. Жительство там сохранило от возвращения в СССР, так как ни британцы, ни советские представители не знали, что за люди это были, кривичи.

Вдобавок к отдельным лагерям ДП, название было принято некоторыми организациями, национальными комитетами, студенческими организациями, научными учреждениями, журналами (например, «Крывіцкі сьветач»). Эмигрантские писатели в лице Натальи Арсеньевой, Ларисы Гениюш, Алеся Соловья, отчасти Михаила Ковыля и Моисея Седнёва тоже широко использовали этот термин».

Естественно, если «большое количество» эмигрантов, по словам Адамовича, приняло название, то не меньшее новое название отвергло. Произошло разделение общества, а за ним и эмигрантской прессы на «кривичей» и зарубежников». К кривичам принадлежали «Беларус», «Віці», «Веда», «Запісы БІНІМ» (США); «Беларускі Эмігрант» (Канада); «Бацькаўшчына», «Змаганьне», «Шарсьцень», «Каласкі» (Германия); «Божым Шляхам» (Франция); «Зьніч» (Италия);

«Новае Жыцьцё», «Лучнік» (Австралия); к зарубежникам – «БІС», «Шыпшына», «Зьвіняць Калакалы Сьвятой Сафіі», «Беларуская трыбуна», «Царкоўны сьветач» (США); «Незалежная Беларусь», «Беларускі Патрыёт» (Германия).

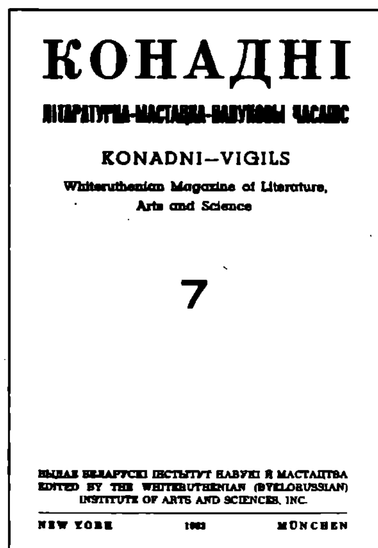
Споры постепенно перешли из научного пространства в пространство бытовое. Вот два примера из хроники той борьбы.

В 1948 году в Германии кривичи издали брошюру Максима Знича (А. Адамовича) «Измена. Как продался бывший беларуский епископат московскому зарубежью» («Здрада. Як запрадаўся былы беларускі епіскапат маскоўскаму зарубежжу»):

> «Нас не позорит название Кривич, аналогами которого являются: националист, автокефалист, незалежник, патриот, борец и солдат Беларуского Народа. Мы не желаем тащиться за вами в Москву и иметь название зарубежников, русофилов, федералистов, областников, реакционеров, оппортунистов и предателей беларуских интересов – Автокефалии Беларуской Православной Церкви и Независимости Беларуской Народной Республики. Мы – будущее Народа. Вы и вам подобное «беларуское» зарубежье – грязное пятно в истории Беларуси».

Со стороны зарубежников тоже были свои авторитеты, свои идеологи, свои писатели. Юрка Витьбич – из числа наиболее активных. Именно он основал и фактически в одиночку издавал не только «Шыпшыну» или «Зьвіняць Калакалы Сьвятой Сафіі», но и «БІС» («Беларуская Информационная Служба»), едва ли не самый острый орган другого лагеря, где под псевдонимами Игнатий Тур, Михаил Криницкий он писал:

> «Выполняя приказы заклятых врагов нашего беларуского народа, «кривичи» до сих пор оплевывают в своих «Белых книгах» и вне их наше национальное название, пытаясь уничтожить его и заменить другим.
>
> «Кривичи» оплевывают нашу знаменитую, гордую «Погоню», стремясь заменить ее несуразной и оскорбительной по форме «Двойной погоней», «кривичи» фальсифицируют нашу героическую историю и особенно те ее стороны, где нашли отражение I Конгресс, Акт 25 Марта, БНР, II Конгресс, БЦР (Н. Недасек «1917–1947»);
>
> «Кривичи» через «Падручнік крывіцкае мовы» Брачислава Скорынича, «Бацькаўшчыну», «Сакавік» пытаются осквернить нашу великую драгоценность – богатую благозвучную беларускую мову;
>
> «Кривичи» на страницах своей прессы пытаются убедить все другие национальности, что преимущественное большинство беларуской эмиграции состоит из квислингов, русофилов, полякофилов, диверсантов, зарубежников, советчиков, власовцев, черносотенцев и других;
>
> «Кривичи» на страницах своей прессы оплевывают православное вероисповедание, которое исповедует преимущественное большинство нашего народа, и несуразно пытаются заменить его религиозной унией.



За 16 лет было издано 8 номеров журнала

Единственная цель этой омерзительной работы — дискредитировать все беларуское, убить всякий независимый демократический дух» (статья «Агент Абрамчик путешествует». «БИС» № 18, 10 июля 1948 г.).

Раскол далеко развел этих некогда близких по идеям и целям людей, бывших «узвышэнцаў», и потребовалось много времени для того, чтобы было написано следующее письмо:

«Саут-Ривер, 12.03.1950

Глубокоуважаемый господин Адамович!

От чистого сердца протягиваю руку и хочется ощутить Ваше пожатие ее. Очень возможно, что наши мировоззрения не вполне совпадают, но они полностью совпадают в самом главном — в любви к Беларуси, в борьбе за ее свободу и независимость. В свете этой великой цели стоит ли теперь вспоминать о том, кто из нас кому в Германии больше залез под кожу. Мне хочется думать, что между бывшим фактическим редактором «зарубежніцкіх» изданий и между бывшим фактическим редактором «крывіцкіх» изданий установится в США согласие ради совместной борьбы художественным словом с извечными врагами нашего Отечества.

Не сомневаюсь в том, что они (Антон Адамович и Юрка Витьбич) навсегда останутся врагами для лагерных корытников, которые в результате этой борьбы вышеозначенных лиц в определенной мере потеряли некоторое количество сигаретного «придела» и недоношенные в Техасе штаны. Не подлежит сомнению также и то, что они останутся врагами для того или другого бывшего местечкового бургомистра, который не получил в том или другом ДП лагере «министерского портфеля». Но это уже мелочные дела, которые не заслоняют собой Беларусь.

Дорогой Друг! Ради Святой Памяти беларуских писателей, замученных российским большевизмом, ради страданий тех наших писателей, что поныне погибают в советских застенках, ради нашего собственного эмигрантского горького хлеба, а самое главное — ради будущей Свободной Независимой Беларуси — соединим наши возможности вместе, чтобы таким образом содействовать наибольшему расцвету беларуской художественной литературы на чужбине.

Позвольте на этом закончить письмо.

Желаю Вам всего наилучшего.

С уважением Юрка Витьбич».

P.S. Человеческая жизнь сравнительно коротка, чтобы успеть проявить свои возможности, а тем самым как можно больше приобщиться к освобождению Беларуси. Меж тем у нас на Чужбине некоторые поэты уже заплакали. Лично я ничего не имею против плача. Но если плакать, так только так, как плакал Сергей Есенин — его слезы до сих пор понемногу подтачивают кремлев-

Н. Арсеньева

ские стены; если плакать, так только так, как плакали библейские еврейки на реках Вавилонских; если плакать, так только так, как плакал когда-то Милет Смотрицкий – услышав этот плач, король забыл про свои пушки; если плакать, так только так, как плакал Владимир Жилка в своем:

Ляпей чужыны золь,
Съцякаць ад чорнай працы потам.

Еще раз всего хорошего».

Между прочим, на этом история с изменением названия в эмиграции не закончилась. Еще одну попытку сделал, уже в США, Янка Станкевич. Но она не приобрела такого отзвука и не причинила вреда. Как написал в письме к А. Адамовичу тот же Юрка Витьбич:

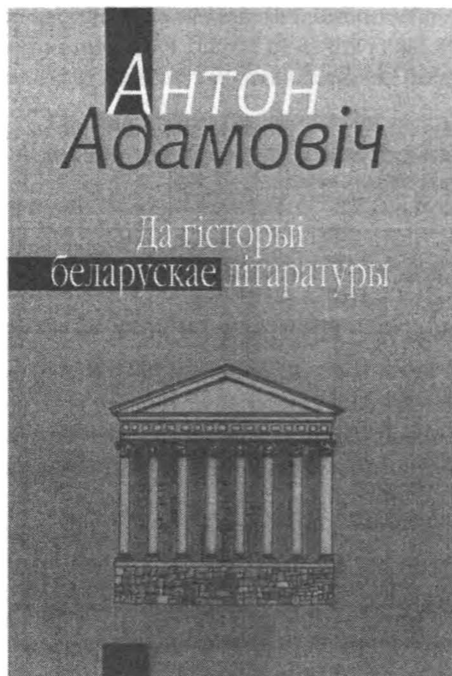
«А кто это такой – Великолитвин? Допускаю, по стилю и языку, что господин доктор Янка Станкевич, и если это соответствует правде, то лично он никто другой, как великобаламут. Чем лучше, на сегодняшний день, название великолитвин от названия беларус? Почему мы должны обязательно присоединяться к названиям соседних народов, тем более что сегодня мы не в состоянии кому-нибудь доказать, что современные литвины – это жмудяки? Даже такое название, как Край, и от него – краяне – куда лучше. Но мне сегодня вообще споры о национальном названии напоминают схоластику, что оставляет вне нашего внимания главное. По крайней мере, что касается меня, то я не протопоп Аввакум и умирать «за святой Аз» (за форму) не в состоянии» (5.08.1962).

Действительно, в США были уже другие приоритеты, другие заботы, да и другие взгляды. Эмигрантские годы в Германии и США стали для Адамовича наиболее плодотворным временем – почти до самой смерти (12 июня 1998 г.). Здесь он редактировал газету «Бацькаўшчына», журнал «Конадні», сотрудничал с Радио «Вызваленьне» («Свобода»), принимал деятельное участие в основании БІНІМ (Беларуский Институт Науки и Искусства).

Отдельное место в этом списке занимает Мюнхенский Институт по изучению СССР, где Адамович работал с марта 1953 года. Именно в этом учреждении были напечатаны самые главные работы Адамовича, в том числе книга «Сопротивление советизации в беларуской литературе» (Супраціў савецізацыі ў беларускай літаратуры).

Надо отметить чрезвычайно широкий простор интересов Адамовича, даже если ограничиться одними литературоведческими рабо-

А. Адамович (фото 1975 г.)



Обложка сборника работ А. Адамовича «К истории беларуской литературы»

тами: теория и история литературы, Франтишек Богушевич, Тётка, Вацлав Ластовский, Иван Луцкевич, Максим Богданович, Алесь Гарун, Максим Горецкий, Янка Купала, Якуб Колас, Владимир Жилка, Андрей Мрый, Лука Калюга, Кузьма Черный; литература эмиграции – Наталья Арсеньева, Алесь Соловей, Янка Юхновец, Моисей Седнёв – и литература социалистического реализма.

Одним из наиболее интересных и важных для Адамовича – еще с первых «узвышэнскіх» работ – был аспект, который условно можно назвать политикой литературы. Даже больше, Адамович превратил его в особый раздел литературоведения, который исследовал советскую литературу как отдельное литературное течение; он писал, имея в виду литературоведение в Беларуси:

> «...обращает на себя внимание молчаливо проводимое отождествление советской литературы Беларуси со всей беларуской литературой советского периода, в которой, по крайней мере, через первых пятнадцать лет этого периода, литература советская была всего одним из течений, ничуть при том не господствующим, хотя и неизменно ставящееся властью в исключительно привилегированное положение» (14).

В работах, посвященных эмигрантской литературе, в первую очередь – творчеству Натальи Арсеньевой и Алеся Соловья, Адамович писал об искусстве, о метафорах и тропах, о своем излюбленном – влияниях и наследовании. Кроме чисто литературоведческих проблем видеться здесь желание соединить, связать насильно разорванные традиции беларуской литературы, соединив любимых им писателей в единую цепь живого творчества.

Художественных произведений он больше не писал. Видимо, условия позволяли ему сказать все, что он хотел, не прячась в тайники художественности, как было в ссылке, когда – из-за отсутствия какой-либо беларуской литературы с воли – стали рождаться стихотворения у самого Адамовича, или во время оккупации, «дипизации». И все же и эта сторона творчества Адамовича – особая страница беларуской литературы. Когда-то его рассказы не просто становились событием в эмигрантских кругах, а разводили людей по разные стороны. Чем они станут сегодня – покажет время. Но для этого они должны быть напечатаны. Впрочем, это касается всего наследия Антона Адамовича.

Примечания

(1) Документы цитирются по оригиналам из архива Ант. Адамовича (БІНІМ). Все воспоминания записаны автором и хранятся в его архиве.

(2) Станкевіч Ст. Антон Адамовіч. У 50-ю гадавіну ягонага жыцьця. «Бацькаўшчына», 2 жніўня 1959 г., с. 3.

(3) Кіпель Я. Эпізоды. Нью-Ёрк, 1998, с. 46–53.

(4) Радкевіч (Савёнак) А. Беларуская хатка. // У кн.: «Беларуская мэмуарыстыка на эміграцыі». Нью-Ёрк, 1999, с. 119–120.

(5) «Скарыніч». Літаратурна-навуковы гадавік. Выпуск 4. Мінск, 1999, с. 97–102.

(6) Глыбінны Ў. Паэта з Божай ласкі. Успаміны і роздум пра Язэпа Пушчу (1902–1964). Нью-Ёрк, 1979, с. 5–6.

(7) «Полымя». 1931, № 2, с. 128–147.

(8) Там же, с. 143–144.

(9) Лешчанка Я. Казённы дом і далёкая дарога. Успаміны. «Запісы БІНІМ», Нью-Ёрк, 1992, с. 67.

(10) Беларуская мэмуарыстыка на эміграцыі. Нью-Ёрк, 1999, с. 240–241.

(11) Там же, с. 258.

(12) Максімюк Я. Беларуская Гімназія імя Янкі Купалы ў Заходняй Нямеччыне 1945–1950. Нью-Ёрк — Беласток, 1994, с. 82–88.

(13) «Скарыніч». Выпуск 4, 1999, с. 137–138.

(14) Адамовіч А. Саветызацыя беларускай літаратуры й ейныя этапы. // «Беларускі зборнік», Мюнхэн, 1955, с. 8.

Приложение

А.Е. Адамович – автор множества (свыше 250) работ по истории, литературе и культуре Беларуси, в том числе на русском, немецком и английском языках. Значительная их часть до сих пор не опубликована. Отметим следующие монографии:

– Максім Гарэцкі (Спробы манаграфіі аб творчасці) // Журнал «Узвышша», 1928, №№ 1–6.

– Большевизм на путях установления контроля над Белоруссией (Мюнхен, 1954).

– Якуб Колас у супраціве саветызацыі: доследы і матэрыялы (Мюнхен, 1955).

– Большевизм в революционном движении в Белоруссии: исследования и материалы (Мюнхен, 1956).

– Супраціўленне саветызацыі ў беларускай літаратуры (Мюнхен, 1956).

– Як дух змагання Беларусі (да 100-х угодкаў нараджэння Івана Луцкевіча) (1981).

На пути к Европе

Для знакомства читателей «Дедов» с литературно-критическими произведениями А.Е. Адамовича приводим часть его статьи, опубликованной в Берлине в 1944 году в газете «Раніца».

Хронологической датой начала новой беларуской литературы надо считать 1809 год, когда появилось первое в новые времена беларуское стихотворение Яна Барщевского (1797–1851) «Ды чым жа твая, дзеванька, галоўка занята». Написанное в чисто народном духе, удачно положенное на музыку композитором Антоном Абрамовичем (1811–ок. 1856), стихотворение это стало народной пес-

ней, позже записывалось этнографами в качестве таковой и таким образом дожило до сего времени – свидетельство глубокого художественного проникновения в народное его автора.

Правда, сам Барщевский еще мало пишет по-беларуски (кроме упомянутого – стихотворение «Гарэліца», небольшая поэма «Рабункі мужыкоў»), больше употребляя польский и даже русский языки, но всегда воспевая и описывая свою, к тому же глубоко романтизированную, Беларусь (четырехтомное произведение «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» по-польски, 1844–46 гг.; «Очерки северной Беларуси» по-русски, 1846 г.). Похожее начинают делать другие краевые поэты и писатели, как Александр Рыпинский (1811–1900) и Ян Чечот (1796–1847)*.

Самым плодовитым представителем этого направления беларуской литературы, которое характеризуется еще не вполне национальным беларуским сознанием, не вполне беларуским языком авторов, является Винсент Дунин-Марцинкевич (1808–1884).

С точки зрения современности значение Марцинкевича скорее количественное и заключается в его литературной плодовитости: никто из беларуских писателей XIX века не дал столько произведений по-беларуски, сколько Марцинкевич (плюс не меньшее число его произведений о Беларуси на польском языке). Качественно же творчество Марцинкевича стоит низко: слабое (можно даже сказать, никакое) национальное сознание, нудная дидактичность, тяжелое, неподходящее к особенностям беларуского языка, слепо перенятое из польского языка силлабическое стихотворение, статичная описательность, слезливая сентиментальность, примитивная цитатная фольклорность – все это делает его произведения сегодня неинтересными. Но богатые числом произведения Марцинкевича пропагандировали беларуский язык и беларускость, побуждали других творить на нем.

Кроме того, Марцинкевич является основателем новой беларуской драматургии и театра: его первое произведение – комическая опера «Сялянка» (1846 г.), в которой Марцинкевич отчасти проводил связь со старой беларуской литературой, возрождая традиции последнего ее слова – «школьных драм» XVII–XVIII веков, поставленную вскоре на Минской сцене с участием самого автора, положила начало развитию нового беларуского сценического искусства. Одно из драматических произведений Марцинкевича – водевиль «Пинская шляхта» (1866 г.) поныне держится на беларуской сцене. Он написан ярко и живо и, почти единственный из всех произведений Марцинкевича, содержит острую национальную идею (москали стремятся поссорить между собой беларусов, чтобы самим пользоваться этим).

Вслед за Марцинкевичем и в том же духе пишет поэт Винцесь Каратынский, рядом с ним работает Артемий Вериго-Даревский (1816–1884), создавая вместе с предшественниками (особенно с близким к Марцинкевичу, упомянутым уже поэтом Я. Чечотом) господствующее в беларуской литературе XIX века просве-

---

* А.Ф. Рыпинский в 1840 г. издал в Париже фольклорно-этнографическое исследование «Беларусь», где впервые осуществил систематизацию устного творчества беларуского народа по жанрам и тематике. В 1853 г. там же издал беларускую романтическую балладу «Нечистик». – *Ред.*

тительско-сентиментальное «Марцинкевичское» направление. Главной чертой этого направления является то, что в нем основная фигура беларуского народа того времени – крестьянин-беларус – выступает только как объект описания или обращения (к нему), а не субъект творчества.

Однако еще при жизни Марцинкевича начинают появляться произведения, в которых эта фигура крестьянина-беларуса выступает в роли самого субъекта литературы. Как эпизодическое явление, еще перед Марцинкевичем, мы имеем первого крестьянского поэта Павлюка Багрима (1812–1891), воспитанника одной из первых в XIX веке беларуских школ ксендза Магнушевского. Его жизнь и отдельные стихи, которые дошли до нас, говорят о том, что в его лице беларуская литература потеряла крупную силу, со всеми задатками большого поэта типа корифея украинской литературы Тараса Шевченко (талант Багрима погиб в тяжкой солдатчине времен царя Николая I, куда сдал поэта его пан-владетель).

Но наиболее выдающейся в переходе к новому направлению беларуской литературы (и одним из самых выдающихся во всей этой литературе вообще) является поэма неведомого автора «Тарас на Парнасе» (иногда безосновательно приписываемая Марцинкевичу)*. Созданная на высоком художественном уровне, поэма особенно ценна своей основной идеей, которая сводится к идее возможности и даже необходимости зачинания истинно великой беларуской литературы: можно уже, пора и необходимо беларусам послать на Парнас своего Тараса, подобно тому, как украинцы послали уже туда своего великого Тараса Шевченко, по поводу выступления которого в литературе и написана поэма. Эта идея, к тому же весьма художественно оформленная, делает из поэмы «Тарас на Парнасе» произведение, которое можно считать началом всей действительно беларуской литературы.

К концу XIX века новое литературное направление оформляется вполне четко. Во главе его стоит поэт Франтишек Богушевич (1844–1900), рядом с которым идут Адам Гуринович (1869–1894), Ольгерд Обухович (1840–1898), Янка Неслуховский (Лучына; 1851–1897). Это уже – поэзия от имени крестьянина-беларуса, основной фигуры беларуского народа, который с этого момента становится субъектом, творцом ее; это поэзия, характерная пропагандой национального сознания, острополитической антимосковской направленностью.

Но бурное развитие беларуской литературы приходится уже на XX век, на время после первой революции 1905 года в России. Здесь, группируясь около единственной газеты «Наша Нива», которая наконец начала выходить в 1906 году и регулярно издавалась вплоть до 1915 года, вырастает целая плеяда крестьянских в основном поэтов и писателей, которая создает свое направление в беларуской литературе, названное, от имени газеты, «нашанивством» или «нашанивским возрождением». Основным идеологическим лозунгом нового направления является завоевание человеческого достоинства для крестьянина-беларуса, основным литературным устремлением – возрождение беларуской ли-

* Поэма была написана в 1855 г. Долгое время ходила по рукам в рукописных копиях. Впервые напечатана в газете «Минский листок» 16 мая 1889 г. (№ 37). Ныне ее автор установлен. Это Константин Вереницын (1834–1904), во время сочинения поэмы – студент Горы-Горецкого сельскохозяйственного института. – *Ред.*

тературы, проведение ее хотя бы сокращенным путем через «повторный курс европейской поэзии», как выразился один из представителей этого направления, через все те пути, которые прошла за это время без беларуских представителей литература в Европе.

В лице своих старших представителей новое направление связывается с предыдущими направлениями беларуской литературы. Так, первый настоящий прозаик в беларуской литературе Ядвигин Ш. (Антон Левицкий; 1869–1922) истоками своего творчества простирается к Марцинкевичу (драма «Вор», сборники рассказов «Березка», «Васильки», незаконченная повесть «Золото»). Пылкая поэтесса-революционерка Тётка (Элоиза Пашкевич; 1876–1916) является явно «литературной дочерью» Ф. Богушевича. В оригинальной фигуре Каруся Каганца (Казимир Костровицкий; 1868–1918), который начинал свою работу едва ли не одновременно с Ф. Богушевичем, имеем пылкого, агрессивного националиста, глубоко народного лирика, творца совсем в народном духе, прозаика-повествователя, драматурга (часто еще на беларуской сцене идет его комедия «Модный шляхтюк» (1910 г), первые образцы беларуской исторической драмы – «Сторожевой курган», «Сын Данила»).

Но во главе нашанивского направления как идеологи его становятся двое ровесников (оба родились в 1882 г.) Янка Купала и Якуб Колас. Это наиболее характерные фигуры беларуского нашанивства. Преимущественно лирик, Купала наиболее выразил в своей поэзии активную сторону стремления к жизни и возрождения Беларуси, тогда как преимущественно эпик, Колас выявляет болезненно-эмоциональный характер его души. Увы, оба поэта, вначале остро противостоявшие большевизму, все же были сломаны им и стали безвольными инструментами в руках большевистской пропаганды.

Если Купала и Колас возглавили нашанивское направление в плане идеологическом и психологическом, то художественную вершину нашанивской поэзии создали молодые поэты – высокоталантливый, высококультурный и образованный знаток европейских языков Максим Богданович (1891–1917) и самоучка, узник царского режима Алесь Гарун (Прушинский; 1887–1920)*. Увы, оба поэта умерли безвременно, и оставленное ими наследие количественно невелико.

Завершением нашанивского направления является творчество представителей наиболее зрелых литературных жанров – прозаика Максима Горецкого (1893–1938) и драматурга Франтишека Олехновича (1883–1944). Произведения глубокого психолога М. Горецкого посвящены выявлению души беларуского интеллигента, выходца из крестьян. Ф. Олехнович посвятил свое творчество зарисовке главным образом беларуского мещанства и его интеллигенции.

На смену нашанивскому направлению в 20-е годы выступило новое молодое направление, основным устремлением которого является стремление к подъему беларуской литературы на европейский уровень. Это устремление впервые сознательно поставило своей целью организованное в 1926 году в Минске беларуское литературное художественное объединение «Узвышша», от имени которого

* Александр Прушинский-Гарун находился в заключении с марта 1907 по апрель 1909 гг. Затем до марта 1917 г. работал на разных предприятиях в Сибири, т.к. ему было запрещено проживание в европейской части империи. – *Ред.*

и само направление приобрело название «узвышэнства»*. Из рядов «Узвышша» вышли талантливые национальные художники, прежде всего – поэты Владимир Дубовка, Владимир Жилка и Язеп Пуща, прозаики Лука Калюга и Кузьма Черный, сатирики Андрей Мрый и Кондрат Крапива. К этому же направлению, хотя организационно он не принадлежал к «Узвышшу», стремился и романист Михась Зарецкий (Косенков; 1901–1937). На территории Западной Беларуси, которая принадлежала Польше, в том же духе творили поэты Наталья Арсеньева (1903–1997) и, позже, Максим Танк (Евгений Скурко; 1912–1995).

Однако большевики разгромили «Узвышша» как националистическое объединение, и большинство его членов погибли в большевистской неволе**.

Большевизм, а потом и война разбросали творческие силы беларуской литературы.

Отныне по ту стороны границы, что отделяет Новую Европу от мира большевизма и плутократии, из старых, известных уже беларуских писателей, жили только двое: Франтишек Олехнович (убит неизвестным в Вильне 3 марта 1944 г.) и Наталья Арсеньева.

Правда, в эмиграции выросли и уже показывают себя новые способные национальные силы беларуской поэзии, в первую очередь поэтесса Лариса Гениюш в Праге, поэты Ю. Сергиевич и Янка Полонный в Германии***. Начинают появляться молодые силы и вокруг беларуских газет.

Интересно, что во главе парада сегодняшней беларуской поэзии идут женщины: Наталья Арсеньева и Лариса Гениюш.

Несмотря на то, что идет война, за последние полтора года беларуская литература обогатилась не только небольшими стихотворениями, но и крупными вещами, такими, как «Лесное озеро» Н. Арсеньевой, романы «Товарищи» М. Загорского и «Наперекор судьбе» М. Дубровского.

Вероятно, недалеко уже то время, когда беларуская литература сумеет снова собрать свои старые силы и восстановить свой прямой путь к возвышению к Европе, которую ей прервали.

* Членами объединения «Узвышша» являлись: Антон Адамович (1909–1998), Адам Бабареко (1899–1938), Змитрок Бедуля (Самуил Плавник; 1886–1941), Юрка Витьбич (Георгий Щербаков; 1905–1975), Петрусь Глебка (1905–1969), Сергей Дорожный (1909–1943), Владимир Дубовка (1900–1976), Владимир Жилка (1900–1933), Лука Калюга (Константин Вашина; 1909–1937), Тодор Кляшторный (1903–1937), Кондрат Крапива (Атрахович; 1896–1991), К. Кундиш (Яковчик), Феликс Купцевич (1900–1938), Максим Лужанин (Александр Каратай; 1909–2001), Андрей Мрый (Шешелевич; 1893–1943), Язеп Пуща (Иосиф Плащинский; 1902–1964), Кузьма Черный (Николай Романовский; 1900–1944), Василь Шешелевич (1897–1941). – *Ред.*

** Оставашиеся еще на свободе члены «Узвышша» заявили о ликвидации своего объединения в декабре 1931 г. Оно существовало около пяти с половиной лет. – *Ред.*

*** Молодой поэт Полонный (это псевдоним), бывший солдат Войска Польского, жил в Германии. В 1943 году он уехал к себе на родину, в Беларусь, и бесследно исчез. – Ред.

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ БЕЛАРУСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В БССР (1964–1985 гг.)

Антон Левицкий

Начиная с 1990-х годов перед историками встали многие новые исследовательские проблемы, среди которых не последнее место заняла необходимость изучения внутренней (т. е. неочевидной) структуры самого советского общества. Поскольку историческая наука – это прежде всего набор вопросов, которые мы ставим перед прошлым (известный тезис Марка Блока*), неудивительно, что процесс построения гражданского общества в прежних советских республиках свелся к поиску признаков самоорганизации в советском обществе – диссидентства и пр.

Однако академический интерес к явлению диссидентства (как и вообще прошлого интеллигенции) в БССР остается недостаточным. Советское наследие, особенно второй половины XX века, находится на периферии внимания ученого сообщества. Разумеется, существуют отдельные интересные работы, выполненные на высоком уровне. Но до осмысления проблемы еще далеко, о чем наглядно свидетельствует изданный недавно (в 2012 г.) заключительный том 6-томной «Истории Беларуси».

Цель данной работы – выяснить, как системные интеллектуалы-инакомыслящие в БССР воспринимали свое место в культуре и обществе. Ибо понятно, что, с одной стороны, их роль определялась партийными инстанциями как идеологический инструмент культуры, где рассуждения на темы типа «Задачи белорусской литературы в свете решений XXVI съезда КПСС и XXIX съезда КПБ» были не только естественными, но и внутренне необходимыми. Индифферентность беларуской интеллигенции в советское время давно уже превратилась в исследовательское клише. Так, И. Котляр сравнивает интеллектуальное сообщество с флюгером, Иван Шамякин поносит «ренегатов», которые преданно служили партии, а с началом перестройки стали на сторону ее врагов. Иначе на этот счет высказался Янка Запрудник, который отверг подобные стереотипные трактовки. На необходимость взвешенно относиться к смене идеологических ориентиров в условиях несвободного общества обращает внимание и парижский исследователь Владимир Берелович.

Ниже мы последовательно остановимся на трех способах существования интеллектуалов-инакомыслящих в БССР, что, как представляется, позволит приблизиться к освещению упомянутой проблематики.

---

* Марк Блок (1886–1944) – французский историк, профессор Страсбургского (1919–1936) университета и Сорбонны (1936–1944). За участие в Сопротивлении расстрелян нацистами. В 1929 г. основал журнал «Анналы экономической и социальной истории», который после войны стал наиболее авторитетным историческим журналом Европы. На русском языке издана книга Блока «Апология истории» (опубликованная во Франции в 1949 г.) – *Ред.*

Но вначале надо определиться с ключевыми понятиями. Термины «интеллигент» и «интеллектуал» часто воспринимаются как оценочные. Кроме того, существуют сложности и с точным определением их смысла. Здесь мы умышленно уклоняемся от этой, по большому счету, бесплодной полемики, ради удобства принимая смысловое содержание категорий «интеллектуал» и «интеллигент» и их производных за равнозначные (согласно Жаку Ле Гоффу, это те, «чье ремесло – преподавание мыслей») при перевесе первой*.

Наибольшего внимания заслуживают методологические вопросы. Многие выводы могут быть оспорены, во-первых, исходя из общего тезиса о субъективности использованных источников, а во-вторых, из факта их немногочисленности, что позволяет сомневаться в правомерности сделанных выводов. Автор исходил не только из общей историографической тенденции при изучении индивидуального в истории (в беларуской историографии об этом уже идет речь, в том числе по отношению к рассматриваемой проблематике), но также из факта неразработанности проблемы. С другой стороны, нельзя не упомянуть, что внутридисциплинарная традиция интеллектуальной истории знает примеры именно такого способа историописания – через анализ текстов, которые «наиболее последовательно отражают сознание социальных групп» (работы Люсьена Гольдмана)**.

Таким образом, речь будет идти о феномене внутренней эмиграции, под которой мы понимаем стратегию адаптации к (пост)тоталитарной действительности, когда интеллектуал, находясь в условиях жесткой идеологической заданности культуры, принимает навязанные ему директивы, но оставляет за собой право на «роскошь приватности» – возможность быть инакомыслящим «в себе».

Условно определим три типа внутренней эмиграции:

(1) «случай Дубенецкого» – стремление использовать занимаемое положение в интересах несоветской культурной традиции;

(2) умеренный – сосредоточенность на своей профессиональной деятельности и стремление быть как можно дальше от идеологии;

(3) радикальный (максимально возможная отстраненность от официальной культуры), который граничит с диссидентскими практиками.

Безусловно, эти идеальные типы предусматривают и разное понимание отношений между культурой (прежде всего литературой и искусством) и обществом.

Один из наиболее ярких примеров отождествления с несоветской культурной традицией и ясного целевого определения своей работы в пользу этой традиции дал в своих дневниках Михаил Дубенецкий (1927–1990). К великому сожалению, они до сих пор не вышли отдельной книгой (публиковались в 1999–2002 и 2008–2010 г. в журналах «Полымя» и «Дзеяслоў» («Глагол»). Это единственный в своем роде памятник самоописания беларуского советского интеллектуала.

* Жак Ле Гоф (1924–2014) – французский историк, с середины 1980-х гг. глава школы «Анналов». Автор полутора десятков монографий. – *Ред.*

** Люсьен Гольдман (1913–1970) – французский социолог и философ, основоположник генетического структурализма. Его главный труд «Ментальные структуры и культурное творчество» был издан в 1970 г. – *Ред.*

Работая директором одного из крупнейших беларуских издательств («Мастацкая літаратура»), М. Дубенецкий «экспериментировал», пытаясь действовать согласно собственным представлениям о культуре и ее миссии, а не тем, которые спускались ему как достаточно крупному функционеру из ЦК КПБ и других руководящих учреждений. Эта деятельность осуществлялась в рамках нескольких «неблагонадежных» направлений (понятно, что увеличение в несколько раз объема издательской деятельности не было среди них самым опасным); важно то, что в ней М. Дубенецкий сумел достичь определенных практических результатов.

Слева направо: Михаил Дубенецкий, Алесь Адамович, Пимен Панченко, Василь Быков, Нил Гилевич (фото Вл. Крука)

Свою цель он видел в борьбе с партийными ограничениями, навязанными сфере культуры: «Все, что я делал, в основном было направлено на освобождение беларуской литературы от цензуры». Собственную деятельность М. Дубенецкий понимал не как игру (так предлагает описывать поле культурной жизни в СССР Н. Козлова*), а как борьбу (с явно военным оттенком: «ужасные бои», «к оружию!» и т.д., или как эксперимент на выживание в «безвоздушном пространстве»). В содержательном наполнении этой деятельности отчетливо выделяются три основных направления усилий издателя.

Во-первых, он стремился способствовать появлению произведений, которые бы не имели отпечатка «безмозглого тупого соцреализма». К авторам таких произведений принадлежал, например, Леонид Дранько-Майсюк, которому фактически покровительствовал М. Дубенецкий. Его поэзию ортодоксальные критики обвиняли в мистицизме, религиозности, неясности гражданской позиции. Ди-

* Наталья Козлова (1946–2002), доктор философских наук. Получила известность ее книга «Социально-историческая антропология», 1999 г. – *Ред.*

ректор «Мастацкай літаратуры» сыграл решающую роль и в публикации историко-популярной книги Константина Тарасова «Памяць пра легенды» (1984 г.), которая вызвала негативную оценку академической историографии. Кроме того, он причастен к выходу книги Адама Глобуса «Парк», тираж которой был арестован цензурой в сентябре 1984 г.

Во-вторых, книгоиздатель стремился к ретрансляции заброшенной национальной традиции, значительный пласт которой был под строгим запретом или просто забыт:

> «Вообще было обращено мною внимание соответствующих редакций на литературное наследие беларуского народа, на то наследие, которое не по вкусу многочисленным «кураторам».

Так, он «горячо» поддержал идею Ивана Чигринова напечатать сборник рассказов «маладнякоўцау», издать произведения Язепа Дылы (которые последний раз выходили в 1926 г.), Винцента Каратынского, опубликовать подборку стихов Алеся Гаруна (последний раз в БССР они вышли в 1946 г.). Началась подготовка переиздания произведений Владислава Голубка и Максима Горецкого. К этому ряду надо отнести повесть Василя Быкова «Мертвым не больно», которую удалось включить в собрание произведений писателя после долгого и напряженного противостояния с цензурой. В амбициозных планах издателя было переиздание «Библии Русской» Франциска Скорины и «Матчынага дара» А. Гаруна.

Наконец, немаловажным направлением его деятельности стало стремление обеспечить полноценную (насколько возможно) связь беларуской культуры с мировой (в первую очередь – западноевропейской). Хорошо известен факт, что одной из важнейших характеристик культуры БССР была ее почти полная изолированность даже от литератур стран социалистического блока, не говоря уже о «буржуазном Западе», чьи достижения приходили в тогдашнюю Беларусь почти исключительно через посредничество русской культуры. Уже в январе 1982 г., подводя итоги предыдущего года, М. Дубенецкий записал: «...улучшены условия издания переводной литературы» (создана дополнительная редакция переводной литературы и новый альманах «Братэрства»). В 1982 г. в беларуской печати появились произведения Уильяма Шекспира, Райнера-Мария Рильке и некоторых других зарубежных авторов.

Не вполне благонадежно выглядело стремление М. Дубенецкого к налаживанию контактов с зарубежными издательствами (например, с английским «MacDonald Education Ltd»). Первую попытку издать на беларуском языке ряд книг этого издательства сделал еще предыдущий директор «Мастацкай літаратуры» М. Ткачев, но ее фактически заблокировали в контрольных инстанциях. Тем не менее, в 1981 году М. Дубенецкий возобновил прежнее соглашение. В целом же более половины всех книгоиздательских договоров в БССР, благодаря его активности, пришлось на долю «Мастацкай літаратуры».

Противоречила партийным установкам и кадровая политика М. Дубенецкого. Дело не только в том, что он принял на должность заведующего редакцией Валентина Рабкевича (1937–1995), одного из фигурантов дела так называемого «Академического центра». Он не обращал внимания на необходимость выдерживать надлежащее количество членов КПБ среди всех сотрудников издатель-

ства, а некоторых новых работников характеризовал как «ярых беспартийцев» (Семен Букчин, Геннадий Киселев, Язеп Лецка, Арсень Лис, Рыгор Семашкевич, Михась Тычина).

Обойти цензуру удавалось далеко не всегда. И если повесть В. Быкова после долгих усилий все же появилась в его собрании сочинений, то пьеса Янки Купалы «Тутэйшыя», запланированная к печати в 1982 году в составе нового альманаха «Спадчына», была вовремя замечена в Главлите и весь альманах запрещен. Несмотря на намерение все же «добиваться издания пьесы», ее так и не удалось напечатать до конца 1980-х годов. Не дошли до читателя в запланированный год также избранные произведения Владислава Голубка, был удален из издательских планов Франциск Скорина.

В топографии беларуской советской культуры, как она преподносится М.Ф. Дубенецким, четко присутствует разделение по линии «свой – чужой». Он неоднократно высказывает чувство солидарности с Алесем Рязановым, Василем Быковым, Алесем Адамовичем, Владимиром Короткевичем, Николаем Улащиком и некоторыми другими. В этом смысле симптоматичны его рассуждения о возможности создания беларускими писателями аналога «Солидарности» или дифференциация членов редакционно-издательского совета, где он выделил группу «дворян» (Иван Шамякин, Геннадий Буравкин, Андрей Макаёнок, Иван Науменко, Пимен Панченко и др.) и противоположную им «пятерку» (Василь Быков, Алесь Адамович, Янка Брыль, Рыгор Бородулин, Роман Соболевский) – творцов, еще не удостоенных официальных званий и должностей или удостоенных, но «неискренне», с целью их «приручения».

Критерии могли быть и другие (например, когда Иван Чигринов рассказал М. Дубенецкому о том, что в своих романах показал эмигрантского поэта Моисея Седнёва как положительного героя, то «он сразу вырос в моих глазах»).

Что касается лагеря оппонентов, то в дневниках М. Дубенецкого описан весьма показательный в этом отношении случай – передача издательских дел в апреле 1986 года новому директору Анатолю Бутевичу. Преемник М. Дубенецкого не понял его планов публикации произведений Алеся Гаруна, ссылаясь на его антисоветизм и цензурный запрет. «Я учу его, как обойти цензуру, а он только знает, что ей надо подчиняться», – разочарованно отмечает в своих мемуарах М. Дубенецкий.

Еще один момент, на который стоит обратить внимание (он касается не только М. Дубенецкого, но и фигур, рассмотренных ниже), – особенности восприятия масштаба идеологических нарушений, допущенных М. Дубенецким. Сегодня мы невольно сравниваем их с образцами московского или киевского диссидентства и не считаем достижения минских культурников-инакомыслящих достойными внимания. Но в самом Минске в 1980-х г. действовала другая «оптика», обусловленная общим контекстом «послушной республики». Сквозь нее С. Павлов, например, мог вполне всерьез сравнивать «Спадчыну» М. Дубенецкого и знаменитый «Метрополь» группы московских авторов (надо думать, именно в соответствии с такой логикой усилия Нила Гилевича по защите беларуского языка позволяли считать его «националистом номер один» в БССР, и т.д.).

Анализ деятельности М. Дубенецкого вызывает вопрос о внутренней логике функционирования советской культуры, которая часто неверно воспринимается

как эманация власти. Такое представление полностью игнорирует роль личности в осуществлении культурного производства. Между тем, примеры культурнической инженерии (речь идет прежде всего о беларуском контексте), направленной против базовых идейных и эстетических компонентов советской культуры, не ограничиваются только личностью М. Дубенецкого.

Другой пример, который нельзя не привести, – Николай Ермалович (1921–2000) и роль, которую он сыграл в беларуской советской культуре. Обычно он воспринимается как один из крупнейших беларуских диссидентов. А между тем он часто печатался в официальной печати. Особое значение имеет его статья в журнале «Неман», которая рассматривалась автором и близкими к нему кругами как юбилейный материал – к празднованию тогда частью интеллигенции «Тысячелетия Беларуси». Обратившись к этому очень важному тексту, можно убедиться, например, что тезис Юрия Вашкевича – «не только слова контролировались, но и образы, интерпретации, сами интонации или другие параметры высказывания» – требует определенных уточнений. Очевидно, многое зависело от каждого отдельного функционера, как в случае со статьей Н. Ермаловича: ее отказались печатать в «Полымі», но благодаря Алесю Кудравцу опубликовали в переводе на русский язык в «Немане».

Вл. Короткевич в молодые годы

В контексте, связанном с усилиями М. Дубенецкого придать беларуской культуре большее разнообразие, используя допустимые средства, необходимо рассматривать и фигуру Владимира Короткевича (1930–1984). Его особое положение среди беларуских писателей широко известно. Первый этап творческого пути писателя (приблизительно 1958–1974 гг.) отмечен неприятием со стороны официальных идеологов, осуждением в печати его произведений, которые занимали маргинальное положение в беларуской советской литературе. Так, осенью 1963 года был рассыпан набор его повести «Дикая охота короля Стаха»; двадцать лет ждал выхода отдельной книгой роман «Леониды не возвращаются к Земле».

Между тем, В. Короткевич имел большой успех как литератор. Его деятельность, как и деятельность М. Дубенецкого, подчинялась представлению о социальной значимости литературы в частности и культуры вообще. «Роман... прочитает ну десять, ну двадцать тысяч человек. А хороший фильм посмотрят миллионы», – обосновывал В. Короткевич свою ангажированность в кинематографе. Как и другим писателям, В. Короткевичу приходилось соглашаться с цензорами, редактировать свои произведения, чтобы они попали в печать. Заметим также, что пример В. Короткевича выявляет свойственную выделенному выше второму типу внутренней эмиграции особенности: он фактически отказался от попыток занять какую-либо влиятельную должность в иерархии советской культуры.

Возможность сопоставления В. Короткевича и М. Дубенецкого заключается в исключительной популярности его романов, которые были явно отчуждены

если не от эстетики, то от проблематики остальной части беларуской литературы соцреализма. Творчество В. Короткевича достаточно точно соотносится с несоветской национальной культурной традицией (творческий доделок писателя справедливо характеризуется как «нестандартный» на общем фоне). Сам он воспринимался обществом (наряду с В. Быковым) как главный нарушитель спокойствия в республике, но, тем не менее, оставался вполне лояльным советским гражданином, о чем специально говорит Адам Мальдис. Это же подтверждает и Сергей Дубовец, который вспоминает, что участники студенческих группировок начала 1980-х годов так и не нашли общего языка с В. Короткевичем.

Дальнейшая судьба творческого наследия этого творца (например, признание его «пророком» со стороны товарищества «Тутэйшыя») еще раз свидетельствует, что культурные артефакты не могли иметь однозначного прочтения и легко переосмысливались, приобретая новое звучание и изменяя культурную локализацию. Так В. Короткевич, адекватный (с определенными оговорками) советский классик, был преобразован в пророка новой, принципиально нонконформистской (или даже враждебной применительно к классическому советскому наследству) литературы.

***

Несколько иную, хотя и типологически близкую модель поведения, насколько возможно предварительно утверждать, пытался осуществлять Нил Гилевич. Он был представителем академических кругов (в 1960–1980 гг. работал преподавателем БГУ) и не только проявлял интерес к «сомнительной» литературе (например, к Юрию Витьбичу, И. Дзюбе, Ларисе Гениюш), но и стремился публично высказывать свои критические взгляды на языковую ситуацию в БССР. Так, в 1965 году он выступил с критикой языковой ситуации в Беларуси на совещании переводчиков в Минске. Этой же проблеме были посвящены его речи на V съезде Союза писателей (1966 г.) и во время обсуждения дела студентов А. Рязанова и В. Ярца в 1968 г. Несмотря на это, в 1980 году Н. Гилевич по предложению П.М. Машерова стал секретарем правления Союза писателей. Свое согласие быть чиновником в сферы культуры он обосновывал в том числе и надеждой на новые возможности влияния.

Надо отметить, что Н. Гилевич был не изолирован в русле осторожного инакомыслия, а принадлежал к достаточно широкому кругу недовольных. «Болело у многих», – замечает автор, имея в виду не только «судьбу родного языка», но и вообще «долю-недолю беларускую».

Надо подчеркнуть, что инакомыслие Н. Гилевича имело предельно «рафинированный» характер. Задавая «опасные» вопросы, он уклонялся от ответов на них. Сдержанная критика культурной ситуации могла осуществляться и в опоре на решения партийных съездов (сходным образом на марксизм опирались многие диссиденты, как, например, Иван Дзюба)*. В то же время в печати он выступал и с надлежащим образом выдержанными текстами. Однако даже такое сдер-

* Иван Дзюба (1931 г.р.) – украинский литератор, автор двух десятков книг, в основном публицистического характера. Широкую известность получил в свое время его трактат «Интернационализм или русификация» (1965 г.), распространявшийся нелегально, через Самиздат. – *Ред.*

жанно-критическое отношение к отдельным проявлениям советской действительности не могло выходить за точно определенные границы. Именно поэтому упомянутые выше речи 1960-х годов были опубликованы в конце 1970-х гг. с купюрами, а полностью – только в 1996 году, оставаясь достоянием узкого круга интеллигенции.

«Сказ про Лысую гору» (который, по всей видимости, принадлежит Н. Гилевичу) здесь не обсуждается, поскольку о нем доказательно и исчерпывающе высказался С. Дубовец: «Поэма, в которой нет ни капли антисоветчины или хотя бы нонконформизма».

Впрочем, такой приговор не должен вводить в заблуждение. Сама по себе поэма чрезвычайно хорошо иллюстрирует возможные пути коммуникации между разными типами творчества и существования в культуре. Ибо, несмотря на отсутствие в поэме признаков диссидентства, она явно отличается от произведений, появившихся в рамках «нормальных» культурных практик. В этом смысле ее пограничный статус вполне соответствует высказыванию Максима Жбанкова:

> «Одинаково обжиты и комфортны были и официальный, и альтернативный слои («Капитал» – на зачете, «Архипелаг Гулаг» – под подушкой)».

Типологически тождественна поэме Н. Гилевича, например, логика публичного представления М. Дубенецким упомянутого выше романа «Нельзя забыть»: на общем собрании издательства он обозначил его в первую очередь как «пронизанный духом интернационализма». Речь не идет о какой-то лжи издателя: восприятие романа зависело, естественно, от читателя, а не от первоначальной авторской интенции, общеизвестно, что продуцирование смыслов обусловлено читательским мировоззрением. Для М. Дубенецкого роман был ценен вовсе не интернационализмом, на что однозначно указывает его дневник. Но, выступая перед высокопоставленным руководителем из ЦК он должен был соответствующим образом преподнести ключевую тему художественного текста, поэтому выставил на первый план именно интернационализм.

* * *

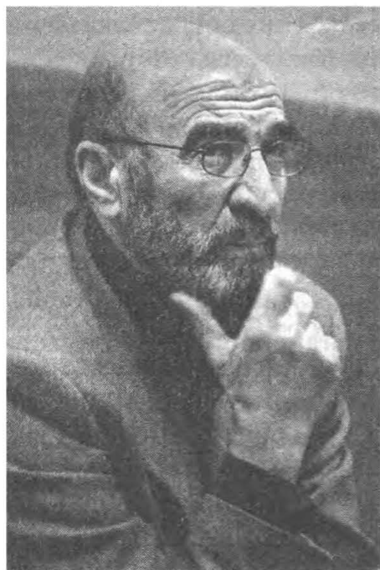
Следующий способ сосуществования с советской идеологией основывается не на противостоянии с системой через создание неорганичного в ее контексте культурного продукта, а поиск возможности существования в рамках этой культуры при отрицании ее идеологических слагаемых. Такая идеологическая неангажированность сама по себе уже вызывала подозрения: известно, что советская культура строилась таким образом, что не могла существовать сама для себя, вне социального и политического контекста (ни в коем случае не могла «иметь какой-то своей этики или телеологии развития»). Потому творцы, которые отказывались обеспечивать нужную функциональность культуры, a priori не имели больших карьерных шансов в системе и должны были удовлетворяться своим маргинальным положением (хотя их вклад, разумеется, мог иметь огромное значение)*.

* Очень яркий пример – Владимир Высоцкий. Его песни звучали по всему СССР, но сам он в официальном плане был никто. – *Ред.*

Таким образом, первичный признак этого типа внутренней эмиграции – то, о чем Рыгор Бородулин сказал: «Не примерял мундиров». За ним, по мнению А. Семёновой, то же самое могли с полным правом повторить Владимир Короткевич, Василь Сёмуха, Арсень Лис, Михась Стрельцов. Случай В. Короткевича уже рассматривался выше – действительно, он не имел никаких официальных должностей. С другой стороны, к его мнению прислушивался П. Машеров, а многие его произведения имеют идеологическое звучание. Владимира Короткевича трудно сравнивать с тем же Михасем Стрельцовым – писателем, сосредоточенным почти что на «чистом искусстве»: лирической поэзии, краткой прозе, литературной критике («тут было спасение»). Таким образом, эти личности вполне сознательно присоединялись к советской культуре и фактически работали в ее пользу, но пытались при этом вынести за скобки навязчивые принципы партийности и соцреализма.

Весьма показательна в этом смысле творческая судьба известного графика Бориса Заборова. Желая избежать обязательной марксистско-ленинской индоктринации своих произведений, он сознательно замкнулся в рамках книжной иллюстрации, которая представлялась наиболее далекой от коммунистической идеологии сферой изобразительного искусства:

> «Я жил в стране образцового тоталитарного режима, для которого его порочная идеология была условием существования. Она пронизывала всю жизнь, и искусство – в первую очередь. Книжная графика была относительно безопасной зоной, которая скрывалась в тени литературного текста».



Б. Заборов

Как известно, в 1980 году Б. Заборов уехал из БССР (сначала в Вену, после – в Париж). Причины отъезда понятны, но нелишне все же их назвать – сошлемся на В. Тараса (сходство метафор у него и М. Дубенецкого вряд ли приходится объяснять только их относительной простотой):

> «...не хватало ему – воздуха! И опостылело жить изгоем, опостылело жить во «внутреннем гетто», куда его старательно загоняли некоторые сослуживцы... желание стать свободным художником».

Но совершенная Б. Заборовым «физическая» эмиграция не могла иметь широких перспектив: так или иначе, советская культура (читай – идеология) вовлекала инакомыслящих в пространство своего влияния.

Из других деятелей, близких к подобному способу отвечать на вызовы реальности советской культуры, стоит назвать поэта Алеся Рязанова. После исключения из БГУ в 1968 году он не вступал в открытые конфликты с идеологией и властью, но сохранял связи с (полу)диссидентскими кругами (например, студенческими). В то же время его существование в рамках советской культуры было сложным. Сборники поэта выходили с трудом. И, несмотря на то

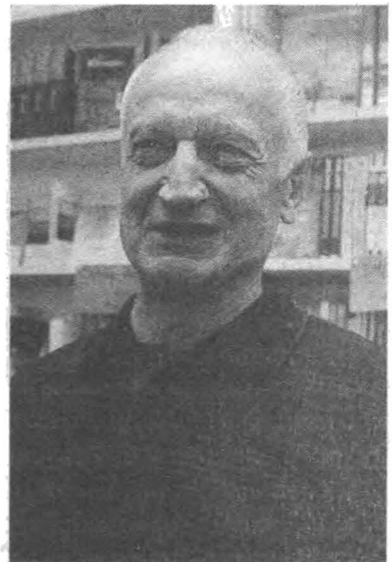
что в некоторых из них можно найти идеологически выдержанные стихотворения, в целом они так и остались непринятыми в «беларускую советскую поэзию», прежде всего из-за рефлексивного сопротивления критики, которая так и не сумела согласовать эстетику А. Рязанова с социалистическим реализмом.

Примером его культурной ориентации может служить составленный им небольшой сборник произведений Янки Купалы, куда вошла запрещенная поэма «На Кутью». Невозможно найти проявлений марксистско-ленинской методологии (или мировоззрения) в критических выступлениях А. Рязанова в печати. Поэтому он был культовой фигурой в молодежной среде, сыграв исключительную роль в пробуждении национальных чувств у студентов-горожан и присоединении их к национально-демократическому движению.

Наиболее ярко рязановское инакомыслие проявилось в театральной постановке «Клеменса», который был переводом из литовского драматурга К. Саи. Однако в беларуский вариант были введены оригинальные песни с явным подтекстом:

І гэты час, і гэты лад
Не назаўсёды...
Я клічу гром, я клічу град...
Жыві, нягода!

В данном случае опять же надо иметь в виду, что посыл этих поэтических текстов определялся прежде всего их читательским восприятием. Использованный здесь эзопов язык позволял А. Рязанову, а также режиссеру и всем, кто был задействован в спектакле, сохранять лояльный облик. В то же время воздействие этой пьесы, насколько можно судить по воспоминаниям непосредственных участников, было огромным. Однако это довольно редкий случай, когда в творчестве поэта отразились околополитические лозунги; главная черта его культурной деятельности – явная аполитичность, поэтический «герметизм», стремление найти «спасение» в своей поэзии.



А. Рязанов

***

Последний определенный нами тип внутренней эмиграции наиболее приближается к диссидентским практикам. Тут мы снова сталкиваемся с принципиальной невозможностью свести культуру к упрощенным схемам и моделей. Провести точно очерченную границу вряд ли возможно. И это дело становится тем более непростым, если учесть сложность самого определения понятия «диссидент» (сравним с утверждением, что в БССР был только один настоящий диссидент – Михаил Кукобака).

К этому типу внутренней эмиграции можно отнести Кима Хадеева (1929–2001), опубликовавшего всего несколько статей; В. Стрижака, первая поэтиче-

ская книга которого появилась уже в 1990-е годы; Ларису Генеиюш (1910–1983), которая оставалась «гражданкой БНР» и принципиально не принимала советской действительности (хотя благодаря усилиям М. Танка в БССР все же были изданы несколько ее поэтических книг, несколько раз ее стихотворения появлялись в официальной печати), как и советская действительность не принимала поэтессу (она, например, так и не вступила в СП БССР).

Ким Хадеев

В контексте рассматриваемой проблематики большого интереса данный тип из-за его небольшой роли в пространстве культуры не представляет. Можно отслеживать, каким образом в этих кругах конструировалась собственная идентичность, какое место в ней отводилось для «внешней» советской культуры. Так, в «Хадеевской академии», как вспоминает Антон Кулон, печататься в официальных изданиях считалась позорным, неприличным занятием.

Для Л. Гениюш выживание в советских условиях было естественным образом спаяно с опасностью («...было бы хорошо, если бы В. Колесник в своем предисловии не сделал из меня то, чем я не являюсь...»), поэтому поэтесса не соглашалась на публикации своих стихотворений даже под давлением друзей. Видимо, этим же – стремлением отмежеваться от советской культуры – стоит объяснять и активную переписку Л. Гениюш с беларуской диаспорой, прежде всего с культурными деятелями, которым она посылала, в том числе, свои стихотворения, реализуя таким образом желание быть услышанной.

Лариса Гениюш

Необходимо еще раз подчеркнуть условность предложенной классификации, которая имеет характер скорее рабочей гипотезы и, как и каждую модель, ее трудно соотносить с жизнью (Ю. Лотман). Процесс идентификации интеллектуала с той или иной традицией (более широкое применение понятия «традиция» к изучению советской культуры тоже выглядит перспективным) был сложным и вряд ли жестко обусловленным процессом. Одна из хороших иллюстраций – строки из мемуаров Валентина Тараса (1930–2009), где описывается путь отказа автора от «иллюзий относительно сталинского казарменного социализма». Этот процесс, который начался, по В. Тарасу, еще в партизанском отряде, был очень долгим и сложным и продолжался около семи лет, когда автор работал в редакции главного партийного издания – газеты «Звязда» (1955–1962).

> «В "звездовской" школе жизни я понял механизм того строя, который называется тоталитарной системой, понял, увидел воочию механизм ее пропаганды, зловещий механизм цензуры».

Показательно, что даже в самом сердце партийной пропаганды могли работать беспартийные личности, а темой разговоров среди прочего была грамма-

тика Тарашкевича. Более того, в 1959–1961 гг. В. Тарас возглавлял отдел литературы и искусства в редакции «Звязды», но ему пришлось уйти из-за нежелания вступать в партию. Очень интересен эпизод, в котором идет речь о колебаниях В. Тараса насчет вступления в партию. Его рассуждения приблизительно соответствовали тезисам, которыми Н. Гилевич обосновывал свое решение стать секретарем СП СССР – возможности, которые открывал этот компромисс. Такую возможность очень жестко осудил Алесь Адамович. В результате В. Тарас в 1962 г. ушел из «Звязды», так как «идейно это уже была не моя газета».

Валентин Тарас

Столкновение с властями произошло позже, в 1968 году, когда В. Тарас был привлечен к допросам в КГБ по делу Лидии Вакуловской (1926–1991)*. Вдобавок к тому ему пришлось уволиться из редакции «Немана», около восьми лет его не печатали в БССР.

Валентин Тарас входил в круг довольно «ненадежных» персон, к которым принадлежали Алесь Адамович (1926–1994), Николай Крюковский (1923–213), а также «группа Л. Вакуловской». Он был близко знаком с Василем Быковым. Вместе с тем в его творчестве вряд ли можно найти диссидентские черты. Особенности мировосприятия В. Тараса были обусловлены очевидной неудовлетворительной ситуацией в советском обществе вообще и в советской культуре в частности. Цензура усиливалась и все чаще превращалась в несуразность; нарастало партийное вмешательство в жизнь интеллигенции (например, ЦК КПБ мог назначать функционеров в редакции журналов, обходя Союз писателей БССР). Наконец, не мог не оказывать влияния на интеллигенцию застой в культурной жизни (отмеченный в дневниках того же Максима Танка).

Лидия Вакуловская

Из сказанного следует, что к исследовательскому разделению культурной жизни надо относиться с надлежащей осторожностью.

***

Изучая историю интеллектуалов как в БССР, так и в СССР, исследователи обычно стремятся избегать оценочных суждений. Хотя сама необходимость ши-

* Провокаторы из КГБ пытались раскрутить «Дело Вакуловской», придуманное ими самими. Но времена изменились, чрезвычайных троек ГПУ уже давно не было, а предъявить суду оказалось нечего, кроме доносов стукачей. – *Ред.*

рокого изучения социально-культурных предпосылок положения интеллектуалов вряд ли может быть оспорена. Разумеется, особую ценность представляют собой новаторские поиски, например, таких ученых, как Н. Козлова, которая, опираясь на идеи П. Бурдье, выделяет в качестве перспективного гносеологического инструмента метафору игры.

Вместе с тем надо понимать, что тезис о жестком разделении советской культуры как явления и, таким образом, о «жесткой диверсификации» интеллектуального сообщества согласно ее культурническому тождеству не выдерживает критики. И в научной литературе все чаще появляются публикации, основанные на взвешенности и деликатности по отношению к классификации явлений культуры. Так, Роже Шартье выделяет тезис «классификации под вопросом», а Сергей Хоружий* сосредоточивается на другом, но близком аспекте существования внутренней эмиграции:

> «Постепенно остров разрушался. Процесс был двойственный: сокращались и выразительность различий, и энергия защиты этих различий».

Главное практическое следствие такого подхода – отсутствие целостного образа культуры и сведение культурных явлений к той форме, которая позволяет удобно согласовывать их с заданной схемой. Как заметила Н. Козлова, если Михаил Зощенко считается по ведомству «гонимых», то перестают упоминать о том, что он писал рассказы о Ленине. По отношению к Беларуси в основном сосредоточиваются на раскрытии другой дихотомии – национальное против советского, а такой способ писать историю советской культуры, кажется, еще в большей степени выявляет свою внутреннюю несостоятельность.

Речь надо вести об органическом единстве разных сфер, их внутренней взаимосвязи, существовании сложных каналов коммуникации и заимствований, переиначивания культурного продукта (советский классик В. Короткевич как пророк нонконформистов, националистка Л. Гениюш и ее книги в государственном, то есть подцензурном, издательстве). Строй беларуской культуры советского периода с ее имманентным отсутствием разветвленной инфраструктуры инакомыслия может рассматриваться как наиболее удачная иллюстрация этого тезиса: инакомыслие не находилось где-то в изоляции, оно существовало в качестве органической составной части системы официальной культуры.

Рассмотренные нами способы внутренней эмиграции позволяют несколько иначе взглянуть на структуру культуры и культурных элит в БССР, чем это обычно делается в беларуской гуманитарной науке. Ибо нам до сих пор известна преимущественно ее внешняя сторона, если не отчетная статистика за каждую пятилетку. Между тем очевидно, что вне границ нашего внимания остается огромное количество микропрактик культурного производства. Не зря первичный эмпирический материал накоплен именно в дневниках и воспоминаниях – произведениях, написанных живыми свидетелями и участниками событий.

Также понятно, что и простой фиксации уже недостаточно. Все еще трудно представить себе огромную систему беларуской советской культуры, обобществ-

* С. Хоружий (1941 г.р.) – российский ученый-физик, философ и богослов, переводчик (перевел на русский язык знаменитый роман Дж. Джойса «Улисс». – *Ред.*

ленный образ, который был бы индукционно составлен именно из этих очеловеченных фактов культурной истории, из этого быта, из повседневности культуры, а не из «литературно-художественных хроник».

Социальное положение интеллектуалов в советском обществе не допускало больших возможностей влияния на конституцию культуры — она диктовалась общими положениями доктрины марксизма-ленинизма. Как мы пытались показать выше, в истории БССР были примеры попыток «латентной инженерии» — случаи М. Дубенецкого и В. Короткевича.

Однако последние принадлежат к разным типам внутренней эмиграции: первый ориентировался на карьерный рост в предложенных условиях, второй принципиально уклонялся от иерархий официальной культуры.

С другой стороны, культурническое бесправие тех персон, которые, по общепринятой логике, и должны определять ключевые принципы и направления развития культуры, порождало стремление к их замыканию на частных моментах профессиональной деятельности, что позволяло уклониться от воздействия господствующей идеологии.

Наконец, совсем близко к диссидентству размещалась стратегия радикальной самоизоляции от культуры советского типа, от ее «соблазнов и привилегий».

РОГВОЛОДОВИЧИ, КНЯЗЬЯ ВЕЛИКОГО ПОЛОЦКА

Анатоль Тарас

Тема, заявленная в названии, вполне «тянет» на солидную научную монографию. Но писать таковую у меня нет возможности. Поэтому ограничусь кратким изложением своего понимания этой темы.

1. Традиционные сообщения о полоцких князьях

Сначала приведу устоявшуюся в российской историографии (и в производной от нее официальной беларуской) версию рассказа о первых четырех полоцких князьях и о дочери первого из них. Для экономии места ограничусь при этом статьями из «Советской Исторической Энциклопедии» (СИЭ) и «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (ЭГБ)*.

Рогволод

«Первый исторически известный полоцкий князь, отец Рогнеды. По летописям, пришел «из-за моря». Исследователи считают, что Рогволод стал полоцким князем в 960–970 гг. или даже в середине X века.

Можно полагать, что в борьбе Новгорода с Киевом Рогволод склонялся на сторону Киева. Завоевал новгородские волости, за что в 980 (по В.М. Татищеву – в 975, по А.А. Шахматову – в 970) был убит новгородским князем Владимиром Святославичем вместе с женой и двумя сыновьями (Раальдом и Свеном)». (ЭГБ, том 6, книга 1, с. 43).

В СИЭ статьи о Рогволоде нет.

Рогнеда

«Рогнеда (умерла в 1000) – дочь полоцкого князя Рогволода, жена великого князя киевского Владимира Святославича, мать князя Изяслава Владимировича. По сообщению летописи, в конце 70-х годов X века Рогнеда отвергла сватовство тогда еще новгородского князя Владимира Святославича; захватив Полоцк (около 980) и убив отца и двух братьев Рогнеды, Владимир насильно сделал ее своей женой, дав ей славянское имя Горислава. По преданию, после крещения Владимира и ликвидации его гарема Рогнеда отказалась воспользоваться его разрешением вторично выйти замуж и постриглась в монахини под именем Анастасии» (СИЭ, том 12, ст. 102).

***

«Полоцкая княжна, дочь полоцкого князя Рогволода, жена великого киевского князя Владимира Святославича, мать князя Изяслава Владимировича. По летописям, отклонила сватовство Владимира Святославича, который княжил тогда в Новгороде.

* Перевод с «беларускай мовы» мой. – *А. Тарас*

Около 980 Владимир захватил Полоцк, убил отца, мать и двух братьев Рогнеды, а ее насильно сделал своей женой и дал ей славянское имя Горислава. Из чувства мести Рогнеда совершила неудачное покушение на жизнь мужа. Владимир хотел казнить Рогнеду, но за мать заступился малолетний сын Изяслав. Тогда Владимир сослал Рогнеду и сына в город Изяславль (Заславль). По преданию, после крещения Владимира и ликвидации его гарема Рогнеда, отказалась во второй раз выйти замуж и постриглась в монахини под именем Анастасии. Возле Заславля названия урочищ связаны с именем Рогнеды. Сообщения некоторых источников о том, что Рогнеда за очень короткий период родила от Владимира 4-х сыновей и 2-х дочерей, являются спорными» (ЭГБ, том 6, книга 1, с. 44).

Изяслав

«Изяслав Владимирович (980–1001) – изяславльский, позже полоцкий князь, старший сын киевского князя Владимира Святославича от брака с полоцкой княжной Рогнедой» (СИЭ, том 5, ст. 778).

***

«Полоцкий князь с 988, сын Владимира Святославича и Рогнеды Рогволодовны. По летописной легенде, за заступничество за мать мальчик Изяслав был вместе с нею сослан отцом на Полотчину в построенный для них город Изяславль (ныне Заславль под Минском).

С его именем связано восстановление полоцкой княжеской династии Рогволодовичей и политической самостоятельности Полоцкого княжества. Исследователи полагают, что при нем произошло принятие христианства на Полотчине, в Полоцке создана одна из первых епископий (991–992), введена письменность, о чем свидетельствует его печать с надписью, найденная археологами в Новогороде.

Никоновская летопись дает высокую оценку Изяславу как человеку и христианину: «Бысть же сий князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив».

Прожил не более 25–26 лет. Имел двух сыновей: Всеслава и Брачислава». (ЭГБ, том 3, с. 477).

Брачислав

«Брячеслав Изяславович (умер 1044) – полоцкий князь с 1001 г. /написано именно так – Брячеслав, через «я» и «е»/. В 1021 совершил набег на Новгород; на обратном пути на реке Судомире (Судоме) его войско было настигнуто Ярославом Мудрым и разбито. В борьбе с последним Б.И. удалось отстоять самостоятельность Полоцка, отделившегося от Киева еще при отце Б.И. – Изяславе Владимировиче» (СИЭ, том 2, ст. 782).

***

«Сын Изяслава Владимировича, внук Рогнеды Рогволодовны и Владимира Святославича. На княжеский трон взошел малолетним. Сообщения о его деятельности встречаются с 1021. Как первый князь возрожденной полоцкой династии Рогволодовичей боролся за восстановление независимости Полоцкой земли. После смерти великого князя киевского Владимира Святославича (1015) как наследник старшего в роду сына /Изяслава. – *А.Т.*/ мог претендовать на киевский трон. По мнению некоторых иследователей, правил в Киеве в 1019–21.

После того как борьба за верховную власть между Святополком Владимировичем и Ярославом Мудрым завершилась победой последнего, Брачислав выступил против стремления Ярослава Мудрого подчинить своей власти все земли Киевской Руси. В

1021 он пошел на Новгород, захватил его и вывел в Полоцк много пленных вместе с их имуществом. Ярослав Мудрый с войсками пошел из Киева навстречу Брачиславу и на реке Судомире разбилт полочан. Однако по заключенному между князьями соглашению Брачислав получил города Витебск и Усвят. До 1026 Брачислав и Ярослав правили Киевской Русью из своих вотчин Полоцка и Новгорода через наместников в Киеве, что означало признание Ярославом политической независимости Полоцкой земли. В летописе упоминается о существовании в Киеве «Брачиславова двора» и двора «мужей Ярославовых».

В 1024 Мстислав Владимирович захватил Чернигов, а в 1026 Ярослав обосновался в Киеве, что разрушило дуумвират. Однако Брачислав сумел значительно расширить границы Полоцкой земли на юг и на север, где был основан город Брачиславль, ныне Браслав.

Имя Брачислава было известно в скандинавском мире, о чем свидетельствует «Эймундова сага». (ЭГБ, том 2, с. 79).

Всеслав

«Всеслав Брячиславич (умер 1101) – князь полоцкий с 1044. В 1065 начал войну с Псковом, но взять его не смог. Через год напал на Новгород, ограбил Софийский собор и сжег город. В 1067 был разбит на реке Немиге (Немизе) братьями Изяславом, Святославом, Всеволодом Ярославичами, которые, нарушив клятву, вероломно захватили его во время переговоров в плен. В 1068 освобожден восставшим народом из темницы в Киеве и по воле веча 7 месяцев был там князем. Выступил против наступавшего на Киев прежнего великого князя Изяслава Ярославича, но затем тайно бежал в Полоцк, откуда в 1068 был изгнан Изяславом. С 1070 окончательно утвердился в Полоцке и упорно боролся с князем Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом за сохранение самостоятельности Полоцкого княжества». (СИЭ, том 3, ст. 815).

***

«Всеслав Брачиславич (около 1029–14.04.1101), князь полоцкий (1044–1101). Сын полоцкого князя Брачислава Изяславича. В 1060 участвовал вместе с Ярославичами (Изяславом, Святославом, Всеволодом) в походе против кочевников-торков. Стремился расширить Полоцкое княжество и отстаивал его самостоятельность.

В 1065 неудачно напал на Псков, но сумел разбить войско новгородского князя Мстислава на реке Череса, после чего в 1066 захватил Новгород, вывез из Софийского собора колокола и другие вещи, а часть города сжег. Разбит тремя братьями Ярославичами в битве на Немиге 1067, вероломно захвачен ими в плен во время переговоров возле Орши и заключен в Киеве. Во время Киевского восстания 1068–69 освобожден народом из темницы и 7 месяцев был в Киеве великим князем.

Во время похода против прежнего великого князя Изяслава Всеслав Брачиславич вернулся в Полоцк. Изгнанный оттуда Изяславом, с войском, набранным среди финского племени водь, в 1069 был разбит под Новгородом. В 1071 вернул княжение в Полоцке. В 1078 на время захватил Смоленск.

Построил Полоцкий Софийский собор. За решительность, ум и энергию прозван Чародеем. Один из героев «Слова о полку Игоревом», упоминается в былинах киевского цикла. Имел сыновей Бориса (Рогволода), Давыда, Глеба, Ростислава, Романа, Святослава». (ЭГБ, том 6, книга 2, с. 15).

2. Можно ли верить летописям?

Краткие статьи в энциклопедиях о первых четырех князьях династии Рогволодовичей, а также о Рогнеде, основаны на сообщениях в летописях — Новго-

родской, Лаврентьевской, Ипатьевской, Никоновской. Возникает вопрос: насколько они достоверны? Но сначала надо пояснить, что представляют собой сами эти летописи.

Новгородская первая летопись:

«Летописание в Новгороде началось в XI веке и продолжалось до XVIII века. Изданные Новгородские летописи условно обозначаются пятью номерами. Древнейшая из них, Новгородская 1-я летопись, известна в двух редакциях (изводах). Старшая редакция сохранилась в одном дефектном пергаментном списке (Синодальном) XIII–XIV вв. Изложение в ней доведено до 30-х гг. XIV века. Младшая редакция является продолжением и частичной переработкой старшего извода. Изложение в ней доведено до 40-х гг. XV века» (СИЭ, том 10. Москва, 1967, ст. 272).

Лаврентьевская летопись:

«Пергаменная рукопись, содержащая копию летописного свода 1305 года, сделанную в 1377 году группой переписчиков под руководством монаха Лаврентия по заданию суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича со списка начала XIV века. Текст свода начинается с «Повести временных лет» и доводится до 1305 года. В рукописи отсутствуют сведения за 898–922, 1263–1283, 1288–1294 гг.

Свод 1305 года представлял собой великокняжеский владимирский свод, составленный в период, когда великим князем владимирским был тверской князь Михаил Ярославич. В основе его лежал свод 1281 года» (СИЭ, том 8. Москва, 1965, ст. 366–367).

Ипатьевская летопись:

«Летопись получила название по местонахождению ее списка в Ипатьевском монастыре (Кострома). Кроме Ипатьевского списка начала XV века, открытого Н.М. Карамзиным, самостоятельное значение имеет Хлебниковский список XVI века. (...) Полностью текст издан в 1871 г. и переиздан в 1908 г. А.А. Шахматовым. (...) Ипатьевская летопись разделяется по составу на три основные части: первая – «Повесть временных лет» с продолжением до 1117 г.; вторая (события 1118–1199 гг.) – Киевский свод конца XII века; третья (до 1292 г.) – в основном галицко-волынские летописные записи, которые, судя по Хлебниковскому списку, в оригинале летописи не имели разбивки по городам». (СИЭ, том 6. Москва, 1965, ст. 192–193).

Никоновская летопись:

«Русский летописный свод XVI века. Назван по принадлежности одного из списков патрарху Никону. (...) Основная часть Никоновской летописи составлена в 1539–42 гг. Ник. лет. представляет собой громадную компиляцию, созданную на основе многих, в т. ч. не сохранившихся до нашего времени источников. (...) Составители Ник. лет. подвергли имевшиеся у них материалы значительной редакционной обработке и создали концепцию, согласно которой руководящая роль в образовании Русского государства принадлежала московским князьям, действовавшим в союзе с церковью». (СИЭ, Москва, 1967, том 10, ст. 228).

Хронологически самой древней частью в них является «Начальная летопись», основную часть которого написал то ли монах Нестор в Киево-Печерском монастыре в 1110–1113 гг., то ли Сильвестр (монах того же монастыря) в 1116–1118 гг. Именно этот вариант ученые называют 1-й редакцией. Другое название текста – «Повесть временных лет» (ПВЛ).

Вот какая характеристика «ПВЛ» дана в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ):

> «Как отдельный самостоятельный памятник «ПВЛ» не сохранилась. Ее старшими и основными списками являются «Лаврентьевская летопись», где отразилась 2-я редакция «ПВЛ», и «Ипатьевская летопись», где отразилась 3-я редакция «ПВЛ». (...)
>
> Изучение летописания (здесь назван ряд ученых. – *А.Т.*) показало, что существовали летописные своды, предшествовавшие «ПВЛ», а сама «ПВЛ» не является единым произведением. После своего появления «ПВЛ» еще дважды подвергалась переработкам. (...)
>
> Источниками 1-й редакции «ПВЛ» послужили предшествовавший Киево-Печерский свод 1093 года, или Начальный, – по терминологии А.А. Шахматова (сохранился в составе Новгородской первой летописи младшего извода)». (СИЭ, том 11. Москва, 1968, столбцы 228–229).

Итак, все указанные летописи начинаются с «ПВЛ», но тексты ее имеют разную редакцию. Попросту говоря, в каждую из трех летописей (Лаврентьевскую, Ипатьевскую, Никоновскую) переписчики добавили много вставок от себя. Обратите внимание на этот факт: все вставки в изначальный текст «ПВЛ» были сделаны через 100–200–300 и больше лет после сочинения оригинала. Другими словами, они явились плодами фантазии редакторов-переписчиков!

Вот что пишет современный московский автор Владимир Егоров в книге «Каганы рода русского», опубликованной в 2012 году:

> «..это книга /Каганы рода русского. – *А.Т./* о неправде, о вольной и невольной, но всеобъемлющей фальсификации начал русской истории, о веками копившихся стыдливых умолчаниях, жульнических передёргиваниях и бессовестной лжи нашей так называемой Первоначальной летописи /т.е. ПВЛ. – *А.Т./* Конечно, лучше было бы написать книгу об исторической правде древней Руси. Хотелось бы, ох, как хотелось бы, чтобы такая книга была написана! К сожалению, ждать этого не приходится. Той правды никто не знает и, скорее всего, уже никогда не узнает. Однако всё равно это не повод выдавать сказки, мифы и откровенное враньё за историческую действительность!» (Интернет-вариант, с. 1).

Приведенная цитата четко выражает принципиальную методологическую установку В.Б. Егорова, которую я полностью одобряю и принимаю.

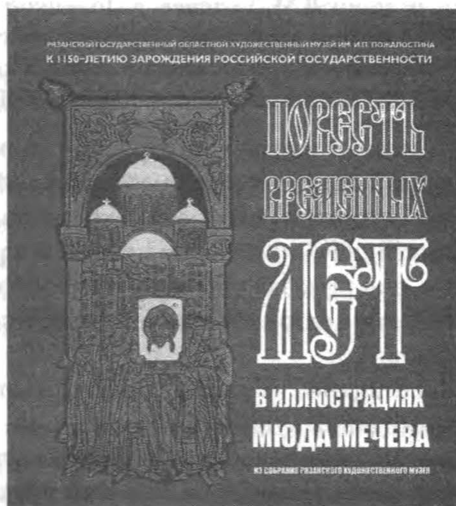
А вот какую характеристику «ПВЛ» дает Егоров в своей книге «У истоков Руси: меж варягом и греком» (Москва, 2010 г.):

> «...Нестор под названием «Повесть временных лет» написал не всю «Повесть», как ее принято расширенно понимать в наше время, а только самое-самое ее начало, основу так называемой недатированной части, и написал ее «в своем стиле» как повесть о подвигах князей и скорбях народных – литературное произведение на историко-патриотическую тему.
>
> Основой произведения стал так называемый «Хронограф по великому изложению» – краткая болгарская компиляция двух греческих хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, по-видимому единственный доступный Нестору перевод византийских хроник на древнецерковнославянский язык. На канву, заданную хронографом, легли местные дружинные предания и народные сказки, сдобренные плодами авторской фантазии. Не забыто было и представление самого себя в начале повести». (Интернет-вариант, с. 145).

Далее он отмечает:

> «Нестор за листажом не гнался. Его произведения невелики по объему, написаны ясным лаконичным языком и, можно сказать, не содержат ничего лишнего, необязательного. Зато все, что написано, даже откровенные фантазии, тщательно продумано, взвешено и сбалансировано. У Нестора практически нет внутренних несоответствий и явных нестыковок. Зато их полным полно у Автора-3 /это автор 3-й редакции «ПВЛ», т.е. «Лаврентьевской летописи». – *А.Т.*/, для которого вообще характерна некоторая «безалаберность», которая, впрочем, отчасти может являться следствием того, что за абстрактным Автором-3 стояли несколько реальных авторов.
>
> У собственно Нестора бросается в глаза только один (...) явный ляп об отроке, знавшем печенежский язык, хотя печенеги *впервые* появились под Киевом. (...) Но здесь у Нестора есть возможность оправдания. Давно отмечено, что вся легенда об освобождении Киева от печенежской осады в «Повести» представляет собой совмещение двух преданий, в одном из которых город спасает воевода Претич, а в другой – забежавший из Болгарии домой Святослав. Вследствие явной противоречивости двух вариантов у них должны быть разные источники, и, следовательно, у Нестора здесь был соавтор, за счет которого можно списать эту несуразицу.
>
> Тексты же Автора-3 буквально напичканы нелепицами и курьезами. /Вот/ глобальные проблемы расхождения утверждений Автора-3 с теми данными, которыми располагает современная археология: *(1)* что Рюрик с братьями призываются в 862 году в несуществующий еще Новгород; *(2)* что в IX веке нет самого Киева, который поочередно захватывают Аскольд с Диром и Вещий Олег; *(3)* что точно также нет еще Чернигова, Переяславля, Ростова и Любеча, для которых Вещий Олег берет дань с греков; *(4)* что путь «из варяг в греки» начинает функционировать спустя почти полвека после того, как по нему проходят Аскольд и Дир, не говоря уже об апостоле /Андрее Первозванном. – *А.Т.*/. Это перечень можно продолжить... (Интернет-вариант, с. 151).

Не только В.Б. Егоров, но и другие современные авторы (например, С. Баймухаметов, А.А. Бычков, Ю.А. Заяц, А.Н. Никитин, В.К. Пануцевич) убедительно показали на многих примерах, что к сообщениям летописей надо относиться предельно критически. Все они были написаны по заказам «сильных мира сего», все создавались в интересах заказчиков, обосновывая их права (чаще всего вымышленные) на те или иные земли, доказывая знатность происхождения (обычно фальсифицированную), объясняя причины вражды с теми или иными политическими противниками (как правило, придуманные «задним числом»). Летописцы в своих сочинениях неуклонно проводили линию, угодную заказчикам. Если какие-то факты не соответствовали этой линии, их искажали, либо заменяли вымыслами.



Поэтому сообщения в летописях о каких-то событиях ни в коей мере нельзя воспринимать в качестве бесспорных сви-

детельств об исторических фактах. Их надо сравнивать с другими источниками (если таковые имеются), с данными вспомогательных исторических дисциплин (археологии, топонимики, компаративной лингвистики, генетической генеалогии и т.д.), а также оценивать эти сообщения с позиций логики и здравого смысла. Кроме того, отдельный «больной» вопрос – датировка. Уже давно показано и доказано, что практически все даты в летописях ранее XV века условны, они «плавают» в пределах до 50 лет!

И еще один момент надо упомянуть. Полоцкий князь со своей дочерью появились на страницах «ПВЛ» лишь в связи с конфликтом между ними и Владимиром Святославичем. В данном контексте не имеет значения тот факт, что сам конфликт придуман «задним числом». Этот принцип – писать о других монархах, полководцах, городах и племенах исключительно в связи с деяниями представителей киевской династии – проходит «красной нитью» через все летописи. А начиная с Никоновской летописи вместо киевских на первый план выдвигаются великие князья Москвы.

Более того, указанный принцип стал краеугольным как для российской имперской, так и для советской историографии! Вспомним, в связи с чем в курсе «Истории СССР» впервые упоминался какой-то народ? В связи с тем, что страна, где жил этот народ, становилась частью Московского государства либо Росийской империи. Например, армян русские войска «освободили от турок» к 1828 году. С этого события и начинается история Армении в российской историографии. Правда, сами армяне видят начало своей истории на 2650 лет раньше, в IX веке до нашей эры, в государстве Урарту. Но кому это интересно в России?

В этой связи возникает вопрос: а разве не было в Полоцке своей летописи? Была, конечно, только неизвестно куда подевалась. Вот что сказано об этом в энциклопедии:

> «Полоцкая летопись, одно из первых историко-литературных произведений, написанных на беларуских землях. Не сохранилась. Время создания, автор, содержание и характер точно не выяснены. Известна по немногочисленным прямым и косвенным сообщениям в разных письменных источниках. (...) Как свидетельствует российский историк В.М. Татищев, в Полоцкой летописи, одним из списков которой он пользовался при написании «Истории российской», рассказывалось о полоцких, витебских, минских и других западнорусских князьях. Видимо, летопись была посвящена истории Полоцкой земли X–XIII вв.» (ЭГБ, том 5, с. 536)

Можно найти в литературе упоминания о том, что Полоцкая летопись погибла в 1812 году во время пожара Москвы. Однако некоторые авторы заявляют, что летопись не сгорела, а хранится в секретном фонде Государственого архива России. Публикация ее невыгодна российской историографии именно потому, что она показала бы всем: Полоцк с самого начала был независим от Киева. И никакие «рюриковичи» его престол никогда не занимали. Здесь правили Рогволодовичи!

Понятно, что представители классической школы историографии, воспитаннные на культе источников, не просто встречают в штыки, но яростно отвергают критический подход к анализу летописных сообщений. Они так воспитаны: если о каком-то событии прошлого нет упоминания в летописи, хронике,

договоре или хотя бы в частном письме, значит, это легенда, миф, выдумка. А если есть, то сообщаемый факт не подлежит сомнению. Спорить с ними на эту тему бесполезно.

3. Критический анализ летописной версии

Обозначив, вслед за Егоровым и другими авторами свой скептицизм в отношении летописей, служащих основным источником сведений о первых полоцких князьях, отмечу основные «ляпы» и «нестыковки» в традиционной версии событий, полностью основанной именно на текстах разных «списков» (т.е. вариантов) «Повести временных лет».

Вот текст самого старого из имеющихся вариантов «ПВЛ»:

> «В лето 6488 /980 г. – *А.Т.*/ Начало княжения Володимиря. И прииде Володимиръ с Варягы к Новугороду и рече посадником Ярополчим: "идете къ брату моему и тако рците ему: идет Володимиръ на тя, пристраиваися противу на бои". И седе в Новеграде; и посла к Рогволду Полочку, глаголя сице: "хощю поняти дщерь твою женою себе". Он же рече дщери своеи: "хощеши ли за Володимира". Она же рече: "не хочу розувати робичица, но Ярополка хощю". Бе бо Рогъволод пришед изъ заморья, имяше власть свою в Полотьск, а Турыи Турове, от него жн и Турица прозвашася.
>
> И приидоша отроци Володимири, и поведаша всю речь Рогънедине, дщери Рогъволожи, князя Полочьскаго. Володимир же собра воя многы, Варягы, Словене, Чюдь, Кривици, и поиде на Рогъволода; в се же время хотяху Рогнеде вести з Ярополка. Иде Володимиръ на Полтескъ, и уби Рогъволода и два сына, а дщерь его Рогнедь поня себе жене; и поиде на Ярополка. И прииде Володимиръ к Кыеву съ многыми вои» (...)
>
> «Рогнедь, юже посади на Лыбеде, идеже есть ныне селище Передъславино, от нея же родишася 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, и две дщери; от Грекине Святополка, а от Чехине Вышеслава, а от другыя Святослава, Мьстислава, а от Болгарыне Бориса и Глеба...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, с. 125–126).

Напоминаю, что оба фрагмента извлечены из самого древнего среди всех известных текстов «ПВЛ». Больше о Рогволоде, Рогнеде, Изяславе в нем нет ничего. Только в одном месте, где перечисляются уделы, которые Владимир дал своим сыновьям («посадил на княжение»), сказано — «Изяслава в Заславе» (т.е. в Заславле, расположенном в 16 км от современного Минска).

Все остальные «подробности», присутствующие в этом и других «списках», как уже сказано, выдумали переписчики и редакторы.

***

Летом 2012 года в России торжественно отметили 1150-летие российской государственности. Отсчет в нынешней ситуации (в связи с агрессией России против Украины) идет уже не от князей Киевской Руси, а от года высадки князя Рюрика и его дружины в так называемой Старой Ладоге! Сама Старая Ладога (ныне село) находится в 12 км от места впадения реки Волхов в Ладожское озеро, в 125 км от впадения Невы в Финский залив.

Только вот какая имеется «закавыка».

Уже давно, как только появилась в России научная историография, идут споры: кто такой Рюрик и откуда он здесь взялся? Из Швеции приплыл, из Дании, из полабского Любчина (Любека)? Были у него помощники Синеус и Тру-

вор, или же эти имена появились в результате ошибки переводчика? Назначал он своих наместников в Полоцк (Рогволод), Туров (Тур) и Киев (Олег) либо нет?

Теперь стало ясно, что вообще не было Рюрика Русского. Наиболее подробно и убедительно об этом пишет цитированный выше Владимир Егоров. Тем, кому это интересно, рекомендую почитать его книги «Русь и снова Русь» (2002), «Каганы рода русского» (2012). Но сколько сказано и написано про этого мифического Рюрика! Напомню только одну книгу из сотен: «Гедиминовичи против Рюриковичей». Гедиминовичи на самом деле существовали, а вот кто такие Рюриковичи, если Рюрика никогда не было в природе?!

Впрочем, что нам Рюрик? Вернемся к событиям, имеющим отношение к Полоцку. Начну издалека.

В 972 или 973 году погиб киевский князь Святослав Игоревич. Его подстерегли печенеги в засаде у днепровских порогов (немного выше по течению реки нынешней плотины ДнепроГЭС).

Отправляясь в 969 или 970 году в поход против дунайских болгар, Святослав оставил старшего сына Ярополка князем-наместником в Киеве, а младшего Владимира – в Новгороде. Был еще и третий сын, Олег, княживший в Деревской земле. В 977 году между братьями началась жестокая усобица – так пишут летописи, так утверждают энциклопедии.

Сразу возникает вопрос о возрасте братьев, поскольку их отец погиб на 28 году жизни. Ясного ответа на этот вопрос нигде не найти. Простая арифметика подсказывает, что Ярополку в 977 году было не более 17 лет (если Святослав стал его отцом в 15 лет), а Владимиру от 12 до 14 лет. Или даже меньше. В общем, подростки.

Поначалу успех сопутствовал Ярополку. Он сразу (в 977 г.) захватил Деревскую землю (область с центром в городе Коростень), а через пару лет (в 979 или в начале 980 г.) – Новгород. О судьбе Олега Святославича нам неизвестно. Что же касается Владимира, то он бежал в Швецию. Там собрал дружину молодых искателей приключений, которым, несомненно, пообещал в случае победы над старшим братом хорошее вознаграждение. Известно, что мастера меча из Швеции, Дании и Норвегии воевали исключительно за деньги. Денег у Владимира не было. Соответственно, дружина не могла быть большой.

Вернувшись к Новгороду с этой дружиной, Владимир изгнал оттуда посадников Ярополка и отправился в поход на Киев. Путь его пролегал возле Полоцка. Если верить летописным сказкам, при виде города на Двине юный Владимир вдруг сильно захотел взять в жены Рогнеду, которую никогда в глаза не видел. Вроде бы шел на войну, но прежде чем дошел, решил жениться. Что было дальше с Полоцком, Рогволодом, Рогнедой, Киевом и Ярополком, сказано выше.

Первым был Рогволод

Краткое сообщение «ПВЛ» датирует его прибытие «из-за моря» 980 годом. Выходит, что не успел он появиться в Полоцке, как тут же об этом узнал Владимир, который сам только что прибыл в Новгород с бандой наемников. И он сразу посватался к Рогнеде, а получив отказ, пошел «воевать» Полоцк, хотя его врагом, притом опасным, был брат Ярополк, сидевший в Киеве. Все это выглядит крайне сомнительно.

Чтобы сделать указанный эпизод более правдоподобным, Василий Татищев перенес его на 975 год, Александр Шахматов – на 970 год. Более того, Шахматов предположил, что причиной нападения Владимира на Полоцк явился захват Рогволодом нескольких новгородских волостей. И эти даты, и захват волостей взяты с потолка.

Ясно лишь одно: Рогволод княжил в Полоцке достаточно долго, благодаря чему рассказы и слухи о нем, о его семье распространились по обширному региону от Новгорода на севере до Киева на юге. Телефонов и радио в те времена не было, дорог – тоже. Новости распространяли в основном купцы. Они передвигались исключительно по рекам и только во время так называемой «большой воды» – половодья. Это был медленный процесс, с нынешней точки зрения – крайне медленный.

Рогволод

Но основные споры идут по другому вопросу. Историки никак не могут прийти к общему мнению относительно родины Рогволода. Предложены несколько версий его происхождения. Согласно первой, он был князем одного из племен кривичей. По другой, «заморье» – это южная часть Норвегии, где в X веке существовали княжества, одно из которых называлось Рогаланд. По третьей версии, Рогволод приплыл с южных берегов Балтики, где обитали западные славяне.

Доктор филологических наук В. Рогалев и кандидат исторических Л. Грот с интервалом в четыре года опубликовали статьи, в которых независимо друг от друга утверждают, что он выходец с острова Руяна (ныне Рюген в Германии), получившего широкую известность находившимся там общеславянским культовым центром Аркона.

В частности, кандидат исторических наук Лидия Грот пишет:

«...имя Рогволод тождественно словосочетанию «рог изобилия», и для его понимания людям, владеющим русским языком, не требуется перевода. Рог у балтийских славян был символом верховной власти. Святовит (главный бог варягов) держал в руке рог».

«...антропонимический анализ обнаруживает глубокую связь между древнейшим культом Велеса/Волоса и именем Рог – основой в имени Рогволод и Рогнеда. Имена людей – это часть истории народа».

«...я разделяю мнение историка С.Э. Цветкова о связи имени Рогволод с этнонимом роги/руги/русы».

«...за именем Святовита как дарителя земных плодов и держателя великого рога изобилия, и за именем Велеса как владыки мира живой и плодоносящей природы, атрибутом которого также был рог, явно скрывался великий бог богов, почитавшийся на огромном пространстве от восточноевропейских просторов до западного конца южнобалтийского побережья.

«...слияние культов /Святовита и Велеса. – *А.Т.*/ отражалось и в именословах, одинаковые имена получали распространение по всему общему сакральному про-

странству. Поэтому представляется, что имя Рогволода на Рюгене было связано с культом Святовита таким же образом, как родственное ему имя Рога было связано с древнерусским культом Велеса/Волоса.

Но связь имени Рогволода с Рюгеном находит и другое подтверждение. Вернемся к отрывку из ПВЛ, где говорится о Рогволоде: «Бе бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотъскъ, а Туры Туровъ, от него же и туровци прозвашася». Мы видим, что имя Тура стоит рядом с именем Рога, что естественно, учитывая тесную связь символики этих имен с культом Велеса/Волоса».

На мой взгляд, эта версия хороша уже тем, что устраняет противоречие: «да, из-за моря, однако славянин». Никаких норвежцев, датчан или шведов!

Теперь об убийстве заморского князя. Предположим, оно действительно произошло. Так ведь Полоцк был «хлебным местом». Неужели Владимир, захватив Полоцк, не оставил там своего посадника с верной дружиной? Однако в «ПВЛ» следующее сообщение о Полоцке появляется только через 40 лет, и связано оно уже со внуком Рогволода – Брачиславом!

Непонятно также, откуда взялись имена Раальд и Свен. Добавлю, что если Рогволод был славянином, то у его сыновей подобных имен не могло быть в принципе.

А вот имя Рогволод в последующие столетия встречается у многих князей. Значит, оно изначально было славянским.

Несколько слов о Рогнеде, дочери Рогволода

По версии Лаврентьевского списка «ПВЛ», князь Владимир, сделав Рогнеду насильно своей первой женой, дав ей славянское имя Горислава. Можно подумать, что Рогнеда – имя не славянское.

Далее в том же списке идет душераздирающий рассказ о том, как Рогнеда неудачно попыталась убить своего супруга-насильника, убийцу ее родителей и братьев, к тому же многоженца, а сын Изяслав спас мать от расправы. Непонятно, почему Рогнеда столько времени «собиралась с мыслями», а параллельно с раздумьями успела родить то ли троих, то ли четверых детей.

Рогнеда (худ. К. Маковский)

Ну, а Владимир сослал Рогнеду с Изяславом в Полоцкую землю, где специально для них велел основать город Изяславль (нынешний Заславль).

Однако эта версия впервые появилась именно в Лаврентьевском списке, т.е. через 260 лет после создания «ПВЛ» и спустя 390 лет после описываемых событий, если они в самом деле имели место. Притом список этот писали, щедро украшая своими «вставками», авторы, проживавшие в другом государстве, на удалении примерно 800 км от Полоцка, да и то по прямому пути, которого отродясь не бывало.

Иными словами, переименование Рогнеды в Гориславу, ее покушение на Владимира, заступ-

ничество Изяслава, основание города специально для него и его матери суть выдумка.

Что касается Заславля, то по археологическим данным (Довгялло З.И., 1925; Заяц Ю.А., 1987), уже в начале X века на правом берегу Свислочи существовало поселение, где жили кривичи. В середине X века на противоположном берегу был основан погост – неукрепленный административно-хозяйственный пункт, принадлежавший Полоцку. Князь Владимир Святославич здесь абсолютно не при чем.

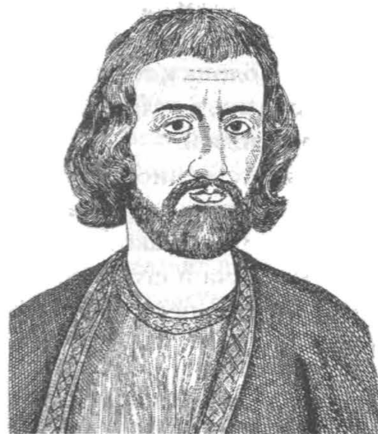
Изяслав, сын Рогнеды, внук Рогволода

Строго говоря, о нем, как и о дедушке Рогволоде, ничего не известно, кроме факта существования, наличия двоих сыновей (Всеслава и Брачислава) и смерти – то ли в 1001 году, то ли в 1003. Выходит, что он помер вскоре после матушки Рогнеды, преставившейся в 1000 году неизвестно в каком возрасте и неизвестно от чего.

Понятно также, что характеристика Никоновской летопись («тихий, кроткий, смирный, милостивый») , основную часть которой написали в конце 1520-х годов, т.е. спустя 500 с лишним лет после смерти Изяслава полностью высосана из пальца. Эта характеристика понадобилась для того, чтобы изобразить Изяслава ревностным христианином. Дескать, именно при нем и благодаря его стараниям жители Полотчины поголовно приняли крещение, и церковное дело пошло так хорошо, что уже в 991 или в 992 году здесь была учреждена одна из первых на Руси епископий. На самом же деле христианизация Полотчины происходила совершенно иначе, но об этом – ниже.

Здесь мы видим явную нестыковку по датам. Если Рогнеда родила Изяслава в 981 году (беременность, как известно, длится 9 месяцев), то за мать он заступился в возрасте менее 6 лет, когда Владимир был еще язычником (напомню, что Владимир крестился в Крыму, в греческом Корсуне в 987 г.) Неужели Изяслав в пять с чем-то лет был настолько развит умственно и морально, что мог произнести речь перед разгневанным отцом?!

Непонятно также, когда Изяслав успел стать отцом двоих детей? Ведь выходит, что его сын Всеслав (умерший в 1003 г.) княжил младенцем (если вообще княжил), а Брачислав занял престол в дошкольном возрасте.


Изяслав

Все эти противоречия исчезают, если считать Изяслава не сыном Рогнеды, а младшим братом. Тогда выходит, что он наследовал престол после смерти Рогволода в 988 году (не случайно ведь «ПВЛ» упоминает о том, что заботливый Владимир именно тогда распределил уделы между своими малолетними сыновьями, в том числе Изяславу отдал Полоцк.

История со сватовством и с устроением обиженным юнцом «разборки по полной программе» выглядит неправдоподобно. Воинов у Владимира (Вальдимара) было мало, так как

деньги для найма таковых отсутствовали, а сам он еще ничем не успел себя прославить. А тут большой город по меркам того времени (более трех тысяч жителей), не уступавший ни Новгороду, ни Киеву, окруженный частоколом за которым, во-первых, сидят дружинники Рогволода, а во-вторых, имеется ополчение горожан.

Кроме того, непонятно зачем 15–16 летнему парнишке вдруг понадобилась жена. Ведь у него, как и у других князьей-язычников, имелся штат наложниц. Женились князья и в те времена, и позже, исключительно по политическим либо экономическим соображениям.

Ввязываться в войну с полочанами, исход которой неизвестен, было бы верхом глупости. Владимир же, судя по его дальнейшим поступкам, глупостью не страдал. Союз с Рогволодом был намного выгоднее войны с ним: тесть мог выделить зятю определенную сумму для уплаты жалованья наемникам, а также пополнить дружину группой местных «искателей удачи». Как известно, лучшим гарантом договоров во времена раннего и позднего феодализма считался брачный союз. Здесь-то и появляется на сцене Рогнеда.

Вполне вероятно, что она действительно не хотела идти за Владимира. Но почему? Причины могут быть разные. Например, нам неизвестен ее возраст. Не исключено, что Рогнеда была старше Владимира лет так на 10, если не больше.

Что же касается объяснения летописца («не хочу розувати робичица»), то здесь требуется пояснение. «Розувати» означает обычай, по которому жена снимает обувь с ног мужа, а «робичиц» это указание на происхождение. Известно, что матерью Владимира была Малуша, ключница его матери. Мол, служанка, не состоявшая в браке со Святославом. Но, как уже сказано, и Святослав, и Владимир, и Рогволод были язычниками-многоженцами. Во-вторых, сама Малуша происходила из знатного рода. Некоторые исследователи утверждают, что ее отец — это Мал, князь Деревской земли, родом из готской династии Амалофридов, тогда как мать была дочерью чешского короля. В Киеве Малуша находилась в качестве заложницы от древлян. «Знатность» ее была повыше, чем у Рогнеды Рогволодовны.

В общем, история с захватом Полоцка, убийством Рогволода и насилием над Рогнедой выдумана от начала и до конца. Напомню, что самый старый вариант «ПВЛ» сохранился в Новгородской летописи, написанной не ранее середины XI века. Полоцк к тому моменту уже несколько десятков лет враждовал с Киевом. Новгород же, в отличие от независимого Полоцка, подчинялся власти киевских великих князей.

Соответственно, одной из задач тогдашних сочинителей (наряду с прославлением величия правящей династии) являлось объяснение причин этой вражды. Причем только такое объяснение, которое, во-первых, показывало Владимира Святославича и его потомков в выгодном свете, а во-вторых, способствовало преклонению перед Церковью. Ведь летописцы все как один были ее служителями!

Историки о Рогволоде, Рогнеде, Изяславе

В подтверждение своих рассуждений приведу две обширные цитаты. Первая — из книги нашего замечательного историка Митрофана Довнара-Запольского

ского «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия» (Киев, 1891):

«Вполне славянское имя Рогволода и дочери его Рогнеды также не подтверждает его варяжского происхождения.

/Встречающиеся в договорах с греками имена норманнов не подвергаются переделкам, который сближали бы их с русскими словами; поэтому производить Рогволода из скандинавского Ронгвальда нет основания. Имя Рогволода осталось за многими из последующих полоцких князей, следовательно оно не было случайной переделкой. – М.Д.З./

(...) «В рассказе летописи о походе Владимира на Полоцк, о сватовстве двух князей к Рогнеде несомненно слышится предание, может быть, дружинная песня, сложенная про добывание Владимиром красавицы-невесты, о препятствиях к этому браку и о победе, одержанной над гордой красавицей. Все это так похоже на песенный эпический мотив, который встречается и в наших былинах, и в северных сагах, и в ломбардском цикле сказаний. Песня об этом сватовстве Владимира могла сложиться из преданий в эпоху жестокой борьбы Мономаха (великий князь в 1113–1125 гг. – *А.Т.*) и его сына Мстислава (великий князь в 1125–1132 гг. – *А.Т.*) с полоцкими князьями, когда дружинники старались всячески выяснить себе причины, отчего «Рогволожи внуци взимают меч» на племя Ярославово, когда князья старались установить по возможности законность необычной расправы с полоцкими князьями.

/Исследователи нашей былинной поэзии сделали некоторыя указания о связи сватовства Владимира к Апраксии – в былинах – с эпизодом о Рогнеде в летописи (О. Миллер «Илья Муромец и Богатырство Киевское»; Халанский «Великорусские былины»; П. Ровинский «Русские народные картинки»; Кирпичников «Поэмы Ломбардского цикла» и др. Но ни одним исследователем вопрос прямо поставлен не был. – М.Д.З./

Все это заставляет с большою осторожностью относиться к сказанию нашей летописи. Но, тем не менее, пока вопрос остается невыясненным, и выясниться он может только тогда, когда исследователи народного эпоса дадут более твердые основания того, насколько известное историческое событие воздействовало на песенную поэзию и наоборот, какое из свидетельств нашей летописи можно принять за предание, перешедшее в летопись из эпоса».

(...) «Изяславль – с этим названием связывается легендарный рассказ летописи о Рогнеде и о построении для нее и для ее сына Изяслава этого города Владимиром Святославичем. Изяславль – ныне местечко Минского уезда – Заславль. Предания и названия урочища указывают на связь Рогнеды с этим городом. Так, предание гласит, что речки Черница и Княгинька были названы так в честь Рогнеды; около самого города было озеро (ныне болото), называвшееся «Рогнедь». В народе указывают также могилу Рогнеды»*.

/Предание это общеизвестно. О нем писал П.М. Шпилевский («Путешествие по Белоруссии», «Современник», 1854, № 11, с. 34–35). Это же предание повторил А.И. Слупский (см. его работу «Изяславль и Туров – рассадники христианства, основанные Владимиром Св. в нынешней Белоруссии». Минск, 1888). Слупский настаивает на том,

** То, что народ в своих преданиях связывал какие-то места с Рогнедой, не является историческим доказательством. Достаточно напомнить в этой связи, что многочисленные древние курганы народ называл шведскими могилами, хотя шведы воевали в этих местах на много столетий позже, в начале XVIII века. – *А.Т.*

что предание о построении Изяславля Владимиром Ярославичем представляет исторический факт.

Наши соображения о построении Изяславля не Владимиром, а самим Изяславом, и о значении его как колонизационного пункта, напечатаны в «Киевской Старине» (1888 г., август), в критической заметке о «Северо-Западном календаре». — *Авт.*/

/В № 133 «Киевлянина» за 1887 год есть заметка о Преображенской церкви в Изяславле, построение которой тоже приписывается Владимиру Святославичу. Если верить описанию, церковь действительно относится к дотатарской эпохе, но исторические сведения, сообщенные автором заметки о ней, не заслуживают внимания. — *М.Д.З.*/

***

Вторая большая цитата — из доклада Вацлава Пануцевича, с которым он выступил еще в 1953 году:

«С прихода Владимира к власти в тогдашней Руси принято начинать историю Полотчины, поскольку летописи приводят сообщение о нападении Владимира на Полоцк из Новгорода с варяжской дружиной, убийстве полоцкого князя Рогволода и его сыновей, насильном взятии себе в жены княжны Рогнеды.

Однако критическая оценка ПВЛ и, в частности, Лаврентьевской летописи на фоне других материалов приводит к глубокому сомнению относительно правдоподобности этих сообщений. Уже при внешнем взгляде на раздел «лето 6488» в «ПВЛ» и раздел 1128 в «Лаврентьевской летописи» бросается в глаза обширное пространное повествование, резко отличающееся от скупых и сухих летописных заметок. Вне всяких сомнений это более поздние компиляторские вставки, то ли взятые из народных легенд, то ли созданные самими компиляторами на основе тогдашней фантастической литературы, на что обращали внимание еще А.А. Шахматов и другие исследователи (34). (...)

/34. См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 247–251./

В «Лаврентьевской летописи» говорится:

«О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии преж. Яко Рогволоду держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю, еще и погану. И бе уй его Добрына воевода и храбор и наряден муж. И съ посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Он же рече дъщери своей: «Хощещи ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робинича, но Ярополка хочю». Бе бо Роговолод перешел из заморья, имяше волость свою Полтеск.

Слышавше же, Володимер разгневася о той речи, оже рече «не хочю я за робинича», пожалиси Добрына и исполнися ярости. И поемеше вои идоша на Полтеск и победиста Роговолода. Рогъволод же вбеже в город и приступившъе к городу и взяша город и самого /Роговолода/ яша и жену его и дщерь его. И Добрына поноси ему и дщери его, нарек ей робинича, и повеле Володимеру быти с нею пред отцемъ ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене и нарекоша ей имя Горислава и роди Изяслава.

Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хоте и зарезати ножемъ. И ключися ему убудитися и я ю за руку. Она же рече, сжалися бях: «Зане отца моего уби и землю его полони меня деля, — и се ныне не любиши меня и с младенцем симъ. И повеле ею устроитися во всю тварь царьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светлее в храмине, да пришед потнеть ю. Она же тако сотвори. И давши же мечь сынови своему Изяславу в руку наг, и рече:

«Яко внидеть ти отець, рци, выступя: «Отче, еда един мнишися ходя!» Володимер же рече: «а хто тя мнел сде!» И поверг мечь свой, и созва боляры, поведа им.

Они же рекоша: «Уже не убивай ся, дитяти деля сего, но въздвигни отчину ея. И дай ей с сыном своим». Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають роговоложи внуци, противу Ярославлим внуком».

Любому внимательному читателю бросается в глаза явная фантастика этого рассказа. Прежде всего – политическая неувязка. Кто кем командует, Добрыня или Владимир? Выглядит так, что главный – Добрыня. В «ПВЛ» эта деталь пропущена /Пануцевич имеет в виду самый древний среди известных вариант «ПВЛ». – *А.Т.*/

Далее, Владимир набрал наемное войско за морем против Ярополка, а здесь, еще не добравшись до своего брата, он уже начинает войну с Полоцком, якобы из-за оскорбления и гнева по отношению к Рогнеде. Здесь Владимир показан «детьску сущю» – юношей. В «ПВЛ» это тоже пропущено.

Сцена с изнасилованием Рогнеды на глазах у родителей аналогична описанию изнасилования во время Корсуньского похода, следовательно, взята из какого-то другого фантастического рассказа, видимо типового, чтобы подчеркнуть лютость насильника. В «ПВЛ» обе эти сцены выброшены.

«ПВЛ» сообщает о четырех сыновьях Владимира от Рогнеды, «Лаврентьевская летопись» – только об одном Изяславе, с которым связывает романтическую сцену защиты своей матери и «доброту» Владимира, якобы построившего Изяславль в качестве столицы для своего сына в Полоцкой земле*.

Все это явная легенда, имеющая свое объяснение: «оттоле мечь взимають роговоложи внуци, противу Ярославлим внуком». Иначе говоря, она (легенда) была создана во времена Владимира «Мономаха» /был великим князем Киевским в 1113–1125 гг. – *А.Т.*/ для обоснования двух вещей:

а) якобы «законной» принадлежности издавна независимой Полотчины русской державе, созданной Владимиром;

б) объяснения враждебности кривичских земель к Руси якобы родовой местью.

Здесь, однако, вылезает шило из мешка: автор сказочной вставки о Рогнеде называет Изяслава и его наследников «рогволодовыми внуками», хотя согласно с выдумкой они – «внуки» Владимира и Ярослава*. Наивно также объяснение названия города Изяславль, будто бы построенного Владимиром (...).

/* Это очень важный момент. – *А.Т.*/

Все это свидетельствует о том, что начальный период истории Полоцкой державы сильно фальсифицирован в летописях и ждет отдельного глубокого изучения. Факт остается фактом: Рогволод был независимым князем Полоцкой земли, а Изяслав – его сыном. Подтверждается это расчетом времени жизни Изяслава и его сыновей. Если же принять летописную сказку за правду, то выходит, что Изяслав умер в возрасте 20 лет (35), а его сын Всеслав, княживший после смерти отца, прожил самое большее три года! (36). Рогнеда – лицо историческое, возможно, жена Владимира и мать Ярослава (37), но без всех этих легендарных и фантастических «украшений».

/35. В ПВЛ указана дата 6509 год, т.е. 1001 год от Рождества Христова./

/36. В ПВЛ указана дата 6511 год, т.е. 1003 год от Р.Х./

/37. В ПВЛ датой ее смерти указан 6508 год, т.е. 1000 год от Р.Х./

Если принять то, что Изяслав был сыном Рогволода, а не Владимира, отпадает вся конструкция о христианизации наших земель, созданная киевской летописной и свет-

---

* Сыновьями Рогнеды от Владимира в одном из вариантов ПВЛ названы Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод. – *А.Т.*

ской литературой. В конце концов противоречит этой конструкции и сама летопись, сообщая под 6553 (1044) годом что Всеслав, сын Брачислава, родился «от волхованья» с отметиной на голове и что «волсви» давали советы его матери»*.

Все эти вставки — в духе средневековой агиографической литературы, сгущавшей темные краски с целью показа непристойной жизни людей до принятия ими христианства, и всеобъемлющей ее перемены после крещения»**.

Брачислав Изяславич

Имя его матери неизвестно.

В 1020 году он совершил внезапное нападение на Новгород, но на обратном пути его якобы настиг киевский князь Ярослав на реке Судоме, разбил и заставил бежать, бросив пленных и добычу. А в следующем году Ярослав принудил Брачислава к миру, дав ему в удел города Усвят и Витебск.

Но, несмотря на этот мир, военные действия между дядей и племянником почему-то не прекращались: Брачислав «вся дни живота своего», как сказано в одном из списков «ПВЛ», продолжал воевать с Ярославом.

Кроме похода 1020 года и упоминания о продолжении вражды с Ярославом, летописи больше ничего не сообщают о Брачиславе. Нет рассказов ни о походах, ни о сражениях. А ведь Брачислав Изяславич умер в 1044 году, Ярослав Владимирович — в 1054. Понятно без лишних слов, что 24 года (1020–1044) вражды между ними не могли обойтись без военных предприятий с обеих сторон. Но, поскольку киевские летописцы молчат об этом, можно предположить, что успех сопутствовал Брачиславу.

Брачислав неустанно расширял территорию Полоцкого княжества по всем направлениям. Известно, что он основал город Брачиславль (Браслав) — полоцкий форпост на северо-западном направлении. Он же построил две крепости на среднем течении Двины — Кукейнос и Герцике***.

Летописное сообщение о битве на Судомире в 1020 году выглядит явной фантастикой. Эта река (ныне называется Судома), длиной всего 65 км, течет в Псковской области, она впадает в реку Шелонь. Расстояние от предполагаемого места битвы до Киева превышает 750 км. Напоминаю, что телефона, телеграфа и радио тогда не было. Чтобы Ярослав узнал о нападении на Новгород, требовалось, чтобы оттуда прибыл гонец. В условиях бездорожья, отсутствия почтовых станций со свежими лошадьми и ямщиками он физически не мог преодолевать более 50 км в сутки. Следовательно, на доставку сообщения потребовалось не менее двух недель.

Конная дружина Ярослава не могла собраться и выступить в поход раньше, чем за два — три дня. Двигалась она в любом случае медленнее, чем гонец: максимум 30 км за день. Тогда весь путь занял не менее 25 дней. Следовательно, на

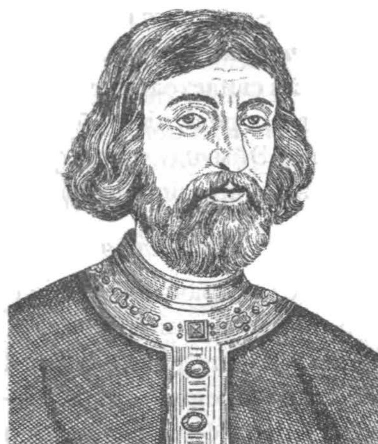
* Это сообщение свидетельствует, что на княжеском дворе в Полоцке середины XI века советниками были языческие жрецы, а не христианские священники. Христианизация Полоцкого княжества, в отличие от Киева и Новгорода, происходила не «огнем и мечом», а эволюционным порядком. См. об этом ниже цитату из статьи Ю.А. Зайца. — *А.Т.*

*** Герцике находился на правом берегу Двины, в 180 км от Полоцка, в 2 км от современного поселка Ерсика в Латвии. Он существовал до XIV века. Кукейнос находился еще ниже по течению Двины (тоже на правом берегу), в 246 км от Полоцка. Ныне это поселок Кокнесе в Латвии.

** Агиография — церковные биографии людей, объявленных святыми. — *А.Т.*

Судомире киевское войско могло появиться, самое раннее, через 6–7 недель после нападения Брачислава на Новгород, уже после того как он вернулся в Полоцк. Несомненно, в этом сообщении летописи совмещены во времени два разных события: нападение Брачислава и сражение Ярослава с ним через несколько месяцев или в следующем году.

Теперь о загадочном дарении городов с окрестностями. В летописи дословно сказано: «и оттоле призвал /Ярослав/ к себе Брячеслава и дал ему два града: Въсвят (Усвяты) и Видбеск (Витебск)»*. Видите как? «Призвал» и «дал». Чему верить? Конечно, фактам. А фактом является присоединение к Полоцкому княжеству двух городов с землями. Где это видано, где это слыхано, чтобы победитель дарил города побежденному врагу? Но именно такова степень «достоверности» киевских и прочих «русских» летописей.



Брачислав

М.В. Довнар-Запольский писал в цитированной выше работе об Усвяте и Витебске:

> «Оба города, расположенные при торговых дорогах, имели важное значение для полочан: владея ими, последние держали в своих руках пути верхнего Подвинья и самую важную часть великого водного пути из Варяг в Греки – волоки между Двиной и Днепром. Цель войны таким образом, является более важною. Быть может, с этого же времени к Полоцкому княжеству была присоединена часть Поднепровья с Оршею и Копысом, впоследствии отнятые Мономахом. В самом деле: если Брачислав не владел Витебском, то вероятно, не владел и названною областью, лежавшею к востоку от названного города».

***

Совершенно иную картину «битвы на Судоме» рисует исландская «Сага об Эймунде», записанная в конце XIV века. Она рассказывает о том, как варяг Эймунд Хрингсонн, родом из далекой Исландии, служил со своей дружиной наемников сначала киевскому князю Ярославу (Ярислейфу), а после ссоры с ним из-за неуплаты жалованья стал служить полоцкому князю Брачиславу (Вартилафу).

Эймунд, на первый взгляд, неизвестен авторам киевских летописей. Но по мнению ряда исследователей его можно отождествить с варягом Якуном из «ПВЛ».

Согласно саге, после победы над Святополком (в 1020 г.) Ярослав стал требовать земли у Брачислава. Тот отверг претензии Ярослава и в 1021 году выступил со своим войском против Киева. Ярослав тоже послал войско, которое временно возглавила его жена Ингегерда (дочь шведского короля). Вероятно, эта дама хорошо ездила верхом и умела владеть мечом. Но Эймунд постарался, подстерег Ингегерду на лесной тропинке, взял в плен и доставил к Брачиславу. Волей-неволей пришлось Ингегерде выступить в роли миротворца, так что до сражения дело не дошло.

---

* Московский летописный свод, под 1021 годом. //ПСРЛ, том XXV, с. 374.

Условия мирного договора по саге выглядят следующим образом: Киев якобы достался Брачиславу, Ярославу пришлось удовольствоваться Новгородом, а Полоцк перешел под власть Эймунда.

Исследователи древнерусской истории полностью отвергают такую трактовку и считают, что сказители саг что-то напутали. По мнению ученых, Киев мог какое-то время находиться в совместном управлении Брачислава и Ярослава. Такой вариант называется кондоминиум. Косвенно в пользу подобного предположения свидетельствует упоминание в летописи «двора Брачиславова» в Киеве. Вероятно, речь идет об его резиденции.

А вот Эймунду могли отдать в пожизненное (не передаваемое по наследству) владение упомянутые выше Кукейнос и Герцике.

Всеслав Брачиславич, прозванный Чародеем

Всеслав Брачиславич родился в январе 1029 года (Сергей Тарасов определил это по упоминанию кометы в связи с его рождением). Полоцкий престол он занял в 1044 году, в возрасте 15 лет. Правление его было необыкновенно долгим даже по нынешним меркам – 57 лет!

Однако о большей части правления Всеслава нет никаких сообщений в киевских и новгородских летописях. Это периоды 1044–1060, 1061–1065, 1081–1101 годов. В суммме 40 лет из 57. Причина молчания указана выше: ближние и дальние соседи интересовали киевских и новгородских авторов только в связи с конфликтами между ними и «спонсорами» летописцев.

Рассмотрим те события из его жизни, которые упомянуты в летописях.

Поход на торков (1060 г.)

В 1060 году Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи вместе с Всеславом *«совокупиша вои бещислены и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислены множьство, на торки»*. Поход в степь был удачным, торков победили.

За участие в этом походе полоцкий князь получил землю на правом берегу Днепра с городами Орша и Копысь.

Битва на Немиге 3 марта 1067 года

Великий князь киевский Ярослав Владимирович умер в 1054 году. По его завещанию, Изяслав получил Киев, Святослав – Чернигов, Всеволод – Переяславль. Два младших сына получили от Ярослава во владение Владимир-Волынский (Игорь) и Смоленск (Вячеслав). Полоцк не упомянут в его завещании, не входила Полотчина и в число территорий, подчинявшихся Ярославичам в качестве вассалов.

Понятно, что сам факт существования независимого и богатого Полоцка являлся вызовом для Ярославичей. К тому же полоцкий князь Всеслав Брачиславич не был их родственником. Вот истинная причина конфликта между Полоцком и Киевом. Но, надо признать, первым вступил в борьбу Всеслав.

В январе 1065 года он совершил поход на Псков. Всеслав осадил город, обстреливал его из камнеметов, пытался взять штурмом, но безуспешно. Через месяц ему пришлось снять осаду и уйти. В Новгородской летописи сказано:

> «Князь Полотьский Всеслав, събрав силы свои многая прииде ко Пскову и много тружавсяя с многыми замышлениями и пороками /катапультами/ шибав, отиде ничтоже успев».

В январе или феврале следующего, 1066 года, Всеслав снова выступил в поход. В Пскове ждали его нападения и готовились к осаде. А в Новгороде не ждали. Этим и воспользовался полоцкий князь.

Зная, что Всеслав любил действовать с «многими замыслами», т.е. хитростью, можно смело предположить, что он ввел в заблуждение новгородского князя Мстислава Изяславича. Сначала двинулся с войском прежним путем – к реке Великой и по ней в сторону Пскова. Князь Мстислав подумал, что Всеслав снова идет на Псков. Он выступил из Новгорода с дружиной на помощь Пскову. Легче было отбить Всеслава от Пскова, чем потом отвоевывать его у «грозных полочан».

Но Всеслав резко свернул с Великой и пошел по реке Черехе навстречу Мстиславу. Новгородский князь не предвидел этого маневра Всеслава и попал в засаду. Полочане разбили его дружину. Полочане без штурма заняли Новгород, ограбили и город, и новгородский храм св. Софии – сняли с его звонницы колокола, которые увезли на санях в Полоцк:

> «Приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тыи; и понекадила съима». (Новгородская летопись).

Мстислав спасся бегством в Киев.

В начале 1067 года Всеслав пошел на Новгородок (нынешний Новогрудок) и вскоре занял его. Этот город в то время тоже принадлежал Киеву. Тогда трое братьев Ярославичей – Изяслав (князь Киевский), Святослав (князь Черниговский) и Всеволод (князь Переяславский) – решили положить конец завоеваниям Всеслава. В последних числах февраля объединеное войско Ярославичей подошло к Менску (Менск тогда находился на реке Менке в 16 км западнее современного Минска и принадлежал Полоцку). Менчане закрылись в городе, но братья взяли Менск штурмом, убили почти всех мужчин, а женщин и детей забрали с собой.

От Менска братья хотели идти уже на сам Полоцк. Но Всеслав встретил их на берегу замерзшей реки Немиги. Он спешил на выручку Менска, однако опоздал. Некоторые авторы предполагают, что у Всеслава было около трех тысяч воинов, у Ярославичей – вдвое больше. Несмотря на неравенство сил и обилие снега, Всеслав атаковал противника. В «ПВЛ» о битве сказано очень скупо скупо:

> «И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта въ 3 день; и бяше снегъ великъ, и поидоша противу собе. И бысть сеча зля, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа».

О битве на Немиге помнили долго. Вот поэтическое описание сражения в «Слове о полку Игоревом» (XII век):

На Немиге снопы стелют головами.
Молотят цепами харалужными (т.е. стальными).
На току жизнь кладут,
Веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
Не житом были посеяны
Посеяны костьми русских сынов.

Если верить летописцу, то Всеслав потерпел поражение. Почему же тогда Ярославичи не пошли брать Полоцк, который, по сути дела, уже не было кому защищать? Несомненно, дело обстояло иначе: либо Всеслав победил, либо (что более вероятно) сражение завершилось вничью. В любом случае обе стороны понесли тяжелые потери. Кстати говоря, «русскими сынами» в поэме названы воины Ярославичей, отнюдь не полочане.

В июне того же года братья снова выступили в поход против Всеслава. По берегу Днепра их войско дошло до Орши, где на противоположном берегу уже стоял Всеслав со своими воинами. Помня Немигу, Ярославичи не решились переправляться, они опасались, что Всеслав сбросит их в реку. Братья пригласили его для переговоров, а в доказательство искренности своих намерений «целовали крест» (т.е. клялись Господом Богом) на виду у всего войска.

Этот факт тоже разоблачает выдумку летописца о поражении Всеслава на Немиге. Если он был побеждён, то зачем вести с ним переговоры?

> «Целовавше кресть честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не сотворимъ ти зла». Он же надеявъся целованью креста, перееха в лодьи чересъ Днепръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яшя Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше кресть. Изяславъ же приведе Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ двема сынома».

Мы не знаем, какими соображениями руководствовался Всеслав, обдумывая приглашение. Так или иначе, он стал жертвой коварства Ярославичей. Его вместе с сыновьями схватили и повезли в Киев. А может быть, повели пешком, летопись молчит о способе доставки знатных пленников. Войско Ярославичей тоже ушло, новая битва не состоялась.

На киевском престоле (сентябрь 1068 — апрель 1069 гг.)

Четырнадцать месяцев провел Всеслав в заточении. Летописи ничего не говорят о положении Полоцкой земли в это время. Видимо, Ярославичи не решались идти на Полоцк, зная, что там они встретят ненависть полочан.

Тем временем над Киевом нависла серьезная опасность.

Еще в 1060 году Всеслав вместе с Ярославичами ходил в поход на торков. Тогда это тюркский народ был изгнан из Причерноморских степей, южные княжества на время избавилась от нападений кочевников. Но на смену торкам в степях появились половцы. Они пришли с Иртыша, где были известны под именем кипчаки. К середине XI века половцы вышли к Днепру, а к началу 1070-х годов овладели степью между Днепром и Дунаем. Ярославичи, занятые борьбой с Ростиславом и Всеславом, не рассмотрели новой угрозы. И вот в конце лета 1068 года половецкий хан Шарукан повел половецкое войско на Киев. «И придоша

иноплеменьница на Русьску землю, половцы мнози», — скупо извещает об этом нашествии летопись.

Более подробно об этих событиях рассказывают былины. Из поколения в поколение народные сказатели рассказывали о нашествии Шарх-великана и о Волхе Всеславиче, который дал отпор вражескому нашествию, спас от кочевников Киев и всю Русскую землю.

Половцы захватили Переяславское княжество и опустошали его. Всеволод бежал в Киев, сюда с дружиной прибыл из Чернигова и Святослав. Вскоре Ярославичи выступили в поход. Но битву на реке Альта в Переяславском княжестве они проиграли и бежали — Святослав в Чернигов, Изяслав и Всеволод в Киев.

Князь Всеслав — чародей и волколак (худ. Б. Ольшанский)

Киев забурлил. На Подоле, где жили ремесленники и мелкие торговцы, собралось вече. Киевляне желали защищать родной город, но у них не было оружия и лошадей. От веча к Изяславу на княжеский двор пришли послы и передали волю народа: «Половцы рассеялись по земле: дай нам, князь, оружие и коней, хотим еще биться с ними».

Изяслав, несмотря на половецкую угрозу, не хотел вооружать простой люд. Тогда люди огромной толпой сами пошли к Изяславу. Возле Брачиславова двора они остановились, и тут родилась мысль: «Пойдем, высадим дружину свою из погреба». Возможно, эту идею подали полоцкие купцы, жившие на Брачиславовом дворе. Они решили воспользоваться восстанием киевлян, освободить «дружину свою» (захваченных в плен полоцких дружинников) и князя Всеслава. Так Всеслав вышел на свободу. Произошло это 15 сентября 1068 года.

Узнав об освобождении Всеслава, Изяслав пал духом и бежал из Киева. Бежал и Всеволод. А Всеслава киевляне провозгласили великим князем и поклялись: «Яко же нам иметь Всеслава себе князем, а иного князя не искать. Нас с ним смерть разлучит». Волею народа Всеслав стал великим князем Киевским.

Но только семь месяцев княжил он в Киеве. Летописи ничего не говорят о деятельности Всеслава в это время. Неужели он просто сидел на престоле и ни о чем не беспокоился? Несомненно, причина молчания иная. Как уже сказано, все киевские летописцы служили (за деньги) потомкам Владимира и Ярослава. Зачем же им писать о Рогволодовиче? Только в народе долго жила память о правлении Всеслава. Более чем через сто лет автор «Слова о полку Игоревым» с восхищением писал о нем:

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до кур Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
У святой Софии в колокола,
А он в Киеве звон тот слышал.

Слова поэмы взялись объяснять историки.

Выражение «людям суд правил» они толкуют в том духе, что Всеслав лично разбирал наиболее важные судебные дела и выносил по ним решения, отстранив от этого тиунов Изяслава. Те часто злоупотребляли своими полномочиями. А судьями Всеслав назначил тех, кого избрал народ. За это киевляне полюбили князя и долго вспоминали, как он «людям суд правил».

Выражение «князьям города рядил» можно понимать как править, владеть, распоряжаться. Значит, Всеслав делал какие-то распоряжения насчет управления городами. Прежде всего Новгородом.

После бегства Мстислава Ярославича в Новгороде не было князя. Всеми делами заправляли вече и епископ новгородский Стефан. Но в 1068 году Стефана, приехавшего в Киев, задушили собственные слуги. Причину убийства летописцы не называют. Понятно, что епископ кого-то не устраивал. Он, вероятно, приехал в Киев советоваться с Изяславом о назначении князя в Новгород. Сыновья Всеслава были еще малолетними. А самого его новгородцы не признали великим князем. На требование дани они ответили: «Княже, мы есть племени Ярослава и к Полоцку дани и деды не давали и тебе не хотим, а бери со своей волости».

Значит, надо было послать в Новгород князя из «племени Ярослава». Вполне возможно, что именно Всеслав назначил в Новгород сына Святослава – Глеба, по согласованию с его отцом. Ведь черниговский князь оказался в трудном положении. Половцы обрушили удар на его княжество. Как великий князь Всеслав должен был противодействовать нашествию, ради этого киевляне и поставили его на великое княжение.

Но летописи молчат о войне Всеслава с половцами. Победу над ними они приписывают Святославу. Во главе трехтысячной дружины Святослав пошел на половцев. «Пойдем, нам некуда уже деться», – сказал он дружине. Действительно, половцы могли разбить его, а подданные изгнать, как Изяслава. 1 ноября под Сновом конница Святослава лихой атакой разбила половецкое войско.

Но, видимо, разгрому половцев помог Всеслав. Академик Борис Рыбаков предполагал, что он совершил быстрый марш через степи в Тмутаракань. Так трактовал Б.А. Рыбаков выражения «Слова...» о том, что Всеслав в ночи рыскал волком и «из Киева рыскивал до кур Тмутороканя, великому Хорсу /солнцу/ волком путь перерыскивал». Из Тмутаракани Всеслав послал на помощь Святославу отряд конных воинов. Рыбаков писал:

> «Вот после этих молниеносных и успешных действий Всеслава, обеспечивающих безопасность Руси на целое десятилетие, полоцкий князь и был, очевидно, возведен на великое княжение по всем правилам, коснулся своим жезлом-стружием золотого стола Киева».

Слова о «волчьем скоке» Всеслава из Киева до Тмутаракани, вероятно, запечатлели память о стремительном походе киевского князя к берегам Азовского моря.

Можно предположить и другой вариант. Половцы осадили Тмутаракань. Князь Глеб Святославич просил помощи у Изяслава и своего отца. Ни тот, ни другой не могли помочь ему. Реально это мог сделать только Всеслав. Он быстро собрал конную дружину и через степи пошел к Тмутаракани.

Так или иначе, своим походом Всеслав отвел половецкую угрозу от Киева. Половцы были разбиты. После этого Всеслав вполне мог назначить Глеба в Новгород своим наместником.

Наемники-варяги

Вероятно, Полоцким княжеством во время пленения и киевского княжения Всеслава правили полоцкий епископ и вече, как это происходило позже, когда в Полоцке не было князей. Так что не понадобилось силой изгонять дружины Ярославичей из полоцких городов, их там не было.

Беглый Изяслав в это время находился в Кракове у своего родственника, польского короля Болеслава II, прозванного Щедрым. (Мать Болеслава, Добронега-Мария, была дочерью Владимира Святославича и Рогнеды). Воинственный Болеслав обрадовался несчастью Изяслава. Открылась прекрасная возможность поживиться за счет Киева. Видимо, Изяслав посулил Болеславу в качестве награды за помощь Перемышльскую землю.

Весной 1069 года польское войско двинулась через Волынь на Киев. Киевляне хотели сражаться с поляками, они составили ополчение. Всеслав набрал еще конницу из печенегов и валахов (так раньше называли жителей Молдовы). Он выступил навстречу польскому войску к Белгороду — городу в 25 км западнее Киева. И вдруг Всеслав ночью тайно бежал от киевлян в Полоцк. «Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода», — сказано в «Слове о полку Игореве».

Причины бегства историки объясняют по-разному. Распространенное мнение сводится к тому, что Всеслав не хотел оказаться между двух огней — польским войском с одной стороны, Святославом и Всеволодом с другой. Не был он уверен и в верности киевлян. Киевское боярство, несомненно, не питало симпатий к нему, чужаку и любимцу черни*. В тяжелый час бояре изменили бы, Всеслав в этом не сомневался.

Всеслав не страдал трусостью. Так что заставило его отказаться от престола? На одну из причин намекает Новгородская летопись, связывая бегство Всеслава

* Надо отметить, специально для читателей, что бояре — это воины княжеской дружины. С какой стати дружинники Изяслава могли вдруг воспылать любовью к Всеславу?!

с пожаром на Подоле, главном средоточии восставшего народа. Не случайно в киевских летописях этот пожар не упоминается. Очевидно, что Подол подожгли. Сделать это могли только сторонники Изяслава. Погорельцам стало не до борьбы с Изяславом. Многие покинули войско Всеслава. Князь уловил смятение киевлян и засомневался в их стойкости.

Могли быть и другие причины. Например, в польской «Великой хронике» есть сообщение о боях Болеслава на пути в Киев: «Так он храбро вторгшись в земли Руси, сразился во многих сражениях с князьями Руси и, победив их, достиг города Киева». Киевские летописи молчат о «многих сражениях», но это не значит, что их не было. Вероятно, поляки разбили несколько отрядов сторонников Всеслава, что тоже подорвало боевой дух его войска. В итоге Всеслав стал сомневаться в своей победе и решать не испытывать судьбу.

И последнее. Всеслав был полочанином и язычником. Киев являлся чужим для него, дела православной церкви мало его интересовали. Он хорошо знал, что борьба за киевский престол всегда заканчивалась смертью побежденного. То же самое должно было случиться сейчас. Но в случае его гибели Изяслав расправился бы и с сыновьями Всеслава.

В итоге соображений такого рода Всеслав решил добровольно уступить Изяславу великокняжеский престол. Но как он мог объяснить свою логику людям, вышедшим защитить себя от мести Изяслава? Они бы его не поняли. Выдали бы Изяславу, чтобы заслужить прощение. Поэтому Всеслав и бежал ночью из лагеря под Белгородом.

Борьба с Киевом в 1069–1081 г.

Расправившись с киевлянами, Изяслав немедленно направился преследовать полоцкого князя. Он изгнал его из Полоцка и посадил там своего сына Мстислава. Последний очень скоро умер. Не исключено, что его отравили. Тогда вместо него прибыл другой Изяславич — Святополк.

> «В лето 6577 (1069 г.). ... Изяславъ же... прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мъстислава Полотеске; он же вскоре умре ту. И посади в него место брата его Святополка, Всеславу же бежавшю».

Изгнанный Всеслав бежал на север к финскому племени Водь. Это племя проживало на северо-западной окраине Новгородской земли, между озером Ильмень и рекой Мста. Появление Всеслава у води объясняют по-разному. Так, М. Ермалович полагал, что мать Всеслава происходила из этого племени, поэтому он искал помощи у родственников. Но главное, что в тот момент Всеславу негде было искать более сильного союзника. Водь желала избавиться от грабивших их новгородцев. Появление у них деятельного смелого князя воодушивило водь на борьбу. Всеслав же, подчинив Новгород, мог оттуда начать войну с Ярославичами за возращение Полоцка.

Здесь Всеслав собрал войско и осенью того же 1069 года напал на Новгород. Видимо, он надеялся на внезапность. Но в Новгороде подготовились к встрече:

> «Въ то же лето, осень, месяця октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятничи, въ чяс 6 дни, опять приде Всеслав къ Новугороду; новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Зверинця на Къземли; и пособи богъ Глебу князю съ новго-

родци. О, велика бяше сеця Вожиномъ и паде ихъ бещисленое число; а самого князя отпустиша бога деля» (Новгородская первая летопись).

Скорее всего, новгородцы неожиданно напали из засады. Летопись пишет, что Всеслав подошел к Новгороду в шесть часов дня, т.е. под вечер, в осенних сумерках. Вряд ли князь хотел сражаться в темноте. Значит, ему пришлось вступить в битву, отражая нападение новгородцев. А поскольку не удалось «исполчить» войско (построить в боевые порядки), вожан окружили и разбили.

Почему отпустили Всеслава? Если учесть вероятность того, что именно Всеславу Глеб был обязан своим княжением, ничего особенно странного в таком его поступке нет.

Но даже если это не так, можно обоснованно считать поступок новгородцев политически оправданным. Глеб Святославич опасался, что Изяслав отберет у него новгородское княжение, которое он занимал не по «чину». Всеслав же мог отвлечь на себя внимание Киева. В борьбе с ним Киеву будет не до Новгорода и Глеба.

После этого Всеслав на время исчез из поля зрения летописцев. Скорее всего, он находился в соседней Литве. Литовский след оставил упоминание в летописях: «И были на тот час в Руси великие страхи и ссоры для внутренней войны. В тот час Полоцкое и иные княжества русские смело Литва воевала», — сказано в одной из летописей. Похоже, что Всеслав вместе с воинственными литвинами не давал покоя Святополку. Как считают историки, Литва в то время платила дань Полоцку, поэтому Всеслав и нашел здесь воинов для борьбы со Святополком.

Всеслав снова собрал войско и в 1071 году напал на Полоцк, выгнал оттуда Святополка:

«В се же лето выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска».

Тогда Изяслав послал в поход другого своего сына Ярополка, который в 1071 году якобы разбил войско Всеслава в битве у Голотическа*.

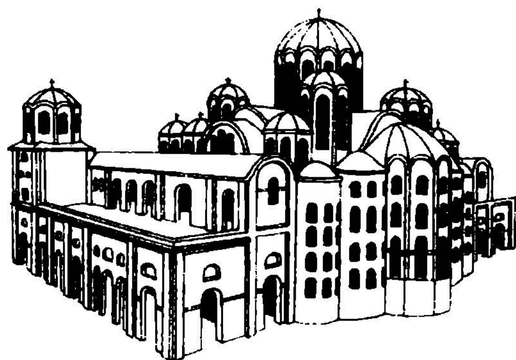
Киевские авторы пишут, что несмотря на это Всеслав «окончательно утвердился в Полоцке и княжил в нём ещё 30 лет до своей смерти». Понятно, что они лгут. Значит, Всеслав встретил врага на южных рубежах своей державы. У него была уже сила для отпора врагу. Это Всеслав разбил Ярополка и потому сохранил за собой полоцкий престол.

Тем временем (в марте 1073 г.) Святополк и Всеволод изгнали Изяслава из Киева. Великим князем стал Святослав:

«В лето 6582 (1073). Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодамъ на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ, месяца марта 22, и седоста на столе на Берестовомъ, преступивша заповедь отню».

Во время княжения Святослава в Киеве Всеслав сидел спокойно. Но как только Святослав умер (в 1076 г.), война Всеслава с киевскими князьями возобновилась.

* Голотическ, по мнению ряда исследователей, это современный Голоцк, расположенный в 30 км на юго-восток от Минска.



Собор Св. Софии в Киеве

Собор Св. Софии в Новгороде

Собор Св. Софии в Полоцке

Прежде всего весной 1077 года он снова напал на Новгород, где княжил Глеб Святославич. В отмщение за этот набег Владимир (будущий Мономах) совершил два похода на Полоцк, летом 1077 года со своим отцом Всеволодом, а в декабре 1077 – феврале 1078 со Святополком, который сменил Глеба в Новгороде. В первый поход князья сожгли предместья Полоцка, а во второй Владимир вместе с приведенными им половцами разорил Полоцкую землю от Лукомля до Логойска и от Логойска до Друцка:

«Пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска. Та на Дрьютьскъ воюя».

Всеслав при первом удобном случае (вероятно, в 1080 г.) в свою очередь напал на Смоленск, владение Владимира Всеволодовича, воспользовавшись отсутствием последнего. Получив в Чернигове весть о нападении, Владимир немедленно отправился с дружиной к Смоленску, но уже не застал там Всеслава. Тот успел удалиться с награбленным имуществом.

На следующий год (1081) Владимир пошел походом против Всеслава (по другим ведениям, поход состоялся в 1083 г.). Он собрал большое войско черниговцев, позвал на помощь половцев и направился к Минску. Город был взят, с ним поступили крайне жестоко:

«И на ту осень идохом с черниговцы, и с половцы, с четеевичи к Менску; изъехахом город не оставихом у него ни челядина, ни скотины».

На этом ожесточенная борьба между Киевом и Полоцком прекратилась надолго, до смерти Всеслава и даже после нее.

Довнар-Запольский писал:

«Кажется, на этом походе и закончилась борьба Всеслава Брачиславича с Ярославичами. По крайней мере, летописи ничего /более/ не упоминают».

Христианин или язычник?

При жизни Всеслава, его трудами в Полоцке был построен Софийский собор. Православно озабоченные авторы выставляют этот факт как «железное» доказательство глубокой приверженности полоцкого князя христианству. А как же тогда быть с тем фактом, что все былины изображают его князем-волхвом (т.е. верховным языческим жрецом)?

Думаю, что в этом случае, как и во множестве других, православные авторы выдают желаемое за действительное.

Христианизация Восточной Европы, начавшаяся с деятельности одиночек-миссионеров еще в VIII веке, растянулась более чем на 500 лет. Более того, в отличие от Киева и Новгорода, где крещение населения происходило по приказу великого князя, и имело точную хронологическую привязку (Киев – 988 г., Новгород – 990 г.), в Полоцкой земле процесс христианизации был очень медленным и постепенным. Он происходил путем сложного взаимодействия новой и «прадедовской» религиозности. Только к середине XII века христиане стали существенно превышать число язычников.

Вот что пишет Владимир Лобач в своей статье «К вопросу о крещении полоцкой Кривии» (перевод мой. – *А.Т.*):

«На территории Полоцкой Кривии, которая сложилась как социально-политический организм уже в IX веке, привязанность к традиционным (извечным) верованиям поддерживалась прежде всего тесной связью с жреческой элитой балтов – кланом Криве-Кривайтис, отдельные представители которго, скорее всего, и возглавляли сообщество во время его формирования и консолидации. В пользу этого свидетельствует не только патронимичный характер наименования «кривичи», но и сакральность самого корня *-крив-*, что широко подтверждается этнографическим (фольклорным) материалом XIX – начала XX вв. Фактом, опровергающим тезис о внутреннем кризисе язычества на кривицких землях, является /также/ большая концентрация святилищ и сакральных объектов языческой эпохи на этих землях» (с. 49).

«Отсутствие на Полотчине антихристианских выступлений, всколыхнувших в XI веке Новгородчину, Ростово-Суздальские, Муромские и другие земли, не было случайным, так как статус официальной еще имела языческая идеология, открыто культивировавшаяся при княжеском дворце (так, рождение Всеслава Брачиславича сопровождалось соответствующими языческими ритуалами, которые осуществляли «волхвы»).

Личность Всеслава Чародея (уникальная для всего Восточноевропейского средневековья), совместившего в себе функции не только политического и военного вождя кривицкого сообщества, но и верховного жреца, стала своеобразным знаком культурной уникальности полоцких земель. Храм Полоцкой Софии, построенный во времена Всеслава Чародея, надо рассматривать как символ независимости и величия державы, а не как признак политики христианизации, ибо мы и сегодня не имеем сведений о собственно княжеских храмах XI века в Полоцке.

Князь-волколак, обладающий многими жреческими способностями, делает неприемлемым для Кривицкой земли единственно возможный в то время механизм хри-

стианизации княжества: князь – дружина – город – деревня. Безусловно, нельзя отрицать проникновение христанства на тогдашнюю Полотчину (через купцов, варягов-христиан и т.д.), но оно носило маргинальный, непостоянный характер и не могло существенным образом влиять на местное население.

И хотя после смерти Всеслава Чародея православие начинает распространяться более активно, оно просто физически не могло вести себя агрессивно в отношении здешних языческих реалий. Происходило постепенное *номинальное* окрещение языческих святилищ, где, как и прежде, продолжались дохристианские ритуалы и обряды. Это вполне напоминает ирландский вариант христианизации, когда христианские священники ради того чтобы как-то закрепиться, вынуждены были мирно контактировать с друидами, многое перенимая от них. Об узкой деятельности церкви на Полотчине свидетельствует тот факт, что из почти 300 персон XI–XIII вв., канонизированных Русской православной церковью, только трое имеют отношение к этим землям» (с. 50).

5. Моя версия событий

Рогволод – первый известный нам князь Полоцкой земли. Он прибыл в Полоцк из славянских земель на южном побережье Балтийского моря. Скорее всего, принадлежал к племенному союзу руян (или, по другому, ругов).

Князь не имел никакого отношения к так называемому Рюрику Русскому (не был ни его родственнием, ни наместником в Полоцке) по причине мифичности этого персонажа. Кстати говоря, предания о Хрëрике, которые за пару столетий превратились в легенду о Рюрике, привезли в регион Старой Ладоги – Новгорода переселенцы-ободриты (по другому бодричи). Они жили западнее руянов (ругов), а главным их городом был Любчин (нынешний Любек).

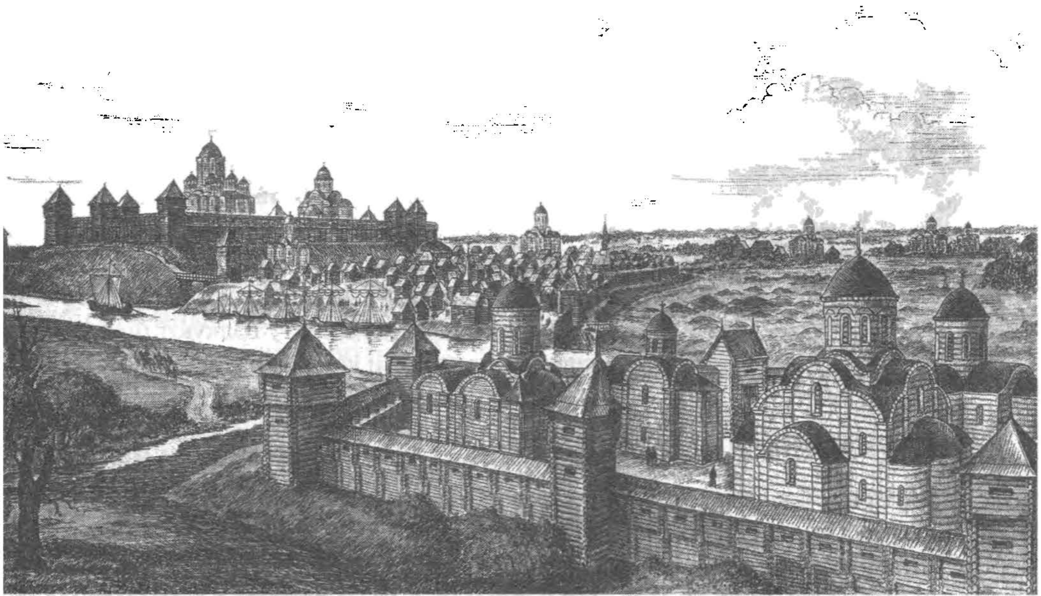
Вне всяких сомнений, Рогволод возглавлял дружину варягов, притом достаточно сильную (сильную – не значит многочисленную: даже 30 воинов в доспехах и с хорошим оружием то время представляли значительную силу). Отмечу попутно, что варяжские дружины имели разное этническое происхождение, в том числе славянское.

Благодаря дружине, Рогволод смог прочно утвердиться в Полоцке, до которого он и его спутники добрались по Западной Двине. Полоцк в то время представлял собой факторию, т.е. поселение, где купцы складировали товары, зимовали, ремонтировали суда, пополняли запасы провианта для дальнейшего движения по рекам к Киеву и Рижскому заливу (залив в те времена назывался как-то иначе, ведь Рига появилась намного позже). Разумеется, они вели торговлю и с окрестными жителями. В общем, место было перспективное во многих отношениях. Утверждению власти заморского предводителя над жителями Полотчины способствовало сходство религиозных верований. Известно, что культ бога Святовита на острове Руяна (ныне Рюген) и культ кривичей имел много общего. Кроме того, похоже на то, что Рогволод взял себе в жены женщину из местных. Варяги уходили в дальние походы чисто мужскими коллективами.

К моменту начала конфликта между наследниками киевского князя Святослава – Ярополком, Олегом и Владимиром – Рогволод «сидел» в Полоцке от 20 до 30 лет. Все это время город расширялся, строился, богател. На богатство всегда найдутся завистники. Поэтому был возведен земляной вал с бревенчатым частоколом.

Вполне логичным кажется то, что Владимир, замыслив поход на Киев, решил вступить в союз с богатым сильным князем. И ссуду от него получил, и людей. Этот союз зафиксировал брак Владимира с Рогнедой. Рогнеда была дочерью Рогволода, а Изяслав – сыном. Рогнеда была старше Изяслава.

Вполне возможно, что девица по каким-то соображениям не хотела выходить за Владимира, но ее мнение мало что значило. И в эпоху военной демократии и во времена раннего феодализма власть отца над своими детьми была абсолютной. Усилившись в Полоцке за счет помощи Рогволода, Владимир двинулся дальше, появился под Киевом, обманом заманил Ярополка в ловушку и прикончил. Вот так он стал князем Киевским.



Панорама Полоцка в середине XII века (реконструкция В. Стащенюка)

Киев, надо отметить, и в то время, и позже, занимал более выгодное положение на пересечении торговых маршрутов, чем Полоцк. Ведь через Киев пролегал путь не только между Балтикой и Черным морем, но также из Хазарии в германские земли (конечный пункт – ярмарка в Аугсбурге). Еврейские купцы доставляли тамошним потребителям разные товары, в первую очередь соль и молодых женщин.

Когда именно умер Рогволод, мы не знаем. Поскольку никакие другие даты не фигурируют, можно предположить, что в 988 году. Его сменил Изяслав, которому в тот момент было от 20 до 28 лет. Он сидел на полоцком престоле до 1003 года, т.е. 15 лет. Его брат Всеслав умер ребенком.

Отношения с Киевом и у Рогволода, и у Изяслава были вполне мирные, именно поэтому в киевской летописи нет ни слова об указанном периоде. Киев и Полоцк не воевали друг с другом, так о чем писать? Внутренняя жизнь соседей летописцев не интересовала.

Сказать что-то еще о Брачиславе, кроме изложенного выше, трудно. Благодаря мудрой политике он значительно укрепил свое княжество экономически и политически. В результате успешных военных действий в 1021 году к Полоцку были присоединены Витебск и Усвяты, важные пункты на волоках торгового пути «из варяг в греки».

Более того, какое-то время (в 1021–1026 гг.) Брачислав был соправителем Ярослава в Киеве. Как союзник киевского князя, он участвовал в совместных походах на литовские племена в 1038 и 1040 гг., после чего Полоцк закрепил за собой северо-западные территории современной Беларуси, где были возведены пограничные крепости Дрисвяты и Браслав.

Всеслав Брачиславич

Его сын Всеслав был человеком необыкновенным во многих отношениях. Ведь не случайно он стал одним из героев «Слова о полку Игореве», а также былин, показывающих его волхвом (жрецом), чародеем (колдуном) и оборотнем, способным превращаться в волка, сокола, оленя с золотыми рогами.

«ПВЛ» сообщает, что мать родила Всеслава «от волъхвования» и от рождения «бысть ему язвено на главе его». Волхвы сказали матери князя: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего». Эту цитату толкуют по-разному: «язвено» понимали как родимое пятно, на котором князь носил повязку. По другой версии, Всеслав родился «в сорочке» и носил кожицу (часть плаценты) на себе в качестве амулета. Такого человека считали обладателем особых способностей.

Всеслав был умен, хитер и изворотлив. Своим умом, предприимчивым характером, кипучей деятельностью он надолго остался в памяти народа. О нем стали ходить легенды еще при жизни. Эти устные рассказы попали в письменные памятники – в летописи, и в «Слово о Полку Игореве»:

> «Князь Всеслав людям суд давал, князьям города рядил, а сам волком рыскал: из Киева до пения петухов он добегал до Тмутаракани, волком пересекая путь великому Хорсу (Солнцу). В Полоцке звонят заутреню у Святой Софии, а он в Киеве звон слышит».

Летописи ничего не говорят о первых 16 годах его правления. Это потому, что деятельность Всеслава не выходила за границы Полоцкой земли. Следовательно, Всеслав в эти 16 лет занимался обустройством своего государства.

Всеслав активно укреплял внешние границы княжества. Его площадь в то время составляла около 100 тыс. кв. км. На юге оно граничило с Туровским княжеством; на севере и северо-востоке – с Новгородской землей; на востоке – со Смоленским княжеством; на западе и северо-западе – с жамойтскими и латышскими племенами. Князь приводил в порядок пограничные крепости, строил новые.

Наиболее успешно князь Всеслав подчинял земли балтских и балто-финских народов, – на запад и северо-запад от Полоцка, вдоль Двины – главной артерии

жизни его державы. Он стремился контролировать реку от истоков до устья. При Брачиславе, с присоединением в 1021 году Витебска и Усвят, власть Полоцка распространилась на Верхнее Подвинье. Первоочередной задачей для Всеслава стало овладение Нижним Подвиньем, что он успешно и выполнил. Ливы, жившие на Балтийском побережье, и соседние с ними народы – земгалы и курши – были подчинены Полоцку в качестве данников и военных союзников.

Ближайшие соседи Полоцка – латгалы и селы, со своими землями вошли в состав Полоцкого княжества еще при Брачиславе. Именно здесь по его приказу построили форпосты Герцике и Кукенойс.

Полоцкое княжество
к концу правления Всеслава Брачиславича

Археологические исследования С.В. Тарасова в Полоцке показали, что именно при Всеславе в середине XI века завершился процесс переноса административного центра Полоцка с «городища Рогволода» в Верхний замок.

Здесь же Всеслав построил величественный собор Святой Софии. По мнению большинства исследователей строительство Софийского собора было завершено не позже 1066 года. Всеслав возводил этот храм с политической целью, чтобы доказать миру равенство Полоцка с Новгородом и Киевом, где такие соборы появились раньше.

Об архитекторах (розмыслах) ничего не известно. По мнению С.В. Тарасова это болгары, так как полоцкая София была очень похожа на собор в Охриде, в нынешней Македонии. А вот строили местные, притом с языческими именами. На камне в подвале они написали свои имена – Давид, Воришь, Микула, Петр, Тоума. Как видим три имени из пяти – языческие.

На ком был женат Всеслав, неизвестно. Традиционно считается, что у него было 7 сыновей, но большинство исследователей считает, что Борис – это крестильное имя Рогволода, так что сыновей шесть. Это 1) Роман, 2) Глеб (князь полоцкий и минский, его супруга Анастасия Ярополковна, княжна Туровская); 3) Борис (он же Рогволод); 4) Давыд (его супруга – дочь Мстислава Великого); 5) Ростислав; 6) Святослав (отец Ефросиньи Полоцкой). Их старшинство и уделы точно не установлены. (Всеслав разделил свое княжество между сыновьями в конце жизни).

Всеслав Брачиславич не участвовал в Любечском съезде Ярославичей в 1097 году. Во-первых, ему, в отличие от них, не было нужды что-нибудь делить или с кем-нибудь делиться. Во-вторых, он не имел династических претензий на киевский престол. В-третьих, Полоцкое княжество было суверенным государством, независимым от Киева.

А традиция передачи княжеского престола от отца сыну в Полоцком княжестве существовала уже почти 100 лет, с 988 года. И это был главный результат многолетней трудной борьбы Полоцка против Днепровской Руси с центром в Киеве, которая показана в летописях как война между Всеславом Брачиславичем, с одной стороны, сыновьями и внуками Ярослава Владимировича – с другой.

При Всеславе Брачиславиче Полоцкая земля окончательно превратилась в самостоятельное государство, имевшее все необходимые атрибуты и политические инструменты: стабильную территорию, высшую власть в лице князя, собственную династию, аппарат принуждения, вооруженные силы. Все это позволяло князю Полоцка проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику. Частые и упорные столкновения с соседями свидетельствовали о мощном экономическом и военном потенциале этого государства.

Вероятно, главной целью жизни Всеслава являлось объединение вокруг Полоцка всех кривичей, которые позже частично попали под власть Новгорода (Псковская земля) и Смоленска. Именно на создание кривичской державы были направлены его талант, энергия, стремления.

В заключение дадим общую оценку деятельности Всеслава словами М.В. Довнара-Запольского:

> «При Всеславе Брачиславиче Полоцкое княжество достигло высших пределов своего процветания: ни до него, ни после него оно не было так велико и сильно, как в его время. Крепость и сила княжества увеличилась особенно тем, что оно находилось в руках одного князя. Возвышением своим Полоцк вполне обязан уму и энергии Всеслава. После него Полоцкое княжество начинает падать».

Литература

Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). Москва: «Наука», 1966. — 296 с.

Грот Л. Полоцкий князь Рогволод с острова Рюген. // Интернет-ресурс, январь 2014 г.

Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. — 732 с.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, переводы комментарии. Москва: «Ладомир», 1994.

Довнар-Запольский М.В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель (до конца XII столетия). Киев: изд. Университета св. Владимира, 1891.

Дук Д.В. Полоцк и полочане (IX–XVIII вв.). Новополоцк, 2010. — 136 с.

Егоров В.Б. У истоков Руси: меж варягом и греком. Москва: «Эксмо», «Алгоритм», 2010.

Егоров В.Б. Каганы рода русского, или подлинная история киевских князей. Москва: «Алгоритм», 2012. — 288 с.

Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мінск: «Мастацкая літаратура», 1990. — 366 с.

Заяц Ю.А. Полоцкие события «Саги об Эймунде». // «Полоцкий летописец», 1993, № 1, с. 5–10.

Заяц Ю.А. Заславль в эпоху феодализма. Минск: «Наука и техника», 1995. — 208 с.

Леонардов Д.С. Полоцкий князь Всеслав и его время. // «Полоцко-Витебская старина». Выпуск 2. Витебск, 1912; Выпуск 3. Витебск, 1916.

Лобач У. Да пытання аб хрышчэнні Полацкай Крыўі. // Беларусь у сістэме трансеўрапейскіх сувязей у I тысячагоддзі н.э. Тэзісы дакладаў і паведамленняў.../ Мінск: «Ваўкалака», 1996, с. 49–51.

Никитин А.Н. Основания русской истории: Мифологемы и факты. Москва: «Аграф», 2001. — 768 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. — 640 с.

Пануцевич В. О началах христианства на наших землях. // «Деды», выпуск 10. Минск, 2012, с. 4–35.

Рогалев В.Ф. Рогволод и Рогнеда: сущность имени. // «Русская речь», 2010, № 5, с. 101–105.

Сапунов Б.В. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». // Труды отдела древнерусской литературы. Том XVII. М.–Л.: АН СССР, 1961, с. 75–84.

Семянчук Г. Усяслаў Брачыславіч, князь полацкі (Штрыхі да гістарычнага партрэта). // «Białoruskie Zeszyty Historyczne», 2002, № 18.

Тарасаў С. Чарадзей з сёмага веку Траяна: Усяслаў Полацкі. Мінск: «Навука і тэхніка», 1991. — 68 с.

Тимофеев В.П. Легенда и быль о Всеславе Полоцком. // «Мир истории: Прошлое далекое и близкое», 2003, № 1–3, с. 8–53.

ЛЖИВЫЕ АРГУМЕНТЫ ИСТОРИКОВ ЛЕТУВЫ

Владимир Антипов

Историки Летувы уже давно пытаются доказать всему миру «неотъемлемое право» своей страны, своего государства и своего народа на историческое наследие Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского. Доказательств в пользу «права на наследство по закону» у них немного. Тем не менее, «официальные» историки Беларуси хранят молчание по этому поводу. Между тем поговорка гласит, что «молчание – знак согласия». Выполняя работу, за которую не желают браться наши профессионалы, предлагаем свой анализ наиболее известных аргументов летувских фантазеров.

***

Для экономии места в статье использованы следующие сокращения:

Ян Длугош (Jan Dlugosz). Имеется в виду его труд «История Польши» (Historia Poloniae. Volumes 1–12. 1455–1480). Польский перевод с латыни: Roczniki czyli Kroniki slawnego Krolewstwa Polskiego. Ks. 1-12. Warszawa, 1961–1985. Наше сокращение – [Длугош].

Мацей Меховский (Maciej z Miechowa). Ссылки на его «Трактат о двух Сарматиях» (Tractatus de duabus Sarmatiis. Krakow, 1517). Русский перевод с латыни: Трактат о двух Сарматиях. Москва – Ленинград, 1936. – [Меховский].

Зигмунд Герберштейн (Herberstein). Цитируются его «Записки о Московитских делах» (Rerum Muscoviticarum Commentari. Vienna, 1549). Русский перевод с латыни А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Москва, 1988. Наше сокращение – [Герберштейн].

Мацей Стрыйковский (Maciej Stryjkowski). Цитируется его «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси». (Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Konigsberg, 1582). Варшавское издание 1846 года в 2-х томах. Наше сокращение – [Стрыйковский]*.

Придуманные аргументы

АРГУМЕНТ 1

Витовт объяснял императору Сигизмунду I в 1420 году, что значат названия Аукштайтия и Жемайтия на литовском языке:

> «... Вы сделали и объявили решение по поводу Жемайтской земли, которая есть наше наследство и вотчина из законного наследия наших предков. Ее и теперь имеем в своей собственности, она теперь есть и всегда была одна и та же самая Литовская

* Если слово Литва в нашем тексте пишется с большой буквы, оно означает страну; если с маленькой (литва) – означает людей, принадлежащих к определенному этносу (литва, литваны, литвины, литовцы – это синонимы). Современное государство мы называем Летува (именно так читается ее название – Lietuva), ее жителей – летувисами, а их язык – летувским (он же жемайтский).

Древняя (летописная) Литва, по нашему мнению, не имела никакого отношения ни к Жемайтии, ни к современной Республике Летуве.

земля, поскольку есть один язык и одни люди (unum ydeoma et uni homines). Но так как Жемайтская земля находится ниже Литовской земли, то и называется Жемайтия, потому что так по-литовски называется нижняя земля (quod in lythwanico terra inferior interpretatur). А жемайты называют Литву Аукштайтией, то есть верхней землей по отношению к Жемайтии.

Также люди Жемайтии с древних времен называли себя Литовцами, и никогда Жемайтами (Samagitte quoque homines se Lythwanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas appelant), и из-за такого тождества мы в своем титуле не пишем о Жемайтии, так как все есть одно – одна земля и одни люди.» (Codex epistolaris Vitoldi, Krakow, 1882, с. 467).

(Примечание: по-летувски žemas – «низкий», aukštas – «высокий»).

1. Правильный перевод

Так как историки современной Летувы именно этот аргумент возвели в ранг канона, он требует детальной проработки. Наш перевод:

«...Приговор между нами и заявление прежде всего о земле Самогитии, что есть удел законный и вотчина наших предков и предков наших древнейших, которой в настоящее время мы обладаем, которая также была одним и тем же с землей Литвании, является и всегда была, для одного языка и одного народа. Теперь, когда земля Самогития есть земля нижняя к земле Литвании, поэтому Жомойть называется, которая на Литванский переводится земля нижняя Самойть, но Литванов называют Аукштота, что есть земля верхняя по отношению к земле Самогитской.

Самогиты народ с Литванами из античных времен и никогда Самогитами не назывались, и за счет такого тождества в титуле нашем Самогития не пишем, потому что все едино есть, земля одна и люди одни ...».

Летувисы сознательно опускают в своих переводах ключевую фразу «...sed quod terra Samaytarum est terra inferior ad terram Lythwanie, ideo Szomoyth vocatur, quod in Lythwanico terra inferior interpretatur Samoyte vero Lythwaniam appellant Auxstote ...», которая означает: «...теперь, когда земля Самогития есть земля нижняя к земле Литвании, поэтому Жомойть называется, которая на Литванский [язык] переводится земля нижняя Самойть, но Литванов называют Аукштота...»

Их (летувисов) перевод «...но так как Жемайтская земля находится ниже Литовской земли, то и называется Жемайтия, потому что так по-литовски называется нижняя земля. А жемайты называют Литву Аукштайтией, то есть верхней землей по отношению к Жемайтии...» – это намеренное искажение текста оригинала.

2. Разные принципы словообразования

Используемые в письме Витовта понятия «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» отличаются от общепринятых «Жемайтия-Самогития» и «Аукштайтия» разными принципами словообразования. Используемые в оригинале названия «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» не соотвествуют летувскому языку, так как «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» не выводятся из оригинальных «žemas — Žemaitija» и «aukštas — Aukštaitija». Следовательно, термины «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» в оригинале письма не являются летувскими.

3. Это перевод на «литванский» язык.

Реальный смысл данной ключевой фразы таков: «Жемайтия это нижняя земля по отношению к Литвании, и эта нижняя земля переводится на литван-

ский язык как Жомойть-Самойть». На том же «литванском» языке написано слово «Аукштота». Таким образом, термины «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» это есть перевод (слово interpretatur означает на латыни перевод) летувских терминов на язык «литванов».

4. Какой язык использует термины «Жомойть-Самойть» и «Аукштота»?

Для ответа на этот вопрос достаточно:

– вспомнить, что слово «Аукштота» имеет славянскую фонему: например, блевота, ворота, дурнота, тошнота...;

– заглянуть в статью русскоязычной Википедии «История Литвы», где сказано, что «на территории, занятой современной Литовской Республикой, по нижнему течению Немана и его притокам, Дубисе и Невяже, жили восточнобалтские племена жмудь (жемайты) и аукштота (аукштайты)». Аналогичные статьи в украинской и беларуской Википедиях утверждают, что по-украински и по-беларуски Аукштайтия это «Авкштота» и «Аукштота»;

– почитать труды беларуских историков, использующих именно такие термины «Жомойть» и «Аукштота», которые употребил Витовт.

Витовт употребил те фонемы, которые использовали «литваны» в первой половине XV века для обозначения Жемайтии и Аукштайтии. Эти фонемы являются славянскими.

5. Слова Витовта о едином государстве

Фразу, на которую делают упор летувисы, «все едино есть, земля одна и люди одни», следует понимать в свете политической обстановки того времени. Это просто словесное выражение тезиса о едином государстве литвинов и жемайтов, то есть ВКЛ, именно это единство страны доказывал Витовт императору Сигизмунду. Такое построение фразы можно использовать в отношении любой многонациональной страны, например: «Советский Союз весь един есть, земля одна и люди одни, что летувисы, что русские, что беларусы».

Напомним, что прошло всего 10 лет после Грюнвальдской битвы и 9 лет после присоединения к ВКЛ значительной части Жемайтии, которая раньше долгое время принадлежала Тевтонскому ордену. Орден, потерпев поражение на поле боя, не желал сдаваться на поле политической борьбы и пытался вернуть себе Жемайтию с помощью закулисных интриг. В этой политической игре важнейшие роли отводились императору Священной Римской империи (т.е. Сигизмунду) и Папе Римскому.

Самый важный аргумент Ордена заключался в том, что он пытался утвердить на этих диких землях христианство. Следовательно, император и Папа Римский должны понять целесообразность возвращения Жемайтии – Ордену. Именно для того, чтобы успокоить императора и Папу, Витовт в 1413 году согласился на крещение жителей Жемайтии по католическому обряду, а также начал строить на этих землях христианские храмы. Более того, чтобы устранить притязания Ордена на Жемайтию из-за финансового долга, Витовт вернул Ордену 300 тысяч золотых, которые получил, заложив Жемайтию в 1398 году.

Витовт в своем письме в мягкой форме отказывает Сигизмунду передавать Жемайтию Ордену и одновременно приводит аргументы в пользу своего права на обладание этой землей. И вот здесь лежит разгадка: Витовт пытается изобра-

зить Жемайтию и Литву единой страной, поэтому говорит об «одном народе», о «стародавнем праве предков» на владение, об «античных временах», и все это с одной целью – обосновать свои права на Жемайтию.

Параллельно Витовт в своем письме утверждает, что Тевтонский орден неспособен привести Жемайтию к благоденствию.

6. Ложь про жемайтов

Витовт сознательно лжет, когда утверждает, что жемайты «никогда Самогитами не назывались».

– В этом же документе он сам неоднократно называет жемайтов именно так.

– Он использует термин «Самогиты», чтобы его понял Сигизмунд, а это говорит о том, что таково общепринятое международное название (на латыни). А его «литванский аналог» «Жомойть – Самойть» является термином, принятым только у «литванов», поэтому Витовт вынужден это пояснить.

– Историки Летувы, хватаясь за выражение «что Жемайты сами себя Жемайтами не называли», тем самым опровергают другие свои доводы, которые базируются ...именно на свидетельствах жемайтов.

Итак, термин «Жемайтия-Самогития» в начале XV века являлся общепринятым определением, и произошел он из самой Жемайтии.

7. Кто называл Литву «Аукштотой»?

Мы видим, что жемайты называли Литву термином, который на «литванском» языке произносился как «Аукштота». Литва «литванов» сама себя так не называла, Витовт именует ее «Литвания». Смешение «Литвы» и «Аукштайтии» мы видим только со стороны жемайтов, что вполне объяснимо: и та, и другая «земли» (т.е. территории) находились «выше» Жемайтии по течению Немана.

Вывод

Историки Летувы намеренно используют в своей аргументации неверный перевод, который существенно меняет смысл цитируемого ими фрагмента. Используемые в письме термины «Жомойть-Самойть» и «Аукштота» это те, которые использовали «литваны» в начале XV века по отношению к современным Жемайтии и Аукштайтии, а под «литванским» языком легко просматривается славянский язык. Выражение «все едино есть, земля одна и люди одни» в контексте письма выражает идею единого государства «литванов» и жемайтов.

АРГУМЕНТ 2

В письме к Ягайло Витовт в 1429 году напомнил, как обсуждался вопрос о его коронации в Луцке:

> «...Когда мы были в вашей комнате, господин Король Римский [Сигизмунд] начал говорить с Вашей Светлостью, напоминая о вчерашнем деле [о коронации Витовта]. Ваша Светлость сказали сразу, как вам это нравится, и как вы будете рады. Но мы сказали вам по-литовски (nos vero in lithwanico diximus ad vos): господин Король, не спешите с этим делом, давайте посоветуемся прежде с вашими баронами и прелатами ...» (Codex epistolaris Vitoldi, Krakow, 1882, с. 816).

1. Язык не определен

Как бы того ни хотелось летувским историкам, но из текста письма невозможно определить, на каком именно языке говорили Витовт (Александр) и

Ягайло (Владислав). Суть этого аргумента летувисов — в отождествлении упомянутого «литванского» языка с современным летувским языком. Такое отождествление основано на обратной причинно-следственной связи: «раз мы в XXI веке Литва, значит и в XV веке мы тоже были Литвой, раз в XXI веке наш язык называется литовским, то и в XV веке под литванским языком понимали только наш язык». Поэтому их перевод оригинального «in lithwanico» как «по-литовски», а не «по-литвански» заставляет рядового читателя ассоциативно ставить знак равенства между этими двумя языками.

На самом деле сейчас говорят и пишут не «Литва», а «Летува» (Lietuva).

2. Сравнительный анализ.

У летувисов нет никаких доказательств того, что «литванский» язык Витовта и Ягайло аналогичен современному летувскому языку. А вот у беларусов такие доказательства имеются, они приведены выше: «Жомойть-Самойть» и «Aукштота» это «литванские» слова начала XV века.

Вывод

В данном аргументе термин «литванский» язык не уточнен, под ним можно подразумевать разные языки. Аргументация летувисов сводится к произвольному присвоению этого нечеткого указания на основе ассоциации его с современным летувским языком.

АРГУМЕНТ 3

Ипатьевская летопись [точнее, входящая в этот список Галицко-Волынская летопись] сообщает, что в 1256 году князья Даниил и Василько отправились в поход на Возвягль. К ним на помощь должны были прийти литовцы, однако они, не дождавшись литовцев, взяли город, сожгли его, поделили пленников и вернулись домой. Когда пришли литовцы, то нашли опустошенные развалины, где грабить было уже нечего:

> «Романовы же пришли к городу, устремившись на град Литва не увидела ничего, только головешки те, псов тычущих по городищу. Тужа и плеваясь, по-свойски говорила: "Янда", к Богам взывая своим, Андаю и Дивириксу, и всех Богов своих поминая, называемых бесами» (ПСРЛ, том 2: Ипатьевская летопись, стб. 839).

1. Ассоциация

Летувские историки делают упор на то, что слово «янда» является чуждым для современных (именно современных) славянских языков. Кроме того, они заявляют, что давно забытые языческие боги Андай и Дивирикс тоже абсолютно чужие для славянской христианской традиции. Неосведомленный читатель, прочитав этот фрагмент, может подумать: действительно, что славянского в «Янде, Андае и Дивириксе»? Сейчас мы докажем противоположное — указанное слово куда более славянское, чем летувское.

2. Нелетувское «янда»

Летувские историки, приписывая слово «янда» своему языку, никак его не объясняют. Мы попытались сделать это с помощью консультантов из Летувы, но

у нас ничего не получилось: в современном летувском языке нет слова «янда». Похожим на него является слово «Андэй – Andai», что переводится как «недавно, намедни». Но оно не вписывается в контекст эпизода (разочарование Литвы + Янда + Андай и Дивирикс): «Разочарование, недавно, Андай, Дивирикс».

3. Славянское «янда»

Оказалось, что слово «янда» имеет славянские корни. Так, фамилия Янда существует в чешском и польском языках (Якуб Янда, Кристина Янда, Франтишек Янда – посмотрите соответствующие статьи в Википедии). Логично предположить, что в те далекие времена смысл этого слова был понятен чехам и полякам, но никак не жемойтам.

4. Андай и Дивирикс

Андай и Дивирикс не упоминаются ни в одном перечне языческих божеств летувисов и беларусов. В частности, они отсутствуют в знаменитом перечислении языческих богов средневековой Литвы у Мацея Стрыйковского.

В этой связи следует упомянуть любопытную гипотезу, которую предложили двое минских историков. Они пишут:

> «Вследствие недостатка сведений о прусско-ятвяжском языке эти упомянутые в летописи слова стали рассматривать как имена каких-то языческих божеств, которых якобы почитал Миндовг (о сути их исследователи выдвигали самые фантастические гипотезы). Между тем они – явно из прусского языка. Нанадай – это «numons dajs», Телявель – это «tawo walle», а Дивирикс – «Deiwe riks». Все вместе они образуют прусскую (ятвяжскую) фразу «numons dajs tawo walle, Deiwe riks – «пусть будет воля Твоя, Господи Боже».
>
> Выражение «numons dajs tawo walle» представляет собой отрывок из молитвы «Отче наш» на прусском языке (строка «...пусть будет воля Твоя»). /См. статью А. Дайлидова и К. Костяна «Тайна Нанадая, Телявеля и Дивирикса» в альманахе «Деды», выпуск 6 (Минск, 2011), с. 212./

По мнению авторов, князь Миндовг был ятвягом и, соответственно, его родным языком был ятвяжский, весьма близкий к прусскому. Молитва «Отче наш» – самая распространенная из всех. Неудивительно, что галичанам доводилось неоднократно слышать ее из уст тех воинов Литвы, которые по своему этническому происхождению были ятвягами (или пруссами) – как и князь Миндовг. Автор «Галицко-Волынской летописи» их языка не знал, а потому воспринял слова из молитвы в качестве имен язычески божеств – Андая (или Нанадая), Телявеля и Дивирикса. Повторим в этой связи, что богов с такими именами нет ни в жемойтском, ни беларуском, ни прусско-ятвяжском пантеоне.

5. Другие цитаты из той же летописи

Летувские историки сознательно не приводят других цитат из «Галицко-Волынской летописи», а делают заключение только по одной из них. Все остальные без исключения цитаты из этой летописи представляют воинов-литву со славянскими характеристиками. Эти убедительные цитаты мы сейчас приведем (в нашем стилистическом варианте оригинального текста).

> «...в том же году /1252/ изгнал Миндовг родственника своего Тевтивила и Едивила, послав их на войну с воеводой своим Выконтом воевать к Смоленску на Русь, и

говорил: «Что кто отберет, себе оставит»... Они же проведав то, бежали к Князю Даниилу и Василько, и приехали во Владимир [Волынский]. Миндовг же прислав послов своих, говорил [через послов]: "Не делай им милости". И не послушался их [Тевтивила и Едивила] Даниил и Василько, так как сестра его [Миндовга] была за Даниилом [замужем]...»

Итак, автор приводит славянскую речь Миндовга. Эту славянскую речь Миндовга поняли Едивил и Тевтивил. Тевтивил и Едивил свободно говорили по-славянски, так как лично общались с Даниилом Галицким. Послы Миндовга тоже говорили по-славянски с Даниилом Галицким. Сестра Миндовга наверняка в быту говорила по-славянски со своим мужем Даниилом Галицким.

«Владимир же послал Дуная поднимать Литву. Литва обещала ему так [сделать], говоря: "Владимир, добрый Князь, правдивый! Можем за тебя головы свои сложить. Коли тебе любо, то мы готовы"... После этого же пришла Литва к Берестью, и начала молвить Князю Владимиру: "Ты нас поднял, и поведи нас куда, а все мы готовы, за тем и пришли". Князь же начал думать себе, куда бы их повести».

Как видим, литовское войско прекрасно понимало не только князя Владимира, но и его военачальников (того же славянина Дуная), а эти славянские военачальники прекрасно руководили литовским войском: поход не только состоялся, но и был успешным.

«...приходила Литва /в 1246 г./ и воевала около Пересыпницы, Айшевно Рушкович [предводитель похода] ... Поганые же однако гордость имели в сердце своем ... Все же войны его избиты были, сам же Рушкович в малом числе убежал».

Айшевно Рушкович показан славянином, он командовал литовским войском от имени Миндовга.

«...в том же году /1235/ Даниил же повел на Кондрата [Конрада Мазовецкого] Литву Миндовга, Изяслава Новгородского ...»

Итак, литву вместе с галичанами вел славянин Изяслав из Новогрудка. И на каком же языке общались Даниил и Изяслав с литовским войском? Неужели на летувском (жемойтском)?!

«...обрадовались Даниил и Василько о помощи Божьей против поганых. /1258 г./ И это было, что люди Миндовговы, воевода их Хваль, великое убийство творили на земле Черниговской, и Сирвид Рушкович. Сирвид же убежал, а Хваль убит был, и иных много...»

И в этом случае войском Миндовга командовали воеводы с явно славянскими именами – Хваль и Сирвид Рушкович.

«...потом же пошла Литва на Ляхов воевать от Миндовга /в 1262 г./, и Остафий Константинович с ними, окаянный и проклятый, потому что сбежал из Рязани».

С чего бы это Остафию Константиновичу Рязанскому – православному славянину – убегать к язычникам, говорящим на совершенно чужом языке (летувском, т.е. жемойтском)? Более того, славянин Остафий Константинович Рязанский был в числе командиров этого похода. На каком языке он командовал воинами-литовцами? На жемойтском?!

«...другая же рать воевала /в 1262 г./ в ту же неделю Литовская около Мельницы [Мельника]. Был же с ними воевода Тюдияминович же Кодвижадь, взяли пленных много».

И здесь имя воеводы Миндовга звучит как славянское.

6. Славянское значение

Так что же это за слово – «янда»? Скорее всего, обычное восклицание, междометие. Современные славянисты объясняют значение этого якобы летувского слова так: «янда» это устаревший вариант междометия «айда – за мной». Общий смысл цитируемого фрагмента таков: «Тут ничего /нет/, айда, ребята /отсюда, или айда туда/, прости нас господи».

По-летувски аналогичные междометия «дрошк – эйк» или «дрошким – эйким», а междометий «янда» или «янде» в летувском языке нет.

Вывод

Летувисы пытаются трактовать в нужном им смысле непонятное слово, вырванное из контекста «Галицко-Волынской летописи». Дескать, оно не славянское. Даже если это так, то оно и не летувское.

АРГУМЕНТ 4

Стрыйковский написал: «A o Dowmancie przerzeczonym, iż był mąż wielkiej dzielności, i dziś chłopstwo Litewskie pospolicie spiewa po litewsku "Dowmantas, Dowmantas Gedrotos Kunigos, łabos Rajtos ługuje"».

Летувисы так переводят закавыченное выражение: «Даумантас, Даумантас, князь Гедройтский, хороших всадников просит» (Daumantas, Daumantas, Giedraitis kunigas, labus raitus lūgoja [= prašo]).

1. Перевод всего абзаца

Наш перевод:

«Войткос Довмонтович в году 1454, за Казимиром Королем Польским и Великим Князем Литовским, был славный, и тот оставил после себя сына Бартломея в молодых годах в году 1500, Бартломей из Матуша, маршал Королевский, от которого Мельхер нынешний, с милости Божьей Епископ Жемайтский, Каспер, Мартин и так далее, то сыновья. А о Довмонте сказанном, то был муж большой доблести, и сегодня крестьянство Литовское гражданское поет по-литовски «Dowmantas, Dowmantas Gedrotos Kunigos, łabos Rajtos ługuje [Даумантас, Даумантас, Князь Гедройтский, хороших всадников просит]".

Также о Хурде Гинвиловиче, который имел битву с крестоносцами Прусскими, когда Ковно разбурили, где в песнях Литовских плачевно наречено: «Nie tak ci mi zamku żal, jako mężnych rycerzów w ogniu gorających» [Не так-то нам замка жаль, как пограничных рыцарей в огне горящих] в году 1362, где в тот час 3000 Литвы сгорело, и Войдат Князь, сын Кейстута, пойман с тридцатью шестью панами правящими Литовскими. О чем Длугош и Меховиус книга 4, гл. 27, стр. 243»...

2. Стрыйковский не знал летувского языка

При сравнении оригинала с летувским переводом выявляем много ошибок, особенно в окончаниях. Последнее слово переведено неверно (lūgoja это «луга», и точный перевод фразы таков: «Даумантас, Даумантас, князь Гедройтский, хороших всадников луга»).

3. Имена собственные

Здесь есть несколько имен собственных, которые прекрасно знал Стрыйковский, среди них летувское (Даумантас) и славянские (Войткос Довмонтович, Хурда Гинвилович). Несмотря на то, что Стрыйковский знал имя Довмонта в летувском варианте (Dowmantas), он его в своем труде использует только один раз. А это значит, что во времена Стрыйковского, во второй половине XVI века, общепринятым именем было не Даумантас, а Довмонт. Следовательно, только для представителей одного этноса Довмонт был Даумантасом и вовсе не этому этносу принадлежит популярное в Литве имя Довмонт.

4. Две песни

Стрыйковский приводит две песни – одну летувскую, другую славянскую, и обе их относит к Литве. Это означает, что для Стрыйковского Литва являлась синонимом ВКЛ, то есть государственным, а не этническим понятием. В споре об этнической принадлежности исторических персонажей опираться на автора, допускающего подобное смешение, по меньшей мере некорректно.

5. Перевод песен

Славянская песня понятна славянскому читателю. А вот почему нет перевода летувской песни, которая такому читателю совершенно не ясна, мы не знаем. Ответ, на наш взгляд, заключается в том, что Стрыйковский сам не знал, какой смысл в словах этой песни, и механически привел ее фонему.

Вывод

Летувские историки выдернули из контекста только одну летувскую песню, на основе которой делают заключение «средневековая Литва = современная Летува». Они сознательно опустили такую же славянскую песню, которая при такой логике доказывает тезис «средневековая Литва = современная Беларусь». Не принят во внимание и единичный факт использования летувского варианта имени собственного (Довмонта) в огромном труде Стрыйковского.

АРГУМЕНТ 5

Герберштейн:

> «Там в этих уединенных местах и поныне очень много идолопоклонников, одни почитают огонь, другие деревья, солнце или луну. Есть и такие, которые кормят в своих домах неких змей на четырех лапках, напоминающих ящериц, только крупнее, с черным жирным телом, не более трех пядей в длину, называются они Giwoites».

«Giwoites» по-летувски «змея», под «идолопоклонниками» Герберштейн подразумевал предков современных летувисов.

1. Наш полный перевод:

> «Ближайшая к Литве область – Жемайтия, по-латыни Самогития [Samogithia], а по-русски Жамойтская земля [Samotzka semla]. Она лежит к северу от Княжества Литовского, принадлежа к тому же, что и она, Великому Княжеству, и доходит до самого Балтийского моря, и где на протяжении четырех немецких миль отделяет Пруссию от Ливонии. Она не замечательна никакими городами или крепостями, разве что после моего путешествия было что-либо выстроено. Государь назначает туда [из

Литвы] начальника, которого на своем языке они называют Starosta, то есть «старейший» [senior, der elter].

...Там в этих уединенных местах и поныне очень много идолопоклонников, одни почитают огонь, другие деревья, солнце или луну. Есть и такие, которые кормят в своих домах неких змей на четырех лапках, напоминающих ящериц, только крупнее, с черным жирным телом, не более трех пядей в длину, называются они Giwoites. В установленные дни они производят в домах очистительные обряды и, когда змеи выползают к поставленной пище, всем семейством со страхом поклоняются им до тех пор, пока те, насытившись, не вернутся на свое место. Другие зовут их Jastzuka, иные же — Szmya»...

2. Речь не о Литве, о Жемайтии

Здесь речь идет только о Жемайтии, а не Литве, это часть повествования, начинающегося со слов «Ближайщая к Литве область — Жемайтия». Таким образом, летувские историки подтасовывают факты, рассчитывая на некомпетентного читателя. Они не только опускают то, что ключевое слово Герберштейн слышал в Жемайтии, но и фантазируют, будто бы речь идет о Литве.

3. Славянские синонимы

Летувские историки опускают другие синонимы этого животного — «Jastzuka» и «Szmya», в которых мы видим искаженные славянские «ящурка» и «змея». Сопоставим «Jastzuka», «Szmya» и «Starosta», все это слова из одного славянского словаря. А так как «Starosta» назначался в Жемайтию из Литвы и четко указан Герберштейном как литовский термин, то и «Jastzuka» со «Szmya» тоже из литовского словаря.

4. Противопоставление Литвы и Жемайтии

Герберштейн четко разграничивал Литву и Жемайтию как по языку, так и по территории, а такое противопоставление идет вразрез с тезисами летувских историков «о равенстве языков средневековой Литвы и Жемайтии».

5. Отождествление Литвы с русским языком

Подчеркнем, что Герберштейн не противопоставлял русский язык языку Литвы, а напротив, фактически отождествил. С одной стороны, «по-русски Жамойтская земля», с другой стороны, «на своем языке они [жители Литвы] называют Староста». Но [Герберштейн] пишет здесь о Литве и Жемайтии. Так кто ему мог сказать, что «по-русски будет Жамойтская земля»? Только жители Литвы, которые «на своем языке» говорили «Ящурка», «Змея» и «Староста». Из этого следует, что Литва говорила на «своем языке», который они называли русским. Добавим к сказанному, что все наши филологи дружно заявляют: в ВКЛ русским языком назывался старобеларуский!

6. Контекст эпизода

Он противоположен заявлениям историков Летувы. Герберштейн обозначает летувскую Жемайтию через слово «Giwoites», а славянскую Литву через слова «Jastzuka», «Szmya» и «Starosta».

Вывод

Летувисы избирательно выхватывают нужный им элемент и переносят его из своей Жемайтии в нашу Литву. На самом деле здесь совершенно иной смысл:

в первой половине XVI века жители Жемайтии, говорившие «жывойт», граничили с Литвой, где говорили «ящурка», «змея» и «староста».

2. Легендарные доводы

Это доводы, относящиеся к так называемой «легендарной истории Литвы», то есть к таким событиям, которые современная историография считает сомнительными, недостоверными или даже полностью вымышленными.

АРГУМЕНТ 6

Стрыйковский, том 1: «Muś, ażmuś thos hudos, z Żmudzią, krzyczy Litwa» (речь идет о битве 1205 г.). Литовский текст: «Бей, убей тех гудов (=русинов)» (Mušk, užmušk, tuos gudus).

1. Наш полный перевод

«А Литавы со Жмудью там в лесах сидели, скоро о междоусобице Русских узнали. В свое удовольствие долго от этого веселились, видели и Поляки, что сила Русских сломалась. Живибунда с Монтвилом гетманов выбрали, в которых деятельность и знание военных дел знали, так ушли из густых лесов хорошо и вольно лежащих, породили жестокий к Руси набег. А когда через Вилию с войском переправились, Жмудинов и Ятвягов к себе прибавили, в ширину и в длину Новогрудские разбурили волости, мордуя, лупя Русский народ без жалости.

...А когда в Слонимских полях Литва строем стала, сейчас же с Ольховицами Русь на них напала, с язычниками они битву огромную учинили, а Литавы к ним тоже смело прыгнули. Русь с саблями, и из луков, а Литва копьями, били себя кроваво, кричали разными голосами, Mus, azumusz thos Gudos, со Жмудью кричит Литва: так долго с обеих сторон равно была битва»...

2. Кричала жмудь

В этом эпизоде нельзя отрицать очевидный факт: литва кричала по-летувски. Но как она это делала? Буквальный смысл ключевой фразы «...Mus, azumusz thos Gudos, со Жмудью кричит Литва» означает, что кричала все-таки жмудь, и только за ней, то есть во вторую очередь, кричала литва.

То, что это разные вещи, поясним следующим примером. Вместо жмуди и литвы представим беларусов и летувисов. Беларусы начинают кричать «хавайся ў лесе, хавайся ў лесе», летувисы эту «кричалку» повторяют. Вопрос: как можно записать этот эпизод? Ответ: «хавайся ў лесе, хавайся ў лесе, с беларусами кричит летува». Но будет ли это означать, что летувисы «ведают беларускую мову» и понимают смысл выражения?

Этот наш тезис подтверждает и частота использования понятий «литва» и «жмудь» в данной главе текста Стрыйковского. Жмудь исчезает сразу после переправы через Вилию, после чего речь идет только о литве, лишь в этой реплике жмудь появляется вновь, после чего до конца главы речь снова идет только о литве.

3. Это мифическая история

Этот эпизод – часть мифической истории Летувы, здесь говорится о походе жемойтов в 1205 году на Новогрудок и далее вплоть до Луцка, но ни один другой источник такой поход не упоминает. Походом якобы командовали некие Живинбуд и Монтвил, литовские князья, в смысле – жемойтские. Поход якобы со-

стоялся при правлении Рингольда, князя Новогрудского, отца Миндовга (Стрыйковский неоднократно указывает отчество Миндовга – Рингольдович).

Стрыйковский пишет о походе литвы (подразумевая жемайтов) на Новогрудок, где княжил Рингольд, когда его сыну Миндовгу было не менее пяти лет. Но современные историки утверждают, что жемайты никогда не завоевывали Новогрудок.

Авторы «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (ЭГБ) прямо заявляют, что Рингольд – мифический персонаж (ЭГБ, том 6, книга 1, с. 158). Таково же их мнение относительно Живинбуда и Монтвила. Первым литовским князем Новогрудка стал Миндовг, но не в результате войны, а по согласию всех сторон.

4. География

На мифичность события указывают фактические нестыковки. «А Литавы со Жмудью там в лесах сидели ... А когда через Вилию с войском переправились, Жмудинов и Ятвягов к себе прибавили». Во-первых, Литва со Жмудью уже были вместе и сидели в лесах, но выходит, что после переправы через Вилию они снова соединились?!

Во-вторых, летописная «завилейская сторона» – это беларуский край, и там никаких жемайтов быть не могло – как могла жмудь переправиться через Вилию, не пересекая при этом Литву, чтобы с ней там соединиться? Адекватная привязка событий к географическим ориентирам требует такого варианта: «жемайты, соединившись с литвой, переправились через Вилию».

С ятвягами вообще получается абсурд: для выполнения условия «соединения с литвой и жмудью за Вилией» им надо было ...пройти через Новогрудок, на который все вместе они потом отправились, чтобы «бить злых гудов».

Вывод

Летувисы пытаются использовать в качестве аргумента вымышленный эпизод, полный нестыковок.

АРГУМЕНТ 7

Ян Длугош писал: «Пруссы, Литовцы и Жемайты имеют те же обычаи, язык и происхождение». (Том 1, p. 151. – Под 997 годом).

1. Наш полный перевод:

«...[их] язык происходит от Латинского, и, как отмечают, в то время сходство с Литванским [Lithuanico] имело некоторое тождество, как-то Боги, обряды и ритуалы одни и те же были общие, те же молитвы. Один из величайших жертвенников был в городе как бы столице, называемой по имени Ромов [Romowe] от жителей Рима, порядки в нем были определены с помощью человека, который был назван должным образом Криве [Criwe], а не потому, что [Ромов фактической] столицей был.

От одних обычаев и языка, одного происхождения, Пруссы, Литваны [Lithuani] и Жемайты, как известно, были и в Италии, где гражданские войны между Цезарем и Помпеем, налетев, от палящей Италии, от издревле населенных пастбищ в дочерние пустыни их жителей привели к берегам, из домов их отцов в места с лесами, пустынями, реками, прудами и болотами, чтобы создать основной город Ромов, что эквивалентно городу Риму, и установить свою религию с верховным жрецом. И хотя этот народ в произнесении слов отличается, но Поляки, Чехи, Русины, тем не менее,

во многом [с ним] были похожи [Et quamvis gentes ipsae in prolatione verborum differunt, quemadinodum Poloni, Bohemi et Rutheni, nihilominus in multis conveniunt]...».

Далее сказано, что пруссы утверждали, что они вместе с литванами и жемайтами произошли от воинов ...карфагенца Ганнибала, который после поражения «...к северным побережьям страны бежал, записывал титульное имя свое Prussiao».

2. Литовцы вместо литванов

В летувском переводе мы видим слово «литовцы» вместо оригинальных «литванов». Это делается для того, чтобы неосведомленный читатель ставил знак равенства между теми «литванами» и современными «литовцами» (летувисами).

3. Череда мифических сообщений

Длугош считается первым автором, который привел легенду о Палемоне, то есть описал летописных «литванов» как потомков беженцев из Италии. Мешанина легенд и выдумок очевидна, так как перечислены разные варианты исхода «римлян» на берега Балтики. При этом популярный вариант с Палемоном сочетается с забытым вариантом о Ганнибале. Из этой цепи мифических сообщений летувские историки выдергивают одну необходимую им фразу.

4. Литванские и жемайтские пришельцы

О том, что предки жемайтов якобы пришли из древней Италии известно из легенды о Палемоне. Но вот что сказано в «Энцыклапедыі Вялікага Княства Літоўскага» (том 2, с. 390–391):

> «По основной версии, Палемон был родственником римского императора Нерона, но из-за жестокости императора возглавил в 1-м веке н.э. бегство 500 семей знатных римлян. В работах историка 16 века М. Стрыйковского это событие датировано 401 годом и причиной бегства названы зверства предводителя гуннов Аттилы (...) Согласно легенде, беглецы прибыли морем в Жемойтию, поднялись по Неману до реки Дубиса "и назвали тую землю Жомойт, от розмноженя". (...) Длугош отнес переселение "итальянцев" в будущую Летуву к временам Цезаря, однако не назвал имени Палемона и его спутников».

5. Выдернутая из контекста фраза

И опять мы видим нужную фразу, выдернутую из общего контекста. Оно и понятно, ведь общий смысл всего эпизода совсем не таков, каким желают представить его летувские авторы.

6. Неправильный перевод

И в этом случае имеет место намеренно искаженный перевод. Летувский перевод – «Пруссы, Литовцы и Жемайты имеют те же обычаи, язык и происхождение» – не соответствует оригинальному: «от одних [Итальянских] обычаев и языка, одного происхождения, Пруссы, Литвины и Жемайты».

Во-первых, искажено время: летувисы фразу относят к настоящему времени, в оригинале же время прошедшее. Согласитесь, что «имеют общие обычаи» и «имели общие обычаи» это принципиально разные вещи.

Во-вторых, летувисы намеренно отсекают тождество языков пруссов, литванов и жемайтов с итальянским, доказывая тождество трех первых языков только между собой.

В-третьих, из довода убрана уточняющая реплика об этом тождестве «в то время [то есть очень давно и по легенде] сходство с литванским»...

7. Это не XV век, а легендарное время

Летувские историки намеренно начинают цитату с комментария «Ян Длугош в XV веке». На самом деле Длугош только писал свою хронику в середине XV века, но сам фрагмент из нее относится к легендарным временам пришествия римского князя Палемона. И это подтасовка, призванная «притянуть за уши» нужную фразу о легендарных временах к временам реальных событий. Но у Длугоша речь идет о древних итальянцах (римлянах) времен Цезаря, т.е. середины I века до нашей эры.

8. Сходство со славянским

В эпизоде присутствует явное противоречие, которое тоже подчеркивает его недостоверность. Изначальное «некоторое тождество» языков итальянцев, литванов, жемайтов и пруссов напрямую конфликтует с тождеством Литванского языка с языками Славянскими («и хотя этот народ в произнесении слов отличается, но поляки, чехи, русины, тем не менее, во многом были похожи»). Вторая часть цитаты относится не к временам Палемона, а к середине XV века, это заключение самого Длугоша. Понятно, что летувские историки эту часть цитаты не приводят.

9. Реальный контекст

На самом деле Длугош говорил, что пруссы, литваны, жемайты и итальянцы имели общие обычаи в античные времена, причем это сходство имело «некоторое тождество», то есть было минимальным, а в настоящее время (середина XV века) Длугош видит очевидное тождество литванского языка с языками славянскими.

Вывод

Мы имеем дело с искажением летувскими историками оригинального текста источника, с выдергиванием и искажением нужной им фразы из легендарной истории о пришествии в наши края беженцев из древнего Рима.

АРГУМЕНТ 8

Ян Длугош писал:

> «Литовцы, жемайты и ятвяги, хотя различаются названиями и разделены на множество семей, однако были одним племенем, происходящим из римлян и итальянцев». (Cracoviae, 1876. Tom 3, p. 473).

1. Наш полный перевод:

> «Литваны, Самогиты и Ятвяги, хотя многими разнообразно сортированы и по многим семьям разделены, но были единым телом с Римлянами и Итальянцами единого рода. Но в нации [Римской и Итальянской] долгое, прочное, позорное и неясное время впервые разразилось. Кипение гражданской войны Римлян и Итальянцев — это было между Юлием Цезарем и Помпеем, и были беженцы. И было то во время такой войны Помпея, после поражения первого в области Фарсала, в Александрии Египетской после убийства Помпея. И некоторые из них были близкими родствен-

никами Помпея, и многочисленные Римские сторонники Помпея дали ему помощь. Победе Юлия Цезаря выразили отвращение и, боясь, что они должны быть уничтожены ненавистным для них [Юлием Цезарем] ... ушли на север...

Имя это проявляется даже сейчас. Lithalos для всех этих народов они себя называли, от древнего использования Итальянского языка, который используется до сих пор и представляет диалект использования Итальянского, его письменный префикс L, краткость в отношении большинства слов. Те же священные церемонии, Боги, обряды, которые в ошибках язычников и Римлян использовались. Что Вулкан в огне, что Юпитер в мощи, Диана в лесу, что Эскулап в поклонении гадюкам и змеям.

В главных городах удерживали огонь, который они назвали вечным и нетленным, хранится он у священника, который также является демоном, которому было поручено приносить жертву, и к просящим был он настолько велик, что давал неоднозначные ответы. Юпитер называли обыкновенно своим Перкуном [Perkunum], нападающим называется [явно выводит Перкуна от Латинского Percussio – удар. – *Прим. авт.*]. (...) О гадюках и змеях заботятся как о личности, дают украшения и предоставляют еду молоком и искалеченными жертвами, которыми они пожертвовали. Для Литванов, которые заявили, что они были изначально Литалы [Lithalos], с течением времени, однако, добавилось V [получились Литвалы], L была изменена в N [получилось Литваны], и эта нация Литванов от других отличалась дома Итальянского и Римского, так как была отброшена войной и революцией».

2. Все то же самое

Это более полный вариант той же легенды о римских предках жемойтов, поэтому не будем повторяться. Отметим лишь, что аналогом Юпитера у литванов, жемайтов и пруссов был Перкун [Perkunus], а не Перкунас [Perkunasus].

АРГУМЕНТ 9

Мацей Меховский:

«Язык Литовский имеет четыре наречия. Первое наречие яцвингов, то есть тех, что жили около Дрогичинского замка, но теперь остались лишь в небольшом числе. Другое – наречие Литовское и Самагитское. Третье – Прусское. Четвертое – в Лотве или Лотиголе, то есть в Ливонии».

1. Наш полный перевод

« Язык Литовский [в оригинале Литванский] имеет четыре наречия. Первое наречие яцвингов [Iaczwingorum], то есть тех, что жили около Дрогичинского замка, но теперь остались лишь в небольшом числе. Другое – наречие Литовское [Литванское] и Самагитское. Третье – Прусское. Четвертое – в Лотве или Лотиголе, то есть в Ливонии, в окрестностях реки Двины и города Риги.

Хотя все это один и тот же язык, но люди одного наречия не вполне понимают другие, кроме бывалых людей, путешествовавших по тем землям. Этот четвероязычный народ во времена идолопоклонства имел одного великого жреца, которого звали Криве. Жил он в городе Ромове (Romouae), названном так по имени Рима, так как этот народ гордится своим происхождением из Италии, и действительно в его языке есть некоторые Италийские слова».

2. Меховский не бывал ни в Литве, ни в Жемайтии

«Трактат о двух Сарматиях» (1517 г.) долгое время считался в Европе первым подробным географическим и этнографическим описанием земель Восточной Европы от Вислы до Дона. Но он был написан на основе рассказов поляков и

других иностранцев, побывавших там, а также жителями тех мест, приезжавших в Польшу. Сам Меховский жил в Кракове, на протяжении 18 лет избирался ректором здешнего университета, он никогда не бывал в Жемайтии, Литве и на Руси. Иными словами, все его сочинение, это компиляция рассказов третьих лиц, что уже ставит под сомнение достоверность приведенных фактов и описаний.

В «ЭГБ» сказано (том 5, с. 99):

> «...к сожалению, /автор/ использовал и непроверенные сведения, полученные от пленных московитов, купцов, послов, политических эмигрантов».

3. Легендарное время

Приведенная цитата тоже относится к «легендарной истории Литвы», в ней тезисно пересказана легенда о «римских предках». А в легенде допустимо многое: можно сравнить литванский язык с итальянским, пусть даже в литванском языке есть только «некоторые италийские слова»; можно отождествить прусский Ромов с Римом; можно вывести свою родословную от самого Палемона; можно распространить власть Криве-Кривейто на огромную территорию; можно назвать четыре языка, носители которых не могут общаться друг с другом без переводчика, «наречиями одного литванского языка»!

4. Меховский взял это у Длугоша

Тождество сказанного Меховским с предыдущей цитатой из Длугоша не подлежит сомнению. И действительно, в «ЭГБ» (том 5, с. 99) читаем:

> «Главным источником при описании событий до 1480 г. была «История» Я. Длугоша, к которому Мацей из Мехова относился с большим уважением».

5. Четыре наречия

Главное противоречие Мацея – в следующем тезисе: «Язык Литванский имеет четыре наречия ... хотя все это один и тот же язык, но люди одного наречия не вполне понимают другие».

Итак, с одной стороны – четыре наречия «Литванского» языка, с другой строны, эти наречия настолько отличны друг от друга, что их носители не могут общаться друг с другом. Следовательно, речь идет не о четырех наречиях одного языка, а о четырех различных языках, что в конце констатирует сам Меховский – «этот четвероязычный народ». В любом случае все эти четыре народа не понимали друг друга, что противоречит тезису летувских историков.

6. Сходство только по некоторым словам

И еще одно противоречие. Сообщение «народ гордится своим происхождением из Италии» не соответствует утверждению «в его языке есть некоторые Италийские слова».

Вывод

Легендарность сообщения и слабая компетентность [Меховского] подтверждается «четырьмя наречиями одного Литванского языка», не понимавших друг друга, которые превращаются ... в «четвероязычный народ». Эти утверждения Меховского противоположны аргументам летувских авторов.

АРГУМЕНТ 10

Стрыйковский: «Dziewołtow od Bożego imienia, bo Dziewoz po żmodzku i litewsku Bóg» (s. 85). Dziewołtow от Божьего имени, потому что Dziewoz по Жмудски и по Литовски Бог.

1. Наш полный перевод

Это одна из пометок Стрыйковского на полях в первом и втором изданиях его труда. Наш перевод:

> «Доспрунгус Юлианус, он же Палемона товарищ, патриций, или родственник из Князей Римских, из герба и фамилии Кентавра или Китавраса и Розы, видя достойную смену внукам своим сынам Палемоновым, пошел дальше с народом своим над Святой рекой, где выбрал холм одинокий в роскошном положении, замок очень красивый, сделав Богам своим по обычаю жертвы с народом своим, замок один нижний, а второй на возвышенности построил, который согласно летописцев Вилькомирье назвали; а с тех пор это имя пошло и это имя закрепилось, что имеется в верной ведомости [летописи].
>
> Также Юлианус Доспрунгус с герба Китавраса места недалеко от Вилькомирья Дзеволтовом якобы назвал: Божье пребывание. Заложил, и писался как Дзеволтовский Князь, правя в Вилькомирье, построил опоры свои по реке Вилии и берегам Двины.
>
> За Вилией же к югу и востоку, Русские Князья в то время правителями были, также и за Двиной. Как и Лотва [Латыши], побратимы Литовские, в то время широко у моря и за Двинскими берегами размножались».

2. Стрыйковский не знал летувского языка

Здесь Стрыйковский показывает незнание летувского (жемойтского) языка, так как его «Dziewoz» сильно отличается от необходимого «Dieve».

3. Это тоже из легенды о Палемоне

Это отрывок из главы «О потомках славных Князей Литовских, Жмудских и некоторых Русских из народа Палемона патриция и Князя Римского» — самой пространной среди всех версий легенды о Палемоне. Речь идет о легендарных временах, а именно о первом и втором поколениях потомков Палемона.

4. Что такое диво?

Слово «диво» в славянских языках до сих пор имеет тот же божественный смысл. Дошедшее до нас в значении «чудо» оно по своей сути является тем же Божеством: выражение «явилось диво» есть интерпретация выражения «явилось Божество». А в средние века слово «диво» имело одинаковый смысл как для балтов, так и для славян.

Языческая общность предков тех и других уже никем не оспаривается, она доказывается многочисленными историческими параллелями. Во времена язычества Деволтовское княжество располагалось на реке Святой (ныне Швента), то есть в «святой языческой земле», южнее которой начиналась земли кривичей. Для наших предков Криве — Кривейто был общим высшим жрецом, они имели общих богов (Перкун — Перкунас, Пуща — Пушкас, Пекло — Пеклюс), общие праздники (купалле — купалойц, каляды — калееда). Россоны есть и в Жемайтии (ныне Рассейняй), и в Витебской области, именно в Россонах жили языческие жрецы. Аналогично и понятие «диво» было общим.

5. Что такое сердце?

Понятие «диво» по своему смыслу и произношению хорошо стыкуется со славянскими и с летувским языками. А как будет с понятием «сердце»?

Дело в том, что страницей ранее в своем примечании к тексту «Другому сыну Палемон дал имя Кунос или Кунасус, а также Конон и Конос, со стародавнего Венгерского, Латинского и Римского имени (...) Конон также был Князем и гетманом Афинским, которого Александр Македонский на голову поразил» в своих примечаниях Стрыйковский написал:

«Kunas wtory syn Palemonow, Kono tez albo Kunos po Zmodzku serce sie rozumie – Кунас второй сын Палемонов, Коно также или Кунос по-жмудски сердце это означает». Понятно, что этих слов летувисы не приводят.

Во-первых, оказывается, что имя Кунос, от которого якобы назван город Ковно-Кауна-Каунас, вовсе не местное имя, а европейское и к нашим краям не имеет отношения. Во-вторых, получается, что его перевод на летувский как «сердце» не более чем совпадение. В-третьих, по-летувски «сердце» это ...«širdis», а вот «kūnas» это «тело». То есть Стрыйковский снова показывает свое незнание летувского языка.

Но парадокс не в этом. Парадокс в том, что, по Стрыйковскому, слово «диво» есть как в литовском, так и в жмудском языке, а вот слово «кунос» только в жмудском. Если летувские историки утверждают, что «диво» только их понятие, пусть объяснят ситуацию с «сердцем». Еесли Стрыйковский на примере «дива» якобы вывел формулу «литовский и жемайтский = летувский», то почему не продублировал ее в отношении «кунос», указав, что это только жмудский термин?!

В итоге при сравнении двух ремарок Стрыйковского получаем реальную картину – и в славянском (литовском) и в летувском (жмудском) понятие «диво» реально присутствовало в одном и том же звучании и с одним и тем же смыслом, а вот понятие «кунос» со значением «либо сердце либо тело» только в летувском. В стиле Стрыйковского можно было сказать так: «диво по-жмудски и по-литовски Бог», а «конос по-жмудски, что сердце либо тело по-литовски».

6. Имена собственные

В одном только этом абзаце мы встречаем Вилькомирье (не Укмерге), реку Святую (не Швянтойя), Вилия (не Нерис), Дзеволтов, Лотва, Двина. Тот же город Кунос Стрыйковский называет «Kowno albo Kunassow», то есть в славянском варианте. Все эти названия образованы без использования летувских формантов. В итоге имеем противоречие: «диво по-жмудски и по-литовски Бог», однако в тексте ни одного «жмудского и литовского» (в понимании нынешних летувисов) названия нет, кроме «сердца – тела». Даже Дзеволтов, производное от «жмудско-литовского дива», написано в славянской манере!

Поэтому их утверждение, что «летописная Литва – это предшественница современной Летувы» абсолютно некорректно. Если средневековая Литва в понимании летувисов была предшественницей современной Летувы, то почему Стрыйковский упорно связывает ее (средневековую Литву) со славянскими историческими названиями?

Вывод

Все это из области мифической истории Летувы. Мы видим, что в средние века понятие «диво» было и в литовском, и в жемайтском языках, а понятие «кунос» только в жемайтском. Это указывает на принципиальные различия между литовским и жемайтским языками.

АРГУМЕНТ 11

Stryjkowski: «pictos Gudos Dziewie, Płak pocziss, tak wołali, aż szumiało krzewie» (s. 221). Литовский текст: «Злых гудов (= русинов), Боже, пори самих» (Piktus gudus, Dieve, plak pačius).

1. Наш полный перевод:

«Одежды их всегда были звериные кожи, а имущество все на себе, чего мог носить каждый, дом, простым дерном накрытый, сапог из лыка, звериный лоб облупил, и надел вместо шапки. Сказал бы, что то все как у Геркулеса, который также шкуру львиную носил на голове, ибо как будто видев то, наш жемайт свою голову прибрал в волчью, в медвежью, рысью и зубровую. А когда разграбляли в русских землях наделы, наделали с нарогов кули, потом на палку длинную насадили, к стрелам также делали железца, а недолго одно согревали место. Хотя их русаки били, другие пахали, но к войне охоту имея, о смерти мало заботились; Вторые же так преимущественно пленения береглись, что когда уже не могли убежать, в мужественной битве легли. Если с той же Руси живого получали которого, сейчас же его с лошадью сжигали тут же и того и другого, в честь Богам языческим «pictos Gudos Dziewie, Płak pocziss», так кричали, даже шумели кусты. Звериную почти жизнь с давних времен вели, даже Живибунд и Монтвил на Княжествах сели; тот Литвой, а тот Жемайтией в аккуратном деле управляли, так в домашней, так и в полевой забаве. Эти сперва научили волов в хомут запрягать, а хлеба изнутри земли острым плугом черпать, по земельным почвам Цереры семя метать пластами, а до того бросали сверху как рыбам».

2. Это мифическая история

В главе речь идет не о каком-то реальном событии, Стрыйковский пишет о положении дел «на границе» в легендарные времена.

3. А где же Литва?

Рассмотрим географию. Жемайты граничили со «злыми Гудами», так как шли и «пороли» их. Выходит – по Стрыйковскому – что жемайты граничили с Русью. Нам это понятно – сейчас беларусы (потомки упомянутых «злых гудов» или «руси») тоже граничат с летувисами (потомками жемайтов). А где же Литва? Для нее места не остается, но она где-то рядом.

4. Речь идет о жемайтах

Именно «наш жемайт» носил одежду из звериной шкуры, а вместо шапки звериную голову, имел дом с потолком из дерна и тем самым был похож на Геркулеса. Именно «наш Жемайт» ходил то ли к руси, то ли к «злым гудам» и кричал слова по летувски, Литва ко всему этому не имеет никакого отношения.

5. Литва – точно не Жемайтия

Стрыйковский четко противопоставляет Литву – Жемайтии. Во-первых, по разной степени развития: литва «научила волов в хомут запрягать», чего раньше

жемайты делать не умели. Во-вторых, Живинбуд и Монтвил – это литва, а не жемайты. Эти имена, как и другие, написаны не в летувской манере (Живинбудас и Мотвилас). Если Стрыйковский «знал» жемайтский, что ему мешало четко обозначить этих персон как предков летувисов? Но он использовал имена собственные без летувских формантов. О чем это говорит? О том, что «летописная Литва» не отождествлялась с жемайтским этносом.

Вывод

Летувские историки, приводя этот фрагмент из сочинения Стрыйковского, сознательно вводят читателей в заблуждение одной фразой на летувском языке, вырванной из контекста. Они лгут, приписывая литванам фразу, которую в действительности произносили жемайты.

Выводы по «аргументам» легендарного характера

1. Любые попытки использовать в качестве доказательств эпизоды из легендарной истории Литвы следует воспринимать предельно критично по причине их недостоверности. Как правило, научная историография не знает ни таких событий в целом, ни отдельных их эпизодов.

2. Аргументы легендарного характера обычно являются выражением представлений самих авторов относительно описываемых им событий. Но факты реальной истории являются на порядок более значимыми.

3. Все аргументы летувисов, извлеченные ими из сочинений Длугоша и, особенно, Мацея Меховского крайне сомнительны. Во-первых, они опираются на события легендарные или мифические. Во-вторых, и Длугош и Мацей никогда не посещали Литву и Русь (под которыми мы понимаем земли нынешней Беларуси, ее западную и восточную части). Поэтому они недостаточно компетентны в вопросах истории и повседневной жизни этого края.

4. В предисловии к своему труду Стрыйковский сам о себе писал так:

> «Историю Литвы усердно и честно с Русинских и Тевтонских памятников вырыл, впервые объявил Мацей Стрыйковский Осостович, Поляк, каноник Жмудский».

Следовательно, мнение Стрыйковского о легендарных временах Литвы можно воспринять как отражение представлений о Жемайтии его времени. Однако этому препятствуют следующие доводы:

5.1. Очевидное незнание жемайтского языка, что доказано на примере разобранных цитат. Незнание жемайтского языка ставит под сомнение любые высказывания Стрыйковского об этом языке. Добавим, что в те времена католические священники читали проповеди и вели богослужения на латыни, которую местные жители просто не понимали.

5.2. Под литовским языком Стрыйковский мог подразумевать как летувский язык, так и славянский (вспомним: одна песня – жемайтская, другая – славянская). Одно это делает все его свидетельства о языках Литвы и Жемайтии весьма сомнительными.

5.3. Отдельные уравнивания Литвы и Жемайтии по языку противоречат повсеместному противопоставлению им же этих краев и по языку, и по другим критериям.

5.4. Повсеместное игнорирование летувских формантов в именах собственных противоречит его же высказываниям о равенстве литовского и жемайтского языков. Если и Литва, и Жемайтия употребляли один и тот же язык, то на каком основании Литва повсеместно использовала славянские слова и выражения?

5.5. Его заявления о равенстве литовского и жемайтского языков, относящиеся к легендарным временам, противоречат его описаниям реальной истории Литвы. Так, на стр. 134–135 второго тома, описывающего Грюнвальдскую битву, читаем (наш перевод):

Свищут и летят стрелы, бренчат шпаги и мечи,
И ручьем кровь из битого мяса течет,
Трокчане, Виленчане вместе со Жмудью
стояли прочно с Витольдом [Витовтом],
и Полякам мощно помогали ...
Смоляне, Трокчане вместе с Виленчанами и Гродненцами,
видя, что Литовский строй слабый и растерянный,
тешат один другого: сейчас приступим к делам,
и с крестоносцами снова источили бой кровавый...

Здесь говорится, что Смоленск, Троки, Вильня и Гродно — это Литва, которая противопоставлена Жемайтии. А жители Смоленска, Вильни и Гродно в те времена никак не могли говорить по-жемайтски.

5.6. На странице 79 первого тома читаем: «...jako Latopiszce Litewskie swiadcha — как летописцы Литовские свидетельствуют...».

Но летувских летописей в природе не существует, Стрыйковский использовал славянские тексты, происходившие из ВКЛ («Историю Литвы усердно и честно с Русинских и Тевтонских памятников вырыл»). Это говорит о том, что Стрыйковский под Литвой понимал славян, что противоречит всем его «легендарным» цитатам о тождестве литовского языка с жемайтским. Как в таком случае доверять его заявлениям о «равенстве» языков Литвы и Жемайтии, если мы видим, что «литовский текст» это текст славянский?!

6. В целом мы видим единичные вкрапления бесспорно летувских языковых элементов в огромную славянскую среду. Например, Деволтов как производное от летувского слова «Бог» не только написано в славянской манере, но и расположен в местах со славянскими, а не летувскими топонимами.

7. Как нам представляется, Стрыйковский, говоря «Литва», подразумевал все Великое Княжество Литовское, не акцентируя внимания на этнических различиях. Кроме того, так как прямое сравнение Литвы и Жемайтии имеется только в легендарной части его сочинения, можно заключить, что он вовсе не старался подогнать использованные им материалы предыдущих авторов (прежде всего Длугоша) под современные ему реалии, а практически без изменений вставлял в свой труд.

8. Когда речь идет о реальных исторических фактах, Стрыйковский использует в подавляющем большинстве случаев понятие «Литва», опуская «Жемайтию», что по контексту соответствует всему ВКЛ. Вот пример, где под «Литовскими землями» явно понимается все ВКЛ:

> «построил был крепость на реке Сессарке на горе пригородной места оборонного, с которой Ливонцев частыми вылазками удручал и бил, так как в то время Ливонские крестоносцы по Святую реку, а Прусские по Ковно, Литовские земли имели»...

Это противоречит его же фрагменту о жемайтах, граничивших со «злыми гудами» и «поровшими» их в районе Новогрудка.

9. Надо помнить, что Стрыйковский был жителем Короны Польской и жителей ВКЛ упрощенно воспринимал как нечто единое. Точно так же мордвин, татарин, чуваш для нас – это «русский», и только сами жители России могут видеть этническую разницу между ними.

10. Стрыйковский показывает нам два лица «летописной Литвы». Одна Литва говорила «Каулис», «Дивос», «бей злых гудов», вторая заставила всю Европу пользоваться славянской системой географических ориентиров.

Так какая же Литва была на самом деле – та, которая один раз сказала «Каулис», «Дивос», «бей злых гудов» или та, которая заставила весь мир говорить Вильня, Ковно, Троки, Медники, Шавли, Вилькомир, Святая река, Гедимин, Ольгерд?

После анализа сообщений Стрыйковского о языках Литвы и Жемайтии уверенно можно утверждать, что во времена Стрыйковского Жемайтия была лишь частью государственной федерации, именуемой ВКЛ.

ОТНОШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XVI ВЕКА: АНДРЕЙ КУРБСКИЙ И ВАСИЛЬ-КОНСТАНТИН ОСТРОЖСКИЙ

Павлина Бабина

Во второй половине XVI века в Речи Посполитой остро ощущался кризис православной культуры. Слабое образование священников, недостаточная поддержка православной церкви со стороны государства, острая потребность в учебниках и книгах для распространения и укрепления веры делали невозможной конкуренцию с католической церковью, прежде всего с орденом иезуитов.

В то время православие воспринималось его носителями не просто как религия, а, в определенном смысле, как маркер этнической принадлежности (к «народу русскому», т.е. восточнославянскому) и как традиция своего рода.

И князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583), и князь Василь-Константин Острожский (1525–1608) были православными. Они ощущали потребность помогать «русской» (восточнославянской) культуре в преодолении этого кризиса. Несмотря на то, что каждый из них имел разные взгляды на пути выхода из кризиса, их сблизили общественно-религиозная деятельность, общие интересы.

Для сближения князей существовали и другие предпосылки.

Они сошлись при драматических обстоятельствах. Курбский бежал в ВКЛ от царя Ивана IV. Прямой потомок ярославских князей, он, отслужив воином, администратором, стал царским наместником в пограничном Юрьеве /ныне эстонский Тарту/. Но весной 1564 года (30 апреля), узнав о готовящейся расправе с ним, А.М. Курбский через Ливонию бежал в ВКЛ. В том же году он принял участие в войне против Москвы уже на литовской стороне.

В 1567 году князь Андрей получил за службу от великого князя Жигимонта II Августа, на условиях лена, город Ковель с окрестностями (ныне районный центр в Волынской области, Украина). Чтобы как-то оправдать свой титул и сохранить «честь» рода, Курбский стал именовать себя «князем на Ковеле» (хотя официально он был только державцем, то есть получил земли в пожизненное пользование, не мог передать их в наследство жене и детям) [1, с. VII].

Проблемы сопровождали всю жизнь Курбского на новой родине. Большинство соседей враждебно отнеслось к князю, с ними он до конца жизни враждовал: чинились наезды на земли друг друга с поджогами и убийствами [2, с. 91–120]. Он писал, что оказался «между человеки тяжкими и зело негостелюбными»; «ненавысные и лукавые суседи... хотяше ми выдрати данное ми имене... ради зависти, но и крови моей насытитися желающе» [3, с. 556].

В такой ситуации он искал себе товарищей и нашел их в компании православной волынской шляхты, лидером которой был Василь-Константин Острожский,

живший в Остроге (ныне на территории Ровенской области). Тот дружелюбно отнесся к Курбскому, воспринял его не как конкурента или угрозу своей собственности, а как соратника в деле просвещения.

В то время В.-К. Острожский был уже маршалком (предводителем) волынской шляхты и воеводой киевским, а главное, одним из самых богатых людей в государстве (и притом православным)*. Католическая церковь искала его благосклонности, всячески стремилась убедить его перейти в латинскую веру. Вокруг него постоянно находились послы от Папы Римского, католические деятели. Играя на воинских амбициях В.-К. Острожского, ему даже предлагали возглавить новый рыцарский орден для борьбы с турками (все ордены утверждал Папа, поэтому надо было сменить вероисповедание). Но в деле веры его позиция оставалась принципиальной.

Однако В.-К. Острожский видел кризис православия, вероятно, он также понимал отсутствие перспектив для его дальнейшего существования в Речи Посполитой. Сколько он ни вкладывал своих средств, сколько ни пользовался связями с влиятельными особами – он не мог остановить процесс упадка веры дедов и прадедов [4]. Известно, что Василь-Константин организовал в своей резиденции в Остроге типографию, где работал Ян Федорович (1510–1583), более известный как Иван Федоров, а также школу, которую современники называли Славяно-греко-латинской академией**. Вот на этой почве поддержки православия и сблизились князья Курбский и Острожский.

Не терял времени и Андрей Михайлович. Хотя в предыдущую свою жизнь он занимался только войной и административной деятельностью, теперь, одолжая средства у ковельских горожан (в результате чего после смерти оставил жене много долгов, в том числе за бумагу) [5, с. 311–313], он стал книжником. В своем дворе Миляновичи, что под Ковелем, он основал кружок по переводу книг с греческого и латыни на славянский язык. Как интеллектуал, он ставил перед собой и читателями цели просвещения: «Без цены, даром, научайте души свои».

В возрасте около 40 лет Курбский начал специально изучать латынь (будучи православным, он не принимал языка католической церкви), чтобы переводить «на свой язык» еще не переведенное. Со скорбью отмечал, что от слов «наших учителей (отцов церкви. – *Я.Б.*) чужие имеют наслаждение, а мы в это время в голоде духовном пребываем» [3, с. 564].

Социология определяет дружбу как бескорыстные взаимоотношения, основанные на доверии, искренности, терпимости, общих интересах и увлечениях. Кажется, все это можно увидеть в отношениях между князьями. Курбский и Острожский по-дружески делились друг с другом результатами своего труда. Это можно проследить по сохранившимся письмам Курбского Острожскому. Через

---

* Ему принадлежали 25 городов, 10 местечек и 670 деревень, суммарный годовой доход от которых превышал миллион злотых. – *Ред.*

** «Академия» была основана в Остроге в 1576 г. Ученики изучали – по религиозным текстам – славянский, греческий и латинский языки, а также «свободные науки» (грамматику, риторику, арифметику, логику и др.), занимались музыкой и хоровым пением. При академии действовали типография и научно-литературный кружок.

В 1580–81 гг. Я. Федорович издал в Остроге первую полную славянскую Библию («Острожская библия»). – *Ред.*

эту краткую одностороннюю переписку складывается достаточно цельная, эмоционально разнообразная картина взаимоотношений.

Так, из первого письма (начало 1570-х гг.) узнаем, что Курбский еще раньше прислал Острожскому часть своего перевода «Нового Маргарита» Иоанна Златоуста: посоветоваться, похвалиться («И послахъ ево к вашей светлости на прохлаждение духовное, яко ко благородной душе и светлой княжацкой»). Теперь же Андрей Михайлович злился, так как князь Острожский показал перевод какому-то человеку, по мнению Курбского, «не токмо в науках неискусному, но ... к тому же и скверных словес исполненному, и востыду не имеющему, глаголы Свещенных Писаний нечисте и скверно отрыгающему».

Князь В. Острожский

Видимо, критика этого человека, переданная Острожским, сильно задела переводчика. Тем более, он нуждался в ободрении, поскольку деятельность Миляновицкого кружка только начинала разворачиваться [2, с. 68–69]. Острожский, как более близкий к реалиям времени, предложил перевести текст на польский язык «лепшаго ради выразумения». Курбский обижается на предложение и замечает, что якобы на «польской барбарии» трудно передать церковнославянский текст. В завершение обиженный переводчик советует Острожскому «тот папер спалити... або попу якому в церковь рускую аддаць» [6, с. 542].

Второе известное письмо Курбского было написано через несколько лет после первого. К тому времени князь уже усовершенствовал свои переводческие умения и заимел сильный авторитет среди православных Волыни. Теперь уже Острожский обращается за советом к Курбскому. Дело в том, что в 1577 году польский иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божией» с посвящением В.-К. Острожскому, где высказал надежду, что православный князь поймет и воспримет католические идеи.

Князь Василь решил вступить в полемику со Скаргой, для чего нанял арианина Матовилу, чтобы тот дал исчерпывающий ответ иезуитам. Когда текст был готов, Острожский решил поделиться произведениями с князем Курбским, послав ему и книгу Скарги, и ответ Матовилы, и письмо от себя. Курбского, очевидно, возмутило присоединение к делу Матовилы: «Кто слышалъ от века, или где писано в крониках, ижбы волко разтерзателя ко стаду овець на пожить взывати?» Протестант здесь фигурирует как «волк-растерзатель», а православные — как «стадо овец», к которым этот волк был заброшен. Саму книгу Скарги Андрей

Михайлович характеризует как «езуитцкии фабулы, софизматы повапленные» [7, с. 544].

По-дружески достается в письме и В.-К. Острожскому за то, что просит у еретика помощи в полемике с католиками, а мог бы сам полемизировать, если бы, подавляя лень, чаще, хотя бы понемногу, читал Священное Писание. «И не престану ти воистинну докучати и до моей смерти — понежа зело люблю тя», — заключает Андрей Михайлович [7, с. 544]. Сам же Курбский свою «лень подавлял» и действовал часто «напролом», не достигая нужного результата, а только разжигая споры. Так, приезжий князь отметился полемикой с виленскими иезуитами, а также с протестантами на приеме у князей Корецких [8, с. 534–536].

Князь А. Курбский

В своем третьем письме к В.-К. Острожскому «князь на Ковеле» А.М. Курбский дает свободу чувствам. Для Курбского иезуиты — только «полуверные латины», а протестанты — даже «дети дьявола». В этой «цыдуле» Андрей Михайлович как умеет — и лестью, и страхом Божьей кары — просит Василя-Константина Бога ради выгнать Матовилу и других «еретиков» [9, с. 547–549].

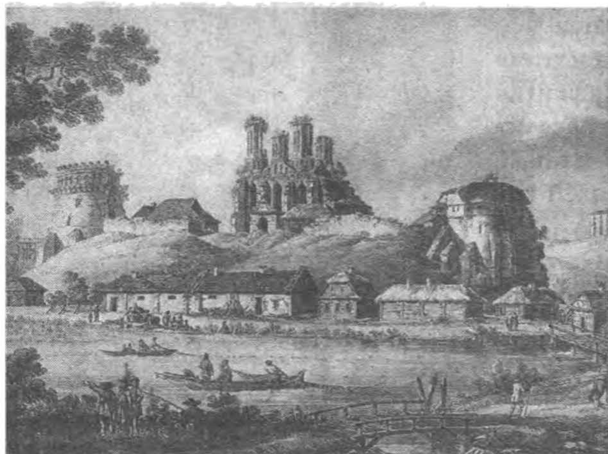
Хотя переписка дошла до нас в виде писем только одной стороны, тем не менее, можно четко увидеть разницу в мировоззрении князей: уроженца относительно «открытого» ВКЛ и выходца из авторитарной Московии. Острожский ценил различия во взглядах и воспринимал разные идеи. Курбский был значительно более косным и консервативным.

Различалось и их отношение к другим религиям. Острожский имел отношения с представителями всех вероисповеданий, но сам упорно держался своего. Так, он был женат на католичке, окружен католиками и протестантами. Он стремился примирить христианские церкви, в 1584 году организовал в своем поместье встречу православных иерархов Речи Посполитой, чтобы поделиться мнениями относительно нововведенного григорианского календаря. Также Острожский построил мечеть для пленных татар, которых поселил в своем Остроге. Отдельную слободу в Остроге занимали и евреи, там была богатая синагога.

Курбский не отличался открытостью к новому. Он отвергал иудаизм и мусульманство, называл протестантов «дьяволами», а книги их авторства — «навозом». Злоба и остервенение, с которыми Курбский относился к протестантам, прослеживается едва ли не в каждом из известных нам его писем и предисловиях: «еретическия бредни», «бабские басни», «хренские и свинские замышления».

Притом очевидно, что вопрос протестантизма являлся для князя более болезненным, чем вопрос католичества. Курбский словно воспринимал себя ду-

ховным наследником отцов церкви, произведения которых переводил: как они боролись с ересями – так и он. И при чтении его нападок возникает впечатление, что он поставил себе борьбу с «еретиками» одной из главных целей жизни, как миссию. Кроме враждебного отношения к протестантам и католикам, Курбский проявил себя и как антисемит. Так, известен случай, когда Курбский за долги одного еврея месяц держал двух других в пруду с пиявками [1, с. VII]. Острожский себе такого не позволял, ибо евреи испокон века жили в городах, принадлежащих его роду. Спокойно он относился он и к мусульманам, даже помог деньгами при строительстве мечети в Остроге.


Руины замка в Остроге в XVIII веке

Правда, и князь Курбский постепенно воспринимал либеральные, гуманистические идеи, которые циркулировали в обществе Речи Посполитой. Видимо, эти изменения в сознании князя происходили не без влияния со стороны Василя-Константина Острожского. Изменение мировосприятия Курбского можно увидеть в его письме к княгине Чарторыйской. В нем Курбский оговаривает свою позицию относительно образования в иезуитских коллегиумах, так как православная княгиня попросила совета насчет обучения сына в виленском иезуитском коллегиуме. Интересно и важно то, что Курбский не отрицает возможность обучения свободным наукам у иезуитов. И хотя предостерегает об опасности окатоличивания детей, но приводит пример отцов церкви, которые ездили учиться «з домов ат родителей своихъ до Афин, ко паганским философом» и вернулись домой как «корабли с великими ценностями» [10, с. 538–540]. В данной ситуации Андрей Михайлович демонстрирует подход либерала и реалиста: если спасать свою веру только своими руками не удается, то надо использовать чужие, но осторожно, ведь цели не совпадают.

Дружеские отношения князей не ограничивались совместной деятельностью на ниве просвещения. Вместе они занимались политикой и военным делом. Так, известно, что князья брали участие в походах на татар. Интересно проследить и политическую позицию князей применительно к Московскому государству. Острожский сдержанно относился к войне с Москвой, ведь главным его врагом все же были татары. В то же время воспринимал ее как военного и политического противника, опасного для Речи Посполитой, и в частности для Киевщины. Он опасался, что если московиты нападут, то он не сможет защитить границы. Со своим постоянным желанием примирения и компромиссов Острожский, совместно с черниговским воеводой, организовал встречу «пограничных комиссий» Речи Посполитой и Московии.

Показывает отношение князя к Москве такой случай. Во время похода Лжедмитрия I на Москву (этот поход Острожский решительно осуждал) к Василю-Константину прибыло посольство от московского патриарха Иова. В своем послании патриарх просил Острожского способствовать задержанию самозванца и отходу войска Речи Посполитой от Москвы. Но князь не захотел сотрудничать с Московским государством, и в ответ на послание он просто арестовал одного из патриарших послов. Продолжение эта история получила после убийства самозванца. Патриарх отправил к Острожскому посланца, «чтобы он (Острожский) тому порадовался (убийству Лжедмитрия)». Но князь был совсем не рад. Он посадил московского патриаршего посла в темницу, не желая контакта с врагами [4, с. 227–229].

У Курбского были более глубокие и противоречивые чувства в отношении Москвы. С одной стороны, это была его родина. С другой, родиной правил его заклятый враг – Иван IV, которого Курбский считал антихристом, земным воплощением дьявола. «Московский вопрос» обострился для него в 1572 году, во время бескоролевья, когда Иван Грозный имел реальный шанс стать великим князем и королем Речи Посполитой. Вряд ли тогда Курбского ожидало что-то хорошее. Известно, что Курбский приезжал в гости к своему товарищу В.-К. Острожскому, в том числе такой визит имел место в августе – октябре 1572 г. Вероятно, во время его обсуждались невеселые перспективы восхождения московского царя на трон Речи Посполитой [2, с. 69].

Отношения А. Курбского и В.-К. Острожского продолжались около пятнадцати лет. Весной 1583 года князь Курбский умер, назначив опекуном для жены и детей именно князя В.-К. Острожского [11, с. 231]. Видимо, в таком назначении был определенный меркантильный расчет: Курбский оставил после себя много долгов и нерешенных материальных споров. Очевидно, он надеялся, что Острожский поможет Александре Семашковне Курбской их решить. В то же время князь вряд ли сделал бы опекуном своих детей человека, которому не доверял. Кажется, что Острожский был самым надежным человеком из местных знакомых Курбского.

Острожская Библия (1582 г.)

Взгляды обоих князей во многом сформировались под воздействием семейного воспитания. Но сами они почти не передали их своими детям, которыми, в основном, занимались жёны. Если Острожский сумел воспитать хотя бы одного из сыновей так, что тот придерживался православия в течение всей жизни, то дети Курбского были еще подростками, когда князь умер, и они не успели перенять принципы своего отца и его рода. Дети князей не видели смысла в противостоянии давлению государственной политики и идеологии, ибо не обладали такой интеллектуальной силой, которой отличались их отцы.

Содружеская общественная деятельность А.М. Курбского и В.-К. Острожского способствовала созданию значительного слоя культуры Речи Посполитой. Курбский и Острожский воспринимали интеллектуальный труд как великую ценность и были способны оценить интеллектуальные возможности друг друга, делали попытки объединить их. Князья проявили себя как хорошие организаторы: Курбский сумел объединить вокруг себя круг увлеченных переводчиков, а Острожский благодаря своим связям и средствам создал школу с высоким уровнем преподавания.

Главным духовным наследием обоих князей-интеллектуалов стали, во-первых, работы Миляновицкого кружка перевода и переписки книг (переводы произведений отцов церкви (Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина), античных авторов (Цицерона, Аристотеля), жития Симеона Метафраста и других; во-вторых, Острожская академия, воспитавшая новое поколение интеллектуалов и государственных деятелей.

Источники и литература

1. Жизнь Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Том 1. Киев, 1849. — 337 с.
2. Филюшкин А.Н. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: издательство СПбУ, 2007. — 624 с.
3. Предисловие к «Новому Маргариту» // Библиотека литературы Древней Руси (далее БЛДР). Том 11, с. 554–559.
4. Kempa T. Konsanty Wasyl Ostrogski (ок. 1524...1525 — 1608), wojewoda Wolynski i marszalek zieui wolynskiej. Torun: Wyd. Uniwersitetu Mikolaja Kopernika, 1997. — 288 s.
5. Реестр товаров, взятых князем Курбским из лавки Григория Федоровича // Жизнь Андрея Михайловича..., с. 310–314.
6. Первое послание князю Константину Острожскому // БЛДР. Том 11, с. 540–543.
7. Второе послание князю Константину Острожскому // Там же, с. 544–545.
8. Послание Кодиану Чапличу // Там же, с. 530–537.
9. Третье послание князю Константину Острожскому // Там же, с. 546–551.
10. Послание А. Курбского княгине Чарторыйской // Там же, с. 538–540.
11. Завещание князя Андрея Михайловича Курбского Ярославского // Жизнь Андрея Михайловича..., с. 228–242.

ВОСТОЧНЫЙ СОСЕД: ОБРАЗ РУССКОГО В БЕЛОРУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Владимир Лобач
кандидат исторических наук

К началу XX века белорусский этнос относился к обществам традиционного типа. Основную часть этнического массива составляли крестьяне (по переписи 1897 года – 93,8 %), а уровень грамотности не превышал 14,5 % [1]. Этноним «белорусы» хотя и был широко известен, «ещё не имел общеэтнического содержания и осмыслялся как топоним» [2].

В связи с этим механизм самоидентификации, определения «своего» – «чужого» срабатывал прежде всего в рамках конкретной общины или деревни. Поскольку национальное самосознание практически отсутствовало, для самоопределения (в зависимости от ситуации) важны были язык, религия, одежда, приверженность обычаю, социальная принадлежность – основные составляющие этнографического плана.

Низкая мобильность населения, приоритет ритуальной и мифологической традиции делали процедуру выявления «чужака» полностью автоматизированным актом сознания, который базировался на архаических представлениях и верованиях. «Чужынцы» не обязательно «плохие», но всегда, в любом измерении (языковом, обрядовом, бытовом и т.д.) они «не такие», «другие».

Именно такая, казалось бы, примитивная схема позволяла этносу самоопределять не только себя, но и чётко идентифицировать этнические группы, с которыми ему приходилось контактировать и взаимодействовать.

> «Более ёмкое наполнение формы "другие" различными характеристиками, как правило, связано с продолжительным соседством народов. В этом случае формируются довольно устойчивые этнические стереотипы, которые фиксируются не только фольклорной, но и литературной традицией» [3].

Несомненно, что подобные стереотипы не могли не сформироваться относительно русских, с которыми белорусов связывают многовековые отношения культурного, политического и экономического характера. Естественно, что наиболее рельефные и знаковые представления о русских складывались в зонах этнокультурного пограничья, которые характеризуются непосредственным и наиболее активным взаимодействием между двумя этносами.

Необходимо подчеркнуть, что народное белорусское восприятие русского человека, бытовавшее в XIX веке, имеет мало общего со стереотипами советской и частично постсоветской историографии, изображавшей отношения двух народов исключительно в розовых тонах и утверждавшей, что белорусы на протяжении чуть ли не всего средневековья «сгорали» от неуёмного желания вос-

Из журнала «Родина», 2002, № 7.

соединиться с «великим братским народом» [4]. Отметим наиболее характерные отличия между двумя народами, которые зримо просматриваются именно на уровне народных представлений о «своих» – «чужих». Этнографические материалы показывают, что даже в XIX веке осознание белорусом своей инакости, непохожести, было отчётливым. Современный польский исследователь Р. Радзик, в частности, пришёл к такому выводу:

> «Белорусский православный крестьянин, даже перенимая русский язык, не осознавал себя русским. Частично это вытекало из отождествления русских с государственной властью, прежде всего с армией» [5].

Наиболее распространённым в белорусской народной среде обозначением русского стало наименование «москаль» – политоним, образовавшийся ещё во времена Московского княжества и приобретший в XIX веке качества устойчивого экзоэтнонима.

В белорусско-русском словаре И.И. Носовича (1870 г.) даётся несколько значений этого слова: 1) русский солдат; 2) русский мастер (плотник); 3) русский купец, торговец; 4) русский как представитель русского этноса вообще [6]. К этим значениям необходимо добавить ещё одно – в отличие от украинцев белорусы именуют «москалями» русских старообрядцев, причём эта традиция сохраняется в народной среде до сих пор.

Несмотря на включение Беларуси в состав Российской империи, количество русских (без приверженцев старообрядничества) в белорусских губерниях к 1861 году было мизерным – около 10 тысяч человек (0,3 % всего населения). Однако к 1897 году в результате целенаправленной политики «обрусения края», проводившейся после восстания 1863–64 гг. количество русских возросло в 23,5 раза и составило уже 235 тысяч, или 3,6 % всего населения Беларуси [7]. Русские составляли 54 % духовенства, 46 % чиновников, 19 % дворян и 10 % купечества [8]. Число русских крестьян в Беларуси было крайне незначительным. Таким образом, в формировании у белорусов стереотипа относительно русских большую роль сыграла социальная составляющая.

Значительным было и количество русских староверов. К 1914 году их насчитывалось около 100 тысяч, причём 82.968 проживало в Витебской губернии [9].

Ощутимый прирост русского населения в Беларуси только в последней трети XIX века не означает, что образ восточного соседа сформировался именно в это время. На сознание простых людей наложило определённый отпечаток многовековое соперничество между Москвой и Вильно, Россией и Речью Посполитой за гегемонию на белорусских и украинских землях. Постоянные войны несли с собой неизбежные бедствия и негативные перемены, переносить которые спокойно простой человек был не склонен.

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII века многие крестьяне были недовольны ухудшением своего имущественного положения:

> «Мы спрэжда былі багаты, было ў нас трыдцаць коней. Наканец таго, заступілі памешчыкі з Масквы, асталось з трыдцаці тры толькі» [10].

Показательно, что, по воззрениям крестьян, политико-государственные потрясения повлекли за собой и негативные изменения миропорядка:

«Старики утверждают, что пока Кацярынушка не забрала край, — зімы былі карацей, а як забрала, – лета стала карацейшым» [11].

Реальные отличия в языке, обычаях и ментальности были настолько выразительны, что «москаль» в глазах белорусского крестьянина соотносился скорее с инфернальной, враждебной сферой миропорядка. Так, в сказке «Небо и ад» он сам отказывается от загробной жизни в раю и выбирает ад, поскольку там есть водка и табак: «I астаўса маскаль у пекле, не хочэ ў небо, бо там вельмі ўсё светое...» [12]. В мифо-поэтической традиции белорусов «москаль» устойчиво соотносится с чёртом (нечистой силой), несмотря на то, что в отличие от «басурман» (евреев, татар) является христианином.

Характерны представления белорусов Поозерья относительно «осташей» (русских староверов из Осташковского уезда Тверской губернии). Известный этнограф С.В. Максимов писал:

«С незабвенных времён все большие рыбные озёра Витебской Белоруссии берутся в аренду и вылавливаются исключительно мрачными осташами, которых суеверный местный люд считает колдунами и чёртовыми братьями. Предполагаешь вытащить сеть с целой стаей лещей, вытаскиваешь разных чудовищ с большими головами, с огненными глазами и с кожаными перепончатыми крыльями. Всё вредит осташ. Одна легенда говорит, что самого чёрта видели в образе осташа, т.е. рыбаком в кожаном фартухе, с широкой бородой и круглым красным лицом. Сидит он на гнилом пне и голосит нескладным голосом песни. От пения его, как сумасшедшие, взлетают в воздух утки, звери выбегают из лесов и убегают сломя голову... воют собаки; у людей мурашки пробегают по телу и дыбом встают волосы. А в песне его — только похвальба: Всё, – говорит, – моё. Все озёра его: и Ситно, и Глубокое, и Лисно, и Нещерда, и Невядра и Невельское» [13].

Очень часто, как считали белорусы Витебщины, черта в виде «чёрного москаля» можно было встретить и на рынке в местечке [14].

Как и другим чужакам, «москалям» приписывались чародейские, вредоносные способности. Ещё в 1579 году во время осады Полоцка войсками Стефана Батория затяжные дожди считали результатом колдовства со стороны русского гарнизона [15]. Из всех христианских народов только «москали» фигурируют в белорусских заговорах от «ляку» (испуга) и «урокаў» (сглаза) как причина этих болезней:

«Памажыце, Госпадзі, мне, рабе Божай Ганьне, Маланьцы ўрок выгаварыць... цыганскі, маскоўскі» [16].

Были известны случаи, когда колдун-«москаль» фигурирует и в позитивном значении. Например, проезжий русский, воспринимаемый белорусским крестьянином как «чаровник», за помощь, оказанную местным мужиком, в качестве благодарности присылает последнему несколько ульев пчёл, и даже тайные колдовским знания [17].

С другой стороны, и белорусы («литвины») воспринимались восточным соседом как опасные колдуны и ведьмаки. Ещё в 1493 году в Москве были сожжены Иван и Матвей Лукомльские, обвинённые в колдовстве и провозе со злым умыслом ядов [18].

> «При царе Михаиле Фёдоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба ведунья, и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести чрез то на Русь моровое поветрие».

Показательно, что подобные представления об этнических соседях были характерны не только для социальных низов. Так, в 1638 году на допросе мнимой колдуньи, которая посыпала пеплом следы царицы, её в первую очередь спрашивали:

> «Сколь давно она тем промыслом промышляет и от литовского короля к муже ея, литвину Янке, присылка или наказ, что ей государя или государыню испортить, был ли?» [19].

Память о кровавых, разрушительных войнах Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой с Московским государством (на конец XV–XVII веков приходится 9 длительных военных конфликтов общей протяжённостью в 67 лет) безусловно оказывала влияние на формирование образа «москаля» в глазах белоруса. Наиболее контрастные характеристики встречаются именно на белорусско-русском пограничье, ибо приграничные районы чаще и более всего страдали от военных действий. Так, например, в результате войны 1654–1667 годов приграничные поветы: Полоцкий, Витебский, Мстиславльский, потеряли, соответственно, 74,8 %, 62,1 %, 71,4 % населения, в то время как «внутренний» Слонимский повет «только» 18,9 % [20].

Неудивительно, что «москаль» в фольклоре белорусов порубежья выступает как существо более опасное, чем мифологический чёрт. С.В. Максимов записал такие поговорки:

> «Ад чорта адхрысцісься, а ад Маскаля не адмолісься;
> Ад Масквы полы ўрэж, да ўцякай;
> Тату, тату! Лезе чорце ў хату! – Дарма! Абы не маскаль» [21].

Не случайно, что в народных говорах слово «москаль» кроме значений, приведённых выше, означало ещё и «непослушный, вороватый парень, а также пустой колос ржи или пшеницы» [22]. Слепая готовность «москаля» исполнять приказы начальства нашла своё отражение и в сказочном эпосе. Так, в сказке «Асілак» (мифический богатырь) они по указанию помещиков убивают народного героя:

> «Набрали гэто маскалёў и напали на Асілка. А ведамо, – маскаль. Ему як прыкажуць, та ён и роднага бацьку зарэжэ» [23].

«Маскалём» даже запугивают болезнь в заговоре:

> «...Зосін залатнік (опущение матки. – *Авт.*), стань на месцы, не адзывайся. Калі ўздымешся, нашлю казакоў, маскалёў – пасякуць, парубаюць» [24].

Отличия в языке, религии, обычаях между белорусами и русскими были довольно чувствительные, что часто приводило к непониманию и даже к комичным ситуациям. Православный священник, к примеру, никак не может понять, почему местный люд таким «добрым» словом, как «благой» (бел. «плохой, скверный»), называет чёрта [25], а белорусский крестьянин и русский не могут разобраться с определением сроков Пасхи (бел. «Вялікдзень»):

«Спрашивал белорус маскаля – Калі ў вас Вялікдзень? – В петровку, – говорит маскаль. – Не, не тое. Калі ў вас васкрасенне? – Эльва! У нас каждую неделю васкрасенне бывае».

И даже когда русский солдат хочет выразиться «по-местному», ничего хорошего из этого не получается:

«Раз, как москали стояли в селе, так один захотел перцу да яиц и говорит старой женщине: – Гэй, баба, папру да яец! А та: – А штоб из тебя, – говорит, – дух выперло! Куды ж ты меня старую папрэш да яец!» [26].

Существенными были отличия и в религиозной сфере. Особенно это касалось католиков и бывших униатов. Так, даже в 1855 году (церковная уния были ликвидирована Полоцким собором в 1839-м) крестьяне, бывшие униаты, на предложение читать «Господи помилуй» ответили: «Мы не москале, каб спяваць "Госпадзі памілуй"» [27].

Многие православные белорусы практически не понимали богослужений на церковнославянском языке. Когда полоцкий епископ во время проповеди в одном из сельских храмов епархии (1876 г.) произнёс: «Сердце чисто созижди во мне, Боже», то услышал звучный ответ со стороны местного крестьянина: «Водка лучше всего очищает сердце!» [28]. К тому же в силу историко-культурных традиций белорусы в значительно меньшей степени были подвержены монархическим настроениям. Так, в Полоцкой епархии, как сообщал её официальный печатный орган, верующие в большинстве случаев выходили из храма, когда начиналось хвалебное песнопение о царе и царствующем доме [29].

Иронически относились белорусы и к религиозным традициям старообрядцев. Этнограф А. Сержпутовский упомянул о таком случае. Наблюдая церковную службу у раскольников, белорусские крестьяне удивлялись тому, что те слепо повторяют суетливые движения своего священника, на котором от кадила загорелась ряса:

«Ну вот перебирал, перебирал ногами поп, в конце концов не выдержал, видимо, ему так хорошо припекло, вот он покатился по полу да давай дрыгать ногами. Глянули люди и все вдруг бах на помост и давай дрыгать ногами».

После такой службы на вопрос местных жителей староверы ответили: «Сегодня день святого Дрыгуна, вот мы и делали святое подрыгивание» [30].

Исследователи XIX века (А. Киркор, С. Максимов, Р. Подберезский) отмечали, что старообрядцы из белорусских земель в морально-этическом отношении значительно уступали коренному населению, хотя и превосходили его в хозяйственно-имущественном плане. Киркор отмечал:

«Раскольники, как наружностью, так одеждою, домашним бытом, резко отличаются от белорусов. Как вольные люди, они всегда были богаче, всегда отличались трезвостью и воздержанностью в жизни. В нравственном отношении раскольники, как свидетельствует беспристрастный знаток народа А. Сементовский, ниже белорусов. Раскольники не признают святости брака, мало дорожат брачными узами, женщины же не придают большой цены девственности и супружеской верности. Наконец, в уголовных преступлениях – разбоях, грабежах, насилиях, воровстве, конокрадстве и т.д. – раскольники гораздо чаще обвиняются, чем белорусы» [31].

Вороватость «москалей»-старообрядцев нашла отражение и в поговорке: «Не за тое москаля бьют, что украл, а за то, что плохо спрятал» [32]. Пришлые люди из российских губерний могли выступать и носителями разнообразных пороков и дурных привычек (пьянство, разврат, сквернословие), что вызывало негативное к ним отношение. В частности, в 1840-х годах Р. Подберезский отмечал, что на территории белорусского Подвинья «осташи зимой, а булыни (перекупщики скота из пограничных российских уездов. – *Авт.*), втираясь в деревни, распространяют дурные привычки в семьи. Потому их люд и возненавидел» [33].

С учётом перечисленных выше обстоятельств, «москали» оценивались белорусским народным сознанием как нежелательные партнёры в браке, даже любовь с ними считалась крайне опасной. Характерна тревога народной песни:

Не любі ты, дзяўчоначка, маладых жа маскалёў...
Яны скачуць, яны йграюць,
Гэтым дзевак падманяюць.
Яны твае белы ручкі,
Яны табе паламаюць;
Яны твае златы кальцы,
Яны ў цябе пасымаюць;
Яны твае бела плацьце,
Яны табе замараюць;
Яны тваю русу косу,
Яны табе паплутаюць:
Ох тады нас, дзяўчыначка,
З табой не абвянчаюць [34].

Таким образом, на протяжении многих столетий, в том числе и в конце XIX – начале XX века пришельцы с востока, «москали», рассматривались белорусами пограничья как одни из наиболее опасных чужаков.

Оспорить этот вывод с помощью научных аргументов практически невозможно – этнографы XIX столетия были люди законопослушные и преданные монархии, но при этом скрупулёзно и добросовестно фиксировали проявления народного сознания. И если в реальной жизни «вековые чаянья простого народа» не просматривались, то не имеет смысла искусственно поддерживать до крайности мифологизированный образ «великой дружбы» в прошлом.

Ссылки на источники:

1. Беларусы: У 8 т. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння. Мн., 2001, с. 221.
2. Касяровіч Г.І. Беларусы // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989, с. 68.
3. Лобач Ул. Да гісторыі фармавання негатыўнага этнастэрэатыпу адносна яўрэяў на Беларусі // Нацыянальныя меншасці Беларусі: Тэматычны зб. навук. прац. Кн. 2. Віцебск, 1996, с. 16–17.
4. См. Абецедарский Л.С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. Мн., 1978.
5. Radzik R. Miedy zbiorowoscia etniczna a wspolna narodowa: Bialorusini na tle przemian narodowych w Europie Srodkowo-Wschodniej XX st. Lublin, 2000, s. 165.
6. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983, с. 291.

7. Терешкович П.В. Русские в Беларуси: постинтернациональная рефлексия // «Неман», 1992, № 6, с. 169–172.
8. Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі. Мн., 1996, с. 163.
9. Філатава А.М. Віцебская губерня // Гісторыя Беларусі: Энцыклапедыя. У 6 тт. Т. 2. Мн., 1994, с. 324.
10. Романов. Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 4. Витебск, 1891, с. 89.
11. Берман И. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе (Виленской губернии, Ошмянского уезда) // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. 5. СПб., 1893, с. 3–43.
12. Сержпутоўскі А.К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мн., 1999, с. 30–31.
13. Максимов С.В. Белорусская Смоленщина с соседями // Живописная Россия. Т. 3. СПб., 1882, с. 446.
14. Ляцкий Е.А. Представления белорусов о нечистой силе // Этнографическое обозрение, 1890, № 4, с. 27–28.
15. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матар'ялах. Т. 1. Мн., 1936, с. 296.
16. Замовы. Мн., 1992, с. 275, 307.
17. Демидович П.П. Из области верований и сказаний белорусов // «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, с. 112.
18. Неезе Н.Н. Фармация для фармацевтов и врачей. СПб., 1882. Ч. 1, с. 11.
19. Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах // Репринт издания 1899 г. М., 1990, с. 172, 175.
20. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. Мн., 1995, с. 140.
21. Максимов С.В. Указ. соч., с. 438, 457.
22. Станкевіч Я. Беларуска-Расійскі (Вялікалітоўска-Расійскі) слоўнік. New York, 1990, с. 678.
23. Сержпутоўскі А.К. Указ. соч., с. 103.
24. Записано В. Лобачем в 1993 г. от Добыш С.С. (1923 г.р.) в дер. Красники Лепельского р-на Витебской обл.
25. Берман И. Указ. соч., с. 22.
26. Анталогія беларускага народнага анекдота і жарта. Мн., 2001, с. 37, 85.
27. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. СПб., 1902, с. 86.
28. Полоцкие епархиальные ведомости. 1876, № 4, с. 909.
29. Там же. 1876, № 18, с. 650.
30. Сержпутоўскі А. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павету. Л., 1926, с. 137–138.
31. Киркор А. Белорусское Полесье // Живописная Россия. Т. 3. СПб., 1882, с. 284.
32. Терешкович П.В. Указ. соч., с. 169.
33. Падбярэзскі Р. Лісты пра Беларусь // Шляхам гадоў: гістарычна-літаратурны зборнік. Мн., 1994, с. 259.
34. Лірычныя песні. Мн., 1976, с. 99.

«НАМ НЕ ДАНО ПОЗНАТЬ ИСТОРИЮ...»

Фрагмент интервью Юрия Чорнея с доктором исторических наук Натальей Яковенко (1942 г.р.), автором монографического исследования «Украинская шляхта с конца XV до середины XVII ст. Волынь и Центральная Украина» (Киев, издательство «Критика», 2008 г., 476 стр.)

— Почему украинская шляхта, о существовании которой постсоветскому поколению напомнили именно вы, в условиях безгосударственного существования украинцев не выполнила своего назначения и не замкнула социальную структуру тогдашнего общества на себе?

— Это неблагодарное занятие — задавать им вопрос, почему они этого не сделали. Так обстоятельства сложились. Очень обобщенно можно сказать, что государство, в котором они жили, было слишком привлекательно.

Речь Посполитая в нашей украинской историографии традиционно имеет очень негативное содержание, образ шляхетско-польской тирании, какого-то демона, который бил и топтал Украину. На самом деле это было государство преждевременной шляхетской демократии, чрезвычайной религиозной толерантности — удивительной для XVI–XVII веков. Именно привлекательность жизни в ней соединяла шляхту. Она оставалась литовской, белорусской, польской, украинской.

История Речи Посполитой — это не история Польши. Каждый шляхтич ощущал себя причастным к жизни этого государства, поскольку идеалы гражданского общества были развиты там очень высоко. Именно поэтому у них фактически не существовало этнической конфронтации. Они боролись за идею своей Речи Посполитой. Ну, а избирать среди своих лидера — это нереально во времена, когда лидером могло быть только лицо крови.

— А украинские князья?

— Ярких лидеров-князей к тому времени уже фактически не было.

— А как же «некоронованный король» Украины князь Василь Острожский?

— Острожского поддержали в борьбе вокруг унии, как это у нас принято называть. Точнее, в дискуссии вокруг унии. Но уния, вера, язык, то, как я одеваюсь, то, с кем я вступил в брак и что говорю дома, — это частная сфера жизни. Государство в эту сферу не вмешивалось. В то же время в публичной сфере жизни Константин Острожский был образцовым гражданином Речи Посполитой. Еще более пылкими гражданами были его сыновья и так далее.

Казацкая «фронда», оппозиция, выросла из того, что Речь Посполитая не хотела признавать за казаками права быть ее членами. Речь Посполитая на самом деле была только шляхетским государством, но мы не можем обвинять людей XVI–XVII веков в незнании того, что все люди от рождения равны. Это нормальный способ видения структуризации и оценки мира для модерных обществ.

Шляхетская Речь Посполитая не хотела признать за казаками рыцарского права, она хотела, чтобы казаки были военными слугами государства. Казаки же видели перед собой высокий образец тех прав, которые имела шляхта, и добивались их. И конфронтация, фронда, война возникла именно на этой почве. Потом в нее втянулись простолюдины, крестьянско-мещанские массы, затем она превратилась в острую внутреннюю войну, заострились этнические противоречия, и все это, наконец, привело к украинско-польской войне. Но это все уже мутации, порождающиеся любой большой войной.

Поэтому так нельзя ставить вопрос – почему шляхта не избрала среди своих лидера. Этого не могло быть, как говорил один чеховский герой, ибо этого быть не могло никогда.

– Как профессионального историка не могу не спросить вас о том, о чем иногда любят разглагольствовать люди, далекие от науки. Речь идет о так называемом «постоянном переписывании истории».

– Историческая наука существует в двух разновидностях. Одна из них – дидактическая – предназначена для чтения, изучения в школах, даже в вузах, но не на исторических факультетах. Нужно же на чем-то воспитывать национальные традиции, заинтересовывать молодежь национальной культурой. Это можно делать только на так называемой «исторической памяти», и она не может быть скептической, ревизионной, не может без конца во всем сомневаться. Поскольку дети, а также люди, просто интересующиеся историей родного края, должны иметь общий образ истории, «полезной» для нации.

Н. Яковенко

И там, по моему мнению, вполне допустимы определенные патриотические преувеличения, обобщения – смешные с точки зрения настоящей истории. Они имеются во всех дидактических моделях истории – от самых передовых, так сказать, стран, до стран третьего мира и Африки. И это нормально, ибо дидактическая история воспитывает гражданина.

Совсем иное дело – история как научный проект. Она должна исходить из того, что наработала наука уже в XX веке. Начиная с перелома XIX–XX веков и далее в межвоенный период наука вынуждена была признать свое поражение: научные работники поняли, что историку не дано познать мир таким, каким он был на самом деле. Каждый текст, продуцированный историком, – это очень субъективная точка зрения.

В исторической науке, в отличие от прикладных наук, ничего нельзя смоделировать. Мы не можем взять интервью у Богдана Хмельницкого, как вы сейчас берете у меня, понимаете? Поэтому признание непознаваемости истории по определению вызвало общую революцию. Тогда стало ясно, что каждая гипотеза

и каждое предложение – только материал для дискуссии и что дискуссиям этим никогда не может быть конца. Ничего нельзя определить окончательно.

Когда я говорю об этом своим студентам, то всегда привожу в качестве примера эпизод с Берестецкой битвой 1651 года. Каждый школьник все вроде бы о ней знает. Источников об этой битве существует огромное количество: реплик, воспоминаний, каких-то опусов и тому подобное. Но на самом деле мы знаем об этой битве только одно: в тот решающий день, когда нас там окончательно разбили, до первого часа дня был такой туман, что битву нельзя было начать, ибо воин не видел воина. Около часа туман немного рассеялся, но дальше мы уже совсем ничего не знаем, ибо фронт битвы тянулся на многие километры, а каждый, кто что-то вспоминает о ней, видел на три метра вокруг себя.

Следовательно, в истории никогда не может быть одного четкого знания – Земля круглая, прямоугольник имеет четыре стороны и тому подобное. В дидактическом варианте такая история не может существовать, ибо человек должен получить целостный образ собственного прошлого.

– А иностранцы вообще интересуются нашей отечественной историей?

– Это очень интересный вопрос. До перестройки, до того как возникло независимое Украинское государство, существовало несколько научных ячеек, в которых иностранцы – скорее всего, украинцы по происхождению – изучали нашу историю. Это Украинский научный институт Гарвардского университета и Канадский институт украинских студий. Они продуцировали монографии, тексты, журналы на вполне академическом уровне международной науки, посвященные украинским сюжетам.

В других странах украинистикой как таковой практически никто не занимался, но было очень много русистов – это криптоним для понятия советологов, хотя определенная часть русистов занималась историей российского Московского государства или Российской империи. Так или иначе, уже в Российской империи это касалось и Украины. Еще часть советологов занималась Советским Союзом – тоже, конечно, с включением украинских сюжетов.

В общем, когда возникло Украинское независимое государство, они увидели, что исследованные ими сюжеты являются не русистикой, а скорее украинистикой. Это очень хорошо видно на примере итальянской науки. В 60–80-х годах в итальянской науке сложилась очень сильная школа изучения нашей литературы XVII– XVIII веков. Речь идет, скорее, о проповеднических, теологических текстах и тому подобное. Так вот, они изучали их как русские и назывались соответственно русистами.

– Это касается и так называемых казацких летописей?

– Казацкие летописи, Иннокентий Гизель, Иоаникий Галятовский, Димитрий Ростовский (Туптало), Стефан Яворский и так далее. Иностранцы с удивле-

нием увидели, что все это украинские тексты. Разумеется, они подозревали это и до того, однако именно с того времени и до сих пор это стало называться украинистикой.

На пятом Международном конгрессе украинистов, проходившем в Черновцах с 26 по 29 августа 2002 года, было заявлено около десятка итальянских ученых, которые вполне осознанно идентифицируют себя уже с украинистикой. Все они изучили украинский язык, свои доклады делали на украинском. Примерно такие же перевороты произошли в очень многих странах: в США, Канаде, Франции, Германии, Австрии, само собою – в Польше и тому подобное.

— Чего недостает украинской исторической науке, чтобы подняться на качественно новый уровень развития?

– О том, чего у нас нет, говорят много. Я скажу о том, что у нас есть. У нас есть огромный институционный кризис науки. У нас и в дальнейшем остается эта квазимилитарная структура науки, где есть флагманы и провинциальные институты или университеты, находящиеся, так сказать, на положении припряжных.

Квазимилитарная структура науки, в свою очередь, порождает ее коррумпированность, потому что люди из провинции идут на определенные сговоры с центрами. Коррумпированность науки порождает аморальность в науке. Один из наших феноменов аморальности – ученые советы. Через них проходят диссертации, которые даже до ученых советов не должны были бы доходить. И мы все это знаем.

Аморальность науки в виде ученых советов снова превращается в двойную коррумпированность науки, создается circulus vitiosus – абсолютно порочный круг, из которого нет выхода. И это то, что у нас есть, это то, где Запад нам не поможет, так как здесь мы можем помочь лишь сами себе.

ПРОВАЛЫ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Андрей Буровский

Почитание Александра Невского – одна из политических традиций Руси. Его образ князя-патриота – один из самых значительных и самых привлекательных. Уже в конце XIII века он был канонизирован Русской православной церковью и приобщен к сонму святых. Как всякому, официально признанному святым, ему полагалось «житие» с набором назидательных чудес; в «житии» Александр Невский выведен идеальным князем-воином, образцом защитника Руси от врагов.

Так же почитали его светские владыки Московии и выросшей из нее Российской империи. Петр I был в числе светских владык, которые, спустя много веков после смерти, именовали Александра Невского основателем государства, великим героем, великим воином, отцом народа.

Сам Александр Невский не мог предвидеть ТАКОЕ будущее. Что от него пойдет династия владык, владения которых охватят шестую часть суши! Что под властью его потомков склонятся потомки всех других русских князей, и Тевтонского ордена, и татар! Что его будут ставить в пример юношам в военных училищах! Что орден Александра Невского будет учрежден в Российской империи (21 мая 1725 г.) и независимо от этого в СССР (29 июля 1942 г.).

Ведь современники вовсе не так высоко оценивали его деяния.

В 1240 году, в возрасте 16 лет, он разгромил войско шведского ярла Биргера. В 1241 году он лихо воевал с крестоносцами из Тевтонского ордена и 5 апреля 1242 года разбил их на берегу Чудского озера. По мнению российских историков, эта победа поставила Александра Невского в один ряд с величайшими полководцами мира (1).

Но вот новгородские летописи показывают другую, гораздо более сдержанную точку зрения на Александра Невского. Называют его захватчивым, жадным, самовластным и неуживчивым. Трижды вече распахивало ворота перед Александром Ярославичем, говоря, что «перед князем путь чист», и никакие его ратные заслуги нисколько не мешали в этом. По крайней мере, национальным героем никто его в Новгороде не считал. Интересно то, что в других землях Руси, где про немцев только слыхали, Александр был в куда большей чести! Почему бы?

Вот и первый удивительный провал. В летописях очень подробно описывается, как прогоняли Александра новгородцы. В учебниках же, в популярной литературе об этом нет ни слова. Провал, конечно, не в цепи исторических событий, провал в историографии – в том, как пишется история. Что выгоняли – это история. Что этот факт замалчивают – историография.

* Это предисловие из книги А.М. Буровского «Русская Атлантида», посвященной истории Западной Руси, под которой автор имеет в виду земли Новгородской и Псковской боярских республик, а также Великого Княжества Литовского.

В 1990-е годы стали печатать Льва Гумилева, и выявился еще один провал. Оказывается, Александр Ярославич «Невский» был приемным сыном Бату-хана (Батыя русских летописей), близким другом-приятелем многих монгольских князей, своим человеком в Орде.

С точки зрения Льва Гумилева, тесная дружба с монголами — скорее преимущество Александра. Ведь терпимые, разумные, добрые монголы очень похожи по характеру на русских, и на Русь пришли чуть ли не как братья. По крайней мере, так думал сам Лев Николаевич и ставил в большую заслугу Александру Ярославичу войны с плохими, злыми немцами, которые утробно ненавидели все русское и шли на Русь исключительно с целью насилия.

Монголы высоко ценили дружеские чувства Александра — в 1252 году ярлык на великое княжение Владимирское вручен был именно ему. Но, оказывается, весьма многие люди думали совсем не так, как монгольские ханы и как Лев Николаевич Гумилев. Во всех учебниках по истории пишут осторожненько: мол, во время монгольского нашествия или после монгольского нашествия вечевой строй на Руси кончился. «Кроме Новгорода», оговариваются иногда для объективности. Но ни точного времени, когда пал вечевой строй, ни обстоятельств дела не упоминают. Потому что вечевой строй на Руси вовсе не пал, а продолжал жить и развиваться, — это раз.

Вся Русь, кроме северо-востока, знала вече вплоть до утверждения более европейских форм демократии — Магдебургского права, например (2). Вся Западная Русь знала демократию и самоуправление вплоть до Переяславской рады (1654 год), до отмены Литовских статутов на вошедших в Российскую империю землях Великого княжества Литовского (в 1840 году). А на Северо-Восточной Руси запретили вече и сняли вечевые колокола вовсе не татары, — это два.

В 1262 году вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани — баскаков. В Новгороде, в Суздале, Ярославле, Владимире. Как писал летописец, «и побиша татар везде, не терпяще насилие от них». Конечно, очень трудно судить, насколько велик был шанс покончить с игом навсегда. Но война — это еще и выбор, в том числе выбор нравственный. Вечевая Русь, умевшая сама управлять собой, свой выбор сделала, ударив в колокола и «побиша» недругов. Александр Невский тоже сделал выбор: вместе с ордынским войском он активнейшим образом подавлял восстание в городах Северо-Восточной Руси. Подавлял с невероятной жестокостью: дружинники Александра Ярославича, точно так же, как татары, отрезали пальцы, уши и носы, секли кнутом пленных, жгли дома и города.

Именно тогда кончился на Северо-Восточной Руси вечевой строй. И удавил самоуправление и демократию на этой части Руси не кто иной, как великий князь Владимирский Александр Ярославич. Ведь это городские веча принимали решение бороться с татарами, это вечевые колокола созывали народ на восстание.

Обвинять злых татар в том, что они принесли на Русь азиатские методы правления и азиатский образ жизни, стало классикой. Но ведь еще брат прадеда Александра Невского, Андрей Боголюбский, за полвека до монголов попытался утвердить деспотизм восточного типа на северо-востоке Руси, за что в конце концов был убит в своем любимом Боголюбове (3).

Может быть, монголы и помогли становлению такого типа власти, но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что умный и хитрый двоюродный правнук Андрея Боголюбского, Александр Невский, сумел использовать монголов для осуществления заветной мечты. Хотели, может быть, многие князья, но именно он стал реальным «самовластцем» для себя и для своих потомков. После 1262 года Орда прекрасно знала, что уж на кого-кого, а на эту линию княжеского рода очень даже можно положиться, и в первой половине XIV века собирал дань уже внук Александра Невского, знаменитый Иван Калита. Не кому иному расчистил Александр Невский дорогу, как своим внукам.

Глупо, конечно, судить исторические личности по меркам сегодняшней морали. В сущности, именно так поступали советские власти – скрывали от населения страны факты, которые позволили бы называть Александра Невского коллаборационистом или предателем национальных интересов. Разумеется, ни тем, ни другим Александр Невский не был и в помине, но он сделал некоторый выбор и, вряд ли сознавая это, стал в начале новой российской цивилизации. Той самой версии российской цивилизации, которую еще со времен интеллектуалов XVII века Ордин-Нащокина и Василия Голицына называют азиатской (4).

Московия, начало которой положил Александр Невский, станет сильнее других русских государств, сумеет задавить «конкурентов». И разнесет по всей Руси традиции холопства, азиатчины. А очень многие стороны нашей собственной истории от нас начнут скрывать. И потому рассказа о том, как национальный

Национальный герой России на коленях перед Великим ханом

герой Руси-России Александр Невский разорял Русь вместе с татарами, вы не найдете ни в одном учебнике по истории, ни в одном официальном справочнике советского времени.

Таких провалов в историографии становится много, как только речь заходит о том, как русские люди выбирали европейский тип развития. Многие ли знают, что, когда царь Петр завоевал Прибалтику, часть русских людей оттуда уехала в Швецию? Предатели? «Мы привыкли быть гражданами; мы не привыкли быть холопами», – отвечали те. Об этом факте пишут шведские книги, а нам с вами знать о судьбе соотечественников не полагается.

Многие ли знают, что московский первопечатник Иван Федоров в Москве подвергался преследованиям, бежал на Западную Русь и много лет издавал там книги, а помер во Львове? (5)

Провалы возникают всякий раз, когда факты опровергают исторические стереотипы или могут показать московский тип государства с невыгодной стороны.

Очередным стереотипом стало утверждение «прогрессивного характера» Ливонской войны. Мол, необходимо было выйти к Балтийскому морю, и это оправдывает все потери и все усилия.

Но вот очередной провал: никакой необходимости двигать армии не было, потому что Древний Новгород давно и успешно вел активную морскую торговлю на Балтике. Вмешательство Москвы отнюдь не создало чего-то нового, а напротив, уничтожило давно достигнутое (6).

И еще провал: нигде не упоминается, что движение армии великого князя московского сопровождалось просто фантастическими зверствами, включая младенцев, вырванных из чрева матерей, изнасилованных до смерти, сожженных живьем в монастырях и храмах, посаженных на кол и четвертованных (список можно продолжить, читая древние хроники или сочинения Гоголя).

В 1577 году московская армия не смогла взять Ревеля, но последний раз захватила большую часть ливонской территории. Был захвачен в плен маршал Гаспар фон Мюнстер. Он был ослеплен и бит кнутами, под кнутами и умер. Сохранились слова Гаспара фон Мюнстера: «Почему вы меня убиваете так долго?»

Военачальников других городов сажали на кол, разрубали на части.

У нас нет многих данных о поведении русских войск в Казанском и Астраханском ханствах, кроме разве что массового убийства армянских пушкарей, но их поведение в Ливонии хорошо документировано и немецкими, и польскими, и литовскими хрониками (7).

Впрочем, вся история Ивана IV и его эпохи – это какой-то сплошной провал. Давно позади времена, когда ЦК ВКП(б) принимал специальное постановление о том, что эту эпоху НАДО видеть прогрессивной. «Прогрессивная» опричнина, тупое сопротивление «реакционных» бояр. Но и позже историки закрывали глаза на липовые обвинения в адрес тех же бояр. Ведь вполне определенно, что не было никакого заговора князя Воротынского, «впустившего» войска Девлет-Гирея в Москву. Так же ясно, что не было никакой крамолы и измены в Новгороде, а были там разве что богатства, на которые зарились опричники.

Известно, что не был ни заговорщиком, ни колдуном боярин И.П. Федоров, по «делу» которого казнено более 400 человек, в том числе его крестьян: знали-де, что колдун, а молчали!

Многие вещи вообще невозможно оправдать никакими государственными интересами. Они просто выходят за пределы понимания психически нормального человека. Когда боярина сажают на кол, и он умирает больше пятнадцати часов, а на его глазах насилуют его мать. Когда человека на глазах жены и пятнадцатилетней дочери обливают кипятком и ледяной водой попеременно, пока кожа не сходит чулком. Когда Висковатого разрубают, как тушу... (8) Впрочем, продолжать можно долго.

Но о преступлениях опричнины пишут хоть что-то — хотя и далеко не все.

А где рассказано о том, что Иван Грозный ни разу не вышел на поле боя? Что он менялся в лице и дрожал при малейшей опасности?

Когда Девлет-Гирей в 1570 году сжег Москву и было убито от 50 тысяч человек до 500 (колоссальное различие в оценках доказывает одно — никто, как всегда, не считал), при подходе татар Иван IV бежал в Серпухов, потом в Александровскую слободу и, наконец, в Ростов.

Хан писал Ивану: «Я разграбил твою землю и сжег столицу за Казань и Астрахань! Ты не пришел защищать ее, а еще хвалишься, что ты московский государь! Была бы в тебе храбрость и стыд, ты бы не прятался. Я не хочу твоих богатств, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я знаю дороги твоего государства...».

Кстати, вот еще сразу два огромных провала. Первый, что Москву Девлет-Гирей сжег не просто так, не из «азиатской жестокости», а в порядке мести за действия Московии. Второй провал, что Иван IV вступил в переговоры с Девлет-Гиреем и слал письма, полные смирения, предлагал ежегодную дань, вел себя крайне униженно.

В 1572 году Девлет-Гирей понял, что Иван тянет время, и опять двинулся через Оку, но в 50 верстах от Москвы, на берегу речки Лопасни, столкнулся с войском Михаила Ивановича Воротынского. Хан отступил, а Иван отказался от всех уступок и уже не унижался перед ним, а слал издевательские письма. Князь же Воротынский в следующем году был обвинен в измене и зверски замучен. Иван лично рвал бороду Воротынскому, лично подсыпал угли к бокам 63-летнего князя.

Позже, потерпев от Стефана Батория сокрушительное поражение, Иван напишет письма Виленскому воеводе Николаю Радзивиллу и канцлеру Литвы Воловичу, где объясняет, что отказался от защиты Полоцка из соображений гуманности, не желая кровопролития, и надеется, что они поступят так же.

Так же он будет вилять и врать, написав самому Стефану Баторию. Ответное письмо Батория сохранилось, и все оно, от первой до последней строки, — плевок в физиономию Ивана. Помянув преступления армии Ивана в Ливонии, убийство им своих же людей, бегство московитов в Литву, Стефан Баторий прямо обвиняет московита в трусости. «И курица прикрывает птенцов своих крыльями, а ты, орел двуглавый, прячешься!» — писал Баторий. И вызвал Ивана на поединок (дуэль, конечно же, не состоялась).

И более поздние эпохи тоже кишмя кишат провалами.

Вот, например... В 1795 году суворовские солдаты брали восставшую Варшаву. Захватив пригород Варшавы, Прагу, они устроили страшную резню. Весь мир обошел образ русского солдата с польским младенцем на штыке. И это не было

преувеличением: суворовские «чудо-богатыри» махали еще кричащими младенцами на штыках в сторону невзятого города, кричали, что со всеми поляками сделают так же.

Многим в России до сих пор кажется, что если государство сильное, армия могучая и вызывает страх, то не очень важно, вызывают ли уважение страна и народ. Но даже если такой страны боятся — этот страх сродни страху человека перед хищником-людоедом или перед разбойником с дубиной.

Многие книги иностранцев про путешествия на Русь, написанные в XVII–XVIII веках, или не переведены до сих пор, или изданы мизерными тиражами. Чтобы вроде и издать, и чтобы широкому кругу не было известно, что написано. А то ведь неизвестно еще, к каким выводам может прийти читатель.

Книга же Иоганна Гмелина «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 год» не переведена до сих пор (9). В этой книге автор, видите ли, «сделал резкие и необоснованные выпады против населения России». Книгу эту я читал, и уверяю вас, никакой напраслины Иоганн Гмелин не возвел. Писал правду: о продажности чиновников, о незнании людьми иностранных языков, о банях, где моются вместе мужчины и женщины, и т.д. Никто никогда, кстати, и не пытался опровергать всех этих «клеветнических измышлений», да и какой смысл опровергать святую правду?

Наша книга посвящена одному громадному провалу истории. Внутри этого провала можно найти множество более мелких, но все они — части одной грандиозной «фигуры умолчания».

Если судить по советской и по современной российской историографии, можно сделать вывод: в конце XIII — начале XIV века куда-то исчезла вся Русь к западу от Смоленска. Только что была — и вдруг куда-то пропала! Потом-то она опять «всплывет», уже в XVII–XVIII веках, когда украинцы возжаждут «навеки соединиться» с русским народом, а там начнутся разделы Польши. Но в XIV–XVII веках история этой огромной страны — своего рода тайна, скрытая от собственного народа.

Густой историографический туман висит над огромным периодом русской истории. Я решил написать эту книгу, чтобы хоть немного рассеять этот туман и показать читателю, чем была, чем обещала стать, да так и не стала Западная Русь — Русская Европа, чья история трагически прервана, а потом еще и замолчана всей мощью огромного государства.

Коротко об авторе

А.М. Буровский (1955 г. р.) — писатель научно-популярного жанра. Кандидат исторических наук (диссертация «Культурно-исторические этапы развития палеолита Енисея, 1987 г.), доктор философских наук (диссертация «Возникновение и проблематика антропоэкологии», 1996 г.). Председатель Красноярского отделения Международной академии ноосферы, член Санкт-Петербургского Союза ученых, член Экологической академии РФ, член Проблемного совета при Академии образования РФ.

Автор нескольких десятков научно-популярных книг по истории. Среди них: «Россия, которой не было» (2000); «Несостоявшаяся империя» (2001); «Крах империи» (2004); «Русская Атлантида» (2005); «Московия: пробуждение зверя» (2005); «Арийская Русь» (2007); «Гражданская история безумной войны» (2007); «Правда о золотом веке Екатерины» (2008); «Великая гражданская война 1939–1945» (2009); «Мифы и правда о 1937 годе:

Контрреволюция Сталина» (2010); «Правда о допетровской Руси» (2010); «Новгородская альтернатива: подлинная столица Руси» (2010); «АнтиМединский: Псевдоистория Второй мировой. Новые мифы Кремля» (2012); «Петр Окаянный: Палач на троне» (2013); «Запрещенный Рюрик: правда о призвании варягов» (2014) и многие другие.

Комментарии редактора

1. В.Б. Белинский в своей книге «Страна Моксель» (Смоленск, 2009 г.) убедительно показал, что рассказ о битве на Неве с ярлом Биргером является выдумкой. А масштаб и значение боя между ливонцами и новгородцами на берегу (не на льду) Чудского озера сильно преувеличены. Эти выдумки сочинили монахи Рождественского монастыря во Владимире. Написанный ими около 1298 года (через 35 лет после смерти персонажа) первый вариант «Повести о житии святого благоверного князя Александра» в следующие 400 лет переделывался еще 15 раз!

2. Магдебургское право, т.е. самоуправление городов на основе письменного свода норм, существовало только в Великом Княжестве Литовском, Русском и Жамойтском. Первыми это право получили Вильня (1387), Брест (1390) и Гродно (1391), потом Слуцк (1441), Полоцк (1498), Минск (1499). В XVI–XVII вв. самоуправление обрели все крупные и средние города ВКЛ, а также некоторые местечки.

3. Андрей Юрьевич (ок. 1111–1174), прозванный «Боголюбским» – сын Юрия Владимировича, князя Суздальского и Владимирского, прозванного «Долгоруким». В 1157 г. стал князем Владимира. В 1162 г. изгнал своих братьев Мстислава (князя Ростова) и Михалку (князя Суздаля), а также многих отцовских бояр. Установление личной диктатуры и жестокость вызвали конфликт между Андреем и боярами. Они убили своего князя в замке Боголюбово в ночь с 28 на 29 июня 1174 г.

4. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680) – боярин, дипломат и воевода. Знал несколько языков, изучал математику, логику и риторику. С 1656 по 1671 гг. занимался дипломатией, в 1672 г. постригся в монахи.

Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – фаворит правительницы Софьи Алексеевны (1657–1704). Один из самых образованных людей Москвы. После свержения Софьи в 1689 г. царь Петр I выслал его в Архангельский край.

5. В действительности не Иван Федоров, а Ян Федорович, православный литвинский шляхтич из Баранович. Год рождения неизвестен. Приехал в Москву в 1563 г. вместе с помощником Петром (из Мстиславля, отсюда прозвище Мстиславец) по приглашению великого князя Ивана IV, чтобы возобновить работу имевшейся здесь типографии. В 1564 г. издал книгу «Апостол», в 1654 – «Часовник». В результате происков переписчиков церковных книг, резонно увидевших в деятельности Федоровича и Мстиславца опасную конкуренцию, им пришлось бежать обратно в ВКЛ.

В 1569–70 гг. Ян Федорович и Петр Мстиславец работали в Заблудове (у гетмана ВКЛ Ходкевича), в 1570–80 гг. во Львове (только Федорович), в 1580–83 гг. в Остроге у князя Василя Острожского (снова вместе). Издали здесь «Евангелие учительное», «Псалтирь», «Букварь», «Апостол», «Новый Завет», «Библию», а также «Хронологию» Андрея Рымши.

Ян Федорович умер 6 декабря 1583 г. во Львове. Помимо книгопечатания, он занимался еще и артиллерийским делом.

6. Вот цитаты из книги С.Г. Дмитренко «Морские тайны древних славян» (Москва, 2004):

«Задолго до Васко да Гамы, задолго до его открытия океанского пути в Индию, товары Востока широким потоком текли в Европу, а европейские направлялись на Восток. (...)

Купцы везли в Европу китайские шелка, индийские сатины, персидскую парчу и бархат, а также слоновую кость, жемчуг, кольчуги, мечи, сабли, чай, сахар, сухофрукты, специи, изделия из серебра. А в другую сторону шел поток янтаря, стали, меда, воска, льна, , кож, дерева, а также зерно и рабы.

(...) Таким образом, Волга соединяла средневековые торговые империи – Арабский халифат и Ганзу – в единое экономическое пространство. О размерах этих отношений можно судить по тому факту, что Ганза в период своего расцвета (XIV – XV вв.) контролировала три четверти всей европейской торговли, оставляя всей остальной Европе, включая знаменитые Геную и Венецию, только одну четверть.

(...) Экономические связи севера Европы и Востока были настолько тесными, выгодными и жизненно важными, что любой разрыв товарных отношений грозил катастрофическими последствиями для всего экономического пространства, что и произошло в XVI веке» (с. 78–79, 80–81).

Напомню в этой связи, что Иван IV в 1552 году разорил Казань и Казанское ханство, в 1557 году – Астрахань и Астраханское ханство, а в начале 1570 года – Новгород (город был полностью ограблен, большинство жителей казнено либо умерло от голода и холода, из 1805 дворов, плативших налоги, уцелели только 94). Кроме того, в 1558–76 гг. московский деспот жег и грабил Ливонию. В результате он полностью уничтожил Великий Волжский торговый путь. Дмитренко по этому поводу пишет:

«Началась казанская эпопея, приведшая к разорению татарского купечества, затем ливонская, разорившая ливонских (ганзейских) торговцев, а закончилось все взятием Новгорода и физическим уничтожением новгородских купцов» (с. 82).

Вполне закономерно Московская держава надолго рухнула в пучину экономического кризиса. Высший его пик пришелся на Смутное время (1606–1619 гг.).

7. О зверствах московского войска в Казани красочно писал Н.М. Карамзин. Сейчас на эту тему много пишут авторы из Татарстана. Известно, что в 1552 г. при захвате Казани погибли все защитники города и были вырезаны все мужчины. В сумме – до 70 тысяч человек.

8. Думный дьяк Иван Висковатов был казнен в Москве 25 июля 1570 г.

9. Иоганн-Георг Гмелин (1709–1755) жил в России с 1727 по 1747 гг. Внес вклад во многие науки – ботанику, зоологию, географию, этнографию, лингвистику и т.д. Вместе с Г. Миллером руководил в 1733–43 гг. академическим отрядом 2-й Камчатской экспедиции. Вернувшись в Германию, опубликовал в Гёттингене в 1747–70 гг. свой труд «Путешествие по Сибири» в 4-х томах, а также «Сибирская флора», тоже в 4-х томах.

АНАТОЛЮ ТАРАСУ ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ

Альберт Лазакович

24 мая 2014 года Анатоль Тарас (далее А.Т.) отметил свой 70-й день рождения. Юбилейная дата дает нам повод для того, чтобы кратко рассмотреть его деятельность на ниве исторического просвещения соотечественников.

Но сначала – несколько слов о биографии А.Т.

В предельно кратком изложении основные ее «блоки» выглядят следующим образом: школа (1951–1961); служба в армии по призыву (1963–1966); учеба на историческом факультете Белгосуниверситета (1967–1972); работа научным сотрудником в НИИ педагогики министерства просвещения БССР (1972–1989); работа редактором в минских издательствах «Эридан», «Красико-принт», МЕТ, «Харвест» (ноябрь 1991 – март 2009).

С апреля 2009 года А.Т. находится в «свободном плавании».

***

Среди многих авторов, предлагавших свои сочинения издательству «Харвест», был москвич Александр Широкорад. По заказу А.Т. он подготовил в 2001 году книгу о русско-польских войнах. Когда А.Т. стал читать рукопись, у него возникло множество вопросов относительно достоверности тезисов Широкорада и степени полноты описания им различных событий. Изучение научной литературы, беседы с профессиональными историками подтвердили худшие опасения. Выяснилось, что Широкорад – полный профан в тех вопросах, за освещение которых самоуверенно взялся. И к тому же убежденный российский шовинист. Образно выражаясь, стало А.Т. «за Отчизну обидно».

И вот, из чувства протеста против вранья московского фантазера, он сам занялся подготовкой книги на ту же тему. Ввиду необъятности материала ее пришлось разделить на три тома. Первый из них получил название «Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках» (800 страниц). Он вышел в свет в декабре 2006 года и за 7 последующих лет переиздавался четыре раза: в июле 2007, в ноябре 2008, в марте 2010, весной 2013. Общий тираж – 15 тысяч экземпляров. Для книги такого объема и тематики успех просто фантастический!

Второй том – «История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991» (608 страниц) – в сентябре 2008 года издал частный предприниматель А.Н. Вараксин. В начале января 2009 вышло второе издание, в феврале 2010 – третье (в издательстве «ФУАинформ»). Общий тираж составил 4,5 тысячи экземпляров.

Третий том – «Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.» был издан в декабре 2008 года. В нем тоже 800 страниц. На данный момент этот том переиздан дважды: в марте 2010 и осенью 2012, общий тираж – 9 тысяч экземпляров. (В конце текущего года книга должна выйти в Варшаве в переводе на польский язык).

В процессе работы над этими тремя книгами А.Т увлекся изучением истории Беларуси. И у него возник замысел издания большой серии книг («Неизвестная история») о беларуской истории – не менее 50 томов.

А в процессе постижения истории и традиционной культуры своего народа он по-настоящему ощутил себя беларусом. Вот как А.Т. сказал об этом в интервью журналу «Беларуское обозрение», который издает на английском языке в Праге (Чехия) Беларуско-Американская ассоциация: «Раньше я просто знал, что я беларус. Но теперь чувствую это своим сердцем»! (Belarusian Review, 2011, vol. 23, № 3, с. 18).

1. Серия «Неизвестная история»

(Указаны даты первых изданий)

(1) 2006, январь. **Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках.** (А.Е. Тарас. 800 с.).

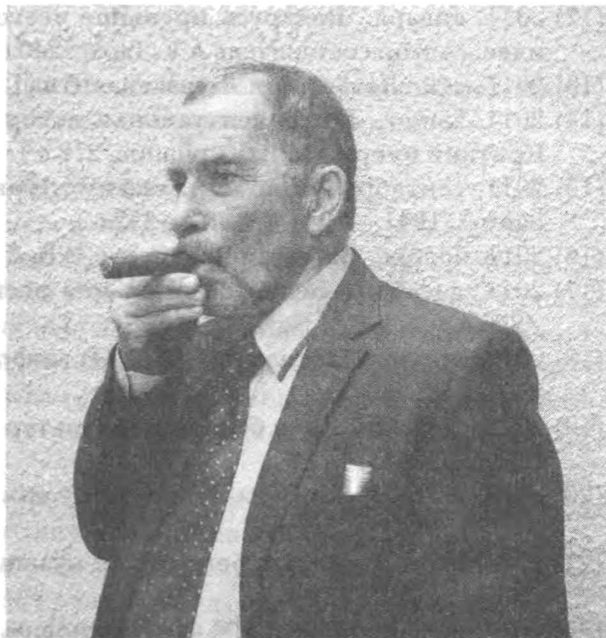
(2) 2008, сентябрь. **История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991.** (Автор-составитель А.Е. Тарас. 608 с.)

(3) 2009, январь. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.** (А.Е. Тарас. 800 с.).

(4) 2009, сентябрь. **Западный фронт РСФСР 1918–1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию.** (А.П. Грицкевич. 496 с.)

(5) 2009, октябрь. **Тайны беларуской истории.** (В.В. Деружинский. 560 с.).

(6) 2010, февраль. **Белорусы: От «тутэйшых» – к нации.** (Ю.В. Чернявская. 512 с.)

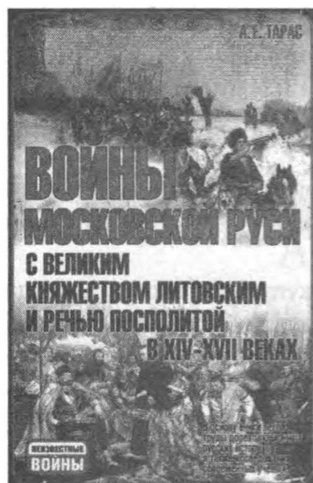


Анатоль Тарас (Вильня, 28 сентября 2014 г.

(7) 2010, май. **Грюнвальд, 15 июля 1410 года.** (А.Е. Тарас. 160 с.)

(8) 2010, июнь. **Костёл в нашей жизни.** (А.Е. Тарас. 192 с.)

(9) 2010, сентябрь. **Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века.** (Автор-составитель А.Е. Тарас. 544 с.)



(10) сентябрь. **Гісторыя беларускай музычнай культуры ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя: Храналогія і іканаграфія.** (Зм. Сасноўскі. 416 с.)

(11) 2011, январь. **Беларусь мяцежная: З гісторыі антысавецкага ўзброенага супраціву 1920-х гг.** (Н. Стужынская. 384 с.)

(12) 2011, январь. **Беларусь превыше всего: О национальной беларуской идее.** (Автор-составитель А.Е. Тарас. 240 с.)

(13) 2011, май. **Летапісная Літва: сваяцтва і лёс.** (І. Ласкоў. 288 с.)

(14) 2011, август. **Интеллектуальная история беларуского национализма: Краткий очерк.** (М.В. Кирчанов. 212 с.)

(15) 2011, сентябрь. **Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны. 1941 — 1944.** (Л. Лыч. 332 с.)

(16) 2011, ноябрь. **Забытая Беларусь.** (В.В. Деружинский. 496 с.)

(17) 2011, декабрь. **Беларусь превыше всего.** (2-е изд., переработ. и доп.) /256 с./

(18) 2012, январь. **Партизаны СССР: От мифов к реальности.** (С.С. Захаревич. 360 с.)

(19) 2012, февраль. **Доля беларускае культуры пад Саветамі. 1920–1991 гг.** (В. Седура. 336 с.)

(20) 2012, март. **Музыка на Беларусі. Ад архаікі да сучаснасці.** (Р. Абрамчук. 144 с.)

(21) 2012, март. **Гісторыя беларускай музычнай культуры XIX — XX ст.** (Зм. Сасноўскі. 336 с..)

(22) 2012, май. **В когтях ГПУ.** (Ф. Олехнович. 320 с.)

(23) 2012, июнь. **1812 год — трагедия Беларуси.** (А.Е. Тарас. 248 с.)

(24) 2012, август. **Вялікі беларус Леў Сапега.** (Сборник. 272 с.)

(25) 2012, август. **Первые Советы: Волковысчина, сентябрь 1939 — июнь 1941** (Н.И. Быховцев. 372 с.)

(26) 2012, декабрь. **Литовско-Русское государство в XIII–XVI вв.** (А.Е. Пресняков. 296 с.)

(27) 2012, декабрь. **По следам литвы.** (Зд. Ситько. 248 с.)

(28) 2013, июль. **Люблинская уния 1569 г.** (И.И. Лаппо. 224 с.)
(29) 2013, август. **Мифы о Беларуси.** (В.В. Деружинский. 336 с..)
(30) 2013, сентябрь. **Краткий курс истории Беларуси. IX–XXI вв.** (А.Е. Тарас. 544 с.)
(31) 2013, октябрь. **Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе.** (О.И. Усачев. 368 с.)
(32) 2014, январь. **Нябышына: Акупацыя вачыма падлетка.** (І. Копыл. 288 с.)
(33) 2014, февраль. **Літва і Жамойдзь: Розныя краіны і народы.** (В. Пануцэвіч, 288 с.).
(34) 2014, май. **Орша, 8 сентября 1514 года.** (А.Е. Тарас. 160 с., 100 ил.)
(35) 2014, май. **Геркулес, Руды і Пярун: Радзівілы-пераможцы.** (В. Чаропка. 320 с.).
(36) 2014, июнь. **Шедевры нашей старины.** (И.М. Шумская. 208 с.)
(37) 2014, июнь. **Советские партизаны: Мифы и реальность.** (М.Н. Пинчук. 392 с.)
(38) 2014. **Героі паўстання 1863 года.** (В. Чаропка)
(39) 2014. **Язычніцтва старажытных беларусаў.** (Л. Дучыц, І. Клімковіч. 368 с.)

Большинство указанных здесь книг переиздавалось по два, три и даже по четыре раза!

Готовятся к печати

(40) Очерк истории Кривицких и Дреговицких земель (М. Довнар-Запольский)
(41) 2014. Всеслав Чародей, князь Великого Полоцка (С. Тарасов)

2. Исторический альманах «Деды»

После окончания Второй мировой войны в странах Западной Европы и Северной Америки оказалось много эмигрантов из Беларуси. Среди них преобладали люди, которые во время войны участвовали в беларуском национально-культурном движении (Беларуская народная самапомач, Саюз беларускай моладзі) либо служили в беларуских военизированных организациях (Беларускі корпус самааховы, Беларуская краёвая абарона). Все они успели перед войной на собственном опыте познакомиться с «прелестями» коммунистического режима и ненавидели большевиков.

Интеллигенция беларуской эмиграции в декабре 1951 года основала в Нью-Йорке общественную научно-культурную организацию БІНІМ (Беларускі інстытут навукі і мастацтва). Он имел филиалы в Мюнхене (Германия) – с 1955 и в Торонто (Канада) – с 1967 года. Институт издавал ряд периодик, самый известный среди которых – ежегодник «Запісы БІНІМ» (печатается с 1952 г.).

Формально Институт существует до сих пор, но реальность такова, что по мере вымирания «первой волны» эмиграции его деятельность практически прекратилась. Даже «Запісы БІНІМ» уже давно готовят граждане РБ (супруги Гордиенко), постоянно проживающие в Минске. Здесь же его и печатают.

Познакомившись с выпусками «Запісаў» за разные годы, А.Т. решил издавать по примеру этого альманаха свой дайджест «Деды». Первый выпуск «Дедов» появился на минских прилавках в мае 2009 года. Тираж 144-страничного альманаха

составил 150 экземпляров. За четыре с половиной года, без всякой рекламы и пропагандистских акций (не было ни одной презентации), исключительно за счет собственных достоинств, тираж альманаха увеличился в 20 раз. В январе 2014 года вышел из печати 13-й выпуск: объем — 320 страниц, тираж 3 тысячи экземпляров!

Издание дайджеста «Деды»

2009, май. Выпуск 1 /144 с./ Тираж 150 экз.
2009, сентябрь. Выпуск 2 /200 с./ Тираж 150 экз.
2010, март. Выпуск 3 /200 с./ Тираж 150 экз.
2010, октябрь. Выпуск 4/200 с./ Тираж 150 экз.
2010, декабрь. Выпуск 5 /200 с./ Тираж 350 экз.
2011, апрель. Выпуск 6 /336 с./ Тираж 1 тыс. экз.
2011, сентябрь. Выпуск 7 /256 с./ Тираж 1 тыс. экз.
2012, январь. Выпуск 8 /280 с./ Тираж 1 тыс. экз.
2012, апрель Выпуск 9 /280 с./ Тираж 1 тыс. экз.
2012, сентябрь. Выпуск 10 /304 с./ Тираж 1 тыс. экз.
2013, март. Выпуск 11 /328 с./ Тираж 2 тыс. экз.
2013, август. Выпуск 12 /272 с./ Тираж 2 тыс. экз.
2014, январь. Спецвыпуск: репринт №№ 1–5 /944 с./ Тираж 1,5 тыс. экз.
2014, февраль. Выпуск 13 /320 с./ Тираж 3 тыс. экз.
2014, ноябрь. Выпуск 14 /320 с./ Тираж 3 тыс. экз.

Хочу отметить, что указанные здесь 14 выпусков альманаха «Деды» насчитывают в сумме 3640 страниц большого формата. В них размещено 1730 иллюстраций – рисунков, карт, фотографий.

Всю эту гигантскую работу (поиск опубликованных текстов, их перевод и редактирование, сочинение новых, а также подбор иллюстраций) А.Т. с первого дня и до сих пор выполняет в одиночку!

3. Серия «100 выдатных дзеяча беларускай культуры»

Читающей части публики хорошо известно, что время от времени у нас обсуждают вопрос о «беларуском Пантеоне». Имеется в виду составление списка беларусов, а также уроженцев Беларуси, вошедших в историю своими свершениями в различных сферах культуры, искусства, литературы, науки, общественной деятельности и т.д. Потратив некоторое время на бесплодное обсуждение такого списка с разными людьми, А.Т. решил самолично взяться за практическое решение вопроса. В результате в декабре 2012 года он издал первые три брошюры указанной серии. Благодаря настойчивости, целеустремленности, организаторским способностям А.Т. дело пошло. К данному моменту изданы 20 брошюр. Инициатор готовит к печати очередные пять. Он надеется завершить издание серии к своему 75-летию, т.е. в мае 2019 года.

Изданы:

2012, декабрь. **Міхаіл Андрыёлі: Беларускі мастак з Вільні** (Чаропка В.)
2012, декабрь. **Мітрафан Доўнар-Запольскі: Бацька беларускай гісторыяграфіі** (Тарас А.)
2012, декабрь. **Фларыян Ждановіч: Творца беларускага тэатра** (Мінскі А.)

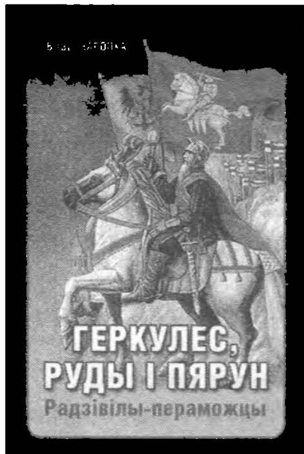
2013, май. **Карусь Каганец: Кроў з крыві беларуса** (Пашкевіч А.)
2013, май. **Мечыслаў Карловіч: Забыты беларускі геній** (Шумская І.)
2013, май. **Напалеон Орда: Беларускі мастак і музыка** (Чаропка В.)
2013, май. **Элаіза Пашкевіч: Цётка ўсіх беларусаў** (Марціновіч А.)
2013, август. **Ігнат Буйніцкі: З кагорты першапраходцаў** (Марціновіч А.)
2013, август. **Ул. Галубок: Першы народны артыст БССР** (Валахановіч А.)
2013, август. **Рыгор Шырма: З песняй праз усё жыццё** (Марціновіч А.)
2013, ноябрь. **Ігнат Канчэўскі: Шукальнік беларускага шляха** (Мінскі А.)
2013, ноябрь. **Вацлаў Ластоўскі: Вяшчун крывіцкай культуры** (Тарас А.)
2013, ноябрь. **Міхаіл Пташук: Зорка беларускага кіно** (Тамковіч А.)
2013, ноябрь. **Ул. Сыракомля: Лірнік зямлі беларускай** (Марціновіч А.)
2013, ноябрь. **Ян Чачот: Руплівы філамат** (Шумская І.)
2014, май. **Альгерд Абуховіч: Зачараваны беларускім словам** (Гучок Я.)
2014, май. **Яўхім Карскі: Бацька навуковага беларусазнаўства** (Дзятко Д.)
2014, май. **Юры Тарыч: Заснавальнік беларускага кіно** (Лапо А.)
2014, май. **Аляксандар Цвікевіч: Выдатны публіцыст і гісторык** (Ліс А.)
2014, май. **Вандалін Шукевіч: Славуты беларускі археолаг** (Лаўрэш Л.)

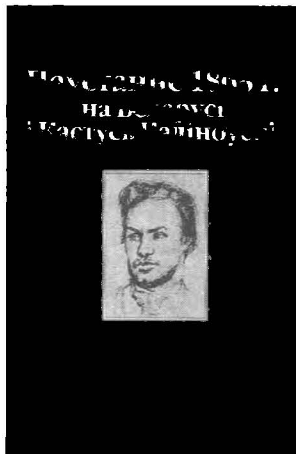
Готовятся тексты:

Мікола Ермаловіч: Той, хто вярнуў нам гісторыю (Астапенка А.)
Антон Жэбрак: Бацька беларускай генетыкі (Мялік А.)
Іван Насовіч: Збіральнік народнага слова (Шахоўская С.)
Казімір Малевіч: Прарок сучаснага мастацтва (Міронава Л.)
Тэадор Нарбут: Зачараваны старажытнай Літвой (Ненадавец А.)

4. Институт беларуской истории и культуры

По мере реализации проектов «Неизвестная история» и «Деды» вокруг А.Т. постепенно образовался круг единомышленников. На каком-то этапе стало ясно, что этому «кругу» нужен официальный статус. Как и в случае с альманахом «Деды», примером для А.Т. послужил БІНІМ – Беларускі інстытут навукі і мастацтва. Так возникла идея Института беларуской истории и культуры (ИБИК).





Поскольку А.Т. не привык тратить время на пустую болтовню, постольку «шыльда» появилась незамедлительно. Новая организация (ІБГіК) получила официальную регистрацию в Латвии 28 марта 2012 года.

В настоящее время ИБИК (ІБГіК) ведет работу по следующим восьми направлениям (проектам):

(1) Издание книг в серии «Неизвестная история». К данному моменту в серии изданы 32 книги, посвященные истории Беларуси.

(2) Издание исторического альманаха «Деды». По состоянию на 1 июня 2014 года изданы 13 выпусков.

(3) Издание серии брошюр «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры XIX – XX стст». Уже изданы 20 брошюр.

(4) Поддержание в Интернете трех информационных сайтов (Інстытут беларускай гісторыі і культуры, Belarus Security Blog, Aljans.by).

(5) Обсуждение вопросов беларуской истории и культуры с общественностью. Например, в 2013 году состоялись встречи профессора А.Е. Тараса и директора ИБИК В.А. Евмененко с представителями общественности в Солигорске, Вилейке, Слуцке, Рогачёве, Могилёве, Гродно, Витебске, Жодино.

(6) Проведение научно-практических конференций по проблемам истории, культуры, ментальности беларусов. За 18 месяцев Институт провел 6 конференций (с изданием сборников материалов):

– Проблемы современной беларуской идеологии (3 ноября 2012 г.)

– Паўстанне 1863 г. і Кастусь Каліноўскі (23 сакавіка 2013 г.)

– Праблемы гуманітарнай бяспекі Беларусі (27 красавіка 2013 г.)

– Трансфармацыі ментальнасці беларускай нацыі ў XXI стагоддзі (24 лістапада 2013 г.)

– 1863 год: паўстанне або шляхецкая рэвалюцыя? (21 снежня 2013 г.)

– Аршанская перамога 1514 года (6 верасня 2014 г.)

(7) Руководство деятельностью Общества любителей беларуской истории (Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага – ТАБГ), созданного в январе 2013 г. Изданы три выпуска «Запісаў ТАБГ ім. Ластоўскага», на октябрь запланировано издание четвертого.

(8) Присуждение премий имени Вацлава Ластовского за достижения в области популяризации истории Беларуси.

***

Все это, вместе взятое, Анатоль Тарас считает главным делом своей жизни. Пожелаем же юбиляру новых свершений на пути служения Отечеству!

«Я НЕ СКЛОНЕН К ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ...»

В канун своего 70-летия писатель и историк Анатолий Тарас рассказал корреспонденту газеты «Салідарнасць», почему стал убежденным антисоветчиком, как зарплата в 112 рублей привела его к изучению белорусской истории и почему он работает даже 31 декабря.

Анастасия Зеленкова

— Наверное, такой неординарный человек обязательно должен был родиться в семье творческих родителей?

— Мои родители познакомились на фронте. Мать тогда была инструктором обкома воронежского комсомола. Ее командировали в разведывательный отдел штаба 2-го Белорусского фронта, где мой отец был заместителем начальника этого самого отдела. То есть мама поступила к нему в подчинение. И как мы когда-то пели в одной шуточной песне: «Ножки одной комсомолки увидел наметанный глаз»... Они поженились в ноябре 1942-го. Отцу было 32, а маме 24.

Я появился на свет 24 мая 1944 года. В Минск меня привезли буквально через неделю после его освобождения, в июле. Я тутэйшы до мозга костей, ведь мои отец, дед и прадед был коренные минчуки.

— А как протекала жизнь семьи после войны?

— Сначала отца послали в Гродно поднимать техническую базу агитации и пропаганды. Он разбирался в типографском деле, поэтому его назначили начальником типографии. Это ж была у большевиков задача номер один — печатная пропаганда. Вот там он и работал, горел на работе. Мама тоже горела на работе.

А меня воспитывала тетенька, которая досталась родителям вместе с домом. Дело в том, что отцу отдали особняк какого-то богатого поляка, который куда-то сбежал. А эта женщина была при доме. Она фактически стала моей гувернанткой. Она говорила со мной исключительно по-польски, потому что других языков не знала. И крестила в католичество — естественно, тайно от родителей. Когда они узнали, их чуть кондрашка не хватил: ведь мать — член партии!

Мне было года три, когда родители вдруг обнаружили, что ребенок их не понимает, и сам лопочет на непонятном языке. Тетеньку срочно прогнали. Так что первым моим языком был польский. Что никак не отразилось на моей последующей жизни.

В 1948 году родители вернулись в Минск. А в 1956-м отец взял ссуду и построил этот дом, в котором я сейчас живу. Вот уже 58 лет, за исключением временных отъездов — службы в армии, учебы в аспирантуре в Москве и т.д.

— Неужели никогда не возникало желания покинуть родительский дом или вообще страну?

— Я привык жить здесь. Люблю свою родину. Я это понял, когда в начале 90-х

в связи с известными событиями и всеобщим смятением в умах возникла мысль уехать куда-нибудь «за бугор» – благо, границы открылись. И я стал предпринимать определенные действия. Но с изумлением обнаружил, что нигде, кроме родной страны, родного города и родного дома, хорошо себя не чувствую. Вопрос об отъезде отпал навсегда. Тут я родился, тут я живу, тут меня похоронят. Вот такая у меня жизненная программа!

– Что-то в вашей биографии не вяжется с последующей деятельностью. С такими идеологически правильными родителями вы должны были быть до мозга костей советским, а не писать книжки вроде «Научного антикоммунизма»...

– А я и был довольно долго до мозга костей советским человеком. Иногда даже думал, что могу отдать жизнь за советскую родину...

Но, с другой стороны, я рос под влиянием своего старшего брата Валентина (известный писатель Валентин Тарас – сын Ефима Николаевича Тараса от первой жены). А он, как почти вся творческая интеллигенция, позволял себе в кругу дружеском и творческом критически относиться к советской власти. И я, будучи его моложе на 14 лет, с оттопыренными ушами слушал эти умные разговоры.

К тому же я очень много читал. Все детство, юность прошли за книжками, что дало массу знаний в самых разных областях, поскольку я с юности любил научно-популярную литературу, а не художественную.

И, в-третьих, решающую роль сыграла военная служба. Армия – это миниатюрная модель общества, где все общественные отношения обнажены до предела. К тому же мне доводилось принимать участие в целом ряде мероприятий, которые показывали истинную суть советской власти. Так что из советской армии я вернулся убежденным антисоветчиком – вот такой получился парадокс.

– И каково в советском обществе было жить с антисоветскими взглядами?

– Я никогда своих взглядов особо не скрывал, но, надо сказать, и не афишировал, на рожон не лез. Конечно, мне могло не повезти, как тем людям, которые ни за что ни про что попадали в жернова системы, которые их ломали, и все это кончалось очень печально, а то и трагически. Мне просто повезло, что не попал никому на зуб.

К тому же семья моя с этой точки зрения была совершенно благополучная – ни со стороны отца, ни со стороны матери никто никогда не был жертвою никаких политических репрессий, никого не раскулачивали, не сажали, не высылали.

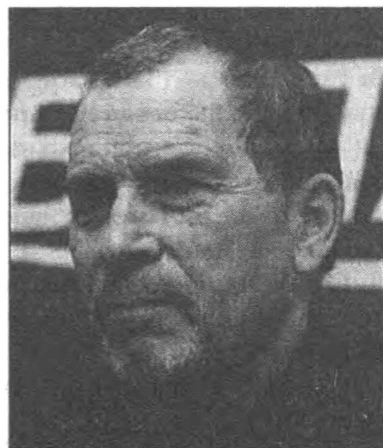
Мама сделала успешную карьеру – она много лет до выхода на пенсию была ученым секретарем НИИ мелиорации и водных проблем АН БССР. Это был всесоюзный институт первой категории, где работали даже бывшие министры СССР. Там же много лет она была секретарем партийной организации.

Отец хоть был и беспартийный, но тоже много лет советской власти служил – сначала в погонах, потом без погон. У них были свои взгляды. Мать всегда на праздники вывешивала красный флаг.

Однако воспитанием детей они не занимались по причине полного отсутствия времени. Вот мы и росли – трое мальчишек – под влиянием среды общения, школы, кино, книжек... Они нас воспитывали, не родители.

– А кем мечтали стать в детстве?

– Часто говорят, что человек с детства мечтал стать летчиком, врачом, космонавтом или просто чего-то добиться. У меня таких мечтаний никогда не было. Наверное, потому, что я рос в благополучной морально и материально (отец и мать хорошо зарабатывали) обстановке. У меня было все, что я хотел. Только в армии я с удивлением узнал, что некоторые ребята до службы голодали. Мне кажется, очень сильно хотят добиться чего-то люди в чем-то ущемленные, обделенные. А мне всегда всего хватало.



А. Тарас (весна 2014 г.)

– А как выбрали себе профессию?

– После армии решил, что надо все же получить высшее образование. Стал выбирать, куда поступить? Я хотел, чтобы это было в Минске и чтобы там не было математики – с алгеброй у меня в школе были большие проблемы. С учетом того, что я интересовался тогда йогой и – соответственно – индийской философией, решил поступать на философское отделение истфака. Каков же был мой ужас, когда, поступив, узнал, что там есть математика! Это был удар ниже пояса. Но как-то сдал.

А вообще учиться было интересно. Если не считать курса марксистско-ленинской философии, которая сама по себе муть голубая, да еще и умноженная на малоталантливых преподавателей... Но было много других интересных предметов. Поэтому ни капельки не жалею, что туда поступил. Это было философское отделение исторического факультета.

Меня часто упрекают, что у меня нет исторического образования. Смею разочаровать злопыхателей – есть. Другое дело, что, несмотря на это, я сам говорю о себе, что не историк, а писатель, пишущий на исторические темы.

А между тем я учился у такого зубра, как Лаврентий Абецедарский. Кстати, у меня с ним был забавный случай: я сидел на его лекции и читал книжку Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Не потому, что восхищался Лениным, просто на следующей паре был семинар, я к нему готовился. Абецедарский подкрался, схватил книжку. Уже открыл рот и хотел что-то гневное сказать студенту, который позволяет себе не слушать гениального преподавателя, но тут же осекся... Ленин... Воцарилась тишина, все с интересом ждали, что он скажет. В итоге Абецедарский промолвил: «Я очень-очень уважаю автора этой книги, но на моих лекциях все-таки нужно слушать меня. Выйдите за дверь!»

Будучи наслышанным о его бурном нраве, думал, что экзамен ему я не сдам. Но ничего подобного. Сдал с первого захода на пять баллов...

Надо признать, что лекции он читал интересно. Это я сейчас могу оценивать критически их суть. А тогда мы ничего не знали об истории, поэтому слушали Абецедарского, открыв рот.

– С той поры и начали увлекаться историей?

– Нет. Я ее просто изучал в качестве одного из предметов. Кроме Абецедарского, были ведь и другие преподаватели – Савочкин, Игнатенко, Царюк, еще кто-то, кого уже не помню... И сам я всегда чем-то увлекался. Интересовался историей мореплавания, военным делом, восточной философией... Всякий раз целеустремленно, энергично, до тех пор, пока не надоедало. После чего ставил точку и никогда не возвращался назад. У меня появлялось новое увлечение...

Ну и, естественно, большое место в моей жизни занимали девушки. На них я потратил много времени, изобретательности и сил. Скажем так: мы взаимно любили друг друга.

– Но все же остановили свой выбор на одной...

– Я был молод, неплохо выглядел, был спортивным, с подвешенным языком, девушки охотно уделяли мне внимание, а я им. Но наступил период, когда мне это все надоело. Именно надоело. И я решил: а чего собственно тратить на них столько времени?

Совершенно осознанно решил, что пора жениться. А когда это осознал, то не прошло и года, как свершилось. Поехал в командировку в Оршу, познакомился с девушкой Лидой – молодой учительницей, мы с ней стремительно стали влюбляться друг в друга и через полгода после знакомства поженились. Мне было 28, ей 21.

А дальше все, как у всех: через год появился сын. Я работал, кормил семью, жена сидела с ребенком. Денег катастрофически не хватало. На тот момент я работал в НИИ педагогики министерства просвещения. Моя зарплата составляла, как сейчас помню, 112 рублей 50 копеек.

Поэтому начал писать статьи в газеты и журналы – за них платили. Параллельно читал лекции. В трех институтах усовершенствования учителей (городском, областном, республиканском), в пединституте, в обществе знаний... Я читал все на свете. Если у меня спрашивали: вы можете читать по такому-то предмету, не задумываясь отвечал: да, могу. И тут же начинал стремительно осваивать новый для себя предмет.

– То есть безденежье стало стимулом, чтобы заняться в итоге написанием книг?

– В общем, да. Именно необходимость заставляет человека превосходить себя вчерашнего.

За те 17 лет, что работал в НИИ педагогики, я получил ученую степень кандидата наук, ученое звание старшего научного сотрудника, но самое главное – научился писать.

За это время у меня выработались определенные навыки. Я работаю с информацией профессионально. Говоря условно, осваиваю любую информацию, перерабатываю и выдаю продукт быстрее среднего нашего интеллигента, навер-

ное, раз в 10. И это не потому, что такой способный. Я этому учился совершенно сознательно, целеустремленно, и сейчас тоже продолжаю учиться.

Как выяснилось позже, все это нужно было для того, чтобы заняться белорусской историей. Начать изучать (университетские знания во внимание не беру, поскольку изучал историю с советских позиций) и рассказывать ее другим в виде книг.

Но сейчас я уже иду дальше. Думаю, что с этой осени займусь общей историей. Готовлю книжку по древнейшей истории человечества, готовлю книгу об альтернативной истории Руси и Московии. Планов у меня много, для их реализации надо прожить еще как минимум 20 лет.

— Думаю, многие все равно не поверят, что такое количество книг смог написать один человек. Может, все же прячете парочку литературных негров в подвале своего дома?

— Да у меня и подвала-то нет. Просто люди, которые так говорят, судят по себе. Многие не способны плодотворно трудиться в той области, которую они избрали. Они не творцы. Такие люди не понимают, как этот человек может писать книгу за книгой?

А я говорю, что для этого нужно иметь прежде всего желание. Не хочешь — не сделаешь.

Во-вторых, нужно иметь стимулы. Эти стимулы я называю препятствиями. Таких, как я, препятствия стимулируют, в отличие от слабых людей, которые сразу же отказываются от начатого. Именно поэтому ценю тех, кто на меня наезжает — они меня стимулируют.

В-третьих, нужно иметь хоть какие-то способности, и Господь мне их дал.

В-четвертых, нужно иметь соответствующую подготовку, о которой я уже говорил.

И пятое — нужно не лениться. К сожалению, многие интеллигенты относятся к работе чисто по-советски — с 9 до 18 с перерывом на обед. А я работаю в среднем 10 часов ежедневно. Без выходных, без праздников. Работаю и 31 декабря до обеда, и 1 января после обеда.

Но главное, что я работаю не потому, что меня заставляют. И не потому, что имею за это большие деньги. Денег, к сожалению, зарабатываю непропорционально мало по сравнению с объемом сделанной продукции. Работаю потому, что мне интересно. Ведь надо мной никто не стоит. Я пенсионер. Могу вообще ничего не делать, кроме выращивания редиски.

Если же у тебя нет интереса, если ты ленивый и все время мечтаешь об отдыхе и об отпуске, конечно, ты не поверишь, что кто-то может так работать. Кстати, к сведению тех, кто упрекает меня, что я слишком много пишу, скажу, что у меня 15 псевдонимов. Так что на самом деле я пишу намного больше, чем известно завистникам. На сегодняшний день я автор или составитель-редактор-автор более чем 120 книг. Еще штук 250 чужих книг я отредактировал. Плюс к книжкам более 250 статей, предисловий, рецензий, рефератов...

— То есть вы трудоголик?

— Для меня это не труд, а интересное занятие, приносящее радость. Одно

дело, если тебя силой заставили копать глубокую яму, что противно и тяжело. А другое – если ты копаешь яму, чтобы закопать труп своего врага. Тогда ты копаешь ее быстро, с энтузиазмом. Это та же яма, той же глубины, но отношение к процессу совсем другое.

Меня раньше пугало, что я скоро перестану всем интересоваться и превращусь в замшелого мухомора. Но вижу, что нет, мне это не угрожает. У меня появляются все новые и новые интересы. В том числе не связанные с историей.

— А как вашей жене живется с человеком, который не отдыхает, да и редиску, как выяснилось, не сажает?

– У нас четко распределены роли. Жена занимается домашним хозяйством, я занимаюсь зарабатыванием денег. Пусть небольших, но на жизнь нам хватает. Так заведено давно. Практически с того момента, как появился второй ребенок. А это было 33 года назад.

— Надо сказать, выглядит ваша жена очень хорошо.

– Да, неплохо. Некоторые говорят, что это потому, что ей повезло с мужем (смеется).

— А детьми своими вы занимались? Ну, на футбол сводить, сказку рассказать...

– В отличие от своих родителей, я детям уделял много времени. На футбол не водил, поскольку к нему абсолютно равнодушен, но ходил с ними всюду, и книжки читал, и сказки рассказывал, и где надо контролировал. Смею думать, что все, что мог для них сделать, сделал. Вырастил, выучил, обеспечил и отправил в самостоятельное плавание.

— Кто-то из ваших сыновей пошел по стопам отца?

– Старший сын окончил исторический факультет БГУ. В отличие от меня он историк чистый. Что бы я ему ни говорил, он отвечает, что это уже знает. В том-то и разница. Ему это не интересно, а мне интересно. Сейчас он работает заведующим какой-то компьютерной лабораторией в БГУ.

А младший сын окончил Институт современных знаний. Работает в коммерции. Он оказался весьма способным коммерсантом.

Интерес к истории у них проявился в занятиях исторической реконструкцией. Они даже периодически снимаются в фильмах в качестве массовки. Хотя я считаю, что реконструкция – это для тех, кто в солдатиков в детстве не наигрался. Я вот как побегал в свое время с пулеметом по горам, сразу всю дурь из мозгов вычистило.

— Заметила, что вы никогда не упускаете возможности жестко ответить своему оппоненту. У вас вообще тяжелый характер?

– Я действительно не склонен к политкорректности и не отказываю себе в удовольствии позлить людей. Чистосердечно сознаюсь – есть у меня такой недостаток. А может, и достоинство. Человеку, который мне сильно не нравится,

я высказываю это, не скрывая своего неприятия, а то и презрения. Это, конечно, людей дико бесит, и в этом я виноват сам.

И еще имею привычку думать своей головой, поэтому во многих вещах не иду за общепринятым мнением. В первую очередь в историографии, политике и психологии. И это тоже провоцирует множество измышлений в мой адрес.

— Например?

— Чего только не говорят. И то, что я агент западных спецслужб. И то, что бывший полковник КГБ. Когда вышла моя книжка «Анатомия ненависти» стали говорить, что агент польских спецслужб. Потом была альтернативная версия, что я агент ФСБ, потому что русификатор, потому что пишу большей частью на русском языке. Говорили также, что я тайный советник Лукашенко. Кстати, эта версия сейчас стремительно набирает силу.

— Ну, тогда за наш суверенитет можно не беспокоиться...

— Честно говоря, меня это радует. Пишите и говорите обо мне что хотите, только не молчите. Другое дело, что некоторым деятелям даю отлуп. Жена каждый раз спрашивает, зачем тебе это надо? А я отвечаю: иначе жить скучно!

Но сам я живу в согласии с самим собой. Во всем, чем занимался, добился определенных результатов. Занимался наукой — получил ученые звания и сте-

Анатоль Тарас и поэт Генадь Буравкин

пени, опубликовал кучу научных статей; занимался популяризацией истории — создал общественную организацию под названием Институт белорусской истории и культуры, издал кучу книг, получил довольно широкую известность в обществе...

И еще, что всегда делало мою жизнь ярче — это некоторый элемент авантюризма. Не люблю, когда жизнь слишком пресная, однообразная. Авантюрный элемент подобен острой приправе. А мне нравится острая пища.

— В свои 70 вы отлично выглядите... Это благодаря спорту?

— Думаю, не в спорте дело. Хотя всю жизнь правильно питался, мало пил, курил еще меньше. Спорту посвятил 40 лет жизни, с 15 до 55 — сначала велогонки, был даже в юношеской сборной Минска, имел звание кандидата в мастера спорта, потом бегал на лыжах и без лыж, занимался силовыми упражнениями, боксом, борьбой, рукопашным боем... Разработал свою систему самообороны, которая получила очень широкую известность...

И сейчас стараюсь поддерживать форму: посещаю бассейн и сауну, иногда занимаюсь на тренажерах. Много хожу пешком, стараюсь не пользоваться лифтом.

Но все же думаю, что для оптимальной физической формы самое главное — психическое состояние. У меня на этот счет тоже есть своя теория (кстати, планирую написать книжку по этой теме). Так вот, я уверен, если у человека есть ради чего жить, есть стремление к чему-то, большой интерес, он живет ровно столько, сколько надо. А человек, который лишен такого порыва, существует столько, сколько определено традицией данного места и данного времени. И даже меньше, если он злоупотребляет алкоголем и куревом.

Если у человека есть цель, психика заставляет все функции организма работать на достижение этой цели. И он живет до тех пор, пока не исчерпает все биологические ресурсы своего тела. А такой момент, по статистике, наступает после 85 лет. Ницше сказал про это очень красиво: если человек знает «зачем», он преодолеет любое «как».

Я занимаюсь тем, что мне интересно, и завтра буду этим заниматься, и через год, и через 10 лет. И потому — живу как человек, а не как кролик, занятый исключительно поеданием и перевариванием продуктов!

ХРАНИТЕЛЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДОЛЖНО БЫТЬ САМО ОБЩЕСТВО!

Олег Кравцов взял интервью для журнала «Человек и закон» у А.Е. Тараса, ученого секретаря Института белорусской истории и культуры

(1) **Анатолий Ефимович, часто приходится слышать и читать упреки в адрес наших граждан, что они не знают своей истории, что у нас большие проблемы с состоянием культуры. И вдруг люди узнают, что существует негосударственная организация с громким названием «Институт белорусской истории и культуры»? Сразу возникают вопросы: кто стоит за этим проектом и зачем он нужен?**

Очень многие люди думают, что за историю и культуру, как и за все остальное, должно отвечать государство («трэба каб дзяржава»...). На мой взгляд, это принципиально неверный подход. Хранителем истории и культуры является само общество, точнее – оно должно быть таким хранителем. Например, мы можем сказать, что в нашем обществе маловато культуры и что народ плохо знает свою историю, а очень многие белорусы вообще не знают ее. Но неправильно считать, что в этом виновато только государство (хотя государство могло бы делать намного больше, я не спорю), ибо все исходит от народа.

Есть у нашего народа, точнее, у большинства его (90 %), желание знать свою историю и традиции национальной культуры? Как человек, занимающийся этим вопросом, могу сказать, что такое желание есть лишь у меньшинства!

Народ в своей массе не знает историю собственной страны именно из-за отсутствия желания знать. Из-за «активного отвержения» всего, что находится за пределами повседневных занятий. А вовсе не потому, что в этом направлении мало сделано. Например, научных и научно-популярных книг по истории и культуре Беларуси за последние 25 лет издано большое количество – умных, не очень умных, увлекательных, не очень увлекательных, но много. Читают люди эти книжки? Нет. Почему? Не хотят. Разве государство должно заставлять их читать? Нет, это не его функция.

Арабы когда-то называли христиан «ахл аль-китаб» – народ книги. Но белорусы в своей массе не читают никаких книг. Именно поэтому они не знают своей политической, военной, экономической и прочей истории, понятия не имеют о достижениях своих творцов в разных областях культуры (в литературе, живописи, скульптуре, музыке, архитектуре, науке и т.д.).

В плане общей культуры слишком многие белорусы просто дикари. Не случайно ни в одной стране Европы не сохранилось столько пережитков языческого мировоззрения, как у нас (вера в колдовство, в предсказания, в магическую силу объектов природы, в амулеты и обереги, в жертвоприношения и т.д. и т.п.).

И еще хочу заметить, что во всех развитых странах западного мира – в США и Германии, Франции и Италии, Бельгии и Швеции, Австрии и Чехии – нет ми-

нистерств культуры. Министерств культуры нет, а культура есть. Посмотрите, как там чтят свои традиции, как ухаживают за памятниками и берегут их, сколько проводят традиционных фестивалей и празднеств, как гордятся своими национальными костюмами, песнями, танцами, обычаями. Разве государство должно приказывать это делать? Нет, это должен делать сам народ.

И вот два с половиной года назад (в марте 2012) мы создали Институт белорусской истории и культуры. Эта общественная организация, главная цель которой – пробуждать интерес нашего народа к древней, богатой, разносторонней национальной истории и культуре, пропагандировать то и другое в меру наших сил и возможностей.

Кто за этим стоит? Поскольку организация общественная, естественно, она объединяет энтузиастов, которые ни в каких штатах не числятся и нигде зарплат не получают. Эти люди развивают те или иные проекты Института, работая бесплатно, за идею. Кто эти энтузиасты? Я – профессор Анатоль Тарас, инициатор создания Института и его научный секретарь. Виктор Евмененко – магистр экономики, директор Института. На нем лежат обязанности менеджера. Ирина Шумская – кандидат культурологии. Плюс еще четыре человека – «актив». Вот и вся структура.

(2) **Расскажите подробней о проектах, которые ведут эти энтузиасты.**

На сегодняшний день мы реализуем семь проектов.

Первое направление, с которого, собственно, все началось – издание книг в серии «Неизвестная история». Имеется в виду – неизвестная история Беларуси. Нельзя сказать, что история Беларуси вообще какая-то тайна, но большинство ее вопросов и проблем освещены недостаточно либо с позиций, неприемлемых для современной Беларуси.

Я имею в виду, в первую очередь, популярную литературу. Как уже сказано, есть немало серьезных научных исследований по многим историческим темам в виде научных монографий и статей на белорусском и на русском языках. Но широкая публика эти работы никогда не читала, не читает и читать не будет. А вот популярной литературы, написанной с национально-патриотических позиций, притом в увлекательной форме, у нас пока недостаточно.

Итак, всё началось с издания популярной литературы по вопросам истории. По мере выпуска книг сложился неформальный кружок единомышленников. В какой-то момент мы поняли, что нашу деятельность надо организовать структурно, пусть эта структура неформальная. Вообще, организация – сила! Еще Архимед говорил «дайте мне рычаг, и я переверну землю». Наш институт – в определенном смысле тоже рычаг.

(3) **Но ведь издательскую деятельность нужно финансировать. Откуда берутся средства на эту деятельность?**

Издание книг ведется на деньги, которые мы зарабатываем сами, или на деньги, которые нам иногда жертвуют такие же, как мы, энтузиасты.

(4) **Как рождаются книги ваших серий?**

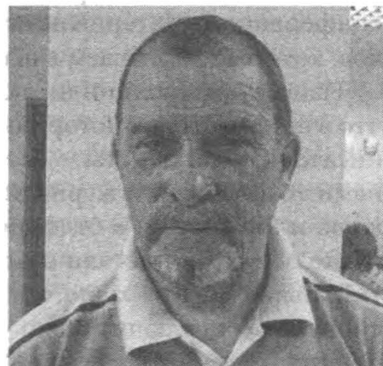
Процесс создания книги выглядит следующим образом. В одних случаях авторы сами предлагают интересные темы. В других случаях мы решаем рассмот-

реть какую-то тему и тогда ищем к ней автора. Когда есть тема и есть автор, рано или поздно появляется текст. Мы предлагаем его в то или иное издательство. Если издательство соглашается – оно издает книжку за свой счет. На этом наша задача выполнена.

Если же заинтересованное издательство не находится, а такое бывает довольно часто, то мы, проявив чудеса смекалки и предприимчивости, находим человека, который, тяжело вздохнув, дает нужную сумму. Или, как я уже сказал, издаем книжку за свой счет. Если деньги наши собственные или пожертвованные, то тираж ограниченный – 150, 200, 300, максимум 400 или 500 экземпляров. Нижний предел был при издании книжки Леонида Лыча о судьбе белорусской культуры во время второй мировой войны. Ее тираж 50 экземпляров.

(5) **В чем же ценность книги, которая вышла таким маленьким тиражом?**

Главная ценность вышедшей книги в том, что она вышла. Теперь она находится в основных библиотеках Беларуси – Национальной, Академии Наук, она существует в виде компьютерного оригинал-макета, ее можно переиздать в любой момент.



Второе направление деятельности Института – издание альманаха «Деды». Его полное название – дайджест публикаций о белорусской истории «Деды». Это периодическое издание на русском языке предназначено для широкого круга читателей. Альманах достаточно популярен, он продается по всей Беларуси в книжно-журнальных отделах супермаркетов. Авторы статей альманаха не получают никаких гонораров, а я, как его редактор, получаю в качестве гонорара 150 экземпляров, которые самостоятельно сдаю на комиссию в пару книжных магазинов.

Третье направление – издание брошюр в серии «Сто выдатных дзеячаў беларускай культуры». Тираж каждой – 1500 экземпляров. В настоящий момент изданы 20 брошюр. Готовятся к печати следующие пять.

Задумка серии – популяризация именно деятелей культуры. А если деятель культуры одновременно был политиком (как, например, Александр Цвикевич, который несколько лет являлся премьер-министром правительства БНР в эмиграции), то его политическая деятельность в брошюре не рассматривается. Это потому, что политика людей разделяет, а культура – объединяет. Раз мы белорусы, то и культура у нас белорусская, не польская, не русская, не еврейская, не литовская.

План издания такой серии был вызван тем фактом, что наш народ, как уже сказано, практически не знает деятелей своей культуры. На слуху только несколько основных фигур масштаба Янки Купалы и Якуба Коласа, а про остальных широкая публика не имеет ни малейшего представления. Называешь, к примеру, философа Игната Канчевского, художника Михала Андриоли, режиссера Флориана Ждановича, историка Довнара-Запольского, этнографа Николая Янчука и слышишь в ответ – а кто это?

Добавлю, что речь идет о деятелях культуры XIX–XX веков. Кирилла Туровского или Евфросинии Полоцкой в этой серии не будет. Почему? Да потому, что только с XIX века можно говорить о белорусах в современном смысле слова. До этого рубежа мы можем говорить о предках белорусов – литвинах и русинах. Точно так же, как до XVIII века неправомерно говорить о русских, а можно говорить об их предках-московитах, то есть о конгломерате финно-угорских и тюркских народностей.

И еще: слишком часто наши граждане по невежеству отдают выдающихся белорусских деятелей соседним народам: мол, Адам Мицкевич, Владислав Сырокомля и Станислав Монюшка – поляки, Ефим Карский, Николай Щекотихин и Владимир Мулявин – русские, Казимир Малевич – украинец, Теодор Нарбут – литовец и т.д. Нет, все они – деятели именно белорусской культуры. Развенчание ложных взглядов – тоже задача этой серии.

(6) **А что вы еще делаете, кроме издания книг брошюр, альманаха?**

Каждые один – два квартала проводим научно-практические конференции.

Это – *четвертое направление.* За 20 месяцев (с ноября 2012) состоялись пять конференций. Материалы конференций обязательно публикуем в виде сборников, которые рассылаем в основные библиотеки республики.

Наши конференции по любому вопросу – междисциплинарные. Это значит, что в них участвуют историки, политологи, культурологи, социологи, краеведы, писатели, журналисты – все, кто хочет внести вклад в раскрытие выбранной нами темы. Гости и журналисты отмечают, что наши конференции проходят живо и интересно, в отличие от сугубо научных конференций, на которых занудно обсуждают детали различных событий, но «в упор» не видят самих событий. Выражаясь образно, нас интересует «лес в целом», тогда как узких профессионалов – исключительно «отдельные деревья в этом лесу». Научные конференции, конечно же, нужны, но только самим ученым. А для нас самое главное – чтобы народ узнавал о результатах и выводах научных изысканий.

Кстати, 6 сентября Институт провел шестую по счету конференцию. Она была посвящена 500-летию победы наших предков под Оршей над войсками московских захватчиков. Сборник ее материалов, который я сейчас готовлю к печати, представляет немалый научный интерес.

Пятое направление – интернет-сайты. Сейчас их уже четыре. Во-первых, сайт самого Института (http://inbelhist.org). Этот информационный сайт обновляется почти каждый день и содержит материалы по истории и культуре Беларуси.

Во-вторых, аналитический сайт Belarus Security Blog (http://www.bsblog.info) специализируется на анализе текущей ситуации в области национальной безопасности республики. Он обновляется еженедельно и содержит много информации, связанной с текущим положением дел.

Третий сайт (http://aljans.by) – публикует как исторические материалы, так и текущие новости. Только что начал работу четвертый сайт, связанный с белорусским краеведением.

Шестое направление – выездные встречи с общественностью. Встречи проводятся регулярно в разных городах и регионах нашей страны. Например, 9 июля ездили в Оршу. Темой встречи было 500-летие знаменитой битвы.

Седьмое направление – деятельность нашей дочерней организации – «Менскага гарадскога Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага». Оргкомитет этой организации существует около полутора лет. От имени оргкомитета «Таварыства» издается небольшим тиражом альманах, каждый выпуск которого посвящен какой-то одной теме. Этой осенью учредительные документы «Таварыства» подадим в Министерство юстиции для регистрации. Идея «Таварыства» – объединить для начала краеведов Минска и Минского района. Дальше будет видно.

От имени оргкомитета «Таварыства» в этом году присуждалась премия имени Вацлава Ластовского за выдающийся вклад в сохранение культурно-исторического наследия Беларуси. Премию вручили Антону Остаповичу – председателю «Белорусского общества охраны памятников истории и культуры». Разумеется, премия символическая – значок, внешне напоминающий орден, диплом на хорошей цветной бумаге и подарочный экземпляр книги Владимира Орлова о белорусской истории.

(7) Да, работы много, а людей у вас мало. Расскажите, с какими организациями и учреждениями вы сотрудничаете? Кто вам помогает?

Работы действительно много и наш Институт готов к сотрудничеству со всеми заинтересованными лицами. Но, по правде сказать, эти лица, равно как и организации, не рвутся сотрудничать с нами. Причин, я думаю, несколько.

Одна из них, на мой взгляд, заключается в том, что белорусы по своей природе ярко выраженные индивидуалисты. Эта черта ментальности берет начало в крестьянском и шляхетском прошлом. Одни сидели на своих хуторах, другие в своих фольварках или застенках. Те и другие твердо знали, что они самые умные и «крутые», даже если у них кроме косы или ржавой сабли ничего больше не было.

Вторая причина вытекает из первой. Каждый такой индивидуалист уверен в том, что лично он – если захочет – способен делать то же самое, что и мы, намного лучше. Потому что он, в отличие от нас, имеет «знак качества». Вот только этим умникам почему-то никогда не хочется бесплатно заниматься повседневной работой.

Поэтому рассчитывать приходится в основном на самих себя. Нам никто не помогает. Правда, и не мешает, что тоже неплохо.

(8) А откуда уверенность в том, что ваша деятельность людям нужна? Есть ли обратная связь с общественностью, ради которой столько труда?

Хороший вопрос. Обычно человек, который начинает чем-то заниматься, почему-то уверен, что это кому-то нужно. Мы тоже были уверены в том, что это кому-то нужно. Откуда рождалась уверенность? Прежде всего, на основе издательской деятельности.

Я знаю, что книги, которые мы выпускаем, востребованы. Почти все они были переизданы, некоторые дважды или трижды. Рекорд – моя книга «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках». Она издавалась 5 раз общим тиражом 15 тысяч экземпляров. Для «нечитающей» Беларуси результат почти фантастический.

Еще одна книга, вызвавшая огромный резонанс в обществе, – коллективная монография под моей редакцией «История имперских отношений: беларусы и русские, 1772–1991 гг.». Она вышла первым изданием в феврале 2010 года, затем последовали два переиздания. Общий тираж – около 6 тысяч экземпляров. Рецензии и отклики на нее лично я читал более чем на 80 сайтах, включая сайт Государственного департамента США!

Во-вторых, встречаемся с людьми. Те, кто приходит на встречи – слушают с большим интересом и задают массу вопросов. Ведь у определенного «сегмента» общества, пусть относительно небольшого, наша история и культура вызывает интерес – в отличие от основной масы «населения». Впрочем, такой интерес и не может быть всеобщим. В нашей стране девять с половиной миллионов жителей. Понятно, что одни люди интересуются в основном спортом – как зрелищем, например футболом и хоккеем. Другие – пивом под соленую рыбку или шашлыками под водку. Значительная часть молодежи одурманена компьютерными играми. И так далее, и тому подобное.

Но все же имеется контингент людей, как правило – образованных, которых интересует наша история, наша культура, они хотят знать то и другое поглубже. Социологи давно установили, что любознательная часть общества в европейских странах не превышает пяти процентов от численности всего населения. Вот это и есть наш контингент. Пять процентов от численности населения Беларуси – примерно 470 тысяч человек старше 18 лет. Вполне достаточно для того, чтобы деятельность ИБИК имела смысл.

(9) **Есть ли у вас недоброжелатели? Обходитесь ли вы без «палок в колеса»?**

«Палки в колеса» нам никто не вставляет – по той простой причине, что мы не лезем ни в политику, ни в «распил» финансовых средств (например, не претендуем на гранты комиссий Евросоюза, на субсидии агентства «Россотрудничество»).

Мы исходим из того, что история у нас тысячелетняя, тогда как политика – дело сиюминутное. То, что было важно в политике всего пять лет назад, сегодня уже никого не интересует. А вот то, что было тысячу лет назад в Полоцке или 500 лет назад под Оршей – интересно и сегодня. Мы работаем на вечность, тогда как «текущая политика» – это, говоря словами Библии, «суета сует и всяческая суета». Она нам глубоко неинтересна.

Что же касается высказывания оценок, то многие люди, которые пытаются (или раньше пытались) заниматься чем-то подобным, относятся к нашей деятельности весьма ревниво и нередко недоброжелательно. Правда, активность недоброжелателей проявляется, в основном, в распространении через интернет клеветнических измышлений и прямых оскорблений. На большее не способны.

(10) **Поддерживаете ли вы контакты с представителями государственной власти, с государственными структурами?**

Наша деятельность не является ни политической, ни коммерческой, законов мы не нарушаем, соответственно, и говорить с чиновниками нам не о чем.

(11) **А как же Министерство культуры, вы ведь на одной, так сказать, ниве работаете?**

Чисто теоретически мы могли бы сотрудничать с Министерством культуры. Но что оно может нам предложить? Реально – ничего. Так что с официальными органами у нас связи нет, но это даже хорошо. Чем меньше «внимания и заботы» со стороны официальных лиц – тем больше свободы.

(12) **Как Вы оцениваете эффективность своей деятельности и степень ее влияния на белорусское общество?**

Это вопрос, на который трудно дать однозначный ответ. Если посмотреть на то, с чего мы начинали и чего достигли – то успех колоссальный. Например, первый выпуск альманаха «Деды» имел тираж 150 экземпляров, в нем было 144 страницы, теперь его тираж 3000 экземпляров, а объем больше в два с половиной раза. Но, с другой стороны, население нашей страны – 9,5 миллиона человек или 3,125 млн семей. И что такое 3000 экземпляров для трех с лишним миллионов потенциальных потребителей?

Но главное для нас – циркуляция «озвученных» нами идей и концепций в информационном пространстве. Думаю, что с этой стороной деятельности Института (во многом благодаря интернету) дело обстоит неплохо. Я все чаще встречаюсь с тем фактом, что те или иные мысли, взгляды, концепции, впервые сформулированные на страницах наших изданий (или сайтов), повторяют официальные и общественные деятели Беларуси, в том числе самого высокого ранга, вплоть до Единственного Политика. Разумеется, без каких-либо ссылок на первоисточники.

(13) **В заключение нашей встречи, что вы пожелаете читателям?**

Я желаю всем помнить, что мы – белорусы и что у нас есть теперь свое государство, возродившееся из пепла после 220 лет исторического небытия. Но это государство пока не является национальным. Наша общая задача – сделать его таким. В меру своих сил и возможностей каждый белорус на своем месте должен содействовать решению этой задачи.

Я убежденный противник революций, переворотов и насильственных методов. Нам нужна плавная эволюция. Именно такой подход соответствует ментальности белорусов, отвергающих любые резкие перемены. Но и эволюция не происходит сама собой. Ее нужно «подталкивать» и направлять. Поэтому в меру своих сил и возможностей каждый белорус должен содействовать национальному делу, а не препятствовать ему, как часто это делается по невежеству, зависти или злобе.

Надо чаще вспоминать, что земная жизнь коротка и что на том свете бессмертную душу каждого человека оценят не по словам, а по его поступкам и по истинным мотивам этих поступков.

Восстание Калиновского как катализатор процесса формирования беларуской политической нации

Анатоль Тарас

В конце марта 2014 года в Лондоне состоялась конференция, посвященная национальному герою Беларуси К. Калиновскому. Ее официальное название таково: «Кастусь Калиновский и нациотворческий процесс в Беларуси». Конференцию задумали и провели две общественные организации: «Згуртаваньне беларусаў у Вялікай Брытаніі» и «Anglo-Belarusian Society». Она была приурочена к 60-летию Англо-беларуского общества.

Заседания конференции проходили на базе Лондонского университета (Charles Bell House, 67–73 Riding House Street).

С докладами выступили 13 человек. В том числе от Беларуси:

Анастасия Веселуха (учительница истории и географии СШ № 1, г.п. Зельва), Андрей Внучек (зав. отделом истории беларуской государственности Института истории НАН), Ирина Дубенецкая (профессор Летучего университета), Алексей Ластовский (старший научный сотрудник Института политических исследований «Политическая сфера»), Александр Радюк (зав. кафедрой беларуского и иностранных языков сельхозуниверситета, Гродно), Анатоль Тарас (ученый секретарь Института беларуской истории и культуры), Камилла Янушкевич (аспирантка Академии искусств, Минск).

Трое докладчиков представляли польские научные учреждения. Это Александр Смоленчук (Институт славянских исследований Польской Академии наук, Варшава); Александр Кравцевич (Школа гражданской администрации, Белосток); Дорота Михалюк (кафедра Восточной Европы университета имени Николая Коперника, Торунь).

Еще двое докладчиков приехали из Летувы: Владислав Иванов (преподаватель ЕГУ) и Дариус Сталюнас (Институт литовской истории).

Свой доклад представил профессор Школы славистики при Лондонском университете Арнольд Мак-Миллин (Arnold McMillin).

Вели заседания конференции Джим Дингли (Jim Dingley), профессор Лондонского университетского колледжа; Каролина Мацкевич, ассистент Хейтроп колледжа (Heythrop College) Лондонского университета; Ярослав Кривой, профессор университета West London, редактор «Journal of Belarusian Studies».

Участников и гостей конференции приветствовали бывший посол Великобритании в Беларуси и нынешний посол Летувы в Великобритании.

Конференция открылась в 18 часов 27 марта в Доме отцов-марианов общим молебном, который отслужил отец Александр (Надсон). Затем выступили с приветственными речами организаторы конференции и несколько ее участников.

Отец Александр провел экскурсию по Беларуской библиотеке и музею имени Фр. Скорины, расположенных в здании по соседству с Домом марианов.

Два следующих дня заняли выступления докладчиков, ответы на вопросы и дискуссии. Все это происходило в аудиториях Лондонского университетского колледжа. Вот названия докладов (названия не вполне отражают их реальное содержание):

Веселуха: «Образ Калиновского в современной беларуской культурной традиции».

Внучек: «Как отмечали в БССР 120-летие со дня рождения Калиновского».

Дубенецкая: «Кастусь и Беларусь: создание образа истинного героя и нациостроительство».

Иванов: «Роль староверов Беларуси в восстании 1863–64 гг.»

Кравцевич: «Калиновский в беларуском пантеоне».

Ластовский: «Калиновский в коллективной памяти жителей Беларуси: результаты социологического исследования».

Мак-Миллин: «Упоминания о Калиновском и его судьбе в

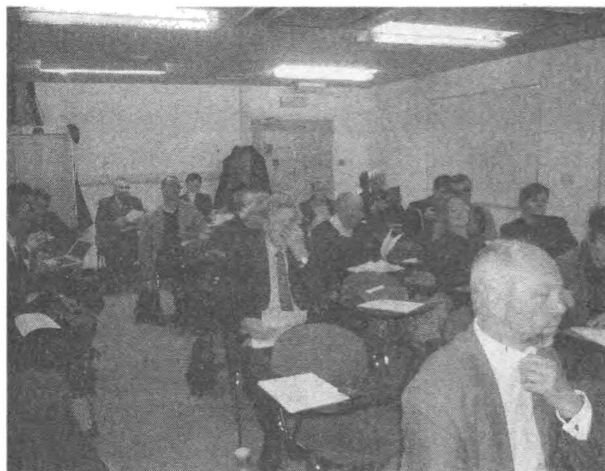
Дом отцов-марианов

Открытие конференции

Джим Дингли и Каролина Мацкевич

В библиотеке имени Фр. Скорины

Отец Александр (Надсон) показывает раритет



Участники конференции

творчестве молодых беларуских поэтов».

Михалюк: «Нелегальные газеты, издаваемые Калиновским в Польше в 1863–64 гг.».

Радюк: «Проблемные вопросы изучения восстания 1863 г. в контексте революционной активности Калиновского».

Смоленчук: «К. Калиновский и беларуская идея: проблемы исследования».

Сталюнас: «Места памяти в Летуве, связанные с восстанием 1863 г. и Калиновским».

Тарас: «Калиновский и беларуская идентичность».

Янушкевич: «Восстание 1863–64 гг. в фотографиях».

***

Но основная дискуссия развернулась не вокруг личности К. Калиновского или восстания 1863 года, а совсем по другому вопросу. Его суть четко сформулировал модератор конференции профессор Джим Дингли, написав на доске лозунг:

> «История слишком серьезная вещь для того, чтобы ее можно было доверить историкам».

В самом деле, авторы ряда докладов (А. Внучек, С. Иванов, А. Кравцевич, А. Смоленчук, Д. Сталюнас, Д. Михалюк) сосредоточились на мелких исторических деталях. Например, таких: возможно ли, что автором 7-го номера «Мужыцкай праўды» был не Калиновский; где точное место издания этой газеты — Белосток, Варшава или

Гродно; каким было материальное положение родителей К. Калиновского; упоминание имени революционера в стихотворениях и в публицистических статьях и тому подобное. Между тем это 7 докладов из 13 – более половины.

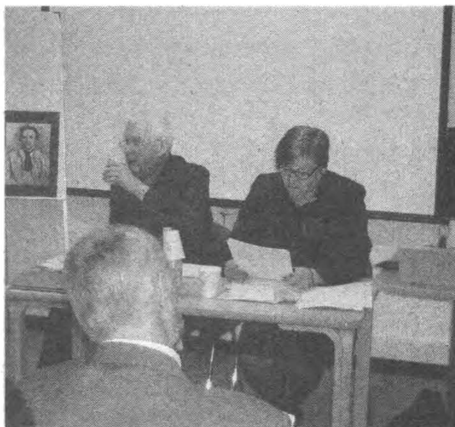
Выражаясь аллегорически, можно сказать, что конференция четко показала: профессиональных историков академического толка интересуют «отдельные деревья в лесу», они в упор не видят самого «леса» (общей картины). Историков-популяризаторов, социологов и политологов интересует «лес в целом» (общая картина событий), тогда как детали («исторические мелочи», отдельные «деревья») не привлекают внимания.

Соответственно, эти две группы историков относятся друг к другу с нескрываемой иронией.

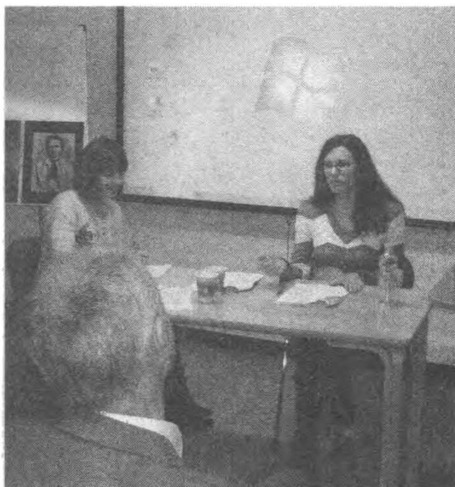
Первые (условно говоря – «искатели фактов») обвиняют вторых в компилятивности, многочисленных ошибках фактографического характера, в склонности к построению недостаточно необоснованных и даже «антинаучных» (по мнению обвинителей) теорий.

Вторые (условно – «рассказчики истории») посмеиваются над первыми за их слепое доверие текстам источников, за неспособность к критическому сопоставлению текстов, имеющихся в историографии, с данными археологии, исторического моделирования, исторической психологии, генетики, экологии и других научных дисциплин. А если шире – «не уважают» за отсутствие критического подхода к концепциям, созданным в прошлые эпохи.

Наибольшее раздражение у «искателей фактов» вызывают попытки создания героико-патриотического исторического мифа о прошлом Беларуси. А «рассказчики истории», в свою очередь, недовольны абсолютной неспособностью «искателей-копателей» (чрезвычайно гордых

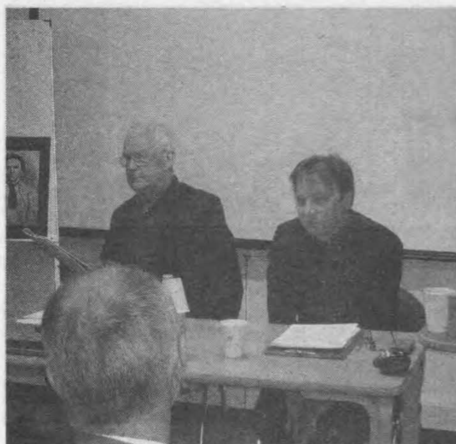


Выступает Д. Михалюк

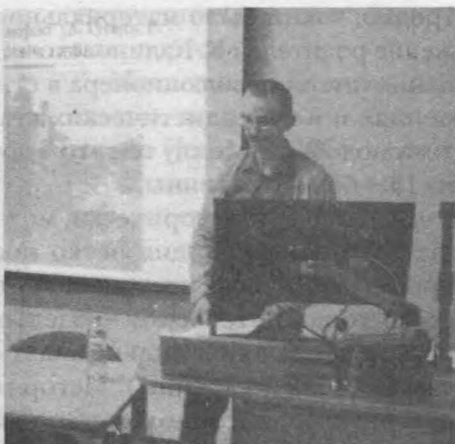


Выступает А. Веселуха

Выступает И. Дубенецкая



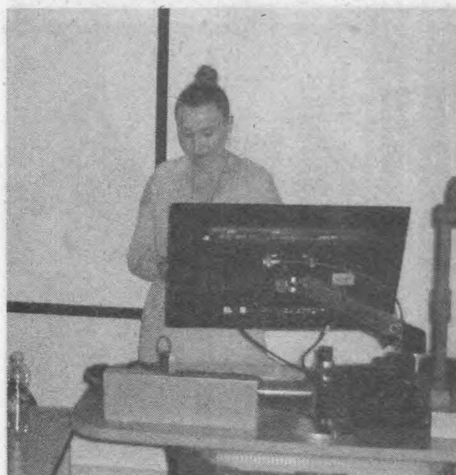
Выступает А. Смоленчук



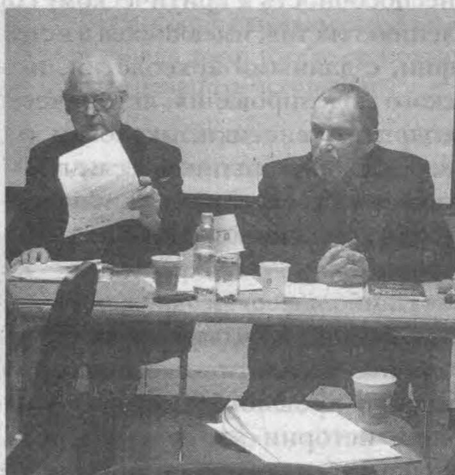
Выступает А. Внучек

Выступает В. Иванов

Выступает Д. Сталюнас



Выступает К. Янушкевич



Выступает А. Тарас

Участники и гости конференции: фото на память

Фуршет в Лондонском университете

своим научным подходом) к реализации идеологически значимого анализа событий прошлого вместо детального их описания.

Выступает Я. Кривой

Конференция показала, что достижение консенсуса между двумя указанными группами вряд ли возможно. Однако преимущество — в смысле степени востребованности обществом и признания — несомненно находится на стороне «рассказчиков» (популяризаторов).

В этой связи приходит на ум высказывание французского писателя, драматурга и режиссёра Жана Кокто (Jean Cocteau; 1889–1963):

> «История — это правда, которая становится ложью. Миф — это ложь, который становится правдой»!

В современной Беларуси создана национально-патриотическая концепция отечественной истории. Речь идет о концепции исторического образования в средней и высшей школе, разработанной группой профессиональных историков под руководством доктора исторических наук Михаила Бича. Она была опубликована еще в ноябре 1991 г. Теперь на повестке дня стоит ее детализация, раскрытие общих положений и тезисов с помощью сообщений письменных источников, археологических данных, материалов краеведов, исследований генетиков, исторического моделирования. Иными словами, путем комплексных исследований.

Майская конференция, посвященная 500-летию битвы под Оршей

Анатоль Тарас

Конференция состоялась 31 мая в Минске, в помещении Управы БНФ (улица Чернышевского, 3). Организовал конференцию комитет БНФ «Великая Литва» (председатель – художник Николай Купава).

После вступительного слова Н. Купавы выступили с докладами 6 человек: Леонид Акалович, Юрий Коптик, Виктор Ляхор, Валдас Ракутис, Николай Купава, Анатоль Тарас. Доклад Михаила Кошелева был зачитан.

К сожалению, еще пять докладчиков не появились. Это доктора исторических наук Анатоль Грицкевич, Леонид Лыч, Юрий Бохан, Алесь Кравцевич, Анатоль Титов.

Л. Акалович «Род князей Острожских, его роль и значение в Великом Княжестве Литовском»

Автор сосредоточил свое внимание на биографиях двух представителей этого рода – Константина Ивановича (1460–1530) и Константина Василя (1527–1608), отца и сына. Он рассказал, что если отец прославился в первую очередь своими победами над татарами и московитами в ряде войн, то сын вошел в историю как деятель просвещения (основал типографию в Остроге) и православной церкви.

Ю. Коптик «Проблемы изучения битвы под Оршей»

Автор – краевед из Орши, изучает эти проблемы уже 20 лет. Главная мысль его доклада такова: с подачи польских историков XIX века в отечественной историографии принята неверная локализация места сражения. Оно действительно состоялось возле Днепра и его притока Крапивны, но не на левом берегу Крапивны, а на правом. Свой тезис автор обосновал серией карт (особо выделив карту, опубликованную в 1878 г. князем Н.С. Голицыным), археологическими находками, а также местными преданиями.

От истинного места сражения значительно ближе до Дубровны (3 – 4 км), чем до Орши (12 – 14 км), поэтому правильно было бы назвать битву «Дубровенской», а не «Оршанской».

В. Ракутис «Новые веяния в военном искусстве Европы конца XV – начала XVI вв.»

В своем докладе профессор Военной академии Летувы рассмотрел новые тенденции в военном деле, инициаторами которых явились специалисты ряда стран Западной Европы (Италии, Франции, Швейцарии, Германии). Среди них он выделил следующие: превращение наемников в самую боеспособную часть армии, новые принципы боевого построения пехоты, усиление значения легкой кавалерии, широкое применение огнестрельного оружия в полевом сражении

(пушек на колесных лафетах и аркебуз – ружей с фитильными замками), маневр войсками на поле боя, организация взаимодействия между родами войск.

Профессор Ракутис отметил, что все эти особенности были присущи литовско-польскому войску. Именно они обеспечили его качественное преимущество над войском Москвы.

В. Ляхор «Военные флаги и убранство воинов-литвинов во время Оршанской битвы»

Докладчик детально рассмотрел символику, которую использовали наши предки во время Оршанской битвы. В частности, он обратил внимание участников конференции на широкое использование красно-белых полос на флагах воинских подразделений Великого Княжества Литовского.

Н. Купава «Историко-культурологический анализ картины еизвестного художника начала XVI века «Битва под Оршей»

Автор изучал оригинал картины, хранящийся в настоящее время в Варшаве, а также исследования ее искусствоведами и техническими специалистами. Его выводы таковы.

Картина была нарисована не позже 1530 года. Автор, вполне возможно, принадлежал к школе знаменитого немецкого художника Луки Кранаха (1472–1553). В пользу такого предположения свидетельствуют технические приемы живописи, характерные именно для этой школы.

Заказчик картины – наивысший гетман ВКЛ Константин Острожский. Самое убедительное доказательство этой мысли тот факт, что на картине (последовательно показывающей основные этапы сражения) гетман изображен 4 раза – чаще, чем любой другой персонаж.

Не менее 100 лет она находилась в одном из дворцов князей Острожских – либо в Вильне, либо в Остроге, и только потом оказалась в одном из польских монастырей. Там ее обрезали на несколько сантиметров с трех сторон (слева, сверху и справа) для того, чтобы поместить в стенной нише.

События сражения художник передал с фотографической точностью. Следовательно, он видел битву своими собственными глазами. Кстати говоря, он и самого себя изобразил на картине.

А. Тарас «Значение победы под Оршей для ВКЛ и Европы»

Тактическое значение Оршанской победы заключается в том, что войска агрессора понесли весьма значительные потери и вследствие этого до конца войны больше не имели необходимого количества дворянской конницы для проведения еще одного генерального сражения.

А в стратегическом плане эта победа, во второй раз после Грюнвальда, показала всем соседям военную мощь объединенных сил ВКЛ и Польского королевства. В результате монархия Священной Римской империи (Габсбурги) заключила политическое соглашение с монархией Польши и ВКЛ (Ягеллонами). Это, в свою очередь, устранило опасность ликвидации ВКЛ путем раздела его между Московией, Тевтонским и Ливонским орденскими государствами.

Сентябрьская конференция в честь 500-летия Оршанской победы

Марат Горевой

(газета «Новы час» от 7 сентября. Перевод А.Е. Тараса)

Победа в Оршанской битве 8 сентября 1514 года разрушила планы великого князя московского Василия III и немецкого императора Максимилиана I по геополитическому разделу Восточной Европы, заявил 6 сентября в Минске профессор Анатоль Тарас на научно-практической конференции, посвященной 500-летию победы под Оршей.

По его словам, эта победа не только засвидетельствовала, как надо защищать Отечество от иноземного нашествия, но и помогла развалить коалицию Священной Римской империи германской нации, Тевтонского ордена и Великого Княжества Московского, которые хотели уничтожить независимость Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского, чтобы разделить его между Московским государством и Тевтонским орденом.

Средь тех интересных находок, которые помогли командующему союзным войском ВКЛ и Польской короны, наивысшему гетману Литовскому, князю Константину Острожскому победить московское войско под Оршей, А. Тарас назвал дезинформацию противника, наведение первых в европейской воинской истории наплавных мостов на бочках, позволивших провести тайную и быструю ночную переправу через Днепр, продуманную расстановку воинских подразделений, а также систематическое маневрирование ими, первое в восточноевропейской истории применение на поле боя артиллерии и пехоты с ручным огнестрельным оружием, военную хитрость – огневую засаду в роще из 10 пушек и 200 стрелков с аркебузами, психологический фактор – эмоциональное выступление князя Константина перед битвой.

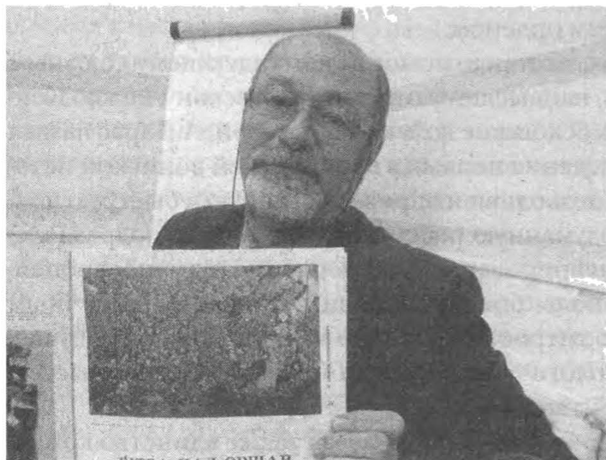
Среди причин победы наших предков А. Тарас назвал также единство командования, сосредоточенного в руках опытного воина, каким был князь Константин Астрожский, слаженное взаимодействие пехоты, конницы и артиллерии, надлежащую роль разведки.

Кстати, к юбилею знаменитой битвы А. Тарас выпустил 160-страничную хорошо иллюстрированную книгу «Орша, 8 сентября 1514 года» (серия «Неизвестная история»), напечатанную минским издательствам «Харвест» тиражом 3 тысячи экземпляров.

Известный беларуский историк Олег Трусов отметил, что за годы независимости Беларуси про Оршанскую битву узнали все течения беларуского общества, независимо от их политических взглядов. При этом, представители разных течений общества, соответственно, дают битве под Оршей свою оценку.

Историк обратил внимание на то, что в восьмом номере журнала «Мастацтва Беларуси» за 1990 год вместе с доктором исторических наук, профессором Анатолем Грицкевичем они впервые представили беларускому читателю репродукцию картины неизвестного художника «Битва под Оршей» размером 162 х 232

Выступает Анатоль Тарас



Олег Трусов показывает репродукцию картины «Битва под Оршей» в журнале «Мастацтва»

см., написанную маслом на досках.

Немецкие и польские исследователи приписывают авторство картины ученику немецкого живописца Лукаса Кранаха Старшего, некоторые называют авторам немецкого художника Ханса Крела. А вот беларуский художник Николай Купава убедительно доказывает, что автор картины – из Беларуси и написал ее по заказу князя Константина Острожского. Надо иметь в виду, что автор был свидетелем битвы, так как многие детали художник мог изобразить только в том случае, если видел сражение собственными глазами.

Картина, которую надо рассматривать фрагментами справа налево и сверху вниз, находится в Национальном музее в Варшаве и датируется примерно 1520–1530 годами. Однако произведение потеряло пятую часть своей площади из-за того, что было обрезано сверху, а также с левой и правой сторон.

Трусов отметил, что на этой картине впервые в истории изобразительного искусства представлен вид Оршанского замка, что как раз и свидетельствует о городе, в районе которого происходила историческая баталия.

Вместе с тем, оршанский краевед Юрий Коптик высказал сомнение в том, что битва состоялась на левом берегу реки Крапивны. В качестве аргументов он привел следующее:

– правый берег Крапивны более пригоден для битвы, чем левый с его сложным рельефом, изрезанным глубокими оврагами и крутыми склонами;

– об этом также свидетельствуют глухие предания, сохранившиеся в памяти местных жителей;

– специальных археологических исследований поля битвы никто не проводил, а все случайные реликвии, относящиеся к этому славному историческому

событию, обнаружены на правом берегу Крапивны и находятся в школьных музеях этого региона Витебщины.

Кстати, на всех российских картах этой битвы, начиная с первой, опубликованной в 1878 году Николаем Голицыным, место сражения показано на правом берегу Крапивны.

Рабочий момент конференции

По мнению докторанта культурологии Ирины Шумской, торжественное празднование 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков резко контрастирует с полным отсутствием интереса к 500-летию битвы под Оршей со стороны официальных структур.

Выступает Ирина Шумская

«Оно и понятно: значение Оршанской битвы намеренно преуменьшается, чтобы весь пропагандистский пыл направить на победу во Второй мировой войне и дальнейшему построению государственности под «чутким руководством» со стороны «старшего брата». Тем более, что 500-летие битвы под Оршей весьма «неудобно» для исторического имиджа восточного соседа, который привык из каждой щели кричать о своих великих победах и одновременно «забывать» о не менее великих поражениях.

В этом прослеживается открытый и достаточно серьёзный вызов для нас — беларусов. Ибо пока мы будем с мазохистской радостью продолжать эксплуатировать образ необыкновенно терпимого народа, который выжил в множестве войн, перенес много горя и страданий, жить по-настоящему, с достоинством, свободно и в полную силу наша страна будет разве что в популярном и, что тоже показательно, фактически запрещенном сегодня лозунге: «Да здравствует Беларусь!» — подчеркнула Ирина Шумская.

ДЕДЫ
ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 14
Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 07.10.2014.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 1500 экз. Заказ 2858.

Ответственный за выпуск *А. Е. Тарас*

ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

ISBN 985-985-18-3555-9
9 789851 835559